ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ ЗА РУБЕЖОМ

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

ВАСИЛ ВИЧЕВ

МОРАЛЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХИКА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
ЗА РУБЕЖОМ

ФИЛОСОФИЯ

ВАСИЛ ВИЧЕВ

МОРАЛ И СОЦИАЛНА ПСИХИКА

НАУКА И ИЗКУСТВО
1974

ВАСИЛ ВИЧЕВ

МОРАЛЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХИКА

Общая редакция
и послесловие к русскому изданию
доктора психологических наук, проф.
Ю. А. ШЕРКОВИНА

Перевод с болгарского
Р. Е. МЕЛЬЦЕРА

«ПРОГРЕСС»
1978

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Монография видного болгарского философа Васила Вичева посвящена исследованию взаимодействия между моралью и социальной психикой как в системе общественного сознания, так и в мотивации человеческого поведения.

Автор убедительно доказывает, что научный анализ моральных и социальных психических явлений, поведения, стремлений и настроений различных групп и слоев населения — необходимое условие реальной оценки событий, научного их прогнозирования и управления.

Изучение сущности и специфических общественных функций морали и социальной психики имеет не только актуальное теоретико-методологическое, но и важное практико-педагогическое значение для повышения эффективности воспитательной работы, для формирования высокой социалистической сознательности трудящихся.

Редакция литературы по философии

В $\frac{10507-109}{006(01)-78}$ 20—78

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выход в свет «Морали и социальной психики» на русском языке вызывает у автора глубокое удовлетворение, так как при исследовании взаимодействия морали и социальной психики в системе общественного сознания, в мотивации и регуляции человеческого поведения он широко использовал достижения советской философии, этики и психологии за последние 10—15 лет. И то обстоятельство, что результаты научных поисков автора становятся достоянием советского читателя, отличающегося высокой философско-социологической культурой, естественно, порождают и волнение, и уверенность в том, что критические замечания и предложения советских читателей окажут новую, существенную помощь в дальнейшей научной разработке автором этих проблем.

В современных условиях комплексный подход к воспитанию нового человека — единственно правильный путь решительного повышения эффективности идеологической деятельности, улучшения организации и оптимализации всех звеньев воспитательного процесса. Успешное решение этой задачи требует все более полного исследования нравственных и социально-психических механизмов формирования личности, формирования в гармоничном единстве ее общественно-политических, трудовых и нравственных качеств.

Особое значение в свете решений XXV съезда КПСС и XI съезда БКП приобретает нравственное воспитание как составная часть коммунистического воспитания трудящихся. «Ничто не возвышает так личность, — подчеркивает Л. И. Брежнев, — как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слов и дел становится повседневной нормой поведения. Выработать такую позицию — задача нравственного воспитания».

«Мораль и социальная психика» выходит в свет на русском языке спустя четыре года после болгарского издания. За это время автор внес значительные изменения, уточнения и дополнения во многие рассматриваемые вопросы, которые, к сожалению, не отражены в русском издании. Эти уточнения и дополнения затрагивают проблемы предмета социальной психологии как науки, этических и социально-психологических аспектов общения, лидерства и нравственно-воспитательных функций группового сознания и другие[1].

За последние годы на методологической основе марксистско-ленинской философии исследованы многие важные вопросы о содержании и специфике общественной психики, о ее месте в системе общественного сознания, о структуре и функциональных особенностях

---

[1] См. подробнее: В. Вичев. Колективизъм и индивидуалност. С., 1976; «Против социологизирането и психологизирането на социалната психология», «Философска мисъл», № 1, 1976; «Лидерството като социално-психическо явление», «Социологически проблеми», № 5, 1976; «Общуването като социологически проблем», «Социологически проблеми», № 1, 1977; «За спецификата на нравствените отношения», «Философска мисъл», № 2, 1977 и др.

социально-психических явлений. Но если вопрос о существовании таких психических явлений и процессов, которые присущи только социальной группе и человеку, когда он находится в общении с ней, почти не вызывает разногласий, то по вопросу о специфическом предмете социальной психологии как науки, то есть о теоретическом аспекте, о методологической точке зрения, с которой необходимо исследовать изучаемый объект, нет единого мнения как в советской, так и в болгарской литературе.

Мы исходим из того, что социальная психология является самостоятельной общественной наукой, которая изучает определенную совокупность явлений, обладающих специфичными закономерностями, на основе которых она создает и использует свои методы и понятийный аппарат.

Феноменологическая основа социальной психологии — групповое сознание. Социальная психология не является ни областью или разделом психологии личности, ни наукой только о социальной обусловленности индивидуальной психики, так как принцип конкретно-исторической детерминации человеческого сознания и поведения одинаково обязателен для всякого научного исследования. Вообще социальная психология и психология личности не могут разграничиваться на основе различной степени изучения социальной обусловленности психики (по этому признаку различается научное и ненаучное исследование сознания, ибо без раскрытия социальной обусловленности сознания его нельзя было бы правильно объяснить).

Принципиальный вопрос при определении предмета социальной психологии — вопрос о той совокупности явлений, которые подчиняются специфичным закономерностям, а не проблема социальной обусловленности психики вообще. Необходимо преодолеть привычную категоризацию, которая все еще рассматривает два члена отношения — психическое (как предмет психологии личности) и социальное (как предмет социальной психологии). Когда речь идет о социальной обусловленности психики, всякое исследование в области и социологии, и психологии личности, и социальной психологии должно начинаться не с самой абстракции психического, а с реального, исторически обусловленного индивида, которому принадлежит психика.

Воздействие человека на человека — исходное социально-психическое явление, которое проистекает из активного характера общения. В отличие от социологии, которая исследует роль и место общения в структуре общественных отношений, в отличие от кибернетики, которая интересуется общением как информационной связью, социальная психология изучает формы коммуникативных взаимовлияний в процессе общения. Поскольку эти взаимоотношения предполагают непосредственное, межличностное общение, мы имеем основание называть последнее, хотя и условно, социально-психическим общением.

Взаимовлияние в процессе общения подчинено определенной интерсубъективной целесообразности, то есть объективным потребностям общества, его целям и идеалам. Нормативный аспект общения можно рассматривать как конкретизацию законов и принципов общественного развития, обеспечивающую целесообразность, оптимальность, однотипность и стабильность поведения. Нормативность коммуникативных действий — отличительный признак общества. Она

пронизывает все сферы общения — от использования знаковых средств (нормы речи, жесты, мимика) до самых сложных нравственных и политических форм взаимоотношения. Этика интересуется регулятивными действиями нравственных норм в процессе общения. Если правовые, административные и другие нормативы общения предписывают свои требования, не принимая во внимание субъективное отношение личности к ним, мораль предполагает добровольное и сознательное принятие нравственных требований, осознание их необходимости для других и для самой личности.

Если социальная психология изучает воздействие социально-психологических факторов на поведение (общественное мнение, подражание, внушение и пр.), этика интересуется императивно-оценочной (нормативной) стороной общения и компонентами индивидуального морального сознания. Однако этическое познание исследует эти компоненты как носители специфичного содержания, а не как индивидуально-психологические формы. Для него важны нравственные показатели человеческого поведения.

Рассмотрение общения и его продукта — группового сознания как основного предмета социально-психологического исследования имеет важное значение для правильного решения ряда вопросов о месте социально-психологической теории в системе наук, об ее отношении к социологии, психологии личности, психофизиологии и т. д. По нашему мнению, неправильно объяснять индивидуальную психику как предмет общей психологии только через особенности индивидуального бытия, а ее зависимость от исторических и социально-классовых факторов предоставлять только социальной психологии. Из положения о социально-исторической природе человеческой психики обычно делаются два ошибочных вывода. С одной стороны, считают, что это достаточный аргумент для умаления социальной психологии как самостоятельной науки, для ее рассмотрения как дисциплины «второго порядка», которая только дополняет общую психологию личности, и, с другой стороны, многие авторы считают, что этот факт усиливает вероятность того, что социальная психология в своем дальнейшем развитии действительно окажется еще более фундаментальной наукой, еще «более общей», чем сама «общая психология».

Как для общей, так и для социальной психологии единственной более общей наукой является марксистско-ленинская философия сознания, и внутренне-научное «соревнование» между этими двумя частными общественными науками, на наш взгляд, идет не по вопросу о том, какая из них является более «социальной» и «более общей», а по линии дальнейшей дифференциации их специфичного предмета исследования, по линии дальнейшего развития и обогащения их понятийного и категориального аппарата на фундаментальной основе диалектического и исторического материализма.

Доктор философских наук *Васил Вичев*

13. 8. 1977
София

ПОСТАНОВКА И ЗНАЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

В последние годы в научно-исследовательской деятельности весьма часто употребляется слово «проблема». Современный читатель, может быть, привык чувствовать себя спокойно среди проблем, поэтому все больше требуется предварительное обоснование ситуации, которая действительно проблематична в научном отношении.

Существует не только этимологическая, но и фундаментальная связь между термином «проблема» и греческим словом «problēma», которое означает «реальное препятствие». Древние греки употребляли еще более конкретный термин «aporiä», то есть отсутствие ответа, выхода. Действительно, под научной проблемой понимается такой вопрос, ответ на который не содержится в имеющихся знаниях. Однако он не исчерпывается лишь одним-единственным вопросом, а включает целую систему иерархически связанных вопросов (основных и вспомогательных), которые нужны для ответа на основной вопрос.

В гносеологическом аспекте научная проблема — это особая разновидность знания. Проблема означает наличие знания о незнании[1]. Если мы уверены, что не знаем что-то об объекте, например причин некоторых его проявлений или способов его связи с другими элементами, значит, уже существует проблемная ситуация.

Имеются ли подлинно реальные, не преодоленные еще «препятствия» в современном научном исследовании морали и социальной психики[2] как духовных явлений? Найден ли правильный подход к объяснению их слож-

---

[1] См.: Е. С. Жариков. О действиях, составляющих постановку научной проблемы. — «Философские науки», 1973, № 1, с. 114.

[2] В имеющейся социологической и социально-психологической литературе термины «социальная психика», «общественная психология» и «социальная психология» очень часто употребляются однозначно. Последние два термина используются как для наименования науки «социальная психология», так и для обозначения ее феноменологических основ. Согласно некоторым авторам (см.: Г. С. Аноприева. Социальная психика или общественная психология? — «Философские науки», 1973, № 1, с. 170), понятие «социальная психика» выражает не столько различие коллективной психологии и индивидуальной, сколько подчеркивает детерминированность психических явлений (индивидуальных и коллективных) объективными условиями. Мы полагаем, что понятие «социальная психика» следует

ного взаимодействия в регуляции человеческого поведения? Какое место занимает социальная психика в структуре морального сознания и моральных отношений? Что такое, в сущности, социальная психика? Каждый, кто попытается найти единодушный ответ на эти вопросы в имеющейся литературе по этике и социальной психологии, неизбежно столкнется не столько с разнообразием ответов, сколько вообще с отсутствием решения вопросов, затрагивающих взаимодействие морали и социальной психики.

Обычно, когда говорят о морали как форме общественного сознания, ее сопоставляют с политикой, правом, наукой, искусством. Особенно плодотворна традиция исследования связей и соотношения между правовым и моральным регулированием[3]. Интересно, однако, что если феноменологические основы этики и социальной психологии, то есть изучаемых обеими науками духовных явлений — морали и социальной психики, — неразрывно связаны в процессе общения между людьми, то это взаимодействие почти не было предметом углубленного научного анализа в литературе по этике и социальной психологии. Попытки в этом отношении ограничиваются рассмотрением нравственной психики как совокупности повседневных представлений, взглядов и чувств, образующих низший, «доидеологический» этаж морального сознания.

При анализе психологических аспектов нравственного сознания и поведения все еще занимаются исключительно принципами и категориями общей психологии. Однако индивидуально-психологическая интерпретация нравственных отношений не в состоянии объяснить до конца особенности морального регулирования. Мораль и социальная психика — это часть общей, многофункцио-

---

употреблять не как синоним социальной обусловленности психики вообще, а для характеристики природы и функций тех духовных явлений, которые являются объектом науки «социальная психология». В этом смысле уже давно принято разграничение между «моралью» и «этикой». При таком подходе социальная психология как теория и метод не идентична социальной психике.

[3] См., например: Л. И. Алексеев. Единство правовых и моральных норм в социалистическом обществе, М., 1968; Е. А. Якуба. Право и нравственность как регуляторы общественных отношений при социализме, Харьков, 1970; Я. З. Хайкин. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. М., 1972, и др.

нальной управляющей системы поведения (общественного сознания в целом), в которой выполняются специфические информационные, нормативно-оценочные и эмоционально-побудительные функции.

Неразрывная связь между моралью и социальной психикой в системе общественного сознания не исключает, а, наоборот, еще сильнее диктует необходимость их «раздельного» исследования этикой и социальной психологией. Для специальных (частных) наук об обществе характерно выделение из всей суммы общественных отношений их определенных сторон и изучение их в относительной изоляции от других сторон общества, которые в данной связи оказываются либо несущественными, либо принимаются только в том аспекте, в котором они имеют значение для изучаемой отдельной стороны общественных явлений [4]. Акцентирование на специфических особенностях морали и социальной психики — это важная теоретико-методологическая предпосылка лучшего осознания их роли и места в общем регулятивном комплексе человеческого поведения.

Возникновение норм и должного способа поведения в обществе, а также их реализация в конкретной жизнедеятельности происходит в нераздельном единстве с социальной психикой. Однако при этом взаимодействии мораль выполняет особую, присущую только ей ценностно-ориентирующую роль по отношению к поведению, а различные социально-психические явления и закономерности усиливают или ослабляют императивность морального сознания. В то же время аналогичные или сходные социально-психические функции могут «перерабатываться» по-разному под воздействием морали и в зависимости от этого получать различную направленность. Нравственные понятия, нормы и оценки проникают в массовое или групповое сознание, становятся факторами в структуре и динамике социально-психических явлений и процессов.

Относительная самостоятельность морального сознания и моральных отношений ни в коем случае не означает оторванности, а еще в меньшей степени — независисимости от особенностей социальной психики. Более того, «принудительность» нравственных требований не имеет

---

[4] См.: История и социология, М., 1964, с. 110—111.

ной внешней «опоры», чем общественное мнение, коллективное одобрение или неодобрение и т. п. Религия, например, санкционирует свои нормы через авторитет бога, который является высшей силой по отношению к человеку. Право тоже реализует свои предписания независимо от личных желаний и воли человека, опираясь на силу закона. Для морального регулирования исключительно важную роль играют авторитет социальной группы, личный пример того или иного ее члена, эталоны поведения, которые длительно функционируют в данной среде, и т. п.

Верно, что высшие формы нравственного поведения мотивируются не просто требованиями общественного мнения, а совестью и убеждениями. На первый взгляд кажется даже, что совесть не зависит от внешних побуждений, что она «эмансипирована» от социально-психических воздействий. Но еще Л. Фейербах обратил внимание на то обстоятельство, что «голос моей совести не самостоятельный голос, это не голос, раздающийся из голубого эфира неба или чудесным путем самозарождения (generatio spontanea) возникающий из самого себя; он лишь эхо болезненного крика человека, ущербленного мной, и обвинительного приговора человека, который, обижая другого, обижает самого себя»[5]. Как эмоционально-оценочное отношение к собственным поступкам совесть возникает в процессе социально-психического общения, на основе оценки других, а затем сама начинает влиять на оценочное отношение.

Непонимание диалектического взаимодействия между моралью и социальной психикой ведет, с одной стороны, к сведению последней только к чувственной или подсознательной сфере сознания, которая не терпит влияния «извне», а с другой — серьезно затрудняет объяснение генезиса и регулятивных функций морали. В действительности, всякая моральная система, чтобы «работать» нормально в конкретных общественных условиях, нуждается в особых социально-психических механизмах, обеспечивающих влияние ее норм и оценок на индивидуальное поведение и их массовую поддержку. В связи с этим особое значение приобретают вопросы о роли морали и социальной психики как мотивационных факторов

---

[5] Л. Фейербах. Избр. философ. произв., т. I, М., 1955, с. 630.

поведения, о специфических особенностях группового сознания и механизмах его воздействия, о нравственных эмоциях, чувствах и настроениях в процессе общения и т. п.

Без изучения природы и функций социально-психических феноменов нельзя понять, почему общественное мнение оказывает столь глубокое влияние на поведение, в чем кроется сила коллективных санкций, почему человек особенно озабочен похвалами и порицаниями, одобрением и неодобрением других и т. д. Однако оказывается, что научный ответ на вопросы о взаимодействии морали и социальной психики, хотя он и выглядит «легким» с точки зрения интуитивно-житейского опыта, предполагает соответствующую зрелость наук, изучающих эти общественные явления. И это не случайно. Научное определение предмета каждой науки не является и не может быть исходным пунктом ее действительно исторического развития. Оно, как правильно подчеркивает Т. И. Ойзерман, становится возможным на сравнительно высокой ступени развития науки, являясь как бы выводом, обобщением пройденного пути и достигнутых результатов [6].

В то время как этика и общая психология уже прочно завоевали «место под солнцем» и давно стремятся к заполнению «белых пятен» на своей пограничной линии, социальная психология все еще находится в периоде дискуссий о том, является ли она самостоятельной наукой наряду с этикой или общей психологией, или она есть только область научных исследований, касающихся предмета и структуры социально-психологической теории, и т. п. В буржуазной социологической литературе она до сих пор рассматривается как гибридная дисциплина [7]. До последнего времени и среди марксистов бытовал взгляд, что социальная психология — это вообще не психология, а только отрасль исторического материализма (по мнению других — социологии), изучающая обыденное сознание и общественное мнение.

Сам термин «социальная психология» долгие годы был предметом ожесточенных «семейных споров» между общей психологией и психологией личности. Например, в начальный период развития советской психологической

---

[6] Т. И. Ойзерман. Проблемы историко-философской науки, М., 1969, с. 229

[7] См.: Американская социология. Перспективы, проблемы, методы, М., 1972, с. 54.

науки вопрос об общественно-исторической детерминации психики полностью сливался с проблемами социальной психологии. Она рассматривалась как наука о конкретно исторической и классовой обусловленности психики в противоположность традиционной общей психологии, изучающей человека как индивида. П. П. Блонский, К. Н. Корнилов и другие психологи отстаивали точку зрения, что только на основе социальных факторов можно понять индивидуальную психику, являющуюся предметом эмпирической психологии.

«Научная психология, — пишет П. П. Блонский, — есть та психология, которая раньше называлась социальной психологией и в качестве таковой влачила самое жалкое существование. Мы же должны поступать наоборот: исходить именно из социальной психологии и от нее идти к психологии того или иного индивидуума»[8].

В марксистской общей психологии безоговорочно господствует научный принцип, что сознание человека обусловлено общественным бытием, что оно является общественным продуктом, что психические качества и способности людей — результат предметно-практической деятельности, что их усвоение — необходимое условие дальнейшего развития психики, что все развитие человеческой психики опосредовано особенностями деятельности и т. п. Отсюда вопрос о научном статусе социальной психологии приобрел новый смысл. Раз вся психика детерминирована общественно-историческими условиями, то можно ли изымать «социальное» из тех наук, которые изучают психику личности? Если верно, что нет такой человеческой психики, которая не была бы социальной, то отсюда следует, что человеческая психика едина по своей сущности и что не нужны две науки для ее изучения. Поскольку человеческий опыт есть социальный опыт, заявляет прогрессивный американский психолог Джозеф Б. Фурст, то ясно, что не может быть человеческой психики, которая одновременно не была бы социальной психикой. «Специальный учебник по «социальной» психологии, особая область «социальной» психологии — это абсурд, неправильное употребление терминов. Человеческая психика или социальна, или она вообще не есть психика»[9].

---

[8] П. П. Блонский. Очерк научной психологии, М., 1921, с. 12.

[9] Дж. Б. Фурст. Невротик — его среда и внутренний мир, М., 1957, с. 61—62.

Не останавливаясь пока на сущности вопроса, ограничимся только его терминологической стороной, поскольку это нам необходимо для правильной постановки интересующего нас вопроса. Социальная психология не является ни биологией, ни историей, ни социологией, несмотря на то что с последней она самым тесным образом связана. В историческом плане термин «социальная, или общественная, психология» (ее первоначальное название, данное Лацарусом и Штейнталем в 1858 году, было «народная психология») вовсе не возникает из стремления обосновать материалистический детерминизм психической деятельности конкретными общественно-историческими условиями, несмотря на то что анализ этих условий все больше и больше занимает представителей новой науки. До середины прошлого века психология была полностью и исключительно наукой о психологии индивида. Новое направление в психологической науке поставило задачу раскрытия природы «коллективной души», «народного духа», так как психология до этого стремилась к познанию индивидуального духа.

Термин «социальная психология», по существу, утверждается как обобщающее наименование всех попыток исследовать особенности и специфику коллективного сознания, открыть те законы человеческого духа, которые действуют там, где совместно живут и действуют много людей. И теперь термин «социальная (общественная) психология», понимаемый в узком смысле этого слова, означает название науки об особенностях психической деятельности людей в коллективе, в массовой человеческой среде в отличие от психических функций индивида в условиях относительной изолированности.

Когда говорят о взаимодействии морали и социальной психики как объекте научного исследования, нельзя забывать о том обстоятельстве, что эти две науки имеют различные «биографии», которые в бо́льшей степени объясняют нынешнее состояние проблемы. Этика имеет не только многовековую историю, но и прочные марксистские традиции как наука о сущности и закономерностях морали, ее нормах, принципах и понятиях [10], тогда как

---

[10] Только в Болгарии в последние годы вышел целый ряд ценных монографий в этой области, см. например: Ст. Ангелов. Марксистката етика като наука. Наука и изкуство, 1970; В. Момов. Морал и възпитание, Изд. на БКП, 1972; Л. Драмалиев.

социальная психология начала развиваться интенсивно лишь с конца XIX и начала XX века, причем долгое время — в рамках буржуазной социологии (Г. Тард, Г. Лебон, В. Мак-Дауголл, Э. Дюркгейм и др.), что сказалось на разработке понятийного аппарата этой науки и на классовой направленности ее эмпирических исследований.

При оценке этого периода развития социальной психологии надо четко разграничивать значение выдвигаемых ею проблем и способы решения ею этих проблем. Идеалистическое или абстрактно-метафизическое рассмотрение того или иного вопроса нельзя смешивать со значением этого вопроса для развития самой науки. Мы разделяем точку зрения немецких социальных психологов Г. Гибша и М. Форверга, что в качестве критериев при оценке проблем надо брать их значение «для разработки некоторых основных вопросов социальной психологии, независимо от того, правильно или нет решались поставленные вопросы» [11].

Известно, что вопросы о стоимости, классах и классовой борьбе поставлены в истории политической экономии задолго до возникновения марксизма, но что именно Маркс придал им новое научное содержание и новый смысл, превратив их в методологическое оружие анализа и изменений действительности. Марксистско-ленинская социальная психология не отрицает реальности и актуальности ряда проблем, поставленных в истории этой науки, а только разоблачает порочную философскую, идеологическую и методологическую основу их решения. Поэтому использование того или иного термина, встречающегося и в буржуазной социальной психологии, рассмотрение той или иной проблемы, которая уже была поставлена в истории этой науки, не следует толковать «как заимствование» идей буржуазной социальной психологии, так же как и обратный процесс проникновения многих марксистских терминов в немарксистскую социально-психологическую и социологическую литературу вряд ли можно рассматривать как процесс перехода на позиции марксистской философии. Сущность, следовательно, не в терминологическом аппарате, не в сходстве

Нравственост. Същност и специфика, Наука и изкуство, 1972; П. Данев. Морал и политика, Изд. на БКП, 1973, и др.

[11] Г. Гибш и М. Форверг. Введение в марксистскую социальную психологию, М., 1972, с. 15.

проблем, а в том, как социально-психические явления и процессы объясняются с позиций диалектико-материалистической философии, как они связываются с объективными процессами общественного развития, как и во имя каких нравственных целей используются классом или обществом в целом.

В последние годы на методологической основе марксистско-ленинской философии исследован ряд важных вопросов о содержании и специфике общественной психики, ее месте в системе общественного сознания, структуре и функциональных особенностях социально-психических явлений [12]. Все авторы признают существование таких психических явлений, которые присущи только социальной группе и человеку, когда он находится в общении с группой. Все больше утверждается понимание, что основной предмет социальной психологии как науки — изучение специфических особенностей психики социальных групп и коллективов, а также закономерностей образования и функционирования социально-психических явлений в процессе взаимодействия между личностями и их взаимного влияния друг на друга. Нет сомнения в том, что интенсивное развитие марксистской социальной психологии создает условия для все более точного и более полного определения ее предмета. «Периодическое возвращение той или иной науки к рассмотрению своего собственного предмета с целью его уточнения свидетельствует о ее быстром развитии» [13].

---

[12] См.: В. Н. Колбановский. Некоторые актуальные проблемы общественной психологии. — «Вопросы философии», 1963, № 12; Е. Р. Шорохова, Н. С. Мансуров. К. К. Платонов. Проблемы общественной психологии. — «Вопросы психологии», 1963, № 5; Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука, Л., 1965; Е. С. Кузьмин. Основы социальной психологии, ЛГУ, 1967; Проблемы общественной психологии, М., 1965; Б. Ф. Поршнев. Социальная психология и история, М., 1966; Р. Самсонов. Социальная психика и идеология, Ереван, 1970; К. К. Платонов. Что изучает общественная психология, М., 1971; Б. Д. Парыгин. Основы социально-психологической теории, М., 1971; Г. Гибш и М. Форверг. Введение в марксистскую социальную психологию, М., 1972; А. Г. Ковалев. Курс лекций по социальной психологии, М., 1972; М. Драганов. Социалната психология в България, Изд. БКП, 1971; Д. Гърдев. Структурен анализ на общественото съзнание, БАН, 1970; Т. Стойчев. Общественото битие и обществено съзнание, БАН, 1972, и др.

[13] И. С. Нарский. Еще раз о предмете и функциях философии марксизма. — «Философские науки», 1971, № 1, с. 84.

Однако в то время как вопрос о предмете социальной психологии, то есть о теоретическом аспекте, о специфической точке зрения, с которой надо исследовать изучаемый объект, почти можно считать общепринятым, по вопросу о сущности и характере самой социальной психики как духовного явления, о ее связи с другими формами общественного сознания нет единого мнения. Неудовлетворительно решен и ряд вопросов о месте социально-психологической теории в системе наук, об ее отношении к социологии, этнографии, психологии труда, психофизиологии, генетике поведения и т. д.

Для современного состояния социальной психологии характерно, что она все больше и больше расширяет свою «территорию», которая, как говорит Поль Фресс, еще почти не обработана. Обильный эмпирический материал, разнообразный по составу, по методам сбора и обработки, не нашел еще глубокого теоретического обобщения, а это затрудняет и разработку граничных проблем между этикой и социальной психологией. Разумеется, современного социального психолога нельзя сравнить, как это делал в начале нашего века Н. Ланге, с Приамом, стоящим на развалинах Трои. В наши дни, как удачно выразился видный советский ученый А. Н. Леонтьев, психолог скорее напоминает строителя, у которого имеется первоклассный строительный материал, более того, даже целые законченные блоки, но нет общего чертежа для строительства сложного архитектурного ансамбля [14].

Эти слова, сказанные по адресу общей психологии, относятся с еще большей силой к социальной психологии. Чтобы достичь своей зрелости, она должна прежде всего окончательно выработать свои «орудия», свой категориальный аппарат, посредством которого она будет производить специфическую научную информацию, не дублируя «продукцию» ни общей психологии, ни социологии, ни этики. Как частную общественную науку социальную психологию следует отличать не только от исторического материализма, который тоже изучает общие закономерности возникновения и функционирования общественного сознания, в том числе и социальной психики как духовного явления, но и от социологии, которая изу-

[14] См.: А. Н. Леонтьев. Понятие отражения и его значение для психологии. — «Вопросы философии», 1966, № 12, с. 48.

чает социальную структуру общества (межклассовые и внутриклассовые отношения, систему социальных институтов, регулирующих эти отношения), развитие и взаимодействие основных компонентов общественного организма.

Социальная психика, рассматриваемая как предмет особой науки — социальной психологии, — представляет собой сложную динамическую систему, включенную в более общую систему духовной жизни общества. Она детерминируется всей системой общественных отношений и в конечном счете — экономическими отношениями, постоянно взаимодействует с идеологией, моралью, искусством, наукой, всюду выступая как сплав рационального и эмоционального, сознательного и бессознательного и т. д. Именно эта разновидность элементов, эта подвижность и противоречивость структуры социальной психики требует от изучающей ее науки оперировать точным определением, воспроизводящим собственную сущность объекта, адекватными методами его изучения, формулировать такие понятия и законы, которые выражают главные, основные элементы изучаемого явления и динамику его развития.

Социальная психика — это не абстрактная, безличностная и надличностная «душа», а продукт конкретного социального взаимодействия личностей. Вот почему социальная психология, признавая своим предметом психологию социальных групп и коллективов, интересуется и основным механизмом, в результате которого формируется эта психология, то есть непосредственным общением и взаимодействием людей, взаимовлиянием человека на человека. По поводу методологической несостоятельности социально-психологических взглядов Н. К. Михайловского Ленин пишет: «Метафизик-психолог рассуждал о том, что такое душа? Нелепым тут был уже прием. Нельзя рассуждать о душе, не объяснив в частности психических процессов: прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную основу изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы»[15].

Важной задачей социальной психологии как науки

[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 141—142.

является исследование объективных и субъективных факторов формирования и функционирования общественной психики. А поскольку эти факторы характеризуют отдельные стороны взаимодействия между людьми как главного источника социальной психики, то уровень сознания, чувства и воля взаимодействующих лиц небезразличны для формирования массовидных явлений психики. Верно, что различные формы социальной психики имеют свои специфические особенности, которые отличают их от процессов, состояний и свойств личностей, изучаемых общей психологией. Но еще Энгельс обратил внимание на то обстоятельство, что отдельные воли, образуя при своем взаимодействии одну «общую равнодействующую», не превращаются в нули, а, напротив, каждая воля участвует в равнодействующей. Эта мысль позднее была поднята Лениным до уровня фундаментального методологического принципа, имеющего кардинальное значение при решении вопроса о предмете социологии и социальной психологии. «Социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных *личностей*, из действий которых и слагаются эти отношения»[16].

Действия реальных личностей, из которых складываются общественные отношения, интересуют не только общую и социальную психологию, но и многие другие науки. В настоящее время около двухсот научных дисциплин, относящихся к различным областям знания, сосредоточенно занимаются изучением различных характеристик человека. А поскольку эти характеристики реально взаимосвязаны, исследование человеческой личности осуществляется целым комплексом наук; между этими науками существуют междисциплинарные связи, состав которых изменяется в зависимости от того, какие стороны человеческой личности являются в данном случае объектом специального изучения.

Согласно Б. А. Ананьеву, в современных условиях, когда классификация наук о человеке становится в известном смысле «дублером» общей классификации наук, особое значение для психологии приобретает установление стойких теоретических и прикладных связей с дру-

---

[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 424.

гими общественными науками[17]. Благодаря этой развернутости и все большему расширению связей с другими науками психология достигает высокой эффективности своих исследований, обогащает свой предмет и увеличивает свой вклад в общее человековедение.

В связи с этим исследование специфических регулятивных функций морали и социальной психики имеет исключительное эвристическое значение для дальнейшей дифференциации двух наук — этики и социальной психологии — и для их участия в комплексных исследованиях человеческой личности. Качественное многообразие различных наук «не отрицает, а предполагает их диалектическое единство во всеобщем, диалектически протекающем процессе научного... познания (и изменения) общественной и природной действительности»[18].

Изучение сущности и специфических общественных функций морали и социальной психики имеет, однако, не только актуальное теоретико-методологическое, но и важное практическое значение для повышения эффективности воспитательной работы, для формирования высокой социалистической сознательности у трудящихся. Научный анализ нравственных и социально-психических явлений, поведения, стремлений и настроений различных групп населения является необходимым условием реальной оценки событий, их научного прогнозирования и управления ими. Самое важное в социальном управлении — управление людьми и общественными коллективами, а это предполагает постоянную «обратную связь» как с изменениями в экономической и политической сфере, так и с динамикой нравственных и социально-психических явлений.

Когда Энгельс говорит о познании законов природы как необходимом условии человеческой свободы, он имеет в виду не только законы «внешней природы», но и законы, управляющие телесным и духовным бытием самого человека: «Два класса законов, которые мы можем отделять один от другого самое большее в нашем пред-

---

[17] См.: Б. Ананьев. Человек как предмет познания, ЛГУ, 1969; и его же: Научные основы дифференцированного подхода к людям. — В: Научные основы политической работы в массах, Л., 1972.

[18] Т. Павлов. Основни въпроси на марксистко-ленинската естетика, София, 1958, с. 89.

ставлении, отнюдь не в действительности»[19]. Следовательно, прогресс общества и свобода личности зависят не только от степени господства людей над стихийными силами природы, над общественными отношениями, но и от господства над самими людьми. Поэтому, чтобы управлять ходом социальных процессов, недостаточно ознакомления с изменениями в сфере производства и экономических отношений, а необходимо детальное изучение психики социальных групп, общественных настроений и чувств.

Один из восторженных пионеров советской социальной психологии, Л. Войтоловский, отстаивая ее значение и роль для общественной деятельности, еще в первые годы после Октябрьской революции писал: «Кроме технического прогресса и непосредственного приспособления людей к внешней среде, необходимо еще различать приспособление человека к человеку. Понимание общественных связей во всей их полноте невозможно без изучения законов, по которым происходят колебания общественных и массовых настроений, смена и столкновение общественных чувств. И с этой точки зрения нельзя не согласиться с замечанием Гюйо, что «социальная психология будущего должна перерасти в науку, значительно более сложную, чем астрономия, потому что общественные чувства — это сложные феномены, которые можно сравнить с астрономическими явлениями»[20]. Развитие производительных сил, говорит Войтоловский, может прекрасно объяснить появление богатых и бедных, деление на голодных и сытых, может даже привести нас в конечном итоге и к источникам зависти, ненависти, возмущения восставшего класса и т. п. Но с того момента, когда злоба, ненависть, гнев начинают действовать, когда личности всей своей деятельностью, всеми своими убеждениями, чувствами и волей вторгаются в события жизни, когда история проникает в тайны клокочущих страстей, тогда право решающего голоса переходит от политической экономии к социальной и политической психологии.

Разумеется, «решающий голос» принадлежит социальной психологии не только во время «клокочущих страстей», а всегда, когда действуют люди, объединив-

---

[19] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 116.

[20] Л. Войтоловский. Очерки коллективной психологии, ч. 1, М. — Л., 1925, с. 16.

шиеся для решения тех или иных задач. Социальная психология еще больше необходима для управления повседневной практической деятельностью, в которой различные социально-психические процессы и явления обнаруживают свою коррелятивную, интегративную и побудительную роль без яркого внешнего проявления. В наши дни изучение социально-психических и нравственных явлений имеет огромное значение для коммунистического воспитания человека, для формирования у него высоких нравственных добродетелей. Оно помогает нам повышать эффективность воспитательного процесса.

Установка X съезда БКП о возрастающей роли непосредственной социальной среды в формировании личности требует еще глубже изучать механизмы ее социально-психического и нравственного воздействия. Если мы хотим сознательно, педагогически целесообразно использовать роль непосредственной социальной среды для коммунистического воспитания личности, то мы должны познавать закономерности не только индивидуально-психической деятельности, но и особенности группового сознания, групповой психики.

В прежних исследованиях роли и значения отдельных трудовых коллективов для формирования личности недостаточно раскрывались социально-психические факторы нравственного воспитания. Обычно коллектив изучается в социологическом плане, в его отношении к классу или обществу, но недостаточно анализируются нравственные и социально-психологические аспекты взаимоотношений между личностью и коллективом. Не раскрываются с необходимой полнотой механизм и динамика реальных внутриколлективных отношений как средство формирования соответствующих нравственных качеств. В связи с этим приобретает актуальное значение проблема усиливающейся или ослабляющейся функции групповой психики в утверждении нравственных моделей поведения.

Как указывает Программа БКП, основным звеном в коммунистическом воспитании личности является превращение марксистско-ленинских знаний в убеждения и мотивы поведения. Это превращение — трудный и сложный процесс, закономерности которого исследованы еще не полностью. Особого внимания заслуживает изучение мотивационной сферы личности, ее иерархической струк-

туры и ее связи с моралью и социальной психикой. Когда и как социальная психика создает «почву» для усвоения нравственных норм, как она включается в саморегуляцию поведения, как она «подталкивает» реальные отношения в коллективе в сторону нравственного «образца», как она вмешивается в борьбу человека с конкурирующими побуждениями (партикулярно-личностными или нравственно-значимыми), как она помогает человеку побеждать самого себя и т. п. — все эти вопросы имеют самое непосредственное теоретическое и воспитательно-прикладное значение для решения большой исторической задачи формирования нового человека.

В условиях развитого социалистического общества возрастает роль коммунистической морали как духовного регулятора человеческого поведения. В личностном плане это означает выработку таких нравственных потребностей у каждого человека, которые непосредственно побуждают его действовать в духе моральных норм и и идеалов. Ясно, что такое поведение не может строиться только на усвоении нравственных понятий этических знаний, ясно, что оно предполагает органическое включение моральных требований во внутреннюю мотивационную сферу личности.

Этические знания сами по себе, не воплощенные в реальные, социально значимые действия, не являются нравственной ценностью. Коммунистическое воспитание личности требует сочетания идейной убежденности и преданности с общественно-полезными делами, с практическими действиями по реализации моральных норм и идеалов. «Для уничтожения *идеи* частной собственности, — говорится в «Экономическо-философских рукописях» 1844 года, — вполне достаточно *идеи* коммунизма. Для уничтожения же частной собственности в реальной действительности требуется *действительное* коммунистическое действие»[21]. Чем больше социалистическое общество вступает в период своей зрелости, чем больше оно приближается к коммунизму, тем больше растет необходимость в действительных коммунистических действиях. Эти действия являются не механическим продуктом изменений общественных отношений, а необходимым условием их развития и совершенствования. Более того, ком-

[21] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, с. 606.

мунистические общественные отношения формируются и утверждаются в той же степени, в которой формируются и утверждаются действительные коммунистические действия личностей. Это требует наряду с исследованием усиливающейся социальной однородности общества, наряду с изучением социально-классовой структуры и общественных отношений все более интенсивного развертывания этических и социально-психологических исследований поведения личностей, из действий которых, по словам Ленина, формируются и общественные отношения. Их задача состоит не только в том, чтобы объяснить закономерности человеческого поведения, но и активно содействовать его изменению, его повышению до уровня действительно коммунистического действия. В этом смысле можно полностью согласиться с мнением известного французского марксиста Люсьена Сэва о значении психологии в строительстве коммунистического общества.

«Если истинно, — пишет Люсьен Сэв, — что *научная* психология в принципе является для человеческих индивидов теоретическим средством овладения их собственным психическим развитием, тогда психологическая наука является не только главным *инструментом* коммунизма как процесса всеобщего освобождения человека, *но и его составной частью*. Пойдем еще дальше, и мы увидим, что политика перестает играть роль многовекового гегемона по отношению к психологии, поскольку политика прекратит свое существование, а психология нет. В построенном коммунистическом обществе коммунистическая партия прекратит свое существование, она выполнит свою историческую задачу, но задача формирования человеческих личностей не только не исчезнет, напротив, ее значение возрастет»[22].

После фиксирования нерешенных вопросов и существующих противоречий следовало бы перейти к группировке тех подвопросов, которые содействуют выяснению проблемы. В этом отношении наши усилия сосредоточены на следующих вопросах: а) сущность, структуры и основные функции морали и социальной психики; б) их взаимодействие как мотивационных и регулирующих факторов поведения; в) особенности группового сознания и механизмы его воздействия на нравственное поведение личности.

---

[22] Люсьен Сэв. Марксизм и теория личности, М., 1972, с. 53.

Первая часть

МОРАЛЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХИКА В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Исследование взаимодействия между моралью и социальной психикой как в системе общественного сознания, так и в мотивации человеческого поведения требует прежде всего выяснения природы и структуры взаимодействующих духовных явлений. Если мы рассматриваем общество как единую сложную и самоорганизующуюся систему, то мораль и социальную психику следует причислить к ее «управляющим блокам». Они неразрывно связаны в общий регулятивный комплекс человеческого поведения (общественное сознание), в котором они выполняют свою управленческую функцию специфическими средствами и с различной степенью нормативности.

Как особые духовные явления мораль и социальная психика определяются общественным бытием, выражают объективные взаимосвязи между человеком и обществом и служат для преодоления возникающих между ними противоречий, для утверждения социального в индивидуальном. Передача социального опыта — универсальное явление в жизни общества. Мышление, поведение и знания у людей каждого поколения формируются на основе общественно-исторического опыта, закрепленного в орудиях производства, в культуре, в моральных нормах, в традициях и т. п. С точки зрения общего механизма социального саморегулирования как мораль, так и социальная психика содействуют «обработке человека человеком» (Маркс), приведению индивидуального поведения в соответствие с требованиями определенной социальной общности, в соответствие с ее интересами и целями, установками и стереотипами, традициями и обычаями.

1. Природа и функции социальной психики

На каждом этапе своего развития, исходя из наличных объективных условий и закономерностей, общество формулирует определенные идеалы, цели, принципы, создает определенную систему социальных норм и различные формы социального контроля для их реализации. Мораль осуществляет свою регулятивную функцию посредством общих для данного коллектива (класса, общества) фундаментальных представлений о добре и зле, о правильном и неправильном, о достойном и недостойном, то есть посредством системы нравственных ценностей.

Нравственное регулирование предполагает: а) наличие идеала, который выражает представления общества или класса о моральном совершенстве и на этой основе содержит портрет «лучшего Я», б) систему норм, выполнение которых является средством достижения моральной цели (идеала), в) оценку поведения и, наконец, г) специфические формы социального контроля, обеспечивающие выполнение норм. Однако нравственное воздействие на человеческое поведение органически связано с регулирующими функциями других форм общественного сознания — права, политики, искусства, религии и т. п. Вообще социальное регулирование всегда является комплексным, целостным. Оно функционирует как сложное взаимодействие нормативных и ненормативных форм и средств[1]. Как указывает Маркс, право, мораль, гражданское общество, государство не имеют силы изолированно друг от друга[2].

---

[1] Наибольшая нормативность присуща правовому, нравственному и религиозному сознанию. Ряд элементов общественного сознания не обладает четко выраженной нормативностью, но они непосредственно воздействуют на поведение в единстве с определенными нормами, усиливая процесс нормативного регулирования. «Специфика ненормативного регулирования, — пишет Е.М. Пеньков, — состоит в том, что содержащиеся в нем принципы, цели и средства регуляции поведения людей не сформулированы, не дифференцированы и не индивидуализированы до строго конкретных требований, оценок и средств контроля над поведением людей в определенных конкретных ситуациях» (Е. М. Пеньков. Социальные нормы — регуляторы поведения личности, М., 1972, с. 25).

[2] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, с. 635.

Нравственные нормы и оценки в процессе практического «употребления» неразрывно связаны с особенностями группового или коллективного сознания. В совместной деятельности с другими людьми возникают различные социально-психические явления, которые оказывают сильное влияние на индивидуальное поведение. «Не подлежит никакому сомнению, — пишет В. М. Бехтерев, — что в проявлениях нравственно-психической деятельности социальных или общественных групп имеются известные особенности, проистекающие из того, что эта деятельность проявляется не в индивидах, взятых отдельно друг от друга, а в группах и собраниях лиц, связанных определенными интересами и действующих и работающих поэтому сообща, как одно собирательное целое»[3]. В процессе групповой деятельности люди нередко проявляют такие стороны своей нервно-психической деятельности, которые в индивидуальной жизни обычно не проявляются.

Участвуя в жизни той или иной социальной группы (семьи, трудового коллектива, круга друзей и т. п.), личность сталкивается с требованиями не только моральной системы в целом, но и с ее модификацией в конкретной микросреде, испытывает на себе влияние коллективных чувств и настроений, вынуждена сообразовываться с мнением и ожиданиями людей, с которыми она общается. Девушка отказывается надевать пальто, которому еще недавно радовалась, так как «такие уже никто не носит». У вас сложилось убеждение, что начальник учреждения вас ненавидит, «имеет на вас зуб», и это оказывает влияние на все ваше поведение. Вы встречаете с недоверием каждое его замечание, становитесь подозрительным и даже превратно толкуете его поступки, если они имеют хоть какое-нибудь отношение к вашей личности.

Когда мы говорим «коллектив охвачен трудовым энтузиазмом» или «обстановка у нас становится нетерпимой», мы также имеем в виду социально-психические явления и состояния, которые, хотя они и присущи сознанию отдельных индивидов, в то же самое время представляют собой нечто большее, нежели индивидуальное

---

[3] В. М. Бехтерев. Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки, Спб., 1911, с. 7.

сознание. Эти явления и состояния «присутствуют» в качестве активного фактора и особого процессионального фона при действии всех социальных регуляторов. Поэтому вопрос об их природе и характере имеет важное значение при анализе нравственного сознания и поведения. Однако, чтобы понять специфическую регулятивную функцию социальной психики, необходимо прежде всего сопоставить ее с индивидуальной психикой и сознанием личности. Ведь мораль и общественное сознание вообще регулируют поведение не как какие-то внешние силы, стоящие над человеком, а через его убеждения, чувства, предпочтения и т. д.

Могут ли существовать духовные явления вне и над психикой конкретных личностей и регулировать их поведение? Как они связаны с собственными мотивами и убеждениями этих конкретных личностей? Если мы говорим о социальных чувствах, настроениях и переживаниях, кто является их материальным носителем и как они относятся к чувствам, настроениям и переживаниям конкретных людей? Эти вопросы связаны с выяснением как природы и функций социальной психики, так и с самостоятельным существованием науки для их изучения.

1. Индивидуальная и общественная психика

Традиционные уже в течение нескольких десятилетий возражения против самостоятельного существования «коллективной психики» исходят из того обстоятельства, что психические процессы протекают в индивидах, в личностях, что вне индивидуального черепа нет «коллективного мозга», а раз мозг всегда индивидуален, отсюда следует, что психика может быть только психикой личности. С этой точки зрения любое представление о какой-то коллективной душе или коллективном духе выглядит мистическим, ненаучным.

Верно, что социальная психика не имеет своей отдельной физиологической основы, но это не означает, что социальная психика самостоятельно не существует как специфическое духовное явление. Ведь ни мораль, ни искусство, ни какая-либо другая форма общественного сознания не имеют специфического органа, какого-то «коллективного мозга». Вообще вопрос о различии между

индивидуальной и социальной психикой — это не вопрос о их «размещении», а вопрос об их природе как отражении действительности и об их специфических общественных функциях.

Однако проблема характера и взаимодействия индивидуальной и общественной психики имеет более глубокую, содержательную сторону. Разве психологическое взаимодействие в той или иной человеческой среде есть что-то вторичное, добавочное по отношению к психике отдельного индивида? Достаточно ли признать наличие социально-психических феноменов независимо от индивидуальных психик? Не состоит ли специфика человеческой психики именно в том, что в ней первичными являются социально-психические образования, а не индивидуально-психические?

В истории философской и психологической мысли давались различные ответы на эти вопросы, но мы могли бы указать две основные тенденции, которые проявляются и ныне: а) «коллективное сознание» или «коллективный дух» рассматривают как абсолютно противостоящие индивидуальному сознанию, б) групповую или социальную психику объясняют как сочетание индивидуальных психических состояний и не видят качественного различия между психологией индивида и коллективной психикой.

Первая тенденция ведет свое начало от Э. Дюркгейма. Еще в «Методе социологии» он указывает, что «социальный факт воплощается в коллективном сознании, а последнее включает в себя «образцы» мысли, действия и переживания, находящихся вне индивида и обладающих принудительной силой, в результате которой он присоединяется к ним»[4]. Обоснованно подчеркивая различие между коллективным и индивидуальным сознанием, Дюркгейм доходит до их противопоставления. Идея надындивидуального существования коллективного сознания приводит его к отрицанию активной роли личности в историческом процессе.

Общество, пишет Э. Дюркгейм, — это «реальность, которая в столь же малой степени является результатом

---

[4] Э. Дюркгейм. Метод социологии, Киев — Харьков, 1899, с. 9.

наших рук, как и внешнего мира»[5]. По существу, он рассматривает социальное взаимодействие как чисто внешнее явление, которое не изменяет психику субъекта, а только внедряет в его сознание «коллективные представления». В психике индивида имеется обширная сфера, которая свободна от влияния общества и над которой только надстраиваются заимствованные от общества представления. Усвоенные индивидом коллективные представления доминируют над несоциальными, но не преобразуют их. Несоциальная сфера сознания охватывает эмпирическое познание. Она именно и есть индивидуальное состояние, которое полностью зависит от психологической природы индивида. Наряду с несоциальными представлениями существует категориальное познание, которое зависит от общества и выражает коллективность. Исторический характер имеет только вторая часть познания (понятия, категории). Различие между этими двумя видами представлений, согласно Э. Дюркгейму, есть, в сущности, различие между индивидуальным и социальным в психике.

Вторая тенденция в объяснении взаимодействия между индивидуальной и социальной психикой представлена М. Лацарусом и Г. Штейнталем и особенно концепцией В. Вундта. Многие авторы не без основания связывают дату рождения социальной психологии с появлением в январе 1859 г. предварительного извещения о выходе нового «Журнала психологии народов и языкознания» («Zeitschrift für volklerpsychologie und sprachwissenschaft»)[6], в котором его редакторы — языковед Г. Штейнталь и философ М. Лацарус — заявили, что народная психология как особая наука еще не существует, но что почва для нее уже готова.

В статье Лацаруса и Штейнталя «Мысли о народной психологии», помещенной в первом номере журнала, сделана попытка раскрыть сущность новой науки и сформулировать ее задачи. Эта наука поставлена в один ряд с «наукой об индивидуальной душе», но она должна «открыть те законы человеческого духа, которые имеют

[5] Э. Дюркгейм. О разделении общественного труда. Одесса, 1900, с. 275.

[6] Журнал издавался в продолжение тридцати лет, и за этот период вышло 20 томов.

приложение там, где совместно живет и действует много людей как некое единство»[7].

Основные идеи и задачи народной психологии определяются так: а) познавать психологическую сущность народного духа и его проявления, б) раскрывать законы, по которым совершается внутренняя, духовная или идеальная деятельность народа в жизни, искусстве и науке, в) объяснять основания, причины и поводы для возникновения, развития и отмирания психических особенностей данного народа. Следует признать, что задачи новой науки в целом раскрыты с достаточной полнотой, но авторы исходят из субъективно-идеалистической предпосылки, что все перечисленные явления «должны быть объяснены через внутреннюю сущность духа», то есть должны быть сведены к своим психологическим основаниям.

Психология «общественного человека или человеческого общества» — продолжение индивидуальной психологии. «Так как дух народа... живет только в индивидах и не имеет существования, обособленного от индивидуального духа, то в нем, естественно, совершаются... те же основные процессы, которые ближе разъясняет индивидуальная психология»[8].

Правда, в другом месте Лацарус, останавливаясь на аналогии между двумя видами психологии, предупреждает от неумеренного «аналогизирования» и ограничивает его только «руководящими нитями сравнения», но все же он подчеркивает тезис: «В совокупном духе, следовательно... отдельные духи относятся так, как в индивиде относятся отдельные представления или вообще духовные элементы»[9].

Вильгельм Вундт, который имеет особые заслуги в отстаивании и разработке «психологии народов», тоже рассматривает коллективную психику как сочетание индивидуальных психических состояний. Однако, по его мнению, необходима специальная наука для исследования тех процессов и явлений, которые возникают на основе общности духовной жизни и которые не вмещаются в рамки индивидуальной психологии. Такими

---

[7] Цит. по: Густав Шпет. Введение в этническую психологию. М., 1927, с. 20.

[8] Там же, с. 21—22.

[9] Там же, с. 22.

специфическими явлениями, по Вундту, являются язык, мифы и обычаи. «*Язык* содержит в самой общей форме живущие в духе народа представления и законы их связи. *Мифы* таят в себе первоначальное содержание этих представлений с их обусловленностью чувствованиями и влечениями. Наконец, *обычаи* представляют собой возникшие из этих представлений и влечений общие направления воли» [10]. Коллективная психология, подчеркивает Вундт, — результат сочетания индивидуальных психических состояний, а это сочетание есть процесс, осуществляемый по законам взаимодействия индивидуальной психологии: закону психических равнодействующих, закону психических состояний и закону психических контрастов.

Идея коллективной психики как обычного сочетания многих отдельных душевных процессов образно выражена Зиммелем: «Когда толпа людей разрушает дом, выносит приговор, издает крик, здесь действия отдельных субъектов суммируются в одно происшествие, которое мы обозначаем как одно, как осуществление одного понятия. Тут-то и возникает великое смешение: внешне единый результат многих субъективных душевных процессов толкуется как результат единого душевного процесса в коллективной душе. Единство результирующего явления переносится на предполагаемое единство его психической причины» [11].

Правильное понимание соотношения между индивидуальной и социальной психикой возможно только на основе марксистско-ленинского учения о сущности человека как совокупности всех общественных отношений и о происхождении, основах и функциях сознания вообще. Марксизм исходит из активной отражательной природы сознания и из его общественно-исторической обусловленности. Строение сознания, его содержание и направленность закономерно связаны с деятельностью человека, со способами его жизни.

Переход от инстинктивно-биологической деятельности животных предков человека к коллективной трудовой деятельности был решительным шагом, который привел

---

[10] В. Вундт. Проблемы психологии народов, М., 1912, с. 32.

[11] Цит. по: Б. П. Поршнев. Социальная психология и история, М., 1966, с. 76.

к формированию сознательного поведения, к возникновению сознания и языка.

Сознание — продукт материи и существует лишь в связи со своей материальной основой[12], но оно не есть материальный продукт в смысле вещественной субстанции. Его своеобразие заключается в том, что оно субъективно, идеально, что оно не обладает самостоятельным бытием вне отношения к своему материальному субстрату — мозгу и к обьекту отражения. Бытие сознания носит не субстанциональный, а функциональный характер[13]. Качественно новая функция человеческого сознания, принципиально отличающая его от психики животного, состоит в том, что оно есть обобщенное, оценочное и активно-творческое отражение и преобразование действительности, инструмент регулирования и направления общественного и индивидуального жизненного процесса.

Марксизм обосновывает роль общественно-исторической практики в формировании человека и его психики. Порожденный человеческой деятельностью предметный мир обусловливает развитие сознания и чувств. Человеческие психические способности не рождены в готовом виде, а являются результатом многотысячелетней общественной истории. Маркс говорит о таком развитии психических сил у человека, которое по своему характеру является общественным процессом. Многообразие субъективной человеческой психики возникает и развивается благодаря очеловеченной природе, богатству общественных отношений. Вот почему «чувства общественного человека суть иные чувства, чем чувства необщественного человека»[14].

Согласно видному советскому психологу Л. С. Выготскому, все высшие психические функции являются интериоризированными социальными отношениями. Их состав, генетическая структура, способ действия, словом, вся их природа — социальна. Отношения между высшими психическими функциями когда-то были реальными социальными отношениями между людьми. Личность,

---

[12] «Психическое, сознание и т. д. есть высший продукт материи (т. е. физического), есть функция того особенно сложного куска материи, который называется мозгом человека» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 239).

[13] А. Г. Спиркин. Сознание и самосознание, М., 1972, с. 69.

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, с. 593.

включая и ее психику, становится тем, что она есть, благодаря ее реальным предметно-практическим связям с другими людьми.

«Всякая высшая психическая функция, возникающая в процессе исторического развития человека, появляется на сцене дважды: сначала как функция социально-психологического приспособления, как форма взаимодействия и сотрудничества между людьми, как категория интерпсихологическая; затем — как форма индивидуального приспособления, как функция психологии личности, как категория интрапсихологическая»[15]. Выготский иллюстрирует эту мысль развитием речи. Речь возникает как средство коммуникации, связи, общения и социальной координации поведения. Однако впоследствии человек, применяя этот способ поведения к самому себе, вырабатывает внутреннюю речь. Современное языкознание также доказывает, что язык возникает не просто из потребностей давать названия вещам, а из потребностей относить вещи к своему коллективу, к определенным аспектам социального бытия человека. То, что было первым объектом осознавания, было и первым объектом именования. Первыми словами были сигналы о принадлежности к определенным устойчивым социальным группам.

Вообще прекрасным эпиграфом к истории развития всех высших психологических функций, как удачно выразился Л. С. Выготский, могут служить слова Л. Фейербаха: «То, что абсолютно невозможно для одного человека, становится возможным для двух». История развития высших психических функций показывает, что первоначально выполняемые с их помощью операции были возможными только для двух человек, а после этого становятся операциями, выполняемыми одним человеком.

Этот общественно-историческої подход к происхождению, сущности и функциям сознания неизбежно сталкивает нас с проблемой: как понимать социальность социальной психики? Когда мы исходим из принципа общественной детерминированности сознания, то становится ясным, что коррелятом социального является при-

---

[15] Л. С. Выготский. Развитие высших психических функций, М., 1960, с. 450.

родное, биологическое, а не индивидуальное. Содержание индивидуальной психики по своей природе и сущности столь же социально, сколь и содержание общественной психики.

Как индивид сам по себе, так и его сознание представляют собой социальную категорию. «Человек, — пишет Маркс, — есть в самом буквальном смысле слова не только животное, которому свойственно общение, но и животное, которое только в обществе и может обособляться. Производство обособленной одиночки вне общества — редкое явление, которое, конечно, может произойти с цивилизованным человеком, случайно заброшенным в необитаемую местность и потенциально уже содержащим в себе общественные силы — такая же бессмыслица, как развитие языка без совместно живущих и разговаривающих между собой индивидов»[16]. Вот почему невозможно действительно научное психологическое исследование, которое так или иначе не исходит из предпосылки, что сознание и поведение человека испытывают на себе воздействия общественно-исторических условий и изменяются с изменением последних.

Индивидуальное и общественное сознание различаются между собой не степенью социальности, а способом своего существования и взаимодействия. Общественное сознание — это духовная жизнь общества, совокупность теорий, представлений и идей, а также общественных настроений и чувств в данной общественной формации. Явления общественного сознания не существуют «в себе», а неразрывно связаны с индивидуальными сознаниями, с реальными головами людей. Разумеется, они существуют не только в виде актуального субъективного процесса, но и надличностно — в системе материальной и духовной культуры, в формах морального сознания, искусства, в науке и философии, в обычаях и традициях.

Диалектика в реальном бытии духовной жизни такова, что, с одной стороны, общественное сознание существует только в индивидуальном сознании и через него, а с другой — индивидуальное сознание есть не что иное, как индивидуально-конкретное проявление или способ существования общественного сознания.

---

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, с. 18.

Индивидуальное сознание — это «вместилище» как сознания вообще, так и общественного сознания, а общественное бытие определяет не только общественное сознание, но и общественную психику [17].

Отсюда следует, что изучение закономерностей психических процессов и явлений и их детерминированности областью общественных отношений людей не может быть монополией только социальной психологии и еще в меньшей степени — ее главным предметом. Разве предмет изучения в теории сознания и в общей психологии не один и тот же — сознание — и разве принцип его социально-исторической обусловленности не одинаково необходим для всех?

Известно, что общая психология тоже изучает формы, процессы, состояния и свойства сознания (ощущение, восприятие, представления, мышление, память, воображение, воля и т. п.), которые являются общими для всех людей и в то же время носят признаки социальных групп, в которых протекает жизнедеятельность индивида. Неправильно объяснять индивидуальную психику как предмет общей психологии лишь особенностями индивидуального бытия, а ее зависимость от исторических и социально-классовых факторов предоставлять другой науке.

Согласно некоторым авторам, предметом социально-психологического исследования сознания в отличие от предмета общей психологии является не то, с помощью каких процессов человек мыслит, а содержание сознания и факторы, которыми оно определяется, социальные причины и условия единства и многообразия взглядов, вкусов, настроений людей. «Социальная психология, — пишет П. Буева, — изучает социальные установки личности, ее отношение к условиям собственной жизнедеятельности и социальные причины, определяющие и модифицирующие это отношение» [18]. Но разве возможно изучать процессы, с помощью которых человек мыслит, в отрыве от содержания сознания и от определяющих его факторов? Разве взаимодействие между людьми в процессе их дей-

---

[17] См.: В. Ф. Тугаринов. Философия сознания, М., 1971, с. 128, 190.

[18] Л. П. Буева. Социальная среда и сознание личности, М., 1968, с. 14.

ствительности не оказывает влияния и на способы, которыми они воспринимают мир? По этому поводу С. Л. Рубинштейн совершенно правильно отвечает, что «изучение того, как человек отражает мир», должно быть в органическом единстве с «изучением того, как он действует, и *лишь путем изучения того, как он действует, может быть раскрыто и то, как он отражает мир*»[19].

Из положения о социально-исторической природе человеческой психики обычно делают два ошибочных вывода. С одной стороны, считают, что это достаточный аргумент для умаления значения социальной психологии как самостоятельной науки, для рассмотрения ее в качестве дисциплины «второго порядка», которая только дополняет общую психологию личности. С другой стороны, многие авторы считают, что этот факт усиливает вероятность того, что в ходе своего дальнейшего развития социальная психология окажется в действительности еще более фундаментальной наукой, еще более «общей», чем сама «общая психология». «Как знать, — говорит Б. Ф. Поршнев, — может быть, когда-нибудь только за ней и сохранится название психологии. Но до исхода этого научного спора еще очень далеко. Пока что марксистская социальная психология — еще очень молодая, становящаяся на ноги дисциплина, и предусматривать масштаб ее будущей экспансии преждевременно. До поры до времени в пределах науки психологии останется некоторого рода соревнование: какой из этих ее составных частей впредь будет принадлежать ведущая роль, т. е. какая из них окажется в конце концов результативнее? Это не спор о классификации наук, а внутринаучное соперничество»[20].

Мы считаем, что как для общей, так и для социальной психологии единственной «более общей» наукой является марксистско-ленинская философия сознания, и внутринаучное соревнование между этими двумя частными общественными науками идет не по вопросу о том, какая из них более «социальная», а по линии дальнейшей дифференциации их специфического предмета

---

[19] С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, М., 1967, с. 267 (курсив наш. — *В. В.*).

[20] Б. Ф. Поршнев. Социальная психология и история, М., «Наука», 1966, с. 1.

исследования, по линии дальнейшего развития и обогащения их понятийного и категориального аппарата на фундаментальной основе диалектического и исторического материализма.

Общественная психика — результат одной формы социального взаимодействия, а именно непосредственной общественной формы человеческой деятельности (кооперации)[21]. В процессе совместной деятельности и общения развиваются своеобразные психические процессы, состояния и свойства, которые выходят за рамки общей психологии и образуют феноменологическую основу социально-психологических категорий. К ним относятся коллективные потребности и интересы, традиции и обычаи, общественные чувства и настроения, вкусы и мода, подражание и внушение, авторитет, социальные страсти и т. п., проявляющиеся как в определенных, конкретно исторических общностях (классы, нации, народы и большие социальные группы), так и в неформальных общностях людей (круг друзей, слушатели публичной лекции, кратковременная экскурсия и т. п.). Для наличия социально-психологических явлений и процессов вовсе не обязательно существование общественного субъекта, обладающего мозгом и способностью мыслить, подобно индивиду[22]. Общественная психика как эффект социального взаимодействия, разумеется, включает в себя мысли, волю и т. п., но не прямо (в виде мыслей и чувств общественного субъекта), а косвенно — как продукт взаимодействия психики отдельных индивидов.

Огромное значение для выяснения природы социальной психики и ее отличия от «множества отдельных

---

[21] «Та форма труда, при которой много лиц планомерно работает рядом и во взаимодействии друг с другом в одном и том же процессе производства или в разных, но связанных между собой процессах производства, называется кооперацией» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 337). Простая или основывающаяся на разделении труда кооперация является самой общей формой социальности человеческого труда, которая характеризуется следующими признаками: 1) взаимозависимость между процессами труда, 2) совместные действия в пространстве и времени, 3) идеальное целеполагание, а также планирование хода трудового процесса для достижения цели и связанное с этим управление и 4) коммуникация (см.: «Речник по марксистко-ленинска социология», под ред. Вольфганга Айхорна и др., Партиздат, София, 1972, с. 163).

[22] См.: Я. А. Пономарев. Психика и интуиция, М., 1967, с. 204—205.

волей» имеют два важных теоретико-методологических указания классиков марксизма

Во-первых, Маркс рассматривает социальную психику или особую духовную «массовую силу» как продукт процессов кооперации, происходящих на основе общественного разделения груда при данных производственных отношениях. При совместной деятельности нескольких индивидов в процессе труда происходит увеличение общего достижения в сравнении с простой суммой отдельных усилий [23].

Новая духовная «коллективная сила» — результат взаимодействия психических или духовных сил общающихся индивидов, их координации в пространстве и времени. Маркс ясно указывает основу и источник социально-психических явлений и процессов, а именно непосредственное взаимодействие и коммуникация между людьми. «Уже самый общественный контакт, — пишет он, — вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии».

Анализ Маркса обращает внимание на экспрессивную, усиливающую функцию «потенциальной коллективной силы». «Подобно тому как сила нападения эскадрона кавалерии или сила сопротивления полка пехоты существенно отличны от суммы тех сил нападения и сопротивления, которые способны развивать отдельные кавалеристы и пехотинцы, точно так же и механическая сумма сил отдельных рабочих отлична от той общественной силы, которая развивается, когда много рук участвует одновременно в выполнении одной и той же нераздельной операции» [24]. Здесь Маркс говорит о «результате комбинированного труда», который никак не может быть достигнут «единичными усилиями». Возникшая посредством акта кооперирования социальная психика обратно воздействует на составляющие ее индивидуальные силы и информации.

Если общая психология исследует закономерности, регулирующие поведение и переживания (деятельность и сознание) личности, то специфический предмет изучения социальной психологии суть те духовные явления, которые возникают в процессе (преимущественно)

---

[23] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 345 и след.
[24] Там же, с. 337.

непосредственного взаимодействия и коммуникации между людьми. «Она начинает свое исследование там, где «цепь» общественной определенности индивидов непосредственно «доходит» до отдельного человека, и этот «пункт» есть преимущественно непосредственное взаимодействие индивидов в конкретных группах или коллективах»[25].

Это ограничение ситуации, являющейся действительным объектом изучения марксистской социальной психологии, предохраняет не только от ненужной экспансии в другие научные сферы, но и очерчивает «точки соприкасания» с общей психологией и социологией. Связь социальной психологии с общей психологией проистекает из того обстоятельства, что непосредственное взаимодействие и коммуникация производят также изменения в сознании и поведении совместно общающихся индивидов, служат опосредствующим фактором формирования и изменения индивидуальной психики. А поскольку непосредственные процессы кооперации детерминированы основными социально-экономическими факторами данной общественной формации, то социальная психология может строиться и развиваться только на данных социологии.

Во-вторых, рассматривая взаимодействие различных сторон социального механизма в конкретных условиях места и времени (проблема конкретной социальной ситуации), Энгельс блестяще обосновывает механизмы формирования «общей воли» и ее отношения к множеству «отдельных воль». Социальная психика возникает как общая равнодействующая сила взаимного пересечения индивидуальных психик, столкновения множества отдельных воль, которые стали такими, какими они являются, благодаря «массе особых жизненных обстоятельств». Новое духовное образование обладает относительной самостоятельностью, своей собственной логикой развития, действует как единое целое, притом зачастую бессознательно и непроизвольно. Однако это новое образование не существует «само по себе», независимо от отдельных воль. «Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей, каждый из которых хочет того, к чему его влечет физическая конституция и внешние, в конеч-

[25] «Речник по марксистско-ленинска социология», с. 391.

ном свете экономические, обстоятельства (или его собственные, личные или общесоциальные), что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую — из этого все же не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в нее»[26].

Социальная психика не может быть оторвана от психики отдельных личностей, объединенных в той или иной форме совместной деятельности, но она имеет качественно новый характер, новые законы развития и новые формы проявления, которые отличают ее от психики отдельных индивидов. Некоторые авторы, подчеркивая единство индивидуальной и общественной психики, недостаточно учитывают специфические особенности последней. Они заявляют, например, что в «социальной психике не может быть ничего принципиально отличного от психики индивида»[27]. Другие же склонны объяснять особенности общественной психики полной независимостью от составляющих ее феноменов индивидуального сознания[28].

Различные формы социальной психики являются не среднеарифметической суммой индивидуальных психик, а качественно новым образованием. В процессе совместной деятельности и общения происходит такое взаимодействие между индивидуальными психиками, при котором возникают общие формы переживания, мышления и желания, отличающиеся от того, что человек мыслит, желает или переживает наедине.

Признавая этот факт, многие исследователи задают вопрос: в чем состоит тут новое, социально-психическое? Они рассуждают так: общие условия, в которых протекает совместная деятельность, детерминируют некоторые общие черты в психике многих людей, но эти черты

---

[26] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, с. 396.

[27] Р. Самсонов. Социальная психика и идеология. Ереван, 1970, с. 52.

[28] Например, подчеркивая закономерности общественного мнения как сложного духовного комплекса, М. Драганов пишет, что «отдельное индивидуальное мнение не является компонентом системы общественного мнения», что последнее независимо от изменений отдельных сознаний и т. д. (см.: М. Драганов. Проблеми на общественото мнение. — «Наука и изкуство», 1973, с. 90).

изучаются опять же через личности, следовательно, общей психологией или психологией личности, а совместное общение еще не создает объекта для специальной науки — социальной психологии. Если в результате одинаковых социальных условий в обыденном сознании формируются сходные черты, то они могут изучаться и социологией (например, посредством конкретно-социологических исследований общественного мнения, ценностных ориентаций людей и т. п.). На этой основе другие авторы, не отрицая необходимости социальной психологии наряду с общей психологией, сводят задачи первой только к изучению социальных типов, то есть «средних черт» в характере и поведении людей, детерминированных общей социальной средой. Например, В. И. Селиванов пишет: «К общественному сознанию философия относит и общественную психологию, то есть социальные чувства, настроения, привычки, нравы людей. Эта общественная психология в отличие от идеологии не имеет общественных форм, относительно самостоятельных, как мораль или искусство. Она непосредственно слита с психикой отдельных людей, находящихся в разных взаимоотношениях друг с другом. Конечно, жизнь человека в коллективе, его непосредственные общения с другими людьми порождают много нового в психике. Человек действует в коллективе по-иному, чем в одиночку, и эти явления надо изучать. Но можно ли предмет социальной психологии ограничить лишь изучением массовидных коллективных психических проявлений, не говоря ничего о главном — о личности в коллективе?». На этот вопрос В. И. Селиванов отвечает отрицательно. Он считает, что в центре внимания как общей, так и социальной психологии должна стоять личность. Резюмируя свой взгляд, автор пишет: «Общая и социальная психология отличаются друг от друга не потому, что первая изучает психологию индивида, а вторая — психологию коллектива. Социальная психология — отрасль единой психологической науки, имеющей один предмет исследования — психику человека во всех ее проявлениях. Специфика социальной психологии лишь в аспекте исследования»[29].

---

[29] В. И. Селиванов. Конкретные условия жизни и формирование личности. — В сб. «Ученые записки» Ряз. пед. института, т. 59, «Проблемы формирования личности и волевой процесс», М., 1968, с. 8—9.

Из того обстоятельства, что социальная психика непосредственно связана с психикой отдельных людей, Селиванов делает вывод, что она не имеет своей самостоятельности, а, кроме того, ее изучение является только одним из аспектов общей психологии. При этом автор подчеркивает, что она не имеет самостоятельных «общественных форм», как мораль или искусство. Так ли обстоит дело в действительности?

Во-первых, «общественные формы» морали — взгляды, нормы, оценки и т. д. — тоже непосредственно связаны с психикой отдельных людей. Сознание личностей, объединенных в определенном классе или обществе, — носитель индивидуального и общественного морального сознания. Связь морального сознания с «единичными сознаниями» ни в малейшей степени не отрицает его относительно самостоятельного существования и функционирования как духовного явления.

Во-вторых, существуют ли в коллективной деятельности такие психические состояния, процессы и явления, которые отличны от индивидуальной психики, или же при всех обстоятельствах, как считает автор, мыслима только психика личностей? Известно, например, что в процессе совместной коллективной деятельности возникает и действует механизм авторитетности, доверия или недоверия, который оказывает сильное воздействие на индивидуальную психику. Социальная психология изучает отношения, возникающие между носителем авторитета и остальными членами коллектива, интересуется природой того особого социального «фермента», который усиливает процесс взаимодействия между группами и личностями. Например, X работает с десятью людьми, однако «арбитром» для него является только Y. Его мнение при обсуждении данного вопроса является положительным («за»), потому что так считает Y. Как объяснить влияние Y? Приверженцы чисто индивидуальной психологии скажут: «Ничего удивительного! Y обладает особыми личностными качествами — привлекательностью, тактом, отзывчивостью и т. п. — и поэтому стал авторитетом, любимцем. Следовательно, в основе этого явления лежат индивидуальные особенности личности». Но скоро Y переходит на другую работу, а в жизни коллектива снова наблюдается формирование явления авторитетности, «выдвижение любимца». А что мы скажем

о таких социально-психических феноменах, как подражание, заражение, внушение и т. п., которые присущи только коллективу, взаимодействующим индивидуальным психикам?

Социальная психология изучает именно механизм формирования и особенности тех психических явлений, которые возникают в процессе общения. Иногда социальную психологию определяют как науку только о массовом сознании, что неточно, поскольку всякая форма общественного сознания есть форма «массового» сознания, а социальная психика не вполне тождественна со всякой массовидностью познания. Более правильно рассматривать социальную психологию как науку об изменениях индивидуальной психики в массовой человеческой среде[30]. Все это вовсе не означает, что марксистская социальная психология является психологией «второго порядка», то есть только аспектом исследования, который применяется там, где психологию индивидуальной личности (общую психологию) следует дополнить изучением детерминированности поведения условиями жизни.

Прав А. Г. Ковалев, когда он пишет: «Необходимо выступать против имеющихся тенденций подмены предмета социальной психологии предметом психологии личности. Так, например, высказывается ошибочное мнение, что предметом социальной психологии являются социальные типы личностей, «психологические особенности личности», «социальная детерминированность». Передать учение о психологических типах личности, ее особенностях социальной психологии — это значит, *вопервых*, лишить психологию личности основного ее объ-

---

[30] В данном случае, как и в других местах этой книги, не дается точная дефиниция социальной психологии, а указываются некоторые «ракурсы» изучаемых ею явлений. При этом автор исходит из указания Ф. Энгельса: «Дефиниции не имеют значения для науки, потому что они всегда оказываются недостаточными. Единственно реальной дефиницией оказывается развитие самого́ существа дела, а это уже не есть дефиниция... Но для *обыденного употребления* краткое указание наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков в так называемой дефиниции часто бывает полезно и даже необходимо, да оно и не может вредить, если только от дефиниции не требуют, чтобы она давала больше того, что́ она в состоянии выразить» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 634—635).

екта и предмета исследования и, *во-вторых*, направить социальную психологию не на тот объект, который составляет предмет ее изучения»[31].

Социальная психология изучает психические явления, состояния и процессы, присущие человеку в общении с группой, а также свойственные только группе. Ряд авторов (В. Н. Колбановский, А. В. Баранов, П. М. Якобсон, А. И. Горячева и др.) ограничивают предмет социальной психологии только «массовидными явлениями психики», «коллективной психологией» или «психологической общностью». Бесспорно, эти явления образуют основное содержание социальной психологии, но поскольку «коллективная психика» изменяет поведение личностей и поскольку ее источником и основой является непосредственное общение человека с человеком, то будет правильно определить социальную психологию как науку о закономерностях групповой (коллективной) психики, а также об изменениях индивидуальной психики и поведения в процессе общения с группой.

Личность, следовательно, есть объект собственно социально-психологического исследования, когда мы стремимся выяснить, насколько ее поведение зависит от особенностей группового сознания, как и в каких размерах она воспринимает воздействие микросреды, как усваивает ценностные ориентации группы, какова зависимость самооценки (образ «Я», концепция «Я») от того, как личность оценивается группой и как она оценивает группу, и т. п. Словом, «личность становится объектом социальной психологии, когда она берется в системе ее взаимоотношений с группой и когда выясняются ее (личности) черты и особенности, которые являются проекцией этих взаимоотношений. При этом личность может быть рассмотрена в системе взаимоотношений с различными группами — организованными или неорганизованными, референтными (эталонными) или такими, к которым личность принадлежит лишь внешне, большими или малыми, реальными и условными и т. д.»[32].

К проблемам социальной психологии относят направленность личности, ее самооценку, самочувствие и

[31] А. Г. Ковалев. Психология личности, М., 1970, с. 49.

[32] А. В. Петровский. На путях развития социальной психологии в СССР. — «Вопросы психологии», 1971, № 6, с. 97.

самоуважение, устойчивость и конформизм, коллективизм и индивидуализм, вопросы, связанные с изучением установок личности и их динамики, перспективы личности, фрустрации и т. д., поскольку эти явления связаны с кооперацией и взаимодействием, поскольку непосредственная коммуникация (как обмен мыслями, мнениями и оценками и т. д.) вызывает изменения в сознании и поведении личности.

2. Общение как основа и источник социальной психики

В совместной кооперированной деятельности осуществляется не только социальная детерминация индивидуальной психики, но и сложное взаимодействие между внешними и внутренними факторами человеческого поведения, которое порождает новые социально-психические образования.

Особая духовная сила, как указывает Маркс, развивается в «самом общественном контакте», когда «много рук участвует одновременно в выполнении одной и той же нераздельной операции»[33]. Общение есть специфическая форма взаимодействия человека с другими людьми, при которой обмениваются не только идеями, мыслями, но и изменяются черты характера, позиции и оценки, возникают психическое «заражение», подражание и внушение, формируются механизмы доверия и недоверия и т. д. Поэтому общение — это один из кардинальных вопросов при интегральной характеристике социальной психики. «*Кооперация людей — основополагающий исходный пункт социально-психологического исследования, и объект этого исследования — социальное взаимодействие*»[34].

В процессе общения формируются основные компоненты социальной психики и реализуется их специфическая регулятивная функция. Перефразируя Л. Фейербаха, можно сказать, что общение человека с человеком — «первый принцип» (конечно, не «истины и всеобщности», как он считает) социально-психических процессов

---

[33] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 337.

[34] Г. Гибш и М. Форверг. Введение в марксистскую социальную психологию, М., 1972, с. 39.

и явлений. В общении и через общение формируется социально-психическая общность («мы»), которая как раз и раскрывает простор для способности социальной среды оказывать усиливающее или ослабляющее влияние на чувства и действия людей. Но что такое социально-психическое общение? Какова связь и в чем различие между понятиями *общение* и *социальное отношение*?

Известно, что Маркс и Энгельс не раз говорили о социальном строе как продукте общения между индивидами, о производственных отношениях как форме общения и т. д. Они употребляли понятие «общение» в широком смысле слова, понимая под общением всю совокупность социальных отношений. С развитием буржуазной социальной психологии в XIX в. в центре внимания оказался межличностный аспект общения. Его стали объяснять без учета конкретных исторических обстоятельств и действия других законов и классовых различий.

Социально-психическое общение нельзя рассматривать в отрыве от проблемы общественных отношений [35]. Общественная жизнь включает ряд основных сфер — материальное производство, духовное производство, управление и др., каждая из которых характеризуется определенными отношениями. Связь и взаимодействие этих многообразных отношений образуют общую структуру социального организма [36]. Конкретным проявлением этой общей структуры являются общественно-экономические формации.

Структура социальных отношений и взаимодействие их элементов определяются способом производства. Социальное взаимодействие осуществляется в определенных общественно-исторических общностях — семье, роде, племени, народности, нации, классе.

---

[35] См.: А. И. Уемов. Вещи, свойства и отношения, Изд. АН СССР, М., 1963; В. П. Тугаринов. Соотношение категорий диалектического материализма, ЛГУ 1956; Соотношение категорий исторического материализма, ЛГУ, 1958; В. П. Рожин. Введение в марксистскую социологию. ЛГУ, 1962; А. В. Дроздов. Человек и общественные отношения, ЛГУ, 1966; М. Марков. Социалистическите обществени отношения, Изд. на БКП, 1970.

[36] См. А В Дроздов. А П. Машков, В. П. Рожин. Общественные отношения, их элементы, структура и классификация. — «Философские и социологические исследования», ЛГУ, 1967, с. 99—100.

В литературе существуют различные точки зрения на специфику социального (то ли оно есть разновидность общественного наряду с экономическими, политическими, нравственными явлениями, то ли оно находится на «границе» между ними как нечто «промежуточное», то ли оно вытекает из общественного разделения труда)[37]. На наш взгляд, неправильно объяснять природу социального вне экономических, политических, психологических, нравственных и других явлений общественной жизни и тем более противопоставлять последним. Важнейший признак социального — наличие взаимоотношения между классами и нациями, коллективами и другими общностями, а следовательно, и между личностями как представителями этих общностей. Социальное формируется и осуществляется на основе данного способа производства во всех сферах общественной жизни в связи с производством, распределением и потреблением материальных и духовных ценностей.

Понятия «социальное отношение» и «социально-психическое общение» неразрывно связаны, но они характеризуются некоторыми специфическими особенностями, имеющими исключительно важное значение для понимания природы человеческого поведения. Особенности человеческого общения занимают в последнее время различные общественные науки, особенно социальную психологию и психолингвистику[38]. Общение рассматривается как «относительно самостоятельная и чрезвычайно важная специальная форма поведения людей»[39].

Различие между понятиями «общение» и «социальное отношение» заключается в том, что первое характеризует способ, а второе — содержание отношения.

Индивиды вступают в общение там, где они вступают в какое-то социальное отношение. Общение есть реальное бытие того отношения, в которое вступили ин-

---

[37] Более детальное изложение этих точек зрения см. в работе: А. К. Белых. Социальная организация социалистического общества как объект управления. — «Вестник ЛГУ», 1967, № 11, с. 74 и след.

[38] См.: Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука, Л., 1965, с. 145—154; Б. Ф. Поршнев. Социальная психология и история, М., 1966, с. 167—168; О. С. Ахманова. О психолингвистике, Изд. МГУ, с. 3—5 и др.

[39] В. М. Соковнин. Общение и его средства. — В сб. «Сознание и общение», Изд. ИЛИМ, Фрунзе, 1968, с. 8,

дивиды. Именно через общение их общественное отношение проявляется как сознательное. Общение есть внешняя сторона человеческих отношений, их являющаяся сторона [40]. Оно возникает при социальной форме движения материи и представляет целенаправленный обмен информацией как необходимую сторону трудовой деятельности. С психологической точки зрения общение есть целенаправленный (волевой) обмен мыслями и эмоциями между людьми, осуществляемый посредством языка и других основанных на языке знаковых систем [41]. Оно предполагает человеческое сознание как особую форму отражения, необходимую для преобразующей деятельности человека [42]. Всякое общественное проявление сознания невозможно вне общения.

Маркс и Энгельс подчеркивают, что личные взаимоотношения между индивидами суть только проявляющаяся сторона их производственных отношений, сущность которых скрыта для непосредственного наблюдения. Действительную сущность общественных отношений образуют материальные отношения. Однако производственные отношения не существуют вне взаимных отношений между индивидами, потому что «именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создало — и повседневно воссоздает — существующие отношения» [43].

Общение имеет форму личных, индивидуальных отношений между людьми, которые соответственно отражают структуру производственных отношений. Всякое общение включает в себя как необходимую черту индивидуальный физический и психологический контакт и, следовательно, может быть только личным. «Поскольку именно общение дает реальность отношения между людьми, можно заключить, что общение есть проявляющаяся сторона человеческих отношений. Общение есть реальность всякого материального отношения, благодаря по-

---

[40] Там же, с. 10.

[41] Там же, с. 12.

[42] См.: Е. В. Шорохова. Проблема сознания в философии и естествознании, М., 1961, с. 254—255.

[43] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 440.

следнему оно предстанет перед нами как личные отношения, как отношения «чистых Я» [44].

Процесс общения — это такого вида взаимодействие между людьми, в котором последние выступают по отношению друг к другу одновременно (или последовательно) и как объекты, и как субъекты. Превращение объекта в субъект восприятия, а субъекта — в объект восприятия есть необходимое условие возникновения непосредственного общения. «Благодаря общению поступки личности А становятся обстоятельствами жизни личностей В, С, D и т. д., а их поступки, экспрессивные действия в свою очередь оказываются обстоятельствами жизни личности А. Этот осуществляемый различными видами коммуникаций переход поступка одного человека в обстоятельства жизни других людей является характерной особенностью совместной деятельности людей. Но каждый человек выступает по отношению к партнерам не только как объект и субъект воздействия, но одновременно и как объект и субъект познания» [45].

Взаимодействие в сфере межличностного общения осуществляется, как правило, через языковую коммуникацию. Вообще общественная коммуникация отличается так называемой знаковой ситуацией, которая всегда имеет следующие элементы: 1) налицо имеются по меньшей мере два коммуникационных партнера, которые договариваются друг с другом, 2) имеется предмет или событие, к которому относится договоренность, 3) имеется знак (знаковая система), посредством которого коммуникационные партнеры сообщают друг другу относительно предмета или события то, что они мыслят или чувствуют [46]. При знаковой ситуации проявляется определенная система различных общественных отношений, основой и определяющим моментом которой является общественный процесс воспроизводства.

В широком смысле слова социальная коммуникация включает отношения между людьми, основанные на использовании языка. Однако она не есть только взаимо-

---

[44] В. Соковин. Человеческое общение и идеология. — Сб. «Идеология и общественная психология», Фрунзе, 1968, с. 91.

[45] А. Н. Бодалев. Об общении и учете его характеристик в работе с людьми. — Сб. «Научные основы политической работы в массах», Л., 1972, с. 120—121.

[46] См.: «Речник по марксистско-ленинска социология», с. 162.

действие между людьми в обществе, но прежде всего взаимодействие между людьми как членами определенных социальных групп, классов, как «общественными индивидами». Коммуникация в человеческом обществе включает: а) познание, б) оценку и в) взаимовлияние между людьми, которое осуществляется посредством знаков или знаковых систем. Социальная психика наиболее тесно связана с третьим аспектом — взаимовлиянием человека на человека.

Речь является особым социальным механизмом для воздействия на личность, для «социальной детерминации» поведения. Разработанная Л. С. Выготским основная идея о знаковой опосредованности человеческой психики имеет важное значение для понимания природы социально-психологического воздействия. С помощью знаков как «общественных органов», как «социальных сил» человек овладевает своим поведением, направляет и регулирует свое мышление, внимание, память. С момента овладения языком все внутреннее развитие индивида переходит от биологической к собственно человеческой (социальной) фазе. Он приобщается к духовному опыту общества.

Коммуникация, рассматриваемая как обмен знаками и как взаимодействие посредством знаков, не есть первопричина социальных отношений, как считают многие буржуазные авторы. Коммуникация всегда подчинена социальным потребностям и задачам общества. За силой слов, воздействующих на человеческую личность, всегда стоит реальная власть существующих общественных отношений. Маркс подчеркивает, что язык есть продукт определенного коллектива и «наличное бытие этого коллектива», «самоговорящее бытие» [47].

Теория знаков (семиотика) различает, особенно по отношению к языку, три аспекта: 1) синтаксис (закономерности отношения между знаками), 2) семантика (отношение между знаком и обозначаемым объектом) и 3) прагматика (отношение между знаком и потребностями, воздействие языка на поведение) [48]. Социально-психологические явления связаны с прагматическим аспектом языковой коммуникации, с воздействием слов

---

[47] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 479.
[48] См.: Г. Клаус. Сила слова. М., 1967, с. 3.

на поведение. С помощью языка осуществляется не только абстрактное мышление, но и непосредственное побудительное или затормаживающее влияние на поведение людей.

В процессе общения функционируют различные типы информации. «Информация, — пишет А. Н. Бодалев, — поступающая в процессе взаимодействия людей к каждому из его участников, слагается, во-первых, из тех сигналов, которые человек в ходе совместной деятельности получает непосредственно от других участников; во-вторых, в нее обязательно входит информация, которую он также прямо черпает о себе через посредство своих экстеро-, проприо- и интеррецепторов, сигнализирующих ему о ходе его собственного участия в деятельности, достигнутых результатах, его состояния и пр. В-третьих, он постоянно получает информацию о внешних для всех участников деятельности условиях, в которых, а может быть, и благодаря которым эта совместная деятельность людей развертывается. В-четвертых, он информируется об общих итогах деятельности» [49]. Все эти виды информации образуют сложный комплекс.

В зависимости от своей прагматической функции информация может быть осведомительной, санкционирующей и регулятивно-побудительной. С точки зрения ее конкретной мотивирующей роли в индивидуальном поведении информация бывает: 1) непосредственно побудительной и 2) косвенно побудительной. В первом случае она оказывает прямое влияние на побуждение к действию или на воздержание от него, а во втором случае побуждение выступает как опосредованный результат обработки воздействующей информации.

Социально-психическое общение — источник непосредственно побудительной информации, которая оказывает прямое влияние на поведенческие действия. Характерная особенность этой информации заключается в том обстоятельстве, что социальная психика, воздействуя непосредственно на поведение, приводя его в соответствие с требованиями данной общности, является носителем не «истины», как при научной информации, и не всегда «нормы-ценности», как при моральной информа-

---

[49] А. Н. Бодалев. Восприятие человека человеком, ЛГУ, 1965, с. 6.

ции, а одобрения или неодобрения со стороны группы (источника информации), коллективного приятия или неприятия определенного действия и доверия или недоверия со стороны субъекта — адресата или потребителя информации. Например, люди социально-психически приобщаются к той или иной моде не только из-за красоты или полезности нового в одежде, но и в силу стремления отличаться от «немодных» людей, получить непосредственное коллективное «одобрение» или избегнуть общественного «неприятия». Тут основной аргумент — реакция (одобрение или неодобрение) других. В этом смысле к социальной психике относятся не сами по себе модные вещи или действия, а явление «модность».

Раскрывая роль доверия или недоверия в процессе социально-психического общения, Б. Ф. Поршнев пишет: «Если кибернетика широко распространяет понятие «информация» и на животных, и на машины, то в передаче информации между людьми есть некий специфический фильтр, которого нет у животных и машин и которым кибернетика не занимается. А именно, информация между людьми проходит через фильтр доверия и недоверия. Информация может быть абсолютно истинной и полезной и все-таки остаться непринятой, непропущенной фильтром. И наоборот, информация может быть лживой и вредной, но принятой в силу открытости для нее шлюза доверия. С точки зрения теории информации доверие есть всего лишь отсутствие феномена недоверия. Иными словами, канал информации может быть блокирован явлением недоверия, которое в свою очередь, очевидно, может быть объяснено только тем, что прием информации без этого задерживающего устройства в пределе наносит принимающему ущерб. Что такое недоверие и доверие, кибернетика не знает. Это относится к социальной психологии, к теории ее элементарных явлений»[50].

Доверие и недоверие как отличительные особенности социально-психического взаимодействия возникают в процессе общения, проистекающего из трудовой деятельности людей и являющегося необходимым условием ее осуществления. Люди «не могут производить, не соеди-

---

[50] Б. Ф. Поршнев. Контрасуггестия и история. — Сб. «История и психология», М., 1971, с. 9.

няясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»[51]. Этот взаимный обмен деятельностью включает не только знания, умения, навыки, но и доверие и недоверие, подражание и внушение, коллективные чувства и страсти, общественные настроения и мнения.

В результате продолжительного общения и на основе общих интересов, целей и стремлений возникает социально-психическая общность. Она характеризуется устойчивой духовной связью между общающимися, взаимопониманием, сплоченностью и доверием.. С одной стороны, общность, понимаемая как совокупность индивидов, занимающихся совместной деятельностью, является исходной предпосылкой и постоянным условием общения, а с другой — результатом общения. «Категория общения, — пишет Б. Парыгин, — служит для обозначения процесса, в то время как категория общности обозначает определенное свойство, которое может быть присуще или не присуще как процессу, так и любому другому элементу деятельности, из которого складывается процесс»[52].

Социально-психическая общность закрепляет групповые интересы и ценностные ориентации в одном общем «мы», которое выражает внутреннюю солидарность, спайку и взаимное доверие, означает реакцию — осуждение центробежных сил, известное разграничение и противопоставление другим. Когда говорят: «Наша бригада — на первом месте» или «Наше село не такое, как другие», то в той или иной степени выражают солидарность, доверие или гордость в связи с принадлежностью к какой-то общности.

Именно при наличии такой социально-психической общности начинает действовать «поле доверия», которое пронизывает все индивидуальные психические пережива-

---

[51] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, с. 441.

[52] Б. Д. Парыгин. Основы социально-психологической теории, М., 1971, с. 183.

ния[53]. Даже удовольствие и неудовольствие переживаются отдельным человеком через призму этой общности, через «душу» коллективного «мы». Приятное соответствует «нашему» (наличному или потенциальному), а неприятное — «чужому».

В конечном счете все представления о семейном уюте, счастье, солидарности, взаимопомощи, все интеллектуальные и эстетические наслаждения и т. п. связаны с тем или иным мыслимым «мы», с характерными чертами «нашего», с известными традициями, воспоминаниями, переживаниями. И наоборот, неприятное — неудовольствие — сопутствует всем «ситуациям», при которых человек оказывается под воздействием «других» (ребенок обыкновенно ищет виновника боли в другом; ошибаясь, мы невольно ругаем что-то вне нас, и т. п.). Выходит, отмечает Б. Ф. Поршнев, что подобные явления «чужды» не потому, что неприятны, а неприятны потому, что «чужды». Вне «мы» и «они» нет дихотомии приятного и неприятного, удовольствия и неудовольствия[54]. Оказывается, что социально-психологическая оппозиция «мы» и «они» входит глубоко внутрь индивидуальной психики и превращается в ее сущность.

В истории социальной психологии очень часто общение и его продукт — социально-психологическую общность — выражали понятием *толпа*. Например, Л. Войтоловский (в отличие от Тарда и Лебона, которые этим термином выражают презрительное отношение аристократической элиты к народным массам) рассматривает толпу как своеобразное «поле» социально-психических закономерностей. С помощью этого понятия он стре-

---

[53] «Суггестия в своем чистом виде тождественна полному доверию к внушаемому содержанию, к внушаемому действию. Это полное доверие в свою очередь тождественно принадлежности обоих участников данного акта или отношения к одному «мы», т. е. к чистой и полной социально-психической общности, не усложненной пересечением с другими общностями, а конструируемой лишь посредством оппозиции по отношению к «они». Поскольку речь идет о тождестве, закономерна и обратная формулировка: психическая общность («мы») в своем предельном чистом случае есть поле суггестии или абсолютной веры». (Б. Ф. Поршнев. Контрасуггестия и история. Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества. — В сб. «История и психология», М., 1971, с. 14.)

[54] Б. Ф. Поршнев. Социальная психология и история, с. 116—117.

мится раскрыть законы, по которым формируются и развиваются коллективные чувства и настроения. Толпа, по Войтоловскому, возникает из «общего чувства», которое предполагает не только общие настроения, но и общие цели и общие усилия для их достижения. В структуре социально-психической общности автор подчеркивает прежде всего доминирующую роль чувства. В тех случаях, где допустима совместная умственная работа, не сопровождающаяся общим эмоциональным порывом, не может идти речь о толпе. Например, группа учеников, занятых решением общей задачи, каково бы ни было их число, не образует толпы. Закон духовного единства толпы надо понимать в том смысле, что «толпа» — это одна из форм совокупной работы, «согретой общим усилием по достижению определенной цели»[55]. Барабаны и военная музыка существуют не для развлечений солдат, а для того, чтобы возбуждать те общие чувства, благодаря которым армия становится толпой, то есть каждый солдат чувствует себя элементом коллективной «души». Войтоловский абсолютизирует роль ситуативных чувств и эмоций при объяснении толпы, но он, бесспорно, уловил некоторые существенные особенности явлений, которые порождаются совместной деятельностью и общением.

В процессе общения, при котором общественные отношения становятся доступными отдельному человеку через непосредственное личностное содержание других людей, при котором происходит «встреча» индивидуализированных общественных отношений, зарождаются и функционируют социально-психические явления. Через них проявляется способность коллектива, человеческой среды оказывать усиливающее или ослабляющее влияние на различные чувства и действия людей, вызывать возбуждение «жизненной энергии» (Маркс).

Поскольку социально-психические феномены возникают и существуют в непосредственном обмене человеческих сущностных сил, в «самом общественном контакте» и поскольку этот процесс в наиболее отчетливой форме наблюдается в так называемых «малых социальных группах», в центре внимания социальной психологии

---

[55] Л. Войтоловский. Очерки коллективной психологии, ч. I, М.—П., 1925, с. 300.

должны быть именно эти группы. Основа и источник всех социально-психических явлений — процесс общения, который содержит в качестве необходимой черты индивидуальный физический и психологический контакт. «Только те события, люди, произведения искусства, факты науки становятся социально-психологическим достоянием индивида, которые глубоко коснулись его опыта, вошли в сферу его непосредственного общения»[56].

Рассмотрение непосредственного общения как основы и источника социальной психики вызывает много возражений со стороны ряда психологов и особенно представителей социологической науки. В основе этих возражений лежит неправильное отождествление задач социальной психологии с задачами исторического материализма или социологии как общественной науки. С позиций такого отождествления задаются вопросы: как может духовный облик личности и сама она как субъект «всех общественных отношений» строиться только на непосредственном общении? Не недооценивается ли определяющая роль макроструктуры? Не абсолютизируется ли общение на уровне микросреды?

Эти вопросы имеют исключительно важное значение, и для их правильного, диалектико-материалистического решения необходимо иметь в виду два важных обстоятельства. *Во-первых*, вопросы, относящиеся ко *всем* объективным и субъективным факторам формирования личности, являются, собственно, не социально-психологическими, а социологическими. Более того, изучение самой общественной психики как части духовной жизни общества и ее взаимоотношения с общественным бытием тоже является задачей социологии[57]. *Во-вторых*, непосредственно общение никогда не может быть оторвано, изолировано от макроструктуры общества. Оно осуществляется в рамках определенной социальной группы или класса и «вырабатывает» социально-психические феномены в содержательном отношении в соответствии с ис-

---

[56] Е. С. Кузьмин. Основы социальной психологии, ЛГУ, 1967, с. 13.

[57] См.: Д. Чесноков. Общественная психология и социология. Теоретические и методические проблемы социальной психологии. XVIII Международный психологический конгресс, Симпозиум 34, М., 1966, с. 35.

торически обусловленным бытием этой группы или класса.

От структуры действительных общественных отношений и от обусловленной этими отношениями возможности развития индивидов зависит не только мышление, но и содержание социально-психических явлений — влечений, настроений, коллективных ценностей и т. п. Более того, реальные социальные условия обусловливают и динамику этих явлений. «Становится ли влечение, — говорит Маркс, — закостеневшим или нет, т. е. приобретает ли оно над нами исключительную власть... зависит от того, дозволяют ли материальные обстоятельства, «дурные» житейские условия нормально удовлетворять это влечение и, с другой стороны, развивать целую совокупность влечений. А это последнее зависит, в свою очередь, от того, живем ли мы в таких обстоятельствах, которые допускают всестороннюю деятельность и тем самым полное развитие всех наших задатков» [58].

Социальная психика каждого класса обусловлена особенностями его места в системе общественных отношений. Именно специфический опыт рабочего класса, «суровая, но закаляющая школа труда» (Маркс) формируют новые черты в духовном облике пролетариата, строят его социальную психику. На основе конкретного материала Энгельс показывает, что в борьбе против своего рабского положения рабочие проявляют свои человеческие чувства и приобретают «свои самые привлекательные, самые благородные, самые человечные черты» [59]. Развитие крупной промышленности и концентрация рабочих побуждают их «чувствовать себя — в своей совокупности — как класс», сознавать, «что, будучи слабыми в одиночку, они вместе образуют силу; это способствует отделению от буржуазии и выработке самостоятельных, свойственных рабочим и их жизненным условиям понятий и идей» [60].

Насколько социально-психологический облик изменяется и развивается сообразно с особенностями деятельности и общественных отношений, при которых эта деятельность протекает, видно из того, как изменяются

---

[58] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 244—245.
[59] Там же, с. 438.
[60] Там же, с. 354.

стереотипы национального характера. Например, в начале XVIII века в Европе считали, что англичане очень склонны к революциям и переменам, а французы выглядели весьма консервативным народом. В начале XIX века немцев единодушно оценивали (и они сами полностью разделяли это мнение) как непрактичный народ, более склонный к философии, музыке и поэзии, чем к технике и предпринимательству. Ясно, что в основе этих стереотипов лежали реальные социально-психические феномены. После промышленного переворота в Германии и этот стереотип превратился в анахронизм.

Не противоречит ли все это тезису, что основой и источником социально-психических феноменов является непосредственное общение? Не ограничивает ли поле социально-психологического исследования выдвижение на передний план «малых групп»?

На эти вопросы следует ответить отрицательно. Непосредственное взаимодействие есть реальный «формирующий механизм», особый «инструмент», с помощью которого общество или класс создают социально-психические явления, а «материал», который определяет их содержательно-качественную сторону, задан классом, обществом на определенном этапе их развития. Непосредственное взаимодействие (общение) — это конкретно-историческое проявление существующих общественных отношений.

Что касается специфического предмета исследования социальной психологии, она интересуется следующими аспектами социального взаимодействия: а) в какой мере и как механизм детерминирования непосредственно «преломляется» через специфические законы групп, б) вследствие каких закономерностей возрастают человеческие сущностные силы в кооперации (как в отношении компонентов производительности труда, так и в отношении компонентов воспитания), в) каковы скрытые в процессе общения законы самого взаимодействия, каково их специфическое действие, г) какие законы опосредствуют взаимодействие людей в кооперации, то есть коммуникацию и группу, в особенности их структуру[61].

Проблема «малой группы» как центра социально-психологического исследования не означает копания в мел-

---

[61] См.: Г. Гибш и М. Форверг. Введение в марксистскую социальную психологию, М., 1972, с. 40.

ких проблемах, бегства от макроструктуры, а навязана основной «клеткой», в которой развиваются духовные явления, образующие предмет исследования. Совершенно иным является вопрос о том, как рассматриваются эти группы — как первооснова общества или же в духе материалистического толкования определяющей роли макроструктуры.

Ориентация социальной психологии на проблему непосредственного общения определена ограничением предмета исследования. Она интересуется такими общностями людей, между которыми возможен непосредственный контакт, непосредственное общение. Личность и общение — вот главные понятия этой важной отрасли психологического знания [62]. Без механизма непосредственного общения нельзя объяснить и возникающие особенности в психике классов общества в целом. Конечно, непосредственное *взаимодействие* имеет различные «ракурсы», которые изучаются также и историческим материализмом, социологией, этикой, педагогикой [63].

Тезис, согласно которому непосредственное общение есть центр или ось социально-психических явлений, оспаривается Б. Д. Парыгиным [64]. Он считает, что в широком смысле слова вся совокупность социальных отношений (независимо от их масштабности — микро- или макросреда) может рассматриваться как общение между людьми. Это верно, но в данном случае речь идет о социально-психическом общении, совершающемся в ходе

---

[62] Я. А. Коломинский. Социально-психологические проблемы взаимоотношений в малых группах. — «Вопросы психологии», 1971, № 6, с. 102.

[63] «Процесс циркуляции детерминантов, то есть кооперация, естественно, составляет предмет исследования и других общественных наук. Так, политическая экономия рассматривает стоимостные детерминанты, а социология должна бы исследовать аспекты кооперации, касающиеся объективных общественных отношений, которые в качестве детерминантов входят в процесс циркуляции. Ориентированная соответствующим образом, педагогика занималась бы механизмами осуществления, а этика — сформулированными целями общественного детерминирования личности. Исторический материализм должен рассмотреть в философском аспекте «онтологию» кооперации, ее значение для общественного процесса в целом и дать соответствующие методологические концепции для обособляющихся частных наук» (Г. Гибш и М. Форверг. Цит произв., с. 39).

[64] См.: Б. Д. Парыгин. Основы социально-психологической теории, М., 1971, с. 194—199.

совместной деятельности по выполнению определенных задач. Согласно Б. Д. Парыгину, определяющим фактором «социального формирования личности является поле ее общения в условиях макросреды». Эти аргументы сами по себе абсолютно правильны, но они адресованы неточно и не могут опровергнуть тот факт, что источник социально-технических явлений есть непосредственное общение в микросреде.

Прежде всего в данном случае разграничиваются не факторы, детерминирующие социальную сущность человека, а факторы, порождающие социально-психические образования — настроение, заражение, подражание и т. п. Когда мы говорим, что социально-психические явления и состояния являются результатом непосредственного общения в микросреде (семья, школа, улица и т. д.), это вовсе не означает умаления значения определяющей роли макросреды в формировании целостного облика человека. Микросреда не является и не может быть основным фактором формирования личности, но здесь речь идет не об основной детерминирующей причине сущности человека вообще, а о социально-психических явлениях, которые далеко не исчерпывают его социальную и нравственно-политическую сущность. Это также не означает, что социальная психика «независима» от макросреды, то есть от господствующей системы материальных и идеологических отношений в обществе. Напротив, характер микросреды, а следовательно, и особенности ее отражения в социальной психике зависят в конечном счете от общих социальных отношений. Общение как процесс непосредственного установления межындивидуальных связей и взаимодействия между людьми определяется системой конкретных общественных отношений. Оно всегда соответствует определенным, исторически сформировавшимся и социально обусловленным коммуникациям и регулируется нормами общественного поведения [65].

Непосредственность социально-психического отражения не следует понимать упрощенно как характеристику пространственно-временной дистанции между субъектом и объектом, потому что всякое социально-психическое явление тоже может быть многократно опосредствовано

[65] См.: Б. Г. Ананьев. Человек как предмет воспитания. — «Советская педагогика», 1965, № 1.

прошлым опытом личности или группы, обычаями, традициями и др. Непосредственность в данном случае означает такое отражение социальных фактов (настоящих или прошлых), которое непосредственно затрагивает интересы субъекта, непосредственно преломляется через призму группового сознания, проходит через фильтр коллективного «доверия или недоверия». Например, общественное мнение как продукт массового сознания социальных групп есть отражение явлений, фактов и событий, которые непосредственно связаны с интересами носителя этого мнения. Оно всегда имеет основой общие интересы, обусловливающие появление коллективных суждений. Часто эти события и факты далеки от субъекта общественного мнения, выходят за периметр непосредственного общения (они произошли в другой стране, в другом городе, селе), но каким-либо образом затрагивают интересы субъекта и в этом смысле непосредственно «относятся» к нему. При групповом настроении тоже имеется налицо определенное эмоциональное состояние, которое зависит от того, как и насколько другие люди затронули непосредственные интересы группы. Когда человек впадает в социально-психическое состояние стыда, он, в сущности, сознает в эмоциональной форме какие-то свои действия под воздействием коллективного осуждения, оценивает их с точки зрения мнения группы.

Кроме того, социально-психическое общение наличествует и в ситуации одиночества и временной изолированности. Эту его особенность можно проследить, например, в игре детей, которые на короткое время поставлены вне условий их привычного окружения (или временно оторваны от общения с другими детьми). В таких случаях многие дети создают себе «воображаемых партнеров», с ними они продолжают те игры, в которых участвовали в детском саду, на улице и т. п. Более того, они хотят видеть своих «воображаемых партнеров» и в контакте со взрослыми.

В одной из повестей А. Камю герой, рассуждая об одиночной тюремной камере, говорит: «И тогда я понял, что человек, проживший на свете хотя бы один день, мог бы без труда провести в тюрьме сто лет. У него хватило бы воспоминаний для того, чтобы не скучать». В этом смысле и Л. С. Выготский подчеркивает, что «человек наедине с самим собой сохраняет функцию общения».

Следовательно, вопрос о непосредственном общении как источнике социально-психических явлений не следует смешивать с вопросом о том, каким образом усваивается непосредственное воздействие — прямо или косвенно, пассивно или активно, непосредственно или через призму профессиональных, классовых и других особенностей. Это различные вопросы. Усвоение социально-психического воздействия зависит: а) от непосредственных условий существования людей и от воспроизводимых в процессе общения традиций, обычаев, стереотипов и т. п., б) от индивидуального житейского опыта, в) от природных анатомо-физиологических особенностей индивидов. В этом смысле социально-психическое отражение тоже опосредовано многими факторами.

3. Обыденное сознание, идеология и общественная психика

Исследование природы социальной психики предполагает не только сопоставление ее с особенностями индивидуальной психики, но и определение ее как элемента более общей системы, в которой она получает свою качественную определенность. Это означает, что надо раскрыть место и функции социально-психических явлений в структуре общественного сознания. В прежних исследованиях по этому вопросу нет единого мнения ни о сущности общественной психики как духовного явления, ни о ее связях с моралью и другими элементами общественного сознания.

При анализе гносеологических аспектов общественного сознания, то есть при анализе того, что оно отражает и какова степень систематизированности его отдельных компонентов, многие советские и болгарские авторы различают в конечном счете три характерных структурных образования: социальная психика, идеология и совокупность форм общественного сознания — политическое сознание, правовое сознание, нравственное сознание, научное сознание, философское сознание, художественное сознание и религиозное сознание[66]. Дру-

---

[66] См.: В. Ж. Келле. Структура общественного сознания, М., 1964; А. К. Уледов. О структуре общественного сознания. — «Философские науки», 1965, № 3; «Структура общественного сознания. Теоретико-социологическое исследование», М., 1968, и др.

гие авторы считают, что социальная информация, которая аккумулируется в общественном сознании, существует в двух основных формах: научной и оценочной [67]. Первая выполняет функции научного регулятора социальных процессов, а вторая реализуется в морали, праве, искусстве и политике.

Обычно мораль относят к формам оценочного общественного сознания, а социальную психику — к ступеням, уровням или «этажам» различных форм общественного сознания. Чаще всего ее отождествляют с обыденным сознанием. Социальную психику рассматривают как самую низшую ступень общественного сознания, включающую комплекс непосредственных впечатлений и представлений, полученных от воздействия социальной среды [68].

Ограничение социальной психики рамками элементарного обыденного сознания исходит из предпосылки, что в ней фигурируют те мысли и идеи об общественной жизни, которые еще не нашли вполне ясную и точную идеологическую форму и систематизацию. А поскольку социальная психика не является систематизированным общественным сознанием, постольку она не раскрывает основных тенденций в развитии социальной системы [69].

Несмотря на разграничение, которое Ст. Михайлов проводит между обыденным сознанием и социальной психикой (в зависимости от эмоционального и мыслительного, то есть логического, отражения общественной действительности), он категорически относит последнюю «к первой стороне и вместе с тем к самой низшей ступени общественного сознания». По его мнению, общественное сознание имеет три ступени: общественную психику, обыденное сознание и теоретическое сознание. «Общественная психика — самая низшая ступень общественного сознания, потому что чувства и настроения людей сами по себе не являются познанием» [70].

---

[67] Т. Стойчев. Обществено битие и обществено съзнание, 1972, с. 85—96; М. Стефанов. Наука, норма, управление, 1969, с. 73.

[68] См. В. Ж. Келле. Структура общественного сознания, с. 27; Б. А. Грушин. Мнение о мире и мир мнений, М., 1967, с. 31 и др.

[69] Д. Гърдев. Социлно управление и информация. — «Наука и изкуство», 1972, с. 195.

[70] Ст. Михайлов. Социализъм и отживелици, София, 1967, с. 35.

Очень часто обыденное сознание отождествляют с массовым сознанием и на этой основе полностью сводят социальную психику к проявлениям массового сознания. Однако последнее не может быть отнесено ни только к эмоциональной стороне сознания, ни только к низшей ступени отражения действительности. В массовом сознании органически переплетаются и собственно психологические образования, и идеологические представления и взгляды. «Общественная психология, — пишет А. Уледов, — не исчерпывает собой массовое сознание, хотя и является таковым. Массовое сознание — это определенное качество, которое приобретает то или иное духовное образование»[71]. Оно есть наличное или реальное сознание социальных групп, классов или общества в целом. Вопрос о разграничительной линии между массовым сознанием и социальной психикой нельзя сводить только к «распространенности» сознания. Он затрагивает прежде всего специфический функциональный аспект социальной психики, которая «действует» как в больших группах людей, в массовых движениях, так и в малых социальных группах, в психических состояниях личности, когда она находится в общении с группой.

Социальная психика, как и идеология, не является обособленной, самостоятельной формой общественного сознания, а проявляется во всех остальных формах общественного сознания. Социально-психические феномены имеются и в политическом, и в правовом, и в моральном сознании. Специфическими средствами они реализуют основные социальные функции общественного сознания. При этом они являются постоянным компонентом не только на самом низшем «этаже» всех признанных форм общественного сознания, а пронизывают всю их структуру.

Социальная психика — это «актуальное» проявление общественного сознания (правовое, нравственное, политическое и т. п.) в процессе совместной кооперированной деятельности людей. Но в данном случае актуальное проявление — это не обыкновенная совокупность соответствующих повседневных взглядов, чувств и настроений, а особый тип социальной информации, которая

---

[71] А. Уледов. Структура общественного сознания, М., 1968, с. 173.

функционально отличается от научной и оценочной информации.

Отличительная черта социальной психики состоит в том, что, отражая общественное бытие, она является не познанием общественного бытия, а эмоционально-побудительной и санкционирующей реакцией на события, факты, поступки и т. п., затрагивающие интересы данной общности людей. Она существует и функционирует как особое состояние общественного сознания, проявляющееся при переходе научных и оценочных мыслительных образований к практике, к совместной предметно-практической деятельности в форме *одобрения* (утверждения), *порицания* (наказания) и *ранжирования* (классификации) [72].

Независимо от многообразия различных социально-психических феноменов — групповое мнение и настроение, психическое заражение, авторитет и т. д. — все они в той или иной степени выражают коллективное одобрение или неодобрение, устанавливают социальный престиж данной общественной реальности, служат стимулом или тонизатором деятельности. При них отсутствует целеполагание, идеальный образ и доминирует отношение социальной группы к явлениям в форме переживания, эмоциональной реакции.

Как особый вид санкционирующей информации социальная психика отличается как от идеологии, так и от обыденного сознания. Идеология — это та часть общественного сознания, которая через систему идей и взглядов выражает и обслуживает интересы определенного класса или социальной группы. Она служит в качестве непосредственного руководства по преобразованию общественных отношений. Идеология, как правильно подчеркивает В. П. Тугаринов, есть не вся совокупность знаний о действительности, а та их часть, которая берется «на вооружение» классом или обществом в целом для изменения или сохранения существующих форм общественной жизни [73]. Она есть теоретическое обосно-

---

[72] Эта особенность социально-психической информации очень хорошо обоснована в отношении общественного мнения в книге Драганова (М. Драганов. Проблеми на общественото мнение, 1973, с. 46 и сл.).

[73] В. П. Тугаринов. Философия сознания, с. 141.

вание социально-политических, этических и эстетических ценностей общества (класса).

Социальная психика как результат непосредственного взаимодействия людей с материальной действительностью не есть какая-то «деидеологизированная» сфера, которая не испытывает влияния со стороны идей и теории. Между идеологией и общественной психикой существует тесное взаимодействие, но они не растворяются друг в друге, сохраняя свою специфику.

Для общественной психики характерно эмоциональное восприятие действительности. Чувства, настроения, переживания и волевые реакции совместно действующих людей, обусловленные особенностями их общественного бытия, господствующими идеологическими формами сознания, являются тканью, из которой возникают социально-психические феномены. Они не просто поглощают общее из индивидуального, а преобразуют его, делают его более глубоким, более значительным, моделируют его как коллективную санкционирующую реакцию. Все это происходит в рамках повседневных отношений между людьми, но продукт непосредственного общения не тождествен обыденному сознанию ни в гносеологическом, ни в социологическом плане[74].

Социальная психика отражает внешний мир не в виде образов, понятий, а в форме общего переживания, субъективного состояния группы личностей. Внутренняя природа переживания как атрибут сознания определяется объективными качествами предметов и их отношением к потребностям личности или социальной группы. *Переживание* — одна из сущностных черт или одно из свойств сознания. «Сознание,— пишут Е. В. Шорохова и В. М. Катанов, — не только знание, но и переживание. Объективное содержание сознания существует для человека как принадлежащее *ему* отражение внешнего мира, как его переживание»[75]. Сущность и содержание переживания определяются реальными взаимоотношениями личности

---

[74] Гносеологический план при анализе элементов общественного сознания означает раскрытие их отношения к объекту отражения, то есть как и что отражается, а социологический план включает их место, роль и функции в общественной жизни.

[75] Е. В. Шорохова и В. М. Катанов. Философские проблемы психологии. — Сб. «Философские вопросы идеологии высшей нервной деятельности и психологии», М., 1963, с. 101.

с окружающей ее средой. Как сторона сознания оно отличается от познавательных процессов, потому что не содержит образа отражаемого и проявляется в форме удовольствия или неудовольствия (страдания), напряжения или разрядки, возбуждения или успокоения[76]. В отличие от переживания идеальное всегда связано с гносеологической противоположностью объекта и субъекта в сознании человека и с возможностью оперировать образами внешних предметов и процессами как «самостоятельными» явлениями, как «идеальными реальностями».

Специфику обыденного сознания следует искать в характере отражения, и на этой основе оно может и должно сравниваться с «необыденным» сознанием, к которому относится теоретическое и научное сознание. Маркс и Энгельс, характеризуя обыденное сознание, подчеркивают, что оно отражает общественные отношения на уровне эмпирического мышления, что оно ограничено рамками житейского опыта[77].

Обыденное сознание есть совокупность житейских суждений и представлений, определенный способ отражения, основанный только на реальных и осязаемых фактах, на узком кругозоре и ограниченном социальном опыте людей. Разумеется, обыденное сознание тоже выражает отношение, но при нем главным, определяющим является отражение, и в зависимости от абстрактности этого отражения мы отграничиваем его от так называемых «концептуальных», «систематизированных» и других элементов общественного сознания. Вот почему линию разграничения между социальной психикой и другими формами общественного сознания не следует ис-

---

[76] К. К. Платонов. О системе психологии, с. 89.

[77] «И эмпирическое, и теоретическое,— пишет П. В. Копнин,— это уровни в движении мышления. Они отличны друг от друга по тому, как и с какой стороны в них дан объект, каким образом и способом достигнуто основное содержание знания, что служит логической формой его выражения... В эмпирическом мышлении объект отражен со стороны его внешних связей и проявлений, доступных живому созерцанию. Логической формой эмпирического является отдельно взятое суждение, констатирующее факт, или их некоторая система, описывающая явление... Теоретическое мышление отражает объект со стороны его внутренних связей и закономерностей движения, постигаемых путем рациональной обработки данных эмпирического знания. Его логической формой является система абстракций, объясняющая объект» (П. В. Копнин. Диалектика, логика, наука, М., 1973, с. 132).

кать только и единственно в степени и характере отражения.

Когда социальную психику относят к уровню обыденного сознания в зависимости от глубины (полноты) отражения, то не принимают во внимание ее главную, отличительную функцию. При таком подходе она становится синонимом ограниченности, поверхности и неполноты в отражении социальных процессов, привязанности к устаревшим взглядам, суевериям и предрассудкам. Не случайно, когда речь идет о пережитках и отрицательных явлениях при социализме, таких, как тунеядство, потребительские настроения, частнособственнические и националистические чувства и предрассудки, многие авторы склонны их относить исключительно к такому «убежищу», как социальная психика. Последняя едва ли не «привилегия» отсталых слоев населения, своеобразное проявление иллюзорности, стихийности и ненаучности их сознания. В действительности социальная психика функционирует не только в мире кухни домашней хозяйки, в купе вагона поезда или в очереди в магазине, не только среди людей, пришедших на футбольный матч, но и в коллективе научно-исследовательского института, изучающего сложнейшие проблемы сознания. Социальная психика переплетена как с обыденным, так и с научным познанием.

Однако связь между научным сознанием и социальной психикой не тождественна связи между научным сознанием и обыденным сознанием. Если научное и обыденное сознание связано по вертикальной линии как уровни познания объективной действительности, то социальная психика связана как с научным, так и с обыденным сознанием по горизонтальной линии как обязательный элемент и сторона каждого из этих уровней. Она пронизывает все ступени и формы общественного сознания, и нет другого материала, из которого она строится, кроме элементов их содержания. Социальная психика есть особое «отражение отражения» в процессе социального взаимодействия, в результате которого возникают новые духовные явления (настроения, заражение, авторитет и т. п.), выполняющие не познавательные, а санкционирующие, волево-побудительные функции.

То обстоятельство, что социальная психика пронизывает все сферы человеческой деятельности, не дает

основания отождествлять понятие «социальная психика» с многочисленными проявлениями общественного сознания — социальными чувствами, взглядами, интересами, потребностями, нравами и т. п. Р. Самсонов, например, пишет: «Социальная психика — это мысли, взгляды, представления, чувства, эмоции, настроения, желания, стремления, мнения, воля и готовность к определенным действиям и другие психические явления, процессы и состояния, присущие большим группам людей, классам, нациям, обществу в целом»[78]. Оставляя в стороне то обстоятельство, что в этом определении говорится не о малых социальных группах, а только о «больших группах людей», следует сказать, что в нем отсутствует то специфическое, особенное, что отличает социальную психику от других духовных явлений. Мораль тоже включает мысли, взгляды, чувства, желания и все прочие компоненты, которые перечисляет Р. Самсонов. Кроме того, хотя и мораль, и идеология «присущи большим группам людей», они полностью не совпадают с социально-психическими феноменами, а имеют свою относительную самостоятельность.

Согласно некоторым авторам, главное в содержании социальной психики (этим она отличается от идеологии) — это убеждения масс. «Если в идеологии, — пишет А. Уледов, — мы различаем идеи и взгляды прежде всего по их содержанию, то в общественной психологии имеем дело уже с убеждениями людей (целых групп, классов), то есть с тем, насколько идеи и взгляды, распространяемые в процессе идеологической работы среди масс, овладели сознанием последних, являются стимулами их поведения... Убеждения социальных групп, классов и других общностей составляют основное содержание общественной психологии»[79].

Сведение основного содержания социальной психики к убеждениям и к их усвоению не раскрывает точно ее специфику, а в отношении общественной задачи самой науки о социальной психике приводит к смешению ее с задачей педагогики и теории воспитания. Бесспорно,

---

[78] Р. Самсонов. Социальная психика и идеология, Ереван, 1970, с. 20.

[79] А. Уледов. Структура общественного сознания, М., 1968, с. 180.

социальная психика тесно связана с закономерностями формирования, изменения и развития убеждений. Она является важным мотивационным фактором человеческого поведения, но убеждения личностей, групп или классов характеризуют прежде всего их нравственно-политический облик.

Социальная психика относительно освобождена от конкретного содержания убеждения (одни и те же социально-психические закономерности могут быть использованы для формирования различных убеждений, а власть над другими людьми, которую дает нам овладение этими закономерностями, может быть использована как для моральных, так и для аморальных целей). Общественная психика затрагивает прежде всего динамичный аспект убеждений, циркуляцию духовных ценностей, их движение от группы к личности или обратно. «Общественная задача социальной психологии состоит — и это следует особо подчеркнуть — не в педагогическом утверждении этических ценностей в смысле коллективизма, а в обеспечении соответствующими знаниями об оптимизации процесса обмена человеческих сущностных сил, то есть кооперации, в той мере, в какой это касается субъективных аспектов поведения» [80].

Социальная психика — это один из способов актуализации и реализации человеческой кооперативной деятельности. В структуре этой деятельности следует разграничивать два качественно различных аспекта: а) соответствующие виды и формы деятельности и б) актуализацию механизмов деятельности [81]. При кооперированном приложении усилий множества индивидов для решения определенных социально значимых задач всегда имеется актуализация социально-психических механизмов, благодаря которым стимулируется и санкционируется активность субъектов. При этом процессы актуализации этих специфических механизмов человеческой деятельности также подчинены культуре, идеологии и морали, которые программируют и направляют социальную активность. Общественная психика содействует приведению соответствующих моральных ценностей из

---

[80] Г. Гибш и М. Форверг. Цит. произв., с. 42.

[81] См.: Э. С. Маркарян. Системное исследование человеческой деятельности. — «Вопросы философии», 1972, № 10, с. 82.

потенциального состояния нравственных норм в процессуальное, поведенческое состояние.

Итак, социальная психика возникает и функционирует в рамках определенного способа совместной деятельности людей как интегрирующее духовное образование, которое стимулирует, актуализирует и санкционирует реализацию многообразных (нравственных, эстетических, политических и т. п.) программ и «умений» личности и групп (коллективов). Она участвует в соответствующих способах деятельности множества кооперированно сотрудничающих индивидов, повышая индивидуальную активность, интегрируя и координируя усилия групп, создавая стереотипизацию поведения и т. п.

4. Системно-структурные и функциональные аспекты социальной психики

Социальная психика — это сложное динамичное и противоречивое духовное образование. Она функционирует как ансамбль настроений, эмоций и действий, как стереотипы и установки поведения, присущие различным группам людей, содержит сознательные и бессознательные формальные и неформальные санкции человеческих действий.

Подвижность социальной психики, неоднородность и сравнительно слабая согласованность ее компонентов вынуждают некоторых авторов считать, что она вообще имеет несистемный характер[82]. Но то обстоятельство, что социальная психика слабее дифференцирована, например, в сравнении с моральным сознанием, не означает, что она лишена своей структуры. В мире нет бесструктурных явлений и процессов. Структурность — всеобщая черта действительности.

Социальная психика — это не хаотичное или суммативное целое, а системное образование, то есть такая совокупность объектов, взаимодействие между которыми порождает новые, интегративные качества, не свойственные отдельно взятым компонентам, образующим систему.

---

[82] См.: В. В. Журавлев. Марксизм-ленинизм об относительной самостоятельности общественного сознания. — «Высшая школа», М., 1961, с. 30.

Однако ее внутреннюю целостность и относительную автономность не следует понимать поверхностно, как какое-то, видимо, обособленное явление, существующее наряду с другими духовными явлениями. То, что объединяет элементы социальной психики в одно целостное единство, — это специфическая информационная связь между ними. Системный подход в данном случае не сводит целое к его атомарным составным частям, а раскрывает функции этих частей в их отношении к целому, акцентирует значение не столько отдельных элементов, сколько связи между ними, подчеркивает динамичный и автономный характер системы. Социальная психика приобретает характер структурно организованного целого благодаря функциональной зависимости и взаимодействию составляющих ее индивидуальных психик.

Когда социальную психику рассматривают как своеобразную взаимодействующую систему, то предметом исследования являются не конкретные индивидуальные психики, а особая связь и зависимость между ними, процессы и продукты взаимодействия[83]. Мы интересуемся общими свойствами, возникающими как результат качественно своеобразных взаимодействий. При таком подходе необходимо абстрагироваться от многообразных свойств, присущих конкретным системам, входящим в качестве составных частей в данную систему взаимодействия, и фиксировать то свойство, которое порождено новым типом взаимодействия.

Относительная самостоятельность социальной психики в целом или же отдельных подсистем (общественное настроение и мнение, групповое сознание, воля и т. п.) проявляется в следующем: 1) новое, интегративное качество не сводится к качеству ее системообразующих частей; 2) она «обладает» способностью существенно видоизменять составляющие ее индивидуальные психические явления и создавать новые «части» и процессы

---

[83] По этому поводу Б. М. Кедров правильно подчеркивает, что «когда из отдельных частей или индивидуумов образуется качественно новая система как нечто целое, то ее специфика обусловливается характером или типом этого взаимодействия, через которое исходные части связываются между собой, образуя данный коллектив или данную систему» (Б. М. Кедров. О соотношении и формах движения материи в природе.— Сб. «Философские проблемы современного естествознания». М., 1959, с. 142).

в рамках своего единства; 3) она может участвовать как часть или подсистема другой, более обменной духовной системы (морали, права, религии и т. п.), а также и в границах своего органического единства может расчленяться на внутренние подсистемы; 4) она закономерно связана с изменениями в социальной среде, то есть с социальными условиями и факторами кооперированной человеческой деятельности, непрерывно ощущает ее воздействие на «входе» и отвечает соответствующими реакциями через свои «выходы».

При взаимодействии множества индивидуальных психик возникают новые духовные «продукты», которые в свою очередь порождают и новые духовные процессы. В сущности, функционирование социальной психики как особой взаимодействующей системы осуществляется путем постоянных переходов процесса в продукт и, обратно, продукта — в процесс[84]. Возникая как следствие процесса подражания, психического заражения и т. п., продукты взаимодействия (коллективные чувства, настроения, ценности и пр.) превращаются в условие для нового процесса, оказывая таким образом обратное влияние на дальнейший ход взаимодействия и становясь в ряде случаев этапами развития. В свете этой закономерности можно объяснить ряд особенностей социальной психики — возникшее в результате общения социально-психическое явление (настроение, авторитет, групповое мышление) оказывает обратное влияние на индивидуальную психику. Социально-психологическое взаимодействие, порождая «продукты» группового (коллективного) сознания, изменяет и внутренние свойства, качества участвующих в нем, которые затем, вступая в новое взаимодействие, создают и новые социально-психические явления.

Социальную психику можно рассматривать как особый вид структуры-ансамбля, который включает не одно, а множество качеств (элементов), находящихся в информационном взаимодействии и образующих благодаря этому единое целое. В результате этого процесса возникает такое качество целого (системы), которое отличается от качества отдельных составляющих его эле-

---

[84] См.: Я. А. Пономарев. Психика и интуиция, М., 1967, с. 148.

ментов. Социальная психика действует как функциональная целостность (ансамблевая структура), регулирующая поведение в том или ином направлении, пока осуществляется взаимодействие между специализированными функциями отдельных компонентов. Не уничтожая свойства отдельных своих частей, социальная психика присутствует как новое качество в содержании и форме каждого конкретного психического явления, процесса или состояния.

Посредством идеи структуры-ансамбля Б. А. Ерунов удачно объясняет природу, дифференциацию и интеграцию коллективного чувства. «Множество чувств разных видов влияют друг на друга. Их влияние взаимно и приводит к отклонению каждого из них в ту или другую сторону. Отдельное чувство теряет свою обособленность и становится в известное отношение к образующемуся единству. Совместное проявление множества видоизмененных чувств вызывает к жизни при определенных обстоятельствах новое, более сложное чувство. Его нельзя отождествлять с качествами отдельных составляющих его элементов. Эта нетождественность целого элементам и есть качество ансамбля, которое не уничтожает качеств отдельных своих частей» [85].

Характерной чертой взаимодействия элементов социальной психики является интегральность, то есть взаимное проникновение и стирание различий и субординаций. В системе чувств, настроений, потребностей имеются основные и неосновные социально-психические явления. В каждом из них различным образом и в различном иерархическом соподчинении проявляются эмоциональные и рациональные элементы. Это можно четко обнаружить, сравнив такие близкие социально-психические явления, как мнение, настроение и умонастроение. Настроение имеет подчеркнуто эмоциональный характер. Оно выражает определенную направленность социальных чувств. Умонастроение также содержит эмоциональные элементы, но оно включает и образцы, представления, намерения, связанные с этими чувствами, выражает более ясно отношение субъекта к объекту. Мнение является в большей мере мыслительным актом, но оно также выражает

---

[85] Б. А. Ерунов. Мнение и умонастроение в историческом аспекте. — Сб. «История и психология», М., 1971, с. 112.

ценностное отношение и поэтому непосредственно зависит от умонастроения Последнее как более устойчивое внутреннее отношение воздействует на восприятия и мышление, оказывает влияние на мнение.

В конечном счете автономия и относительная целостность социальной психики обусловливаются: а) характером взаимодействия (подражание, авторитетно-суггестивная связь, конформизм и др.), через которое системообразующие психические феномены связываются друг с другом; б) свойствами индивидуальных психик, находящихся во взаимодействии и образующих данную систему. Отсюда следует, что характер социально-психических образований зависит от качественно содержательной стороны индивидуальных сознаний. Например, социальная психика данного коллектива не может обладать чертами высокой общественной ответственности, взыскательности, идейности и принципиальности, если эти качества и черты не присущи отдельным личностям, образующим коллектив.

Наивно полагать, что социалистическое содержание в психике производственной бригады, отдельного трудового или учебного коллектива может строиться вне и независимо от изменения и самоизменения индивидуальных сознаний. Новое нравственное содержание в психике малых социальных групп, и, в частности, чувство общественного долга, коллективизма, товарищеское сотрудничество и взаимопомощь, возникает тогда, когда взаимодействующие индивидуальные сознания носят в себе эти черты, когда каждая отдельная личность участвует в «создании» группового сознания. Вот почему ошибочно будет искать изменение и «оптимизацию» социально-психологического климата в коллективе только в каком-то внешнем воздействии, путем организационных зависимостей, в отрыве от работы по изменению реальных помыслов и чувств реальных личностей.

Системный подход к социальной психике требует раскрытия ее внутреннего строения, выявления компонентов, из которых она образована. Системно-компонентный аспект системного подхода означает ответ на вопрос: из чего, из каких компонентов образовано целое? При использовании этого подхода следует проводить различие между объектом и системой. Всякий объект может рассматриваться как бесконечная совокупность

систем в зависимости от избранной точки зрения[86]. И действительно, различные воззрения на сущность социальной психики приводят и к различным точкам зрения при характеристике ее элементов.

В одних случаях за основу их классификации берутся особенности личности, и структура общественной психики оказывается производной от структурной характеристики личности. В других случаях ударение ставится только на массовидных явлениях социальной психики (психологических особенностях классов). Очень часто в различных классификациях указывают одни и те же элементы, но им дается различная интерпретация с точки зрения их связи с целым.

В вышедшем в 1972 г. «Курсе лекций по социальной психологии» А. Г. Ковалева указываются следующие основные компоненты в структуре общественной психики: 1) Группа психических свойств, которые представляют побуждения или мотивы массового или коллективного поведения—социальные потребности и интересы и формирующиеся на их основе социальные установки, чувства, убеждения, идеалы. 2) Группа психических явлений, называемых процессами. К ним автор относит восприятие, память, мышление, воображение, эмоции, волевое действие, рассматривая их как присущие коллективу. 3) Кроме свойств и процессов, выделяется и такая категория, как состояния, которая характеризует временную, но относительно устойчивую активность социально-психических явлений. Состояния бывают положительными и отрицательными. 4) К общественной психологии относятся и традиции социальных групп, а также знания и навыки, которые характеризуют готовность коллектива к определенной деятельности[87].

Исходя также из принятого в психологической литературе деления всех психологических компонентов на психические свойства, процессы, состояния и отношения, советский автор В. В. Ермолин указывает четыре

---

[86] В связи с этим некоторые авторы считают, что «система есть то, что нам нужно знать о данном объекте, чтобы решить какую-то конкретную задачу исследования, планирования и управления» (А. И. Берг, Ю. И. Черняк. Информация и управление, М., 1966, с. 12).

[87] А. Р. Ковалев. Курс лекций по социальной психологии. М., 1972, с. 49—52.

основные группы элементов в социальной психике: *первая группа* объединяет социально-психологические свойства, мобилизующие людей для различных видов деятельности, — потребности, интересы, цели, воля; *вторая группа* включает социально-психологические состояния, проявляющиеся при эмоциональных отношениях, — чувства, эмоции, страсти, настроения, мнения, предрассудки, иллюзии, которые участвуют в формировании всякого социально-психического явления; *третья группа* — устойчивые социально-психические формы и продукты человеческой деятельности, материализованные и закрепленные в человеческом поведении, — привычки, обычаи, нравы, традиции; *четвертая* — социально-психические процессы, свойственные различным формам непосредственного общения людей, — внушение, убеждение, подражание, пример, вкус, мода [88].

Г. И. Батурина, выясняя структурные элементы социальной психики, указывает на: 1) Психическую установку классов, наций, социальных групп, включающую исторически сформировавшуюся совокупность черт социального характера, привычки, обычаи, традиции и предрассудки. 2) Эмоциональное отражение экономических, политических и бытовых условий жизни в данной общности людей, которое проявляется в социальных чувствах, настроениях, интересах, потребностях, идеалах, иллюзиях и т. д. 3) Социально-психологические явления, возникающие в группах при непосредственном взаимодействии между людьми, — мода, слухи, паника и т. д. 4) Гностические и коммуникативные особенности личности: восприятие и понимание людьми друг друга, речь и другие средства общения, соотношение между ролью и статусом личности и др. [89]

При определении элементов социальной психики известный советский ученый Б. Ф. Поршнев исходит из представления о социальном коллективе не как простой сумме индивидов, а как системе, усиливающей или ослабляющей те или иные стороны индивидуальной пси-

---

[88] В. В. Ермолин. К вопросу о структуре социальной психологии социализма. — Сб. «Вопросы социальной психологии (тезисы докладов к семинару по социальной психологии)», Л., 1968, с. 44—45.

[89] Г. И. Батурина. Общественная психология и идеология. Сознание и нравственность, вып. 3, «Ученые записки», т. 102, Иваново, 1972, с. 70—71.

хики. Социально-психологические явления, с одной стороны, связывают и унифицируют коллектив, порождают однородные побуждения и акты поведения, а с другой — противопоставляют или обособляют членов данного коллектива по отношению к другим коллективам по определенному признаку. В связи с этим автор выделяет следующие элементы: а) *«психическую контагиозность»* (то есть социально-психические процессы, связывающие и унифицирующие данный коллектив); б) *«психический негативизм»* (это социально-психологические процессы, порождающие у членов данного коллектива противопоставление, обособление); в) авторитетность как синтез и поднятие на новую высоту первых двух элементов. Кроме того, к элементам он относит и чувство коллективизма, гордость, страх, настроение и др. [90]

Указанные воззрения на структуру социальной психики подчеркивают, хотя и с различных точек зрения, ее важнейшие составные компоненты. Они фиксируют также основные взаимосвязи между ними. Серьезный недостаток некоторых из рассмотренных вариантов описания структуры социальной психики — механическое перенесение существующей в общей психологии классификации психических явлений на область социальной психологии (Ковалев, Ермолин). Другие авторы допускают неоправданное расширение структурных границ социальной психики, что приводит к заключению психологии различных форм духовной деятельности в собственно структуру социальной психики. При системно-компонентной характеристике все еще недостаточно учитывают особенности основного социально-психического явления — взаимовлияния между группой и личностью (и обратно) в процессе общения.

Мы считаем, что все попытки дифференцированной системно-компонентной характеристики социальной психики должны исходить из элементарной «клетки» анализа, а именно прямого влияния человека на человека в условиях непосредственного взаимодействия при осуществлении той или иной совместной деятельности. В связи с этим необходимо разграничивать, хотя бы условно, следующие компоненты: 1) специфические социально-

---

[90] Б. Ф. Поршнев. Элементы социальной психологии. — В: Проблемы общественной психологии, М., 1965, с. 176, 177, 183.

психические закономерности непосредственного взаимодействия (подражание, внушение, авторитетность и др.); 2) возникающие в результате этих закономерностей явления, состояния, процессы. Они могут быть: а) динамичными социально-психическими явлениями — взаимные оценки, претензии, симпатии, антипатии и пр.; б) статичными социально-психическими явлениями — особенности коллектива или отдельных групп, стереотипы, привычки, установки группового сознания и пр.

В зависимости от того, на каком социальном уровне «закрепляются» социально-психические образования, они относятся либо к отдельному коллективу, либо к классу, обществу, нации. При таком подходе более важными структурными образованиями и формами общественной психики, характеризующими феноменологическую основу социально-психической теории, являются:

1) Специфические закономерности непосредственного общения: отношения между средствами и способами взаимовлияния, механизмы подражания, внушения, самоутверждения, психическое заражение, авторитет, совместимость (несовместимость) и др.

2) Возникающие в результате общения групповые психические явления, состояния и процессы: коллективные чувства и настроения, групповое мнение, коллективная воля, влечения и потребности, групповые ориентации, традиции и обычаи, иллюзии, предрассудки и др.

3) Устойчивые психические особенности различных социальных групп — классовые, национальные, профессиональные, демографические, находящие выражение в психической установке, в характере и ценностных ориентациях, в устойчивых социальных чувствах, умонастроениях и т. п.

4) Обусловленные ими психические состояния индивида в группе, в коллективе и социально-психические механизмы контроля за его поведением (экспектации, коллективные санкции, ролевое поведение и пр.).

Независимо от многообразия, динамики и относительно более слабой внутренней организованности и согласованности различных социально-психических феноменов они обладают свойством усиливать (или, наоборот, парализовать) индивидуальную интеллектуальную и волевую активность человека, быть регулятором и то-

низатором поведения, создавать установку для того или иного восприятия информации.

Каковы же конкретные специфические общественные функции указанных структурных образований и закономерности социальной психики? Выяснение этого вопроса имеет важное значение для раскрытия ее взаимодействия с моралью и другими сферами общественного сознания. Но что мы будем понимать под функцией социальной психики? Известно, что термин «функция» имеет весьма многозначное применение: в математике — как зависимая переменная величина, в других науках — как деятельность данного органа или как обозначение результата, следствия данного объекта или процесса.

Функциональная роль социальной психики означает ее отношение в целом или отдельных ее компонентов к потребностям общества, социальной системы. В данном случае раскрытие функциональности предполагает не абсолютную, целостную оценку явления, а только оценку его отношения к потребностям общества, группы, класса, его включенности в общую систему социального взаимодействия [91].

Специфическую функцию социальной психики следует искать в том особом способе, каким она реализует требования общественного сознания в практической деятельности людей, в ее роли как социализирующего и регулятивного фактора поведения. Ее функционирование как духовное явление наиболее полно проявляется в фазе предстоящей или уже протекающей практической деятельности, при «объективации» идей в коллективном поведении социальных групп [92]. Основные функции социальной психики — это интегративный результат функционирования образующих ее компонентов. Они показывают, как социальная психика «выполняет свою работу» по обслуживанию практической деятельности людей и по духовному «обеспечению» других форм общественного сознания.

Наиболее характерные способы, посредством которых социальная психика обслуживает общий регулятивный комплекс человеческого поведения (общественного

---

[91] См.: Э. В. Соколов. Культура и личность, Л., 1972, с. 82.

[92] См.: Т. Стойчев. Обществено битие и обществено съзнание, с. 152.

сознания) и выполняет свою специфическую роль в системе общественных отношений, проявляются в следующих более важных функциях:

1) *Интегративно-обучающая функция.* Социальная психика содействует овладению социальным опытом, формируя единое направление мыслей, воли и чувств в данной социальной группе. Она является важным механизмом в процессе научения, передачи социального опыта, который зафиксирован в структуре определенной человеческой деятельности и передается с помощью средств труда, предметов, знаков и других продуктов человеческой деятельности. Такие социально-психологические явления, как традиции, обычаи, ритуалы и пр., — необходимый момент в историческом воспроизведении поколениями устойчивых форм материальной и духовной деятельности, сложившихся способов поведения, нравов, мнений и т. п.

Существуют два способа передачи социального опыта в зависимости от его материального носителя: а) предметный (зафиксированный главным образом в орудиях производства) и б) знаковый. Для понимания социально-психического воздействия особое значение имеет различие между орудием и знаком. Орудие, пишет Выготский, направлено «на изменение чего-либо во внешней ситуации, функция знака заключается раньше всего в том, чтобы изменить нечто в реакции или в поведении самого человека. Знак ничего не изменяет в самом объекте, он только дает иное направление или перестраивает психическую операцию»[93]. В предметной форме зафиксированы определенные способы деятельности, а в знаковой объективизированы представления, взгляды, идеи.

В данном случае обучающая функция социальной психики не является познавательной функцией, которая присуща главным образом науке и другим сферам сознания. Обучение (научение) является незаменимым компонентом человеческой деятельности и не должно сводиться только к приобретению общих или конкретных знаний. Оно включает также овладение общественными позициями, определенным групповым или классовым сознанием, определенными стереотипами, установками,

---

[93] Л. С. Выготский. Развитие высших психических функций, М., 1960, с. 168.

эмоциональными реакциями, манерами поведения и т. п.

Когда говорят об обучающей функции социальной психики, не следует забывать, что «учебное содержание» (орудие производства, общественные отношения, культурные ценности и др.) не создается социальной психикой, а является конкретно-историческим продуктом общественной деятельности. Своими специфическими средствами (заражение, соответственно подражание и авторитет, экспектации и др.) она выполняет вспомогательную актуализирующую роль в овладении этим содержанием.

Социально-психическое общение — это одно из средств усвоения культуры, которое помогает всем другим сферам духовной деятельности. Общество создает не только материальные и духовные ценности, но и механизмы авторитетности как необходимое условие овладения накопленным опытом [94]. В одних случаях социальная психика помогает человеку овладевать операциями с орудиями труда (подражание), в других — создает установки на определенные ценности (в силу авторитетности, общественного мнения и т. п.), в третьих — содействует овладеванию определенными чувствами и идеями, «погружая» человека в какое-то общественное настроение или умонастроение.

2) *Адаптивно-коррелятивная функция.* Она состоит в способности социальной психики соотносить и приводить индивидуальное сознание в соответствие с принципами и нормами, господствующими в социальной группе или классе (обществе). По существу, это есть особое проявление обучающей функции. Известно, что всякая культура вырабатывает формы и правила коммуникации, соответствующие конкретным условиям взаимодействия между людьми и призванные обеспечивать наиболее эффективное достижение целей (коллективных или индивидуальных). Социальная психика облегчает

---

[94] «Так как, — пишет Гегель, — существует очень много предметов, в отношении которых у нас не может быть своего собственного опыта, например прошлое, то нам приходится полагаться также и на авторитет других. Те предметы, которые в силу авторитета других людей мы считаем истинными, тоже являются предметами опыта. Полагаясь на авторитет других, мы верим в то, что вероятно» (Гегель. Работы разных лет, т. 2, М., 1971, с. 12—13).

взаимное приспособление, понимание и взаимопомощь при координации сложных действий.

В процессе общения происходит адаптация личности к определенным образцам поведения. Социальная психика помогает личности адаптироваться к соответствующим условиям в данной группе, которая служит как модель для подражания, как его инструмент и вместе с тем как стимул для этого. Включаясь в группу, человек постепенно адаптируется. Попадая в казарму, молодой человек приобретает новые навыки, даже новые слова, функционирующие в данной среде. Разумеется, это достигается через содержание всей новой организации деятельности. Но здесь наряду с другими средствами действует и социальная психика, проявляющаяся иногда в обычной насмешке со стороны группы, в подражании опытным солдатам и т. п. Всякое отклонение от привычного, повседневного вызывает коллективную реакцию, которая влияет на поведение, может внести раздвоение, вызвать неуверенность, страх у человека. Не случайно некоторые авторы подчеркивают значение согласия как результат всякой коммуникации[95]. Согласие не всегда означает общность интересов. Оно только приводит к формированию общей картины мира, к общему определению ситуаций у тех, которые объединены совместной деятельностью. А это необходимо, чтобы люди могли предвидеть поведение других людей и координировать свои действия.

Социальная психика оказывает коррелятивное воздействие, поддерживая поведение в соответствии с рамками определенной целостности. Это достигается путем овладения конвенциональными нормами, действующими в данной микросреде. Адаптация предполагает частично отождествление с ролью другого человека, то есть воображаемую постановку себя на его место. Согласие и коммуникация облегчаются эмпатией (способностью к сопереживанию, к непроизвольному отклику на чувство со стороны другого). Особенно ярко проявляется адаптивно-коррелятивная функция социальной психики при обычаях и ритуалах. Они представляют собою исторически сформировавшуюся или специально установленную фор-

---

[95] См.: С. Шибутани. Социальная психология, М., 1969, с. 120 и сл.

му массового поведения, выражающегося в стандартизованных действиях, приобщающих индивида к господствующим нормативным требованиям.

Главная адаптирующая сила — пример и авторитет других, социально-психическая санкция в форме коллективного одобрения или неодобрения. Важным средством реализации этой функции является общественное или групповое мнение. Оно представляет собою совокупность доминирующих оценочных суждений в коллективе, выражающих общее или преобладающее отношение к определенным фактам и событиям. Его оперативность в оценке поведения, его гласность, систематичность и авторитетность превращают его в особое средство «духовного принуждения».

3) *Экспрессивная или усиливающе-побудительная функция.* Она проявляется: а) в способности социальной психики усиливать и активизировать механизмы человеческой деятельности под влиянием коллективных чувств и воли и б) в ее способности создавать новую коллективную производительную силу («массовую силу»), о которой говорит Маркс в «Капитале», повышать индивидуальную силовую потенцию. Не без основания Гибш и Форверг считают, что с антропологической точки зрения «открытие» людьми этой массовой силы по своему значению вполне равноценно открытию использования огня. Они усматривают источник этой побудительной массовой силы: 1) в изменении мотивации и стимулов личности, в готовности к новым усилиям, которые наступают у человека в процессе совместной кооперативной деятельности, и 2) оптимальном сочетании и координации индивидуальных усилий, которое становится возможным в группе [96].

4) *Контрольно-санкционирующая функция, воздействующая на поведение.* Социальная психика — носитель системы неформальных санкций общества, класса, группы, посредством которой поведение индивидов подчиняется социальной общности, согласуется с интересами социального целого. Она содействует охране той «свободной зоны» для варьирования поведения, которая определена нормами и требованиями группы, класса (общества). Всякая человеческая деятельность, поскольку она

[96] См.: Г. Гибш и М. Форверг. Цит. произв., с. 146 и 152.

протекает в обществе и направлена на достижение определенных социально значимых целей, опирается на систему норм, ценностей и значений, призванных исключать или ограничивать чисто случайные или чисто субъективные мотивы и обстоятельства, обеспечивать надежность, предсказуемость и известную стандартность поведения. Общественное мнение, ожидания (экспектации) в коллективе, лидерство и другие социально-психические феномены — это такие социальные «стражи», которые воздействуют на поведение в духе тех или иных норм.

5) *Функция проективной разгрузки.* Социальная психика — это сложное духовное образование, которое содержит не только нормативные «желания», намерения, эмоции. Человек постоянно совершает выбор между различными вариантами действия, вступает в противоречивые связи с обществом. Наличие неудовлетворенных желаний, нереализованных намерений, конфликтов между личностью и группой порождает психологическое напряжение, возбуждение. «Благодаря сходным условиям жизни и психическому взаимовлиянию в группах напряженность и неустойчивость становятся чертами общественной психологии. Перед культурой возникает сложная проблема: освободить сдерживаемые импульсы, не нарушая при этом существующей системы норм. В индивидуальной жизнедеятельности освобождение от эмоциональной напряженности происходит с помощью смеха и плача. В культуре эта проблема решается более сложными способами»[97]. Важную роль в этом отношении играют праздники, массовые представления, карнавальные шествия, ритуалы и др., при которых особая социально-психическая атмосфера служит отдушиной, разгрузкой.

Еще с глубокой древности ритуализированные действия являлись средством усиления эффектации, которая отклоняет агрессивные импульсы, умиротворяет, переключает внимание с временного и случайного на постоянное и устойчивое.

Анализируя роль карнавального мироощущения, свадебных и погребальных ритуалов, массовых игр и т. д., советский исследователь Соколов отмечает: «Специфика

---

[97] Э. В. Соколов. Культура и личность, с. 143.

этих механизмов состоит в том, что с их помощью символически, то есть условно, иллюзорно, разрешаются противоречия, не могущие быть практически разрешенными при данных условиях. Культура удовлетворяет нереалистические желания, освобождает импульсы и стремления, ею же запрещенные и ограничиваемые, проецируя их на замещающий или иллюзорный объект» [98].

Социологические и психологические исследования показывают, что такие негативные социально-психические явления, как сплетня, молва, слухи, выполняют функцию отдушины. Они служат определенным эмоциональным целям. Обычно ни распространяющий сплетни, ни слушающий их не могут «дефинировать» эти цели, но и тот и другой смутно чувствуют, что сплетня устраняет их плохое самочувствие и подавленность. Это извращенный и ложно адресованный способ проявить свое недовольство, желание бороться, не выступая прямо против противника.

В своей «Краткой апологии сплетни» Александр Мичерлих пишет, что, хотя сплетня и является досадной, иногда опасно ядовитой (когда доходит до позорной клеветы), «она является отдушиной, которой люди, опутанные цепями общества, не могут себя лишать». Обычно сплетня распространяется среди людей с одинаковыми желаниями, ожиданиями и страхами. Зависть и недоброжелательство, собственная неуверенность и негативная самооценка часто оказываются побуждающими моментами для оговаривания других. «Чем менее силы мы ощущаем в себе, чтобы освободиться от условностей, тем более скрытным является способ нашего отмщения»,— констатирует Мичерлих. Этот же автор отмечает: «В обычной повседневной жизни люди платят мелкой монетой. Таковой является сплетня и все то, что с ее помощью прицепляют третьему лицу. Объект сплетни — не факты, а аффекты, которые они возбуждают у нас. Усилия направлены не на то, чтобы понять соответствующее лицо, а просто на то, чтобы испытать своего рода удовольствие. Фактически действия лица, о котором сплетничают, не подвергаются анализу».

Характер и формы психической разгрузки зависят от уровня духовного развития общества. Чем сильнее

---

[98] Э. В. Соколов. Культура и личность, с. 145.

социальные антагонизмы, чем ниже культурный уровень народа, чем больше угнетена, унижена и лишена прав личность, тем сильнее тенденция к условному, символическому осмыслению жизни, к иллюзорному проецированию. В антагонистических обществах проективные духовные образования (религиозные и политические мифы) служат интересам господствующих классов, являются «опиумом» для народа. Разумеется, проективно-разгружающая функция социальной психики способствует и укреплению культурной сплоченности, развитию классового или национального самосознания.

Указанные функции социальной психики органично связаны и могут быть обособлены только в области научного анализа. Кроме того, их нельзя приписать только тому или иному отдельному социально-психическому образованию. Именно в своей целостности общественная психика содействует овладению социальным опытом, повышению индивидуальных усилий в процессе совместной деятельности, регулированию отношений в духе определенных норм.

Все функции социальной психики связаны с качественно новыми особенностями человеческого бытия, отличающими его от биологических форм жизни. Процесс очеловечивания начинается с «осознания того, что человек вообще живет в обществе»[99]. Отношения людей к внешнему миру существуют только через их отношение друг к другу, а характер этого отношения зависит от способа производства материальных благ.

Социально-психическое воздействие на поведение проистекает из коллективного характера трудовой деятельности и того обстоятельства, что человек удовлетворяет свои потребности не изолированно, а через другого человека, через коллектив. Отдельный индивид не может удовлетворять свои потребности, не вступая в определенные отношения с другими людьми. В обществе, говорит Маркс, «каждый обслуживает другого, чтобы обслужить себя самого; каждый взаимно пользуется другими как своими средствами, каждый, таким образом, делает себя бытием для другого, будучи бытием для себя, а этот другой делает себя бытием для него, будучи бы-

---

[99] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 30.

тием для себя — эта взаимосвязь есть необходимый факт...»[100].

Сущность и функции социальной психики могут быть объяснены тем фактом, что индивид овладевает определенными формами деятельности не изолированно, а только через научение другими, через общение. Социальный опыт никогда не дается человеку в готовом виде, а задается ему другими людьми, продуктами их деятельности.

В то время как в органической эволюции передача опыта осуществляется через биологическую наследственность, в общественной жизни действуют качественно новые формы — передаются достижения культуры через язык, книги, клубы, игры, праздники и др. Однако изменяется не только предмет и содержание наследуемого, но и его формы — от внутреннего и непосредственного биологического наследования осуществляется переход к внешней и опосредствованной передаче опыта через материализацию и объективизирование идей внешних предметов. Возникает новая, духовная преемственность[101].

Социальная психика — это своеобразная духовная связь личности с группой, с коллективом, а через них и со всем обществом. Более того, основная «клетка» общественной психики — воздействие человека на человека — есть исходное психологическое отношение между людьми[102]. Подражание, влияние человека на человека —

---

[100] Из рукописи Карла Маркса «Критика политической экономии» (черновой набросок 1857—1858). — «Вопросы философии», 1965, № 8, с. 131.

[101] «Благодаря такому переносу и объективированию, — пишет Л. Живкович, — возникли все культурные достижения, а с ними и весь социальный процесс, новая форма и новый характер существования: форма *внешнего, надындивидуального существования*, к которому индивид относится с почтением и любовью (а иногда и со страхом), и характер *внешнего принуждения*, которое, с одной стороны, выражается в защите данных общественных состояний, в традициях и санкциях против их нарушения, а с другой — в столкновениях старых традиций и новых стремлений... Человек в своей общественной жизни оказывается не только материально связанным со своими средствами производства и предметами материальной культуры, но и духовно связанным с объективированными общественными учреждениями и духовной культурой» (Л. Живкович. Теория социального отражения, М., 1969, с. 212).

[102] См.: Б. Ф. Поршнев. Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества.) — В сб. «История и психология», М., 1971, с. 11 и сл.

средство овладения определенными формами деятельности. Каждый отдельный человек учится быть человеком, так как, «чтобы жить в обществе, ему недостаточно того, что ему дает природа при его рождении. Он должен еще овладеть тем, что было достигнуто в процессе исторического развития человеческого общества» [103]. Социальная психика содействует индивиду в воспроизводстве исторически оформившихся свойств и способностей человеческого рода. Она облегчает механизм переноса, через который общественный опыт становится личным, субъективным миром. Коллективное воздействие, шаблон и повторяемость при трудовых операциях являются необходимым условием овладения социальным опытом и вместе с тем средством формирования «коллективных представлений».

Следовательно, основная социально-психическая закономерность, побуждение, прямое влияние проистекают как в филогенетическом плане, то есть в жизни человечества в целом, так и в онтогенетическом плане, то есть в жизни отдельного человека, из того обстоятельства, что человек осознает общественное бытие не «самостоятельно» и не через имманентные биологически унаследованные механизмы, а через то, что было осознано его предшественниками, и через призму своей принадлежности к определенному коллективу. Но тут следует подчеркнуть, что побуждение, «прескрипция» в рамках социально-психического воздействия ограничивается правилом «поступай как другие». Оторванное от других компонентов общественного сознания, это правило не отвечает на вопросы: «Почему я должен поступать так?», «Во имя чего я должен это делать?»

На определенном этапе исторического развития принцип «поступай как другие», то есть коллективное воздействие, дополняется чем-то новым: «ты должен поступать так, потому что это хорошо». Именно на этот вопрос отвечает моральное сознание общества. Мораль, которая опирается на побудительную силу социальной психики, дает человеку информацию о смысле, о ценно-

---

[103] А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики, М., 1972, с. 408.

сти вещей и о необходимости действовать или воздерживаться от действия во имя определенных нравственных ценностей.

II. Происхождение и особенности морали

Если социальная психика затрагивает главным образом и прежде всего коммуникативный и гностический аспекты общения (формы и характер контактов, активность взаимоотношений, восприятие и интерпретация информации, изменения в поведении под влиянием взаимодействия между людьми), то мораль определяет содержательный аксеологический и деонтический потенциал общения — что есть добро или зло, справедливое или несправедливое, достойное или недостойное и т. п.

Как разновидность идеологических отношений общества, как одна из форм общественного сознания мораль оказывает воздействие на человеческое поведение через принципы и нормы, через императивные требования, оценки и идеалы, оказывает направляющее, мобилизующее, социально-интегрирующее влияние на мотивы и внутренний выбор личности. Нормативность — это существенная сторона морального сознания, через которую поведение людей регулируется, направляется в определенное русло и к определенному идеалу.

В структуре моральной системы (нравственное сознание и нравственные отношения) находят специфическое выражение противоречивые связи между интересами отдельного человека и интересами группы, класса, общества. В качестве одной из важнейших форм общественного сознания мораль характеризуется как спецификой отражаемой стороны общественного бытия, так и спецификой самого отражения [104]. Она является нормативно-оценочным отражением взаимосвязи между личными и общественными интересами людей. Во все периоды общественного развития основная функция морали была направлена на то, чтобы регулировать индивидуальное поведение людей в согласии с теми нормами и принципами, в которых выражены интересы

---

[104] См.: Ст. Ангелов. Марксистката етика като наука, глава 4, София, 1970.

определенных классов, групп или общества в целом. Важнейшей особенностью морального сознания в отличие от социальной психики является его нормативно-оценочный характер.

Нравственная норма — это основная клетка в структуре моральной системы, потому что она: а) определяет требования общества к личности в процессе ее взаимоотношений с другими людьми и б) служит основой или масштабом при оценке поведения. В то время как право обладает не только нормативностью, но и формальной определенностью (максимальная детализация нормативных предписаний, конкретность содержания юридических норм), моральное регулирование характеризуется широким охватом общественных отношений, более высоким уровнем обобщенных в нравственной норме требований [105].

Моральная норма программирует и направляет поведение в самых разнообразных, предварительно нефиксированных случаях исходя из исторически выработанных идеалов соответствующего класса или общества в целом. Она непрестанно находится как бы «в состоянии боевой готовности», вступая в действие каждый раз, когда возникают или повторяются соответствующие социальные ситуации. Отсюда проистекают и универсальность, и «безличность» нормы, поскольку она направлена не на строго определенное лицо, а на всех и на каждого, кто в данный момент и в будущем (пока действует норма) окажется в ситуации, которая отклоняется от требуемой.

Нравственная норма содержит не только предписание, но и такие социально полезные черты, качества личности, которые нужны для требуемого поведения. Осознанная личностью нравственная норма становится мотивом поведения, основой и побудителем добровольных действий в пользу общества и других людей. В этом смысле мораль является системой внутренне усвоенных норм, выражающих сознательную и добровольную заботу об общем благе.

В структурном отношении общественная психика значительно многообразней морального сознания, под-

---

[105] Более подробно о функционально-регулятивной нагрузке нормы см. в: В. Момов. Нравствената норма и нейната реализация.— «Наука и изкуство». София, 1969.

вижней и податливей на внешнее воздействие. Поэтому в пределах одной и той же моральной системы возможны различные умонастроения, различные социально-психические состояния как в рамках целой общности, так и в различных группах и у различных индивидов общности. Более того, для различных слоев и классов общества, придерживающихся противоположных моральных норм, в определенные периоды (общенациональные движения, состояние войны, общие стихийные бедствия и пр.) возможны некоторые общие настроения, эмоции и т. п.

Если нравственные нормы класса или общества относительно постоянно очерчены, если их предписания адресованы с одинаковой обязательной силой ко всем членам общности, то социальная психика отличается меньшей внутренней организованностью и согласованностью элементов, большей динамичностью и ситуативностью. Вот почему по своему содержанию воздействие психического заражения внушения и пр. может быть и нравственным, и безнравственным.

Социально-психические явления аккумулируют изменения в близком социальном окружении личности. Нравственные нормы — это своеобразные «контейнеры», которые сохраняют результаты обработки более широкой по объему и содержанию социальной информации, и при этом через призму определенных классовых интересов. В этом смысле мораль есть более обобщенное, более глубокое социально-причинное отражение взаимосвязи между личными и общественными интересами, результат продолжительной исторической селекции социальных ценностей. Поэтому мораль является носителем информации о смысле жизни, о целях и предназначении человека, о его идеалах и борьбе. Мораль учит не только тому, как должен поступить человек, но и тому, каким он должен быть, чтобы стать лучше.

1. От «мы» и «они» к добру и злу

Поскольку генеалогия данного общественного явления лучше всего характеризует его сущность, вопрос о происхождении морали имеет отправное методологическое значение для правильного объяснения природы и

специфических социальных функций морального сознания, его места и роли в системе общественного сознания, а также и его взаимодействия с социальной психикой. Марксистско-ленинская философия преодолевает два наиболее существенных недостатка при ответе на этот вопрос, а именно когда: а) мораль выводят из вечной, антропологически неизменной природы человека, из «порядка сердца» (Л. Фейербах) и б) нравственные нормы и принципы рассматривают как внеисторические постулаты, независимые от общественного бытия людей, основывающиеся на некоем внешнем начале или авторитете, например на религии или «абсолютном духе» (Г. Гегель). Но все же в этической литературе нет единого мнения по вопросу о возникновении морали.

Некоторые авторы (А. Ф. Шишкин, С. С. Уткин, В. Г. Иванов, В. Ф. Зибковец и др.) связывают происхождение нравственности с первыми формами трудовой деятельности, исходя из того обстоятельства, что совместная производственная деятельность порождает нравственные отношения как необходимое условие ее успешного осуществления. Эти исследователи усматривают источник морали в постепенном превращении инстинктивного поведения животных предков человека в осознанное действие первобытных людей благодаря труду и языку. Нравственность рассматривается как исторически первая форма общественного сознания, возникшая одновременно с формированием человеческого общества.

Имеются попытки объяснения морали врожденными стадными инстинктами взаимопомощи животных или естественным отбором, который рассматривается как фактор, определяющий не только изменения в физической организации человека, но и совершенствование его умственных способностей, всей его деятельности, в том числе и моральной [106]. В сущности, эти попытки не новы. Точку зрения, что источники морали следует искать в социальных инстинктах животных, в их самоотверженности при защите общих интересов и т. п., в самой категоричной форме отстаивал еще К. Каутский.

---

[106] См.: Ефросимов. Генезис альтруизма. — «Новый мир», 1971, № 10.

«Нравственный закон, — пишет К. Каутский, — это такой же животный инстинкт, как и инстинкт самосохранения и размножения» [107].

Не останавливаясь на попытках «биологического» объяснения морали, отметим, что сам Ч. Дарвин, создавший первую научно обоснованную теорию антропогенезиса и твердо убежденный, что эволюция человека совершается под действием тех же законов, которые управляют развитием животных видов, не сумел объяснить этими законами формирование нравственных качеств у человека. Фактически он столкнулся с проблемой формирования человеческого существа как общественного индивида и должен был признать, что законы человеческого бытия выходят за рамки биологии.

«Нравственным существом,— пишет Дарвин,— мы назовем такое, которое способно обдумывать свои прошлые поступки и побуждения к ним, одобрять одни и осуждать другие. То обстоятельство, что человек есть единственное существо, которое с полной уверенностью может быть определено таким образом, составляет самое большое из всех различий между ним и низшими животными» [108]. Дарвин признает, что формирование нравственных качеств нельзя объяснить действием естественного отбора. «Весьма сомнительно,— пишет он,— чтобы потомки людей благожелательных и самоотверженных или особенно преданных своим товарищам были многочисленнее потомков себялюбивых и склонных к предательству членов того же племени. Тот, кто готов скорее пожертвовать жизнью, чем выдать товарищей... часто не оставляет потомков, которые могли наследовать его благородную природу. Наиболее храбрые люди, идущие всегда на войне в первых рядах и добровольно рискующие жизнью для других, должны в среднем гибнуть в большем числе, чем другие. Поэтому едва ли окажется вероятным (имея в виду, что здесь не идет речь о победе одного племени над другим), что число людей, одаренных такими благородными качествами, или уровень их развития могли вы-

[107] К. Каутский. Этика и материалистическое понимание истории, М., 1922, с. 59, а также: К. Каутский. Происхождение морали. — В сб. «Марксизм и этика», Киев, 1925.

[108] Ч. Дарвин. Происхождение человека и половой отбор. Соч., т. V, М. — Л., 1953, с. 649.

расти путем естественного отбора, то есть в результате переживания наиболее приспособленных»[109].

Попытки раскрыть источники морали привели Дарвина к выводам, противоречащим чисто биологическому развитию. «Не следует забывать,— пишет он,— что хотя высокий уровень нравственности дает каждому человеку в отдельности и его детям лишь весьма небольшие преимущества над другими членами того же племени или вовсе не приносит им никаких выгод, тем не менее общее повышение этого уровня и увеличение числа даровитых людей, несомненно, дают огромный перевес одному племени над другим. Очевидно, что племя, заключающее в себе большое число членов, которые наделены высокоразвитым чувством патриотизма, верности, послушания, храбрости и участия к другим, членов, которые всегда готовы помогать друг другу и жертвовать собой для общей пользы, должно одержать верх над большинством других племен, а это будет естественным отбором»[110].

Как видим, сам Дарвин принужден был вложить новое содержание в свое толкование естественного отбора, чтобы объяснить источник нравственности. Однако, будучи идеалистом в своих взглядах на общество, он не видел качественно новых закономерностей его развития. Теория Дарвина об антропогенезисе является биологической, а потому она не в состоянии дать научный ответ на вопрос о генезисе морали.

Марксистско-ленинская этика, раскрывая научную несостоятельность идеалистических доводов об источниках морали, объясняет его генезис условиями материальной жизни людей, внутренней динамикой социального развития, реальными общественными потребностями и интересами. Важнейшим фактором «очеловечивания предчеловека» является трудовая деятельность, которая обусловливает возникновение членораздельной речи и мышления, вызывает качественные изменения в поведении. Но достаточно ли признания определяющей роли труда в формировании человека, чтобы прийти к источникам нравственности? Возникает ли она одновременно

---

[109] Ч. Дарвин. Происхождение человека и половой отбор. Соч., т. V, М. — Л., 1953, с. 243.

[110] Там же, с. 244.

с появлением человека? Можно ли объяснить происхождение морали началом трудовой деятельности?

Иногда необоснованно говорят, что первобытный человек высоконравствен, что он «коллективист» и т. п. Считают, что в первобытном обществе не было другого регулятора поведения, кроме морали, которую чаще всего отождествляют с коллективной волей. «Каждый член первобытной коммуны в своих действиях прежде всего руководствовался требованиями коллектива, нормами морали, велениями долга и совести, — пишет Ю. Г. Семенов. — Поведение каждого члена первобытной коммуны было направлено прежде всего на удовлетворение общественных потребностей, имеющих своим источником коллективистические производственные отношения. Первобытная коммуна была подлинно социальным организмом, подлинно человеческим обществом. Члены первобытной коммуны были подлинно общественными существами, подлинными людьми»[111].

Получается чуть ли не то, что первообраз коммунистической морали дан еще в первобытной коммуне. Например, согласно Г. Бандзеладзе, в первобытном обществе отношения между людьми независимо от их примитивности были здоровыми, человечными, нравственными. Они характеризовались принципом сотрудничества, равенства и справедливости. Согласно этому автору, первыми нравственными нормами, чувствами и идеями являлись справедливость, равенство, сочувствие, а природа была первым воспитателем нравственности. Физическая сила первобытного человека была главной и первоначальной основой (?!) добра, источником и критерием всех добродетелей[112].

Подобный подход, признающий, что такая природно совершенная нравственность имманентно присуща человеку, вообще лишает нас всякой возможности историко-материалистического объяснения генезиса и функций этого социального явления.

Конечно, многие обычаи, традиции, табутивные правила и т. п. первобытного общества заслуживают положительной оценки. Многие ученые, описывающие жизнь людей в родо-племенной общности, с восторгом

---

[111] Ю. Г. Семенов. Как возникло человечество, М., 1966, с. 248.
[112] Г. Бандзеладзе. Этика, 2-е изд., Тбилиси, 1970, с. 70—75.

указывают на такие качества, как бескорыстие, смирение, верность слову, забота о детях и нежность по отношению к ним и т. п.[113]. Верно также, что первобытное общество не знало алчности, корыстолюбия, понятий «мое» и «твое» и т. д. Но принципиальный вопрос здесь имеет две стороны: а) в какой мере естественное состояние первобытного общества, его обычаи и традиции следует классифицировать как нравственные и б) когда, в сущности, возникает моральное регулирование поведения?

Обязательность, всеобщность и принудительность первобытных обычаев еще не говорят об их «моральности», и дело не только в том, что наряду со многими положительными элементами эти обычаи разрешали и людоедство, и кровосмесительные половые отношения, и убийство престарелых родителей их детьми и т. п. Вопрос заключается в том, когда и почему различные способы регуляции поведения приобретают моральный, нормативно-оценочный характер, как конструируются различные правила по принципу дихотомичного расчленения на «добро» и «зло».

«Естественное состояние, — пишет Гегель, — часто изображается в качестве *совершенного* состояния человека как с точки зрения благоденствия, так и с точки зрения нравственной доброты. Но во-первых, следует заметить, что *невинность*, как таковая, не имеет никакой моральной ценности, поскольку она представляет собой незнание зла и покоится на отсутствии тех потребностей, при которых зло может совершаться. Во-вторых, это состояние является скорее состоянием *насилия и несправедливости* именно потому, что в нем люди оценивают себя сообразно природе. По природе же они *неравны* как в отношении физических сил, так и духовных способностей»[114].

В процессе коллективного труда, в борьбе с природой при совместном добывании пищи и ее распределении постепенно преодолеваются зверские инстинкты и формируются социальные нормы общежития, регулирующие человеческие отношения. Зарождающееся общественное

---

[113] См.: М. А. Энгельгардт. Прогресс как эволюция жестокости. Спб. 1899, с. 143—144, 171—173.

[114] Гегель. Работы разных лет, т. 2, с. 50.

производство, опыт совместной жизни и борьбы повседневно убеждают людей в преимуществе взаимопомощи, сочувствия и солидарности. Общественная практика первобытных людей неизбежно порождает обычаи, ритуалы и привычки, содействующие удовлетворению потребностей общности. Все это создает историческую почву для возникновения морального регулирования, а что касается нравственных качеств первобытного человека, то они вовсе не являются изначальным, имманентно присущим атрибутом «своеобразия человека». «Зоологический индивидуализм», — пишет В. И. Ленин, — обуздала не идея бога, обуздало его и первобытное стадо и первобытная коммуна» [115].

Критикуя в «Немецкой идеологии» «истинный социализм», Маркс и Энгельс отмечают: «...вместо того, чтобы понять *своеобразие людей как следствие их деятельности* и обусловленного ею способа наслаждения, он объясняет деятельность и наслаждение «своеобразием человека», чем, конечно, ликвидируется возможность всякой дальнейшей дискуссии» [116]. Вот почему мы считаем, что дальнейшее обсуждение этого исключительно важного вопроса должно исходить не из «своеобразия человека», а из своеобразия тех конкретных исторических условий, которые вызывают к жизни «язык морали» как своеобразную форму социального контроля человеческого поведения. Кроме того, при анализе источников нравственности необходимо остерегаться механического перенесения современных представлений о морали на ее низшие формы и рассматривать ее как вечную категорию.

Начало общественного сознания носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени. «Это — чисто стадное сознание, и человек отличается здесь от барана лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт, или же, — что его инстинкт осознан» [117]. Содержание этого сознания исчерпывается осознанием ближайшей чувственно воспринимаемой среды и безграничной зависимости от других индивидов и вещей.

Осознание инстинкта есть не что иное, как осознание

---

[115] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, с. 232.
[116] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 468.
[117] Там же, с. 30.

границы между тем, что требует коллектив, и тем, что лежит вне пределов этих требований. Мы исходим из предпосылки, что многие тысячелетия в жизни первобытного общества не было нравственности, что ее генезис нельзя связывать с началом трудовой деятельности. Появление человека в результате трудовой деятельности исторически не совпадает с появлением морали. Для генезиса нравственности недостаточно было появления первобытной орды, а необходима известная зрелость общественных отношений. Исторически и логически этот процесс связан с возникновением не человека, а личности как относительно автономной системы в общественных отношениях.

Наша задача не включает прослеживания конкретных исторических форм возникновения личностных интересов или же генезиса отдельных нравственных понятий, принципов и норм. В данном случае главное наше внимание будет направлено на аналитическую реконструкцию тех процессов в общественном сознании, которые привели к формированию морали как части соционормативной культуры общества, к обособлению ее регуляционных функций. При этом подходе генезис морального сознания требуется сопоставить с особенностями социальной психики, которая исторически является первым видом общественного сознания, существовавшим задолго до возникновения морали, идеологии, права и т. п.

Доказано, что на начальном этапе общественного развития регулятивный комплекс человеческого поведения (культура) существует в синкретичной, недифференцированной форме. Он непосредственно слит с самой материальной деятельностью и воспроизводится вместе с ней. Как подчеркивают Маркс и Энгельс, «производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»[118].

Социальная психика — первая форма духовного усвоения и «чувствования» общественного бытия, исторически первое средство передачи социального опыта и регулирования отношений между людьми. Она функционирует как совокупность примитивных взглядов и представлений, настроений и чувств, привычек и традиций,

---

[118] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 24.

иллюзий и предрассудков, стереотипов и ритуалов, порожденных непосредственным взаимодействием людей с материальной действительностью и оказывающих обратное воздействие на их поведение. В течение веков традиция, культ, обычай, заученные правила и церемонии — это действенные формы сохранения определенного поведения в трудовом цикле, в отношении с другими людьми Этот интегрирующий регулятивный комплекс поведения требует строгой повторяемости и шаблонности действия, твердого воспроизведения норм и образцов, диктуемых самой практической деятельностью.

Структура и функции первобытного сознания отражают качественно новые особенности человеческого бытия, существенно отличающие его от биологических форм жизни. Прежде всего процесс очеловечивания начинается с «осознания того, что человек вообще живет в обществе»[119]. Отношения людей к внешнему миру существуют только через их отношение друг к другу, а характер этого отношения зависит от способа производства материальных благ. Отдельный индивид не может удовлетворять свои потребности, не вступая в определенные отношения с другими людьми. Он овладевает определенными формами деятельности не изолированно, а только через научение другими, через общение.

Важнейшая функция примитивно интегрированной формации первобытного сознания — содействовать индивиду в воспроизведении исторически сформировавшихся свойств и способностей человеческого рода. В условиях первобытной стадности, примитивной и недифференцированной общественной деятельности поступки строго регламентированы.

Не случайно первые социальные нормы, возникшие как отражение производственной необходимости обуздать зоологический индивидуализм, как закрепленные практикой целесообразные формы деятельности, имеют не столько позитивный, сколько негативный характер. В них доминируют не столько предписания к индивиду, сколько требования воздерживаться от определенных действий, опасный характер которых уже подтвержден практикой. Первые общественные требования к человеку неизбежно были запретами.

---

[119] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 30.

Запрещающая или негативная функция первобытного общественного сознания — мощное средство социализации, подавления непокорства, бунтарства, утверждения нового типа объединения — не зоологически-приспособительного, а социально-производственного. Но эти нормы-запреты, несмотря на то что они выражают новую, социальную потребность, еще не являются моральными нормами.

Особенности первых социальных норм наиболее ярко обнаруживаются при анализе системы табу, которая является прежде всего запрещающей системой норм. Табутивный запрет ничем не мотивируется и ничем не обосновывается. Для первобытного человека ясно только одно — нарушение табу связано с опасностью, но какова природа этой опасности и почему совершенное действие вызывает опасность, для него непонятно. Нарушение табу не предполагает вмешательства некоей разумной «наказывающей» силы — естественной (в лице племени) или сверхъестественной (дух, демон, бог и т. д.), которая устанавливает и санкционирует этот запрет. Акт нарушения табу будто бы автоматически высвобождает невидимую опасность, которая до того находилась в скрытом, потенциальном состоянии. Само существование табу предполагает наличие опасности, которая остается скрытой, потенциальной до тех пор, пока табу соблюдается. Соблюдение табу — единственное средство избежать опасности. «Табу,— пишет С. Рейняк, — это запрет, который не мотивирован, не сопровождается страхом перед вмешательством законодателя и который имеет своей целью защиту людей от неизвестных для них опасностей, особенно от смерти» [120].

Табутивные запреты — средство регулирования поведения, возникшее в ходе практической деятельности, отражающее социальные потребности в регламентировании действий определенными рамками, в нейтрализации зоологического индивидуализма в интересах социального целого. В сущности, за каждым табу стоит реальная сила коллектива, требующего от своих членов соблюдения этого табу, потому что нарушение табу

---

[120] С. Рейняк. Несколько замечаний о табу, «Айтес», 1926, с. 28.

угрожает всем. Запреты, налагаемые на естественные инстинкты, принимают категоричную, необратимую форму.

В условиях первобытного общества индивид не обладает собственной сферой действия, своими личностными интересами, которые противопоставляют его целому. Как показывают исследования этнографов и социологов, первобытный человек долгое время не чувствовал себя подлинным субъектом своих действий, его наиболее важные решения зависели целиком от воли общности или от результатов жребия, гадания и т. п.[121]. «Чем дальше назад уходим мы в глубь истории,— пишет Маркс,— тем в большей степени индивид, а следовательно и производящий индивид, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому...»[122]. На этом этапе развития «тождество природы и человека», ограниченное отношение людей к природе обусловливает и их ограниченное отношение друг к другу, а их ограниченное отношение друг к другу обусловливает их ограниченное отношение к природе. Первобытный человек отождествляет свое бытие с бытием своего рода. Отношения между индивидом и общностью характеризуются, во-первых, тем, что индивид прямо и непосредственно зависит от рода, и, во-вторых, тем, что все его поступки и действия лишены мотивирующей функции собственного «я», являются не непосредственным осуществлением его сознательного выбора, а следствием жестокой необходимости.

Рассматривая ограниченный характер производственных отношений в первобытнообщинном строе, Маркс подчеркивает, что тут «индивид никогда не может выступать так резко обособленным»[123]. Его отношение к объективным условиям труда и к другим людям полностью зависит от его существования как члена общности. «Во всех этих формах основой развития является *воспроизводство заранее данных* (в той или иной степени естественно сложившихся или же исторически возникших, но ставших традиционными) отношений отдельного человека к его общине и *определенное*, для него *предопределенное*, *объективное* существование как

---

[121] См.: Л. С. Выготский. Развитие высших психических функций, М., 1960, с. 96.

[122] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 18.

[123] Там же, с. 473.

в его отношении к условиям труда, так и в его отношении к своим товарищам по труду, соплеменникам и т. д.,— в силу чего эта основа с самого начала имеет *ограниченный* характер, но с устранением этого ограничения она вызывает упадок и гибель»[124].

Первобытнообщинная (вначале родовая, а затем родо-племенная) организация — первая система формирующейся социальной примитивной организации труда. Она характеризуется «нерасчлененностью» сознания, которое непосредственно вплетено в материальную деятельность и общение. Все это делает человека рабом традиций, которым он не может не следовать, которые он не может изменить и осознать. Род и племя очерчивают границы любой человеческой деятельности. Эти первые социальные общности укрепляются на мощных инерционных силах традиций, обычаев, ритуалов и т. п. Интересы первобытной общности — единственная узаконенная традицией сфера проявления индивидуальной деятельности.

Характерная черта этого этапа развития человечества — наличие таких «штампов», которые пересекают черты и проявления индивидов, напоминающие об их связях с их животными предками, утверждающие границы формирующейся социальности. Протекает двуединый процесс преодоления зоологического индивидуализма, выходящего за рамки социальных функций, и абсолютного подчинения интересов индивида интересам общности как единственной социальности. В таких общностях все различия по полу, возрасту, физической силе и пр. характеризуют не индивида, а естественную группировку сил в коллективе. Интересы рода непосредственно реализуются через деятельность людей, которые «совсем не отличаются один от другого» (Ф. Энгельс). Существует абсолютная слитность сознания трудового коллектива и сознания составляющих его индивидов.

В результате совместной трудовой деятельности развивается чувство и осознание своей общности («мы»), которая противопоставляется другим общностям. Каждая родо-племенная общность осознает свои границы путем противопоставления другим общностям («они»). Поэтому первичной основой формирования психики и

---

[124] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, с. 475.

сознания является процесс образования бинарных оппозиций. Групповое сознание, а отсюда и слитое с ним индивидуальное сознание конструируется через своеобразную психологическую «оппозицию» — противопоставляя себя, свое «мы» другим людям, «им». Главный признак этого процесса и его критерий — осознание того факта, что «они» — это не «мы».

«Представим себе две первобытные группы — родовые или племенные. Если бы они никогда не встречались друг с другом, каждый индивид в группе «А» и не ощущал бы, что он принадлежит к какой-то общности. Как они не отличались друг от друга внутри нее, так они не отличали себе подобных от каких-либо иных. Это была лишь объективная общность. Для того чтобы появилось субъективное «мы», требовалось повстречаться и обособиться с какими-то «они». Иначе говоря, если рассматривать вопрос именно в субъективной, психологической плоскости, «они» еще первичнее, чем «мы». Первым актом социальной психологии надо считать появление в голове индивида представления о «них»... «Они — это «не мы», а наоборот; «мы — это «не они». Только ощущение, что есть «они», рождает желание самоопределиться по отношению к «ним», обособиться от «них» в качестве «мы» [125].

Начало социальной психики — представление о «них» и постепенное формирование сознания о «мы», но «мы» — это более позднее образование, более сложное и более абстрактное.

В ходе развития, в результате общения и контактов, центр тяжести все больше переносится с «они» на «мы». «Мы» становится универсальной психологической формой самосознания всякой общности людей.

Первобытный человек усваивает мир через призму своей принадлежности к обществу, к коллективу. Все вещи и явления осознаются и оцениваются им с точки зрения интересов коллектива. Показательно, например, что первые слова, как доказывает современное языкознание, обозначали не просто предметы, а их отношение к социальной группе. Язык возникает не только из потребностей дать названия вещам, а из потребностей

---

[125] Б. Ф. Поршнев. Социальная психология и история, М., 1966, с. 81.

относить вещи к собственному коллективу, к определенным аспектам социального бытия человека [126].

Этнографические и антропологические исследования доказывают, что описание явления в первобытном сознании совершается посредством двойного противопоставления, через бинарные оппозиции [127]. Каждый из признаков, характеризующий какой-либо объект, связан со своим антиномом — «земной — небесный», «женский — мужской», «наш — не наш» и др. Предметы и события группируются в сознании по различным признакам в иерархию противопоставления. Иерархия завершается глобальной оппозицией, которая разделяет мир (то есть «картину мира») на две части. В этом предельном противопоставлении коллективы, осмысливающие себя как единое целое, противопоставляют миру (то есть себе) все, что остается за их пределами» [128].

В сознании первых человеческих коллективов все разделяется на «наше» и «не наше». Эти понятия фиксируют качественно новые различия, которые отсутствуют в животном царстве. У различных видов животных существует биологическое различие, которое «устанавливается» ими в силу инстинктов. Однако на социальном уровне внешние биологические различия уже исчезают — одна человеческая орда ничем не отличается от другой. Возникают новые общественные различия — прежде всего между одной общностью и другой общностью, между одной социальной группой и другой группой, а позднее — между индивидом и общностью. Они осознаются и находят выражение в социально отработанных звуковых комплексах, в первых словах.

Предыстория нравственного сознания связана с осознанием противоречия между «мы» и «не мы». Вначале добро идентично с нашим, с моим. Это убедительно

---

[126] См.: И. В. Абаев. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка. — В сб. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания», М., 1970, с. 241.

[127] Примеры и библиографию по этому вопросу см. в: В. В. Иванов и В. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы, М., 1965.

[128] См.: В. М. Долгий, А. Г. Левинсон. Архаическая культура и город. — «Вопросы философии», № 7, 1971, с. 93.

подтверждается лексико-семантическим анализом многих языков. Например, в индоевропейских языках корень su — добрый идентичен корню su — свой. Согласно Карлу Штайнеру, бразильское племя бакаиры делит всех людей на две категории: кура и курапа. Кура означает *мы*, *наше*, а также хорошие, а курапа — не наши и в то же время означает *плохие*, больные. Племя считает, что все обиды проистекают от чужих[129].

Авторы, изучающие жизнь и верования древних австралийцев, указывают, что всякую болезнь, смерть и другие беды они связывают с заклинаниями и колдовством чужого племени, чужой общности. Всякое подозрение относится не к определенному лицу, а к чужой группе вообще. Австралийцы глубоко верят, что смерть соплеменника причинена колдовством какого-то враждебного или мало известного племени. В таких случаях после погребения усопшего формируется отряд, жаждущий крови; он отправляется на 50 — 100 миль в направлении других племен, чьи имена даже неизвестны. Найдя группы, принадлежащие к враждебным или неизвестным племенам, люди из отряда под покровом ночи бросаются в бой, убивая спящих мужчин и женщин. «Войны» между австралийскими племенами начинаются из-за взаимных обвинений и подозрений в заклинаниях, в колдовстве. Это отразилось и на культовой стороне их духовной жизни. Один из важнейших моментов в погребальных обрядах австралийских племен заключается в гадании о «виновнике» смерти[130].

На начальных этапах человеческого развития территориальная граница между «мы» и «они», между двумя общностями являлась в то же время и границей между добром и злом. Этот факт подтверждается рядом исследователей в области этнической и социальной психологии. «Понятие о добре и зле,— пишет А. П. Кропоткин,— вырабатывается не на основе того, что собой представляет добро или зло для отдельного индивида, а на основе того, что есть добро или зло для целого рода. В родовом строе правило «каждый за всех» не

---

[129] См.: К. Штайнер. Среди первобытных народов Бразилии, М., 1936, с. 10.

[130] См.: С. А. Токарев. Ранние формы религии, М., 1964, с. 81—84.

распространяется вне рамок рода. Род не обязан делить пищу с другими родами. Таким образом, в жизни человека выработались два вида отношений: внутри своего рода и с соседними родами...»[131].

Первобытный коллектив — замкнутая производственная и социальная клетка. Все, что было вне его, противостоит ему как враждебная сила. «Мы» — это все, что принадлежит роду, коллективу, следовательно, это добро. «Другие» — это все, что противостоит коллективу, это потенциальная враждебная сила, зло. Борьба с этой враждебной силой — условие сохранения коллектива, и на ее основе вырастают представления о «нашем — добре» и о его защите — магии, кровной мести, обрядах и т. д.

Следовательно, в колыбели морального сознания лежит оппозиция всему тому, что мешает людям данной общности обеспечивать свои жизненные блага. Представление о добре не могло бы приобрести конкретных очертаний, устойчивости и общественной значимости, если бы оно еще в своем генезисе не противостояло чему-то другому.

Исследования И. Ковалевского убедительно показывают, что первоначальные запреты и ограничения распространялись только на действия в рамках данной социальной общности[132]. Каждый запрет («не убивай!», «не кради!») регламентирует отношения только между соплеменниками и теряет свою силу, когда речь идет о членах другого племени. Конечно, как свидетельствуют исторические материалы, у некоторых племен существовали и запреты на воровство у соседей, но эти запреты были продиктованы заботой о «мы» — соседнее племя было сильнее, и всякое нарушение его «имущественных прав» могло бы оказаться гибельным как для вора, так и для его соплеменников. Общие интересы в рамках «мы» определяют, что позволено и что — нет, служат основой суждений о добре и зле.

Первоначальные обобщения о добре и зле формируются под воздействием совместной производственной деятельности, трудовых связей внутри коллектива в качестве противоположности чему-то другому, «не мы», и

---

[131] А. П. Кропоткин. Этика, т. 1, П. — М., 1922, с. 62—63.
[132] См.: «Новые идеи в социологии», сб. IV, Спб., 1913, с. 81—84.

благодаря этому противопоставлению они получают объективную, очевидную для всего коллектива значимость, которая ориентирует людей в действительности. Коллективное самосознание вырастает и утверждается в борьбе и в соперничестве с другими первобытными ордами. В этой борьбе доказывается превосходство «нашего» перед «не нашим», обостряется чувство принадлежности к определенному коллективу. Тут надо учесть то обстоятельство, что первоначально понятия добра и зла возникают вне и до морального сознания, еще в эпоху раннего матриархата, в качестве характеристики противоположных божественных начал в мире (благоприятных и враждебных людям). Лишь тогда, когда добро и зло начинают прилагаться к поведению людей, тогда и действия богов начинают оцениваться в моральном аспекте. Как подчеркивал О. Г. Дробницкий, моральное сознание не просто создает свои категории, а вовлекает в свою орбиту уже существующие понятия об общественном сознании и переосмысливает их [133].

Постепенно человеческое сознание фиксирует те свойства, отношения и т. д., которые удовлетворяют потребности группы, служат «нам», и противопоставляет их другой группе объектов, которые не удовлетворяют потребности социальной общности. Понятия добра и зла — результат селекции и своеобразного преломления всей осознанной действительности через призму коллективного самосознания. Предметы, свойства и процессы группируются по их отношению к общности, в зависимости от того, насколько они благоприятны или неблагоприятны для нее.

2. Автономия личности и возникновение нравственных ценностей

Мораль, обусловленная прежде всего необходимостью регулировать отношения между «мы» и «не мы», на более позднем этапе, когда с развитием производительных сил все больше возрастают относительная

---

[133] См.: О. Г. Дробницкий. Моральное сознание и его структура. — «Вопросы философии», 1972, № 2, с. 38.

самостоятельность и значение отдельной личности, становится одним из основных средств социального контроля за индивидуальным поведением, средством приведения его в соответствие с требованием целого.

Если генезис социальной психики органически связан с существованием «они» и «мы», то моральное сознание предполагает наличие известных различий между «я» и «мы». Необходимая предпосылка возникновения нравственности — обособление личностных интересов и осознание собственной деятельности для их реализации. Регуляция поведения в первобытной культуре имеет характер естественной необходимости. Поэтому и соблюдение «коллективной воли» еще не является моралью.

Первобытный человек — «коллективист» по принуждению, а его нормы поведения еще не являются нравственными; они природосообразны, продиктованы борьбой за существование. Не может быть морали, когда перед человеком имеется только одна-единственная возможность поступить так или иначе, когда его бытие слито с бытием общности и поэтому не требует особого саморазличения, отличного от саморазличения коллектива.

Маркс указывает, что если религия основывается на гетерономии человеческого духа, то мораль предполагает его автономию. А это требует уже сформировавшейся личностной структуры, осознания индивидуального интереса, превращения «личности в себе» в «личность для себя». Именно возникающие при разложении первобытнообщинного строя противоречия между интересами отдельного человека и благом всей общности порождают потребность в специфических формах регулирования, то есть определяют необходимость формирования моральных ценностей.

То, что мы неправильно называем коллективизмом, преданностью общности, справедливостью и самопожертвованием, является скорее гетерономией природы, чем автономией воли. Всякий поступок основывается на авторитете племенного чувства и племенного закона, а не на духовной свободе индивида. Нравственность, как отмечает Мольер, связана с предпочитаниями в отношениях между людьми. Она предполагает самостоятельный выбор решения, индивидуальный вариант поведения, а не коллективную безличную реакцию.

С постепенным углублением общественного разделения труда, с разложением первобытнообщинного строя начинается раздвоение в сфере интересов, а отсюда и в области сознания, в которой обособляются две стороны — индивидуальное и общественное сознание. «Вместе с разделением труда дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом» [134]. Постепенно разрушается первоначальная синкретичность (слитность) сознания. Все более осознаваемыми становятся такие явления, которые образуют особенное в жизни индивида, которые отличают его от коллектива.

Социальным механизмом, через который индивид оформляется как личность, является взаимодействие между потребностями, интересами и целями в условиях разложения первобытного строя и возникновения частной собственности. С появлением частной собственности и разделением труда возникает социально-экономическая основа для личностного интереса и для его осознания и отграничения от интереса общности. Исторически первыми возникли общественные интересы, точнее, интересы общества, а не личностные интересы.

Характер собственности в первобытном обществе, непосредственный обмен продуктами деятельности, уравнительное распределение, прикованность к первобытной общности и т. п. исключали обособление личного интереса и осознание собственного «я». Индивид — это еще субъект в себе, но не для себя. Не случайно оскорбление представителя рода воспринималось и переживалось не как оскорбление личности, а как оскорбление рода. В то время как возникновение общественных интересов всецело связано с особенностями человеческой трудовой и производственной деятельности, появление личностного интереса — более поздний исторический продукт, связанный с частной собственностью. Всякий частный интерес является общественным, потому что как его содержание, так и формы и средства его осуществления даны общественными условиями, независимыми от отдельных индивидов. Когда мы говорим о личных интересах, мы имеем в виду индивидуализированного носителя (субъекта)

---

[134] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 31.

общественного интереса. Социальный интерес приобретет личностный характер тогда, когда он будет интериоризован отдельным индивидом, когда примет личную, индивидуальную форму. Дифференцирование и обособление социального интереса у индивида на основе частной собственности создает автономию личности как относительно самостоятельной системы, отличающейся от общности [135].

Социальный интерес, принявший личную, индивидуальную форму, приводит к глубоким изменениям в мотивационной структуре человеческого поведения, а отсюда — и к новым взаимоотношениям в процессе общения. Расширяется автономия собственной сферы действия. Возникающее самосознание индивида означает обособление от самосознания родо-племенной организации, «протест» против интеграции, против традиции и обычая, властвующих над ним.

Чтобы сбросить цепи первобытной общности, формирующейся личности нужно взбунтоваться против безусловного подчинения целому, потому что ее интересы перестают полностью совпадать с интересами общности. Именно тогда возникает историческая потребность в морали как средстве для корреляции интересов внутри социальной общности таким образом, чтобы противоречия между ними не подрывали целостности общности.

«Развитие производительных сил и возникшее на этой основе разделение труда, — пишет А. Г. Харчев, — увеличили ценность и значение человека как индивида. Это привело, *во-первых*, к изменению форм зависимости человека от социальной общности; *во-вторых*, к возникновению у него таких интересов, которые, отражая его специфическое положение в системе общественного разделения труда, могли и не совпадать с общесоциальными

---

[135] «Если говорить в широком историческом плане, — пишет Кряжев, — то первой, *исторически* ставшей личностью был не раб, связанный подневольным трудом, а рабовладелец, личностный интерес которого непосредственно вытекал из частной собственности. Именно этот исторический факт абсолютизирован идеалистами, выдвинувшими абстрактный тезис: личность и частная собственность неотделимы; ликвидация частной собственности есть ликвидация личности» (П. Е. Кряжев. Социологические проблемы личности (лекции по спецкурсу), М., 1971, с. 10).

интересами»[136]. Поэтому мораль возникает и функционирует «как способ преодоления противоречия между личностью и обществом»[137].

В ответ на историческую необходимость синхронизировать поступки отдельных людей с интересами социальной системы или определенного класса возникают нравственные нормы, выражающие эти интересы в форме определенных требований к личности, очерчивающие модель должного поведения в той или иной ситуации. Но это вовсе не означает, что моральная норма связана с какой-то «жертвой» индивида во имя целого. Напротив, ограничения и самоограничения индивидуального поведения, его подчинение интересам целого диктуются интересами и самой личности.

Диалектика морального регулирования такова, что «защита» целого — необходимое условие свободы каждого, а ограничение каждого — необходимое условие свободы всех. Задача поддержания социальной общности в качестве координированного, функционирующего целого столь же важна в жизни людей, как и задача удовлетворения их непосредственных потребностей, а ее решение на каждом этапе — необходимое условие и предпосылка существования человека как специфического существа[138].

Возрастающая автономность человеческой личности привела к формированию и развитию индивидуально-целостного отношения к действительности. Из-за многообразия условий жизни, дифференциации духовных сил и способностей поведение личности начинает не совпадать с поведением общности. Оно мотивируется различными эмоционально-психическими отношениями к одним и тем же объектам. С развитием и обогащением общественно-исторической практики индивидов многие объекты теряют признак одинаковости для всех, то есть и для общности, и для отдельного индивида. При этом положении становится очень трудно и все более невозможно защищать индивидуальные поведенческие акты,

---

[136] А. Г. Харчев. Структура морали и закономерности ее развития. — В сб.: «Ленинизм и философские проблемы современности», М., 1970. с. 537.

[137] Там же, с. 538.

[138] См.: Э. С. Маркарян. Очерки теории культуры, Ереван, 1969, с. 139—140.

регулировать их посредством твердого регламента, запрета или шаблона.

Самостоятельный выбор решения, возросшая вариативность поведения требуют новых форм регуляции в интересах социального целого, форм, основывающихся на осознании смысла, ценности вещей[139]. Наряду со значением вещей возникает и обособляется система смысла (ценности) вещей и явлений, окружающих человека. Детерминирующим фактором поведения становится нравственный смысл (ценность) вещей — что есть добро и что — зло, что справедливо и что — нет, каким интересам отвечает данный объект и т. п.

Познание и оценка, значение и смысл — это нераздельно связанные детерминанты человеческих целей и человеческих действий. Через познание субъект раскрывает сущность причинно-следственных связей, объясняет явления. На основе этих познавательных результатов он производит оценку, делает самостоятельный выбор вариантов действия. Моральное сознание детерминирует поступки и цели не только и не столько через познание закономерностей в мире (познание одной и той же причины может приводить к различным действиям), а через общие представления о смысле жизни, через систему ценностей и их переживание.

Ценность возникает в процессе общественной практики, которая определяет как ценностный объект, так и оценивающий субъект. Взаимодействуя с другими людьми, направляя свое внимание на объекты внешнего мира с целью удовлетворения своих потребностей и целей, че-

---

[139] В данном случае понятия «смысл» и «ценность» употребляются как идентичные, поскольку мы интересуемся их общей чертой — раскрытием отношений между субъектом и объектом. В широком смысле слова — это однопорядковые понятия, но при конкретном анализе их природы нужно учитывать некоторые специфические особенности. «Смысл» носит ценностное значение, и его надо толковать как сознательное стремление к реализации определенной ценности. Без ценности нет смысла. Реализация ценностей порождает внутреннее удовлетворение у человека, придает смысл его деятельности. Смысл жизни или конкретной деятельности возникает из связи, из соотношения между личной целью и общей целью группы, класса, общества. Иными словами, смысл имеет смысл только как включение индивидуальной деятельности в реализацию социально значимых целей, норм и т. п. Только с включением особого в общее жизнь человека приобретает «смысл». (См.: Л. Живкович. Диалектика на социалния процесс, Партиздат, София, 1971, с. 23).

ловек познает их свойства и на этой основе оценивает их как ценные или не ценные. Ценностное отношение, по существу, — это «практический определитель связи предмета с тем, что нужно для человека» [140]. *Ценностная информация отражает не только сами явления, но и их смысл для отражающего их субъекта, для его жизни и деятельности.* Поэтому «иерархия» ценностей — это иерархия конкретно-исторических потребностей человека, выражение различных сторон, аспектов и уровня его природы [141].

Возникновение и дифференцирование моральных ценностей связано с историей постепенного разграничения первоначально совпадающих между собой понятий «*значение*» и «*смысл*». Сознание первобытнообщинного строя, как показывают исследования А. Н. Леонтьева, характеризуется тем, что для человека смысл явлений действительности непосредственно совпадает с общественно выработанными и зафиксированными в языке значениями. Общая собственность поставила людей в одинаковое отношение к средствам и продуктам производства, и они одинаково отразились как в сознании отдельного человека, так и в сознании коллектива. «Возникновение и развитие общественного разделения труда и отношения частной собственности с полной неизбежностью приводят к тому, что прежняя структура сознания уступает место новой структуре, соответствующей новым общественно-экономическим условиям жизни. Эта новая структура сознания характеризуется совершенно другими отношениями между главными, «образующими» компонентами сознания, смыслом и значением» [142].

Постепенно возникшая система запретов (табу) уступает место нормам-образцам, при которых акцент поставлен на осознании ценности поведения: что есть добро и зло, достойное и недостойное и пр. Норма-образец, которая специфична для морального сознания и с которой, в сущности, начинается подлинная история морали, становится возможной благодаря разграничению между значением и смыслом. Она предполагает более высокую степень абстракции и обобщения, больший социальный

---

140 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

141 См.: С. Л. Рубинштейн. Человек и мир. Методологические и теоретические проблемы психологии, М., 1969, с. 371.

142 А. Леонтьев. Проблемы развития психики, М., 1965, с. 37.

опыт, более высокую степень обособления и автономии личности.

Образец — это уже идеальная модель данного типа поведения. Для реализации ее в жизни недостаточны запрет, шаблон, страх перед коллективным наказанием, а необходимо сознание и убеждение в ее ценности. Переживание ценностей лежит в основе нравственного поведения. Характерно для морального регулирования то, что человек свободно и сознательно соблюдает определенные нормы, что эти нормы становятся детерминирующим фактором поведения путем осознания ценностей, которые они выражают. Нравственное поведение детерминировано мотивами личности. Внешняя необходимость «преломляется» через личностную сферу. Человек не просто подчиняется обычаю, традиции, ритуалу, не просто приспособляется к действительности, а своим поведением стремится «приспособить» действительность к себе, то есть к своим нравственным целям, идеалам, представлениям.

В отличие от значения, которое выражает, что́ собой представляет данный объект для общественной практики, каковы его объективные качества, нравственный смысл не есть постоянное и непременное свойство или качество объекта. Он выражает отношение «субъект — объект», значимость чего-то в мире для конкретного бытия человека. Субъективный смысл нельзя вывести непосредственно из значения, а один и тот же социальный феномен может иметь не один, а множество смысловых аспектов. А. Н. Леонтьев подчеркивает, что «усвоение значений человеком может быть более узким или более широким, более адекватным или менее адекватным, но они всегда сохраняют свой «объективизированный», «надличностный» характер...»[143]. В отличие от значения «смысл порождается бытием человека, жизнью»[144].

Значение — это то, что открывается в предмете или явлении объективно — в системе объективных связей, отношений, взаимодействий. Это обобщение действитель-

---

[143] А. Н. Леонтьев. Потребности, мотивы и сознание Доклад на XVIII Международном психологическом конгрессе. Симпозиум 13, М., 1966, с. 9.

[144] Там же.

ности, которое выкристаллизовалось и зафиксировано в словах. Оно отражается личностью, но представляет собой факт сознания, принадлежит к миру объективных исторических явлений. *Смысл же раскрывает отношение человека к значению.* Ясно, что значение, смысл и ценность нераздельно связаны. Значение раскрывает объективный элемент в ценности (определенные свойства явления), а смысл есть отношение субъекта к этому объективному элементу, которое как раз и «творит» ценность. То, что не обладает объективными свойствами удовлетворять определенные человеческие потребности, не представляет и ценности, потому что не имеет смысла для человека. *Смысл есть значимость чего-то для бытия человека.* Ценность и смысл возникают из взаимодействия объективного (значения) с потребностями человека.

Мораль есть форма ценностного сознания класса или общества. Она регулирует поведение через общепринятый (в рамках данной общности) смысл вещей и явлений. *Нравственные нормы, фиксирующие тип должного поведения,* — *результат своеобразной селекции множества поведенческих актов через призму коллективного смысла, коллективной ценности.* Они закрепляют такие стандарты поведения, которые отвечают интересам общности.

Как оценочная форма человеческого сознания мораль адресована, с одной стороны, к прошлому и настоящему (оценивает совершенные или совершающиеся действия с точки зрения определенных норм и понятий), а с другой — стремится «возвысить» поступки, намерения, замыслы, исходя из «морального высшего» (идеала), из портрета «лучшего «я».

Морально-целевая функция всегда предполагает вопрос: «Будет ли содействовать это поведение достижению добра, счастья, нравственного идеала вообще?» Можно сказать, что мораль — социальная мера автономии личности, новый тип духовной регуляции между индивидом и общностью. Она согласует поведение системы «личность — общество (класс)» посредством механизмов человеческой индивидуальности. Более того, она «подчиняет» индивидуальное поведение требованиям общности тем лучше, чем полнее развивается богатство человеческой природы.

3. Научное и нормативно-оценочное отражение действительности

Научное познание отражает явления как таковые, сами по себе, а моральное сознание выражает смысл явлений для человека, для общества, то есть их ценность. Поэтому моральное сознание есть не познавательное отражение действительности, а форма нормативно-оценочного сознания. Нравственная ценность соотносится с субъектом, с человеком и этим отличается от истины. Разумеется, истина тоже не существует без человека, но она состоит в точном соотношении между познанием и объективным состоянием, тогда как моральная норма относится к соотношению поведения с определенными общественными потребностями, требованиями.

Мораль не отражает причинно-следственные связи социальной системы в форме научных понятий, а содержит информацию об определенных ценностях, с помощью которых регулирует поведение. Нравственные нормы отражают и утверждают социально значимые поступки (варианты поведения), которые необходимы для социальной общности. В этом смысле моральное сознание — это не гносеологическое, а социально-причинное отражение общественного бытия, определенных общественных интересов и потребностей в форме оценок, норм, принципов поведения.

«Наличие научной и оценочной информации представляет одну из специфических особенностей общественной жизни, — пишет Н. Стефанов. — В процессе своей практической деятельности люди действуют, сообразуясь стихийно или научно-сознательно как с объективными свойствами и закономерностями мира, так и с тем, что для них является ценностью, а что — нет. Если в первом случае непрерывное развитие и обогащение практической деятельности ведет к формированию научных знаний, то во втором случае приводит к различным формам оценочного сознания. Вообще генезис научной и оценочной информации заложен в самой практической деятельности человека»[145].

Система нравственных норм отражает требования общества (класса) к поведению личности, то есть ту

---

[145] Н. Стефанов. Наука, норма, управление, София, 1969, с. 74—75.

сторону социальной действительности, которая существует в форме должного. Она выражает определенные общественные интересы и защищает их специфическими средствами. В этом смысле мораль «социально эгоистична». Любопытно, что при чтении книги Л. Фейербаха «Лекции о сущности религии» В. И. Ленин обращает внимание на его мысль, что «основа морали эгоизм» и что «имеется не только одиночный или индивидуальный эгоизм, но также и эгоизм социальный, эгоизм семейный, корпоративный, общинный, патриотический». На поле конспекта против последних слов Ленин отметил: «Зачаток исторического материализма!» [146].

Моральное сознание осмысливает и фиксирует общественные отношения не в виде законов, а в виде идеалов, целей и норм поведения. Собирая оценочно-моральный опыт множества людей, нормы облегчают выбор в наиболее типичных жизненных ситуациях, ограничивают, усиливают и направляют человеческую активность, регулируют деятельность и взаимоотношения в духе идеала. Нравственное сознание есть не что иное, как осознанная система норм, предписывающих такое поведение, которое считается правильным в свете существующего нравственного идеала.

Наряду с познанием важная функция сознания — это оценка явлений действительности, которая в сфере нравственного сознания направлена прежде всего на мотивы и результаты человеческого поведения. Как и творчество, нравственная оценка основывается на отражении (прежде чем что-то оценивать, надо знать, что собой представляет предмет оценки), но главное, основное в ней — отношение человека к социальной реальности. Специфика ценностных феноменов заключается в том, что они не только констатируют факты, явления и процессы, но и выражают их значимость для потребностей и интересов групп индивидов или всего общества. Тут субъект, его идеалы, принципы и нормы служат основанием и критерием положительного или отрицательного отношения к объекту оценки.

Наука как система знаний не производит сама по себе моральных ценностей. Она раскрывает объективную истину, а последняя отличается тем, что не зависит ни

---

[146] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 57.

от человечества, ни от личности, ни от нравственности. В отличие от научной истины ценность есть понятие, обозначающее положительную или отрицательную значимость данного объекта, события или человеческого поступка для интересов и целей определенной социальной группы. Моральная «истина» существует как правило человеческого поведения (желательное или нежелательное, добро или зло), которое оценивается с точки зрения идеала.

Поскольку вещи и люди, которые нас окружают, события, происходящие в мире, так или иначе затрагивают интересы отражающего их субъекта, все психические процессы суть не только познавательные, но и «аффективные», эмоционально волевые. С. Л. Рубинштейн отмечает: «Подлинной конкретной «единицей» психического (сознания) является целостный акт отражения объекта субъектом. Это образование сложное по своему составу; оно всегда в той или иной мере включает единство двух противоположных компонентов — *знания* и *отношения*, интеллектуального и «аффективного», из которых то один, то другой выступает в качестве преобладающего» [147]. В оценочном акте как сознательно-мыслительной деятельности преобладающим является компонентное отношение. Отношение между субъектом и объектом выражается посредством определений и оценочных суждений, содержащих информацию о полезности или вредности явления, качества, поступков.

Ценностное отношение возникает при сравнении, сопоставлении явлений с общественным идеалом. Но что собою представляет идеал? Идеал — это то, к чему человек стремится, что он хочет осуществить, а в самом широком смысле слова — это жизнь, которую человек хотел бы вести. Идеалы рождаются из глубоко характерной для человека неудовлетворенности тем, что он имеет и может, из его стремления к лучшему и из его способности представить себе желанное будущее в своем воображении. Идеалы выражают основные тенденции и потребности данного общественного класса на данном этапе его развития. Идеал человека (класса, общества) — это не только репродуцирующая, не только продуцирующая

---

[147] С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, М., 1957, с. 263—264.

цель. Он является не непосредственным отражением существующих отношений, а социально-причинным отражением потребности в их изменении; скорее, идеал есть выражение неудовлетворенности нынешней действительностью и стремления изменить ее.

Идеал возникает и проявляется в процессе разрешающегося и снова возникающего противоречия между субъектом и объектом, между человеком и действительностью. Общественные отношения находятся в процессе постоянного развития и совершенствования. Разрешение одного противоречия, то есть реализация цели и удовлетворение породивших ее потребностей. становится предпосылкой и условием возникновения новой потребности и новой цели. Сама реализация цели обусловливает новые потребности, новые возможности, а следовательно, и качественно новые цели [148].

Важная особенность идеала и всякой цели — это то обстоятельство, что в качестве средства их реализации выступает социальный субъект, физические и духовные силы самого человека. Человек сознательно превращает себя в орудие своей собственной цели, в средство для реализации своего идеала. Неудовлетворенность сегодняшней реальностью порождает у человека обобщенный образ той действительности, которая, по его мнению, совершенна. Таким образом, идеал всегда есть своеобразный протест (критика) существующего. Это означает, что человек критически усваивает мир, исправляет действительность, опережает ее в том смысле, что предчувствует будущее в форме идеала. На основе критического усвоения мира создается абстрактная модель общественных отношений, основанных на высших принципах справедливости. Этот образец совершенства присутствует, разумеется, в различной степени и с различным уровнем научности при всякой оценке существующего.

Идеал используется обществом (классом) в процессе социальной саморегуляции. Он участвует в качестве цели в управленческих отношениях, становится основным принципом в механизме самоорганизации, служит «масштабом» нравственной оценки. В качестве социальной

[148] См.: Н. Н. Трубников. Отношение цели, средства и результата деятельности человека. — «Вопросы философии», 1964, № 6, с. 61.

модели идеал отражает существенные и устойчивые взаимосвязи общественной жизни в форме императивных требований должного. Идеал — это желательный вариант развития, вероятность, которая определяется объективными общественными законами и осознанной логикой развития. Императивные требования идеала суть не что иное, как идеализированное представление о совершенстве соответствующего класса или группы, являющихся носителями идеала. Однако всякий общественный идеал конкретизирует и адресует свои требования к сущности человека. Предъявленные к людям нравственные требования выражаются в виде образа нравственно-совершенной личности, представления о человеке, воплотившего в себе все самые высокие моральные качества (добродетели). Нет такого нравственного идеала, в котором не присутствовал бы образ сущности человеческой личности в желательном, совершенном в нравственном отношении виде. Благодаря этому идеал оказывает обратное, воспитывающее воздействие. Для отдельного человека он становится основной целью и регулятором поведения.

Под влиянием самого прогрессивного, коммунистического нравственного идеала возникает духовная потребность поступать определенным образом, соблюдать принципы, отраженные в идеале. Через процессы обучения и воспитания, через всю систему социального управления общество (класс) регулирует человеческие отношения и направляет их на реализацию идеала. Научно обоснованный коммунистический идеал — это не абстрактная внеисторическая ценность, не какой-то недостижимый первообраз, а конкретное представление и всесторонне развитой личности, гармонически сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство. Создание коммунистических ценностей и их усвоение — это только часть более широкой исторической задачи, а именно результат коллективной деятельности людей, строящих самое гуманное и справедливое общество, результат формирования коммунистических общественных отношений. Коммунистический идеал показывает людям, каков реальный социальный смысл ценностей — политических, нравственных, эстетических и т. п., что даст человеку их полное осуществление. Вместе с тем этот идеал служит высшим критерием оценки различных конкретных действий людей, дает возможность

судить об их действительной ценности и достоинстве исходя из исторических перспектив развития общества.

Благодаря противоречию между идеалом и действительностью возникает и ценностная ориентация личности. Если бы они совпадали полностью, то не была бы нужна и ориентация на более совершенное. Идеалы помогают людям оценивать все, что их окружает в реальном мире. Несуществующее, но желанное оказывается критерием для оценки существующего. Реальное сопоставляется с идеальным и измеряется меркой идеального — соответствует ли оно этим идеалам или нет. Например, добро и зло, справедливо и несправедливо, эффективно или неэффективно — это различные оценки, выражающие присущие обществу социальные отношения и идеалы. Известно, например, что в настоящее время коммунистическая партия уделяет особое внимание борьбе против отрицательных явлений в жизни — эгоизма, бездушия, карьеризма, бюрократии, посредничества, подхалимства, зазнайства. Мы оцениваем эти отрицательные явления как зло, поскольку они противоречат сущности и требованиям коммунистического идеала.

Отраженная в идеале объективная социальная закономерность находит конкретное выражение в нормах и принципах моральной системы. Они дают правила человеческого поведения, соблюдение которых — необходимое условие реализации идеала. Иногда понятия *истина*, *ценность* и *правило* недостаточно разграничиваются.

Истину как результат научно-этического исследования моральных оценок, норм и т. д. нельзя отождествлять с характером отражения действительности в этих оценках и нормах и тем более с правилом поведения. С этой точки зрения неправилен взгляд, согласно которому «насколько истинно отражена действительность в голове человека, настолько нравственно или безнравственно человеческое поведение»[149]. В действительности Л. В. Коновалова учитывает сложную специфику истины в морали и приходит к выводу, что она принимает форму правильного или неправильного, но последние выводятся из познаваемости нравственных явлений. Понятие «истина» прилагается к оценке всей системы моральных

---

[149] Л. В. Коновалова. Проблемы истины и морали. — В: Насущные вопросы этики, М., 1971, с. 91.

норм, а понятие «правило» ограничивается оценкой отдельных поступков. Мы же считаем, что правило не просто опосредствует и модифицирует конкретное проявление истины как познания, а образует специфическое ядро морального сознания.

Правильность как критерий оценки поведения возникает из системы моральных норм, которые содержат правила действий. Истинность проявляется в области этики как науки путем непосредственного сравнения содержания различных теорий, взглядов, концепций с изучаемым объектом, а правильность раскрывается путем сравнения поведения с моральными нормами. «Правильность,— говорит П. В. Копнин,— это... оценка не содержания мысли, а действий человека (идут ли они по известным правилам или нет); истинность —оценка содержания мысли, установление ее тождественности объекту. Отличие правильности от истинности состоит в том, что в первом случае речь идет о действиях субъекта, которые сравниваются опять-таки не с самим объектом, а с установленными правилами, во-втором — о содержании мысли человека, не зависящем от его поведения; истинность определяется только объектом. Правильность основывается на истинности, но не тождественна ей» [150].

В области морали речь идет о поведении человека, об оценке его поступков с точки зрения установленных норм и принципов. Эти поступки могут быть объектом теоретического анализа, но сами по себе они не являются истинными или неистинными, потому что это не теоретические положения, а действия. Они оцениваются с точки зрения правильности — насколько они соответствуют моральным ценностям.

Нравственные ценности превращаются в организующий и регулирующий фактор благодаря тому, что они становятся внутренним мотивом поведения. Как конкретное историческое осмысление действительности, и, в частности, отношений между личностью и обществом, мораль осуществляет две основные социальные функции: а) дает образец поведения и критерий для его оценки и б) воспитывает потребность, желание поступать согласно образцу. Для морали важно не только соблюдение норм, а то, чтобы люди стремились их соблюдать и получать

[150] П. В. Копнин. Диалектика, логика, наука, М.,1973, с. 81—82.

внутреннее удовлетворение, поступая согласно нормам. А это невозможно без личностного смысла деятельности, то есть без нравственного мотива, который является сердцевиной морального саморегулирования. Реализация моральных ценностей имеет различные уровни: а) в зависимости от степени осознавания данной ценности личностью и б) в зависимости от места этой ценности в иерархии моральных ценностей.

Нравственная зрелость личности в социалистическом обществе определяется наличием таких устойчивых и доминирующих ценностей, как преданность делу коммунизма, коллективизм, патриотизм и интернационализм, гуманизм и товарищеская взаимопомощь, переросших в убеждение, в главный мотив поведения.

4. Растущая роль морального регулирования в развитом социалистическом обществе

Мораль и социальная психика социалистического общества имеют свои отличительные черты, проявляющиеся как в их содержании, так и в способе возникновения, развития и функционирования. Их своеобразие определяется: а) своеобразием общественного бытия, глубокими изменениями в социально-классовой структуре и общественных отношениях; б) особенностями социального управления и развития социалистического демократизма; в) характером всей системы воспитания, под воздействием которой организованно и целенаправленно формируются моральное сознание и психика народных масс. Благодаря этим факторам устанавливается специфическое взаимодействие между моралью и социальной психикой, при котором все большую роль в духовной регуляции поведения играют принципы, нормы и оценки коммунистической нравственности. С одной стороны, социальная психика получает новые общественные «эталоны», которые лежат в основе общественного мнения, психического заражения и т. п., а с другой — она является действенным механизмом для воспроизведения нравственного опыта, его перенесения от общества (группы) к индивиду.

Коммунистическая мораль вырастает из пролетарской морали — самой передовой морали трудящихся. Она синтезирует в себе наилучшие достижения моральной культуры прошлого, но вместе с тем имеет качественно

новое содержание. Возникшая в условиях капитализма пролетарская мораль выражает коренные интересы рабочего класса, служит орудием преобразования старого мира. Нравственность рабочего класса есть нравственность и всех трудящихся, потому что пролетариат в своей борьбе против буржуазии защищает не только свои чисто пролетарские интересы, но и вожделения всех эксплуатируемых. Эта нравственность выражает истинный гуманизм, согласно которому смысл и ценность жизни состоят в том, чтобы бороться за освобождение эксплуатируемых трудящихся масс, приносить пользу обществу, строить свое счастье не в ущерб другим, а вместе со всеми трудящимися.

После победы социалистической революции и установления диктатуры пролетариата нормы и принципы коммунистической морали развиваются и обогащаются новым содержанием. Они подчинены коренным интересам борьбы за социализм, за построение развитого социалистического общества и переход к коммунизму. «В основе коммунистической нравственности, — пишет В. И. Ленин, — лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма» [151]. Эта мысль Ленина фиксирует, с одной стороны, критерий новой нравственности, борьбу за коммунизм, а с другой — подчеркивает, что коммунистические нравственные ценности не являются раз навсегда установленной системой, что их создание и усвоение — нераздельная часть более широкой исторической задачи — борьбы за победу социализма, за построение коммунистических общественных отношений.

Понятия «пролетарская мораль» и «социалистическая мораль», в сущности, выражают качественные этапы в развитии и утверждении коммунистической морали. Если понятие «пролетарская мораль» отражает прежде всего классовый характер этой морали и ее противоположность буржуазной морали, то понятие «социалистическая мораль» служит для характеристики морального сознания и моральных отношений на первой фазе коммунизма — в социалистическом обществе. Понятие «коммунистическая мораль» наиболее полно и всесторонне выражает особенности морали коммунистической общественно-экономической формации и на первой, и на

---

[151] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 313.

второй ее фазе, но эта мораль имеет в этих двух фазах различную степень зрелости. Мораль развитого социалистического общества наиболее полно выражает особенности первой фазы коммунизма, но она еще не является коммунистической моралью.

Моральная система зрелого социалистического общества отличается тем, что, *во-первых*, наиболее полно выражаст нормы и принципы победившего социализма, *во-вторых*, сохраняет свою классовую природу, которая, однако, не имеет ничего общего с классовым эгоизмом, субъективизмом и ограниченностью, присущими морали всех эксплуатируемых классов, в-третьих, нормы коммунистической морали все больше становятся нормами поведения всех трудящихся, формируются общие черты в нравственном облике людей, в котором самую большую роль играют «унаследованные» исторические добродетели, характерные для рабочего класса как наиболее прогрессивной социальной группы, *в-четвертых*, мораль зрелого социалистического общества подготовляет «действительно человеческую мораль», которая, согласно Марксу, «станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике[152].

Мораль зрелого социализма — это не «кодекс», обладающий качествами абсолютной завершенности, не неизменный нравственный закон, а процесс развития и совершенствования элементов истинной человеческой нравственности будущего. Она не ограничивает личность, а содействует всестороннему развертыванию богатства человеческой природы.

Победа социализма и построение развитого социалистического общества в НРБ еще раз подтверждают известное положение марксизма, что в процессе революционного преобразования социально-классовых отношений происходит «массовое изменение людей», что революция необходима не только для уничтожения капитализма, но и для избавления людей от мерзостей старого, частнособственнического общества, для утверждения достоинства и ценности человеческой личности. В программе БКП подчеркивается, что построение социалистического общества является процессом как развития и совершен-

[152] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 96.

ствования материально-технической базы и общественных отношений, так и формирования высокоразвитой системы духовной жизни, дальнейшего роста нового человека — строителя социализма. В процессе социалистической революции формируется и новая социальная психика. Она все больше освобождается от предрассудков, заблуждений, иллюзий и приобретает черты социалистического общественного сознания. Успешно преодолеваются такие унаследованные от прошлого явления в социальной психике, как недоверие, пессимизм, неуверенность в завтрашнем дне, униженность и ненадежность положения личности. В сфере социально-психического общения утверждаются коллективизм, взаимопомощь, сотрудничество, гуманизм, принципиальность и деловитость. Однако не следует забывать, что усвоение нравственных норм — это трудный, сложный и противоречивый процесс. Он зависит не только от изменений в общественном бытии, но и от уровня индивидуального развития человека, особенностей его жизнедеятельности, его прошлого опыта и того, какая собственная «нравственная работа» осуществляется данным человеком, на сколько он является активным субъектом самовоспитания.

В своей книге «Большой поворот социализма» известный ренегат коммунистического движения Роже Гароди развивает тезис, что мораль как форма регулирования поведения присуща только обществам с низким жизненным стандартом, что именно и порождает необходимость «самоограничения личности». С развитием научно-технической революции быстро растет богатство общества и в результате этого отпадает объективная необходимость в подчинении общим нормам поведения — индивид будет руководствоваться строго индивидуальными «правилами». Согласно Р. Гароди, мораль как форма социального контроля за поведением становится не только излишней, но и вредной, потому что мешает всестороннему развитию человека, его творческих способностей. Нравственность, говорит он, перестанет существовать как институт, присущий миру бедности, как самоотрицание ради соблюдения правил, она станет созданием правил, а эстетика займет место этики [153].

---

[153] R. Garody. Le grand tournant du socialisme, Paris, 1969, p. 36.

Наряду с этим в буржуазной социологии широко распространяется взгляд, что в эпоху «индустриальной цивилизации» постепенно происходит ликвидация противоположности между двумя антагонистическими способами производства, а их моральные ценности выравниваются под воздействием общего принципа повышения производительности труда. Например, Г. Маркузе предвещает «общемировую» «эстетико-эротическую революцию», цель которой — глубокое преобразование человеческих потребностей в духе натурализма. Согласно Маркузе, носителем новой морали является уже не рабочий класс, а ученые, инженеры, студенты.

Многие буржуазные авторы относят мораль к так называемой *интравертированной* культуре традиционных обществ, к системе долженствования, которая все больше «взрывается» изнутри. Согласно Жану Фурастье, в условиях быстрого научно-технического прогресса формируется «эксгрупповое сознание», то есть увеличивается дифференция типов поведения и мышления внутри одной и той же социальной группы, и поведение индивида все меньше зависит от общепринятых моральных норм. В прежних традиционных обществах личность, согласно этому автору, «генерализована», то есть растворена в определенной микросреде (сословие, класс, группа) и воспринимает явления через ее призму. Однако теперь личность освобождается от узких рамок коллективов, от социально-классовых характеристик морали и вступает в массовую культуру, лишенную социальных ролей и принадлежностей [154]. Эти рассуждения полностью опровергаются исторической практикой социализма. Новый общественный строй утверждает качественно новую систему норм, которая не только не обезличивает индивидуальность человека, но всесторонне развивает богатство его природы. Коммунистическая мораль есть отрицание буржуазного индивидуализма, а не индивидуальности.

На этапе построения зрелого социалистического общества создаются условия для дальнейшего повышения нравственного сознания (общественного и индивидуального) и для расширения регулятивных функций морали. «Усиление социально-политического и идейного единства

---

[154] См.: J. Fourastié. Les condition de l'esprit scientifique, Paris, 1966.

народа и развертывание социалистического демократизма раскрывают новые просторы для действия коммунистической морали как духовного регулятора человеческого поведения»[155].

Какие факторы обусловливают растущую роль коммунистической морали в регулятивном комплексе человеческого поведения?

Так как главная функция морали всегда связана с взаимоотношениями между личными и общественными (классовыми) интересами, то основу все более возрастающей роли нравственного регулирования в развитом социалистическом обществе следует искать прежде всего в качественных изменениях, наступающих в сфере интересов. Взаимосвязь между личным и общественным интересом на всех этапах исторического развития проистекает из того обстоятельства, что отдельный индивид, удовлетворяя свои потребности, неизбежно вступает в отношение с продуктами деятельности других людей. Он есть общественное существо, и всякое проявление его жизнедеятельности связано с другими людьми, есть «проявление и утверждение общественной жизни» (Маркс). Однако в классовом обществе «личный интерес» является эгоистическим интересом, который, по словам Маркса, не осуществляет никакого вышестоящего интереса. «Общественный интерес заключается как раз только в двусторонности, многосторонности, обособлении различных сторон, он есть обмен эгоистических интересов. Всеобщий интерес есть именно всеобщность эгоистических интересов»[156].

Антагонизм интересов в буржуазном обществе порождает, с одной стороны, противоречивость нравственного сознания, а с другой — приводит к лицемерию, цинизму и формализму господствующей морали. В классовом обществе общественный и личный интересы находятся в постоянном столкновении, вследствие чего человек вынужден соблюдать господствующие нравственные требования вопреки своим собственным интересам. В наши дни господство государственно-монополистического капитала еще больше усиливает аморальность современного капитализма, ведет к «общему ослаблению авторитета

---

[155] Программа БКП, София, 1971, с. 78.
[156] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 191.

старых моральных ценностей и к созданию системы организованной безответственности, равнодушия и безмолвного морального опустошения»[157].

В условиях социализма вырабатываются новые взаимоотношения между личными и общественными интересами. В системе социалистических интересов решающую роль играет общенародный интерес, так как личные и групповые интересы могут осуществляться только на основе реализации общественных интересов. Общенародный интерес выражает не только зависимость между индивидами и социальными группами, вытекающую из разделения труда (она существует и при капитализме), но и зависимость (она качественно новая) благосостояния и свободы каждого и всех от достигнутого уровня экономики и культуры. «При социализме общественный интерес — это качественно новый тип общественного интереса. Личный интерес при социализме — это тоже качественно новый тип личного интереса. Социалистическое общество создает условия для более полного удовлетворения интересов личности, для все более полного развертывания заложенных в человеке дарований и возможностей, потому что это соответствует интересам общества и создает материальные и духовные условия для расцвета человеческой личности. Вместе с тем только при социализме интересы отдельной личности нераздельно связаны с интересами общества, потому что без расцвета общества не может быть и расцвета личности»[158]. Новые взаимоотношения между личными и общественными интересами изменяют содержательную сторону социальной психики в трудовых коллективах. Она развивает социальную активность людей, утверждает чувство общественного долга и ответственность, популяризует хороший опыт, осуждает нарушения социалистической дисциплины и т. п. Общественное мнение «судит» за поступки согласно новым «образцам», в которых доминирует ведущая роль коллективных и общественных интересов.

В развитом социалистическом обществе достигается более высокая степень единства общенародных, коллек-

---

[157] Р. Миллс. Властвующая элита, М., 1959, с. 459—460.

[158] Т. Живков. Основни моменты за по-нататъшното развитие на системата на управление на нашето общество. Изд. на БКП, София, 1968, с. 127.

тивных и личных интересов, являющегося результатом дальнейшего сближения социальных групп, усиления социальной однородности общества. Характерная черта этого процесса состоит в том, что «сближение социальных групп происходит на основе исторических целей рабочего класса, что рост социального, идейного и морально-политического единства общества зависит от той степени, в которой интересы различных социальных групп сближаются и сливаются с коренными интересами рабочего класса» [159].

В зрелом социалистическом обществе создаются объективные и субъективные предпосылки формирования единого морального сознания как в рамках всего общества, так и в рамках индивидуального сознания людей. Усиливающаяся однородность общества служит основой постепенного «унаследования» нравственных добродетелей рабочего класса всеми трудящимися. Нормы коммунистической морали под влиянием идеологического и социально-психического воздействия все больше становятся нормами поведения всех членов общества. Однако этот процесс не происходит автоматически, сам по себе. Это сложный, сознательно направляемый партией процесс, при котором важную роль играет и непосредственная социальная среда личности. Научное управление этим процессом требует изучать и принимать во внимание различие, существующее между общественным и индивидуальным сознанием, между воздействием макро- и микросреды.

На новом этапе развития общественное моральное сознание утверждается полностью, повышается его роль в формировании нравственного облика человека. Но связь между ними не является непосредственной и всегда полностью адекватной. При этом не все моральные взгляды и нормы, существующие в развитом социалистическом обществе, относятся к коммунистической нравственности. Последняя включает те моральные ценности, которые являются частью нового общественного сознания, но наряду с ними существуют и такие нравственные взгляды, идеи и пр., которые имеют частнособственническую основу, носят «родимые пятна» старого

---

[159] Т. Живков. Отчетен доклад на ЦК на БКП пред Десетия конгрес на партията, 1971, с. 180.

или являются результатом буржуазного влияния. Вот почему необходимо делать различие между социалистическим общественным сознанием, отражающим и обслуживающим новое общественное бытие, и сознанием в социалистическом обществе.

Под воздействием социалистического общественного сознания индивидуальное нравственное сознание приобретает научную обоснованность, аккумулирует все более полно моральные ценности и добродетели, которыми рабочий класс обладает как наиболее прогрессивная социальная группа. Однако моральный облик личности не есть механический отпечаток социальных отношений, не есть непосредственная проекция системы моральных принципов и норм. В связи с этим надо учитывать то обстоятельство, что человек легче обогащает свою память, свои знания, вообще быстрее переустраивает свою интеллектуальную сферу, но гораздо труднее изменяет свои чувства и эмоции, без поддержки которых нравственное саморегулирование немыслимо. Те или иные нарушения нравственных норм чаще всего вызваны не незнанием того, как поступить, а тем, что нормы еще не затронули чувства, не стали внутренней эмоциональной потребностью.

Личность проявляет избирательное отношение к продуктам духовной культуры. Кроме того, способ и степень их ассимилирования зависят от прошлого опыта человека, от влияния его макросреды и т. п. Поэтому растущая роль нравственной регуляции в развитом социалистическом обществе не означает автоматического соблюдения всеми людьми общественных требований, выраженных в системе нравственных норм. Если бы поведение каждого члена общества полностью совпадало с требованиями его социальной группы, тогда вообще не нужна была бы мораль как форма социального контроля. Личность есть относительно самостоятельная, динамичная система, обладающая собственной волей. От нее зависит, какую «волю» она проявит в конкретной ситуации — добрую или злую. Именно автономность индивидуального выбора варианта действия создает и личную ответственность за поведение и возможность нравственной оценки этой ответственности.

Мораль действует там и тогда, где и когда личность проявляет свободный выбор поведения, а следовательно,

несет и личную ответственность за выбор. Если человек является рабом естественной или экономической необходимости, то условия для свободного, то есть сознательного, основанного на познании, выбора ограничены, а это сужает и роль нравственного регулирования. Поэтому другой существенный фактор расширения сферы морального регулирования в развитом социалистическом обществе связан с расширением социальной и личной свободы, с повышением социалистической сознательности трудящихся. Наряду с более высокой ступенью единства общенародных, коллективных и личных интересов растет социальная активность личности, повышается научная обоснованность в ее индивидуальном сознании. Зрелое социалистическое общество открывает широкий простор для проявления творческих сил и возможности людей, создает еще лучшие условия для расцвета индивидуальных способностей и качеств человека, для богатства человеческой природы [160]. Растущую роль субъективного фактора следует понимать не только как сужение сферы стихийно протекающих непредвиденных и неожиданных процессов, не только как более полное осуществление требований объективных закономерностей, но и как более полное осознание моральной необходимости, как усиление ее мотивирующей функции в индивидуальном поведении.

Единство личных и общественных интересов и повышение социалистической сознательности обусловливают принципиально новое понимание нравственной стороны человеческой деятельности, изменяют содержание нравственного долга. Отдельный человек служит обществу, и при этом он не подавляет свою собственную индивидуальную природу, а, напротив, утверждает свое подлинно человеческое предназначение. «Многообразие индивидуального развития — необходимое условие социального прогресса» [161], — указывает Тодор Живков. С другой стороны, нравственный долг переживается как исполнение не чужих интересов, а как собственное веление, потому что забота об общих интересах — это забота и о личных интересах. Когда общество требует от человека,

---

[160] Т. Живков. Отчетен доклад на ЦК на БКП пред Десетия конгрес на партията, с. 181.

[161] Там же.

чтобы он был более активным, более организованным и дисциплинированным, чтобы он достиг высоких производственных показателей, то выполнение этих требований не есть «жертва» личного во имя абстрактного общественного блага, оно соответствует и личному интересу человека. Осознание этой новой взаимосвязи между личным и общественным приводит к постепенному превращению общественно полезной деятельности, общественных требований во внутреннюю потребность, в мотив поведения. Мораль все больше опирается на собственную сознательность людей, на взаимную взыскательность, сотрудничество и взаимопомощь.

В условиях зрелого социалистического общества расширяется как сфера действия моральных норм, так и оценка нравственных возможностей человека. Перед ним стоят такие цели, которые по содержанию и масштабам превосходят самые смелые предсказания моралистов прошлого.

Характерная черта моральных требований состоит в том, что они значительно опережают нынешнюю действительность, значительно обгоняют ее. Нравственное воспитание в развитом социалистическом обществе готовит человека не только для сегодняшнего дня, но и для будущего, готовит к тому, чтобы он рос как разносторонне развитая личность, которая завтра будет и строителем коммунизма. Не случайно программа БКП требует того, чтобы в поведении каждого члена общества, в деятельности каждого коллектива идейная убежденность и преданность органически сочетались с общественно полезными делами, с практическими действиями по реализации коммунистического идеала. Моральные системы прошлого впадали в неразрешимое противоречие между долгом и личным интересом, между внешними требованиями и нравственной совестью или же приходили к признанию того, что моральные императивы в применении к человеку неосуществимы, что они бесконечно отдалены от идеала, которому нет места в реальной жизни.

Коммунистический идеал — это не абстрактная, внеисторическая ценность, не какой-то недостижимый первообраз, а научное представление о всесторонне развитой личности, гармонично сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство. Создание коммунистических нравственных ценностей и

их усвоение осуществляется в процессе преобразования социальных условий как результат коллективной деятельности людей, строящих зрелое социалистическое общество. Поэтому коммунистическая нравственность ставит перед человеком не только более высокие моральные обязанности, чем любая другая моральная система, но и практически достижимые цели, которые надо решать не в далеком будущем, а теперь, в современных условиях социализма. Это придает большую целенаправленность, действенность и педагогический оптимизм нравственному регулированию, усиливает творческо-созидательную функцию морального сознания. Поэтому в процессе построения развитого социалистического общества все большее значение приобретает воспитание коммунистической нравственности как составная часть коммунистического воспитания.

В свете этого обстоятельства заслуживает внимания нравственный аспект известной мысли Маркса, нашедшей отражение и в Программе БКП, что богатство человеческой природы есть самоцель, основной принцип любой более высокой общественной формации. В социологическом аспекте коммунизм и богатство человеческой природы — это не две различные цели, а одна и та же цель, ибо развитие общественных отношений при коммунизме и расцвет отдельных личностей нераздельно связаны. Свободное развитие отдельного индивида — условие свободного развития всех. Однако что же означает этот принцип с точки зрения морали?

Развитие человека как самоцель не означает, что благо отдельной личности может быть противопоставлено целому обществу, что каждый может рассматривать себя как самоцель и во имя этого пренебрегать общественными интересами ради обеспечения своего личного блага. «Рассматривая развитие человека как самоцель, — пишут известные советские этики А. Ф. Шишкин и К. А. Шварцман,— новое общество воспитывает человека так, чтобы сам он не смотрел на себя как на самоцель, чтобы он видел полноту человеческого бытия в стремлении к общему благу, чтобы он умел возникающее противоречие между требованиями общества и своим личным стремлением решать в пользу общества, общего дела, чтобы он испытывал любовь

к великому делу коммунизма и был бы готов на героизм и самопожертвование» [162].

Реализация марксистско-ленинского принципа о богатстве человеческой природы как наивысшей ценности коммунизма предполагает: 1) создание материальных и духовных предпосылок многостороннего развития личности и 2) такое воспитание человека, которое превращает общественные интересы в его нравственную совесть, в личную ответственность и мерило поступков. Если воспитательная работа не превращает общественное благо в осознанный нравственный долг, в личную перспективу и побуждение к действию, нельзя говорить о полноценной личности развитого социалистического общества. По своей самой глубокой сущности коммунистическое воспитание есть процесс, при котором личность осознает те или иные явления и идеалы как ценные или неценные с точки зрения общественного процесса, с точки зрения марксистской теории и коммунистической морали. Важная и актуальная задача идеологического процесса — построение правильного соотношения между личной ориентацией каждого человека и общественной перспективой, конкретное «проектирование» общественного в индивидуальном.

5. Мораль и научно-техническая революция

Научно-техническая революция существенно изменяет характер и структуру современного производства, средства коммуникации, способы общения и информации, оказывает все более растущее влияние на быт, психику и мораль личности.

В калейдоскопе самых разнообразных идей, мнений и предложений, касающихся воздействия научно-технической революции на моральную систему общества, особенно ярко вырисовываются две противоположные тенденции:

а) Расцвет «человеческой субъективности», свобода личности и возможности нравственного выбора объясняются исключительно расширяющимися возможностями науки и техники. Считают, что новый характер произ-

---

[162] А. Ф. Шишкин, К. А. Шварцман. XX век и моральные ценности человечества, М., 1968, с. 198.

водственной деятельности, возникший под влиянием научно-технической революции, формирует высокие нравственные качества — самоуважение, добросовестность, чувство ответственности и пр. Нравственные отношения ставят в прямую зависимость от уровня техники, не учитывая воздействия социально-экономического строя на эту зависимость.

б) Научно-техническую революцию рассматривают как «моральную контрреволюцию», которая разрушает «целостную личность», усиливает противоречия между индивидом и обществом, уничтожает или обесценивает нравственные добродетели. С особенностями научно-технической революции связывают появление ряда новых форм авторитарной цензуры и авторитарного контроля над человеком, а также возникновение новых форм гедонизма.

Авторитарная культура, в которой доминируют гетерономные нормы и ценности, не содействует тотальному развитию личности, а только регулирует ее поведение в рамках бюрократической структуры общества.

Эта культура все лучше усмиряет человека, но не гуманизирует его. Создавая общество материального изобилия, научно-техническая революция усиливает противоречие между потребностями и долгом, между достоинством и счастьем. Она превращает индивида в рациональное животное, которое сознательно приспособляется к существующим условиям, лишает его автономной личностной инициативы.

Указанные подходы фетишизируют и гиперболизируют (хотя и в противоположных направлениях) роль техники, игнорируют социально-экономическую обусловленность ее воздействия, забывают, что «сущность человека есть совокупность всех общественных отношений». Это ведет к неправильному объяснению взаимодействия между научно-техническими и социальными факторами в развитии морального сознания.

Марксистско-ленинский подход чужд как противопоставлению техники и человека, отрицанию воздействия современной научно-технической революции на мораль и психику личности, так и необоснованному выведению идеологических, в том числе и нравственных, отношений из особенностей производства и техники. Вряд ли нужно в связи с этим напоминать известную

критику В. И. Лениным книги В. Шулятикова «Оправдание капитализма в западноевропейской философии от Декарта до Э. Маха». Эту книгу Ленин считал «примером безмерного опошления материализма... Карикатурой на материализм в *истории*»[163]. Нам представляется, что элементы подобного отношения к действительной роли научно-технической революции имеются как в безграничном оптимизме футурологических концепций, видящих в ней ключ к богатству человеческой природы, так и в противоположных и в такой же степени односторонних пессимистических представлениях о ее враждебности по отношению к нравственным ценностям.

Марксистская теория о взаимодействии между сферами материального производства и другими областями общественной жизни исходит из первичной и определяющей стороны материальной жизни общества, производства материальных благ. Техника, безусловно, представляет важный фактор общественного прогресса, но ее значение проявляется прежде всего в воздействии, которое она оказывает на развитие производительных сил. «Производительные силы — это результат практической энергии людей, но сама эта энергия определена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существовавшей до них...»[164].

Следовательно, даже развитие производительных сил нельзя свести только к технике. Оно включает в себя в качестве главного элемента человека с его способностью трудиться, создавать материальные и духовные ценности. Поэтому человек есть не только объект научно-технической революции, на котором механически запечатлеваются ее положительное или отрицательное воздействия, но и субъект, созидательная сила в развитии науки и техники.

Создание орудий и машин — это процесс преобразования и овеществления человеческих сущностных сил. Машина, как подчеркивает Маркс, — это созданный человеческой рукой орган человеческого мозга. Техника и наука суть средства, с помощью которых человек увеличивает возможности своих рук и своей головы. Они яв-

---

[163] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 474.
[164] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, с. 402.

ляются продолжением и развитием его телесной и духовной сущности, новыми органами и формами его преобразующей предметной деятельности. Но и самая сложная машина, созданная человеком, не становится субъектом деятельности. Живая человеческая деятельность «умирает» в машине, а действительным субъектом деятельности является человек[165]. Человеческая деятельность всегда субъективна, то есть основана на сознательном и глубоко личностном «почему» данного действия. Через свою мотивацию личность вплетена в контекст общественных отношений. Рассматривая гегелевское понимание «царства субъективности», Ленин подчеркивает главное и положительное в этом понимании: «Свобода — субъективность, («или») цель, сознание, стремление»[166]. Субъективность предполагает наличие сознательно поставленной цели, а цель — осознанный интерес. И к самой умной машине с полной силой относятся слова: «Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не *«относится»* ни к чему и вообще не «относится»; для животного его отношение к другим не существует как отношение»[167]. *Поскольку машина не есть субъект деятельности, поскольку она не относится к миру, она не может быть и носителем нравственных ценностей.* Техника сама по себе не может быть ни нравственной, ни безнравственной. Это характеристики человеческого использования техники, которое зависит от конкретных общественных отношений. Маркс убедительно доказал, что машины сами по себе не ответственны за «освобождение» рабочего от необходимых ему жизненных средств, что противоречия и антагонизмы, оторванные от капиталистического применения машин, не существуют, потому что они проистекают не из самих машин, а из их капиталистического применения.

---

[165] Понятие «деятельность», как подчеркивает А. Н. Леонтьев, необходимо связано с понятием «мотив». Основными составными компонентами или единицами деятельности являются действия — процессы, подчиняющиеся сознательным целям, и операции, непосредственно зависящие от условий, при которых реализуется конкретная цель. Машина, орудие не имеют потребностей, мотивов и целей. Они берут на себя часть человеческой деятельности — операции, а не целеобразование (см.: А. Н. Леонтьев. Проблема деятельности в психологии. — «Вопросы философии», 1972, № 9, с. 9).

[166] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 148.

[167] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 29.

Усвоение новых источников энергии, проникновение в космическое пространство, внедрение новых технологий, которые не только преобразуют форму веществ, но изменяют и их молекулярную и атомную структуру, автоматизация и кибернетизация производственных процессов, словом, все новые достижения науки и их практическая реализация неимоверно расширяют «спектр» человеческих потребностей, а это ведет и к изменению в иерархии ценностей. Однако все новые достижения научно-технической революции становятся ценностью лишь в связи с интересами классов, социальных групп и личностей. Новые достижения сами по себе не являются ни нравственными, ни безнравственными. Их моральная характеристика зависит от целей, которым они подчинены, от их включения в сферу интересов.

Основа и источник моральных ценностей — это отношение «личность — общество», а не отношение «человек — машина». Носителем нравственных ценностей не могут быть вещи, поскольку сущность этих ценностей необходимо связана с поступками людей, с формами поведения. Нравственные нормы в отличие от технологических норм и правил не выводятся непосредственно ни из уровня техники, ни из операционно-производственных навыков, умений и способностей человека. Они являются своеобразными «контейнерами», сохраняющими результаты обработки другого типа социальной информации, которая очерчивает модель должного поведения личности в ее взаимоотношениях с другими людьми, содержит портрет «лучшего я», то есть того, кем человек должен быть в соответствии с нравственным идеалом.

Прогресс общества характеризуется не только завоеваниями науки и техники, но и выработкой норм и оценок поведения, отражающих потребности и возможности социальной системы по совершенствованию отношений между личностью и обществом. Поэтому структурные изменения в области морали не непосредственно обусловлены характером и особенностями научно-технической революции, а проистекают из специфических для каждой общественно-экономической формации взаимосвязей между личными и общественными интересами. Высшие или низшие состояния нравственности, как справедливо отметил еще Й. Дицген, измеряются не степенью технического развития, а «степенью общест-

венной солидарности», то есть гармонизацией и гуманизацией отношений между личностью и обществом.

Нравственный прогресс возникает и протекает в единстве с социальным прогрессом, как его нераздельная сторона, но он имеет и относительную самостоятельность, проистекающую как из особенностей нормативно-оценочного отражения социальной реальности, так и из характера морального регулирования, основывающегося на глубоком личностном осознании моральных ценностей и на превращении их в мотивационный фактор индивидуального поведения. Сложное взаимодействие между общественным и индивидуальным нравственным сознанием иногда приводит к тому или иному отклонению реальных нравственных отношений от требований социального прогресса. Как разновидность идеологических отношений[168] нравственные отношения *двукратно* опосредствованы — как всей совокупностью общественных отношений, так и формами морального сознания. Все это придает «собственную логику» нравственному развитию, но не отрывает его от генерального направления социального прогресса.

Восходящее развитие морали, независимо от временных и неизбежных зигзагов и отклонений следует, закономерной смене качественно различающихся одна от другой общественно-экономических формаций, каждая из которых превосходит предыдущую и в сфере морального сознания и моральных отношений. Прогресс моральной системы находит выражение в глубоко содержательном изменении основных «орудий», с помощью которых она управляет поведением — фундаментальных представлений класса (общества) о добре и зле, идеалах, нормах, принципах. Эти орудия являются носителями информации о смысле жизни, целях и предназначении человека. Поэтому нравственный прогресс не есть обычное изменение моральной практики общества, а качественное переустройство и совершенствование моральной системы в целом.

---

[168] В отличие от материальных отношений, которые формируются как «объективно необходимая цепь событий», независимо от общественного сознания, специфический признак биологических отношений состоит в том, что, «прежде чем им сложиться, проходят через сознание людей» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 345; т. 1, с. 137).

Современная научно-техническая революция оказывает сильное воздействие на функционирование моральных норм в рамках той или иной моральной системы, но не изменяет ее основные принципы и критерии, которые зависят от характера общественно-экономического строя. Она модифицирует моральную практику общества, изменяет прежние формы и средства социализации личности усвоения и соблюдения норм. Массовые коммуникации, урбанизация, динамичные миграционные процессы, массовое включение женщины-матери в производство и т. д. вносят новые моменты в моральное регулирование, в динамику и эффективность социального контроля, в характер и плотность общения и пр. Не случайно лозунг о «переоценке ценностей», который в начале XX века выглядел как творение кабинетного философского ума, в наши дни становится выражением настроения масс в капиталистических странах и одной из центральных тем в аксиологических рассуждениях.

Многие социологи и этики подробно исследуют факторы, углубляющие моральный кризис буржуазного общества. Они с тревогой констатируют ослабление под воздействием научно-технической революции традиционных моральных стимулов, поиски смысла жизни, уменьшение влияния религии, различных иррациональных и ограничительных табу, фетишей и мифов, обесценение воинских добродетелей — патриотизма, чести, героизма и т. д. Иногда кризис традиционных взглядов, норм и ценностей в современном буржуазном обществе сравнивают с кризисом времен позднего средневековья, связанным с крахом прежних представлений, верований, с распространением пессимизма, мистики и оккультизма.

Нет никакого сомнения в том, что кризис буржуазной культуры и цивилизации имеет своим катализатором новые возможности техники воздействовать на сознание и психику человека. «Индустрия массовой культуры», рекламы и пропаганды получает новые средства для манипулирования сознанием и чувствами масс, насаждения мифа о равных возможностях для всех, культивирования неогедонистских представлений, индивидуализма, морального безразличия и т. п. Однако первопричину этого кризиса следует искать не в научно-техническом прогрессе, а в природе социально-экономического строя.

Научно-техническая революция сама по себе не создает никаких новых элементов в нравственном зле, которые не были уже порождены частной собственностью, а только ускоряет эскалацию аморализма, пороков, органически присущих капитализму. В связи с этим совершенно неправильно считать, что общественные отношения как при социализме, так и при капитализме являются лишь социальным фоном происходящей научно-технической революции, которая будто бы независимо от форм собственности, от классовой структуры, от способа распределения и т. п. обусловливает нравственный облик общества в том или ином отношении.

В марксистской литературе, рассматривающей взаимоотношение «человек — научно-техническая революция», тоже можно найти утверждения, что каждый новый этап научно-технического прогресса означает и новый этап в нравственном развитии человека, в расцвете его сущностных сил. Верно, что, двигая вперед науку и технику, изменяя материальные и духовные условия своего существования, человек изменяет и самого себя. Однако нельзя забывать, что обстоятельства, которые «создают людей в той же степени, в какой люди создают обстоятельства» (Маркс), всегда являются социальными обстоятельствами, общественными отношениями. Прогресс человеческой личности как главной производительной силы находит выражение в развитии науки и техники, но это развитие противоречиво и его воздействие на «богатство человеческой природы» зависит от характера общественных отношений.

«В наше время,— говорит Маркс,— все как бы чревато своей противоположностью. Мы видим, что машины, обладающие чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приносят людям голод и изнурение. Новые, до сих пор неизвестные источники богатства благодаря каким-то странным, непонятным чарам превращаются в источники нищеты. Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что, по мере того как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества. Все наши открытия и весь наш прогресс как бы приводят к тому,

что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы [169].

Эта оценка Марксом пробужденных к жизни «промышленных и научных сил» сохранила свою актуальность и ценность и в настоящее время. В ответ тем, кто хочет избавиться от современной техники, чтобы таким образом избавиться от новых конфликтов, тем, кто воображает, что прогресс промышленности непременно должен сопровождаться таким же значительным регрессом в политике, Маркс пишет: «*Мы знаем, что новые силы общества, для того чтобы действовать надлежащим образом, нуждаются лишь в одном: ими должны овладеть новые люди, и эти новые люди — рабочие*» [170]. Следовательно, силой, которая разрешит «антагонизм между современной промышленностью и наукой, с одной стороны, современной нищетой и упадком — с другой» [171], является социалистическая революция. Именно характер и тип общественных отношений определяет характер и тип присваиваемых человеком сущностных сил. Поэтому вечное свойство человека — быть субъектом предметно-практической деятельности, непрерывно совершенствовать орудия этой деятельности — приобретает конкретно-историческое содержание при каждой общественно-экономической формации, и в этом смысле «собственная природа» человека есть не вечно неизменный субстрат, а конкретно-историческая сущность, совокупность определенных общественных отношений.

Конкретные изменения в моральной системе связаны с революционным переустройством структуры общественных отношений. Научно-технический прогресс сам по себе не изменяет структурно-определяющие моменты моральной системы и не обусловливает главные направления нравственного прогресса. Область социальных явлений, в том числе и изменения в моральной области под воздействием научно-технической революции,— относительно самостоятельная сфера общественной жизни со своими специфическими закономерностями и методами управления.

---

[169] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, с. 4.

[170] Там же (курсив мой. — *В. В.*).

[171] Там же.

Воздействие научно-технической революции в рамках существующих общественных отношений затрагивает обычные нормы и правила поведения, функционирующие в традиционных житейских ситуациях, модифицирует «нормальную» для общества нравственную житейскую практику. Как бы ни изменялись в ходе научно-технического прогресса обычные (общечеловеческие) нормы, как бы ни модифицировались некоторые установившиеся нравственные особенности и качества (простота, лояльность, недвусмысленность, самоуважение, семейная честь и пр.) — все это не изменяет фундаментальных понятий о добре и зле, определяющих основной нормативный смысл морали в каждый исторический период развития общества. *Социально-классовое «добро» или «зло», основополагающие «начала» морали (идеалы, принципы), фиксирующие нравственную программу человека, раскрывающие ему смысл и общую цель его многообразных действий, — результат качественных изменений в макроструктуре общества.*

Моральный прогресс нельзя объяснить изменениями в сфере элементарных норм, имеющих «общечеловеческое значение». Элементарные нравственные стереотипы аккумулируют взгляд, привычки, настроения и пр., которые постоянно функционируют в данной микросреде и приобретают установочный характер в отношении поведения. Стереотипные понятия, оценки, способы действия имеют характер «решенной моральной задачи», выполняют роль своеобразного алгоритма. Они включены в общую моральную систему общества и значительно облегчают ее регулятивные функции. Однако изменение этих стереотипов, преодоление одних и возникновение других не означает появления качественно новой фазы в моральном развитии общества.

Необходимо разграничивать изменения в моральной системе под влиянием научно-технической революции (обусловленные всегда в своем конкретном содержании господствующими общественными отношениями) и основные фазы в прогрессивном развитии морали или переходе от одной формации к другой. Независимо от противоречивого характера социального прогресса вместе с прогрессом общества, с прогрессом личности прогрессирует и мораль как форма общественного сознания, как регулятор общественных отношений. Однако все

прогрессивные изменения в нравственном развитии человечества до победы социалистической революции совершались в рамках общих черт, присущих антагонистическим обществам. При этом соотношение между техническим, социальным и нравственным прогрессом было крайне противоречивым в отношении развертывания «родовых потенций» человека.

Рассматривая развитие социальных систем с точки зрения характера межличностных отношений, Маркс различает три формы *общества*: «Отношения личной зависимости (в начале совершенно первобытные) — таковы первые формы общества, при которых производительность людей развивается только в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на *вещной зависимости* — такова вторая крупная форма, при которой в первый раз образуется система всеобщего общественного обмена, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. *Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении коллективной, общественной производительности в их общественное достояние — такова третья ступень*. Вторая ступень создает условия для третьей»[172].

Превращение индивидуального отношения в его противоположность — в чисто *вещное отношение* — является историческим процессом и на различных ступенях развития принимает различные формы.

Научно-технический прогресс в условиях капиталистических общественных отношений еще больше уродует человеческие потребности, сводя их к чувству обладания, присвоения, обедняя таким образом человеческую сущность. Человеческие идеалы становятся чисто потребительскими. Господство вещных отношений и стирание идивидуальности принимает свои крайние, универсальные формы. Тут полное проявление внутренней сущности человека принимает форму всеобщего овеществления. Личная мощь индивида превращается в какую-то вещную мощь. Критерий сравнения личностей является внешним по отношению к их действительной природе.

---

[172] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, с. 588 (курсив мой. — *В. В.*)

Качественно новый этап в нравственном прогрессе человечества связан с постепенным преодолением вещных отношений между людьми, с установлением «третьей ступени» исторического развития, когда начинается содержательное саморазличение личностей. Превращение личных сил (отношений) в вещественные не может быть уничтожено, если индивиды не подчиняют себе эти вещественные силы, а это предполагает ликвидацию частной собственности и социалистическое переустройство общества. Социализм как эпоха уничтожения классов является вместе с тем и эпохой формирования нового типа человеческой нравственности, эпохой «*подлинного* разрешения противоречий между человеком и природой, человеком и человеком, подлинного разрешения спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом»[173].

Социализм создает объективные и субъективные предпосылки для преодоления диспропорций между техническим, социальным и нравственным прогрессом. Мерилом их максимального соответствия служит степень всестороннего и гармоничного развития личности. В условиях развитого социалистического общества научно-техническая революция — мощное средство «развития всех человеческих сил как таковых» (Маркс), расширения сферы морального регулирования, роста возможностей нравственно-положительного выбора поведения, нравственно-эмоционального богатства человека. Но так как главная функция морали и в социалистическом обществе связана с взаимоотношениями между личными и общественными интересами, то основу все более растущей роли нравственного регулирования надо искать не просто в особенностях научно-технического прогресса, а прежде всего в качественных изменениях, происходящих в сфере интересов, в отношении между личностью и обществом.

Усиление социальной однородности общества, повышение социалистической сознательности трудящихся, развертывание социалистического демократизма раскрывает новые просторы для действия коммунистической

---

[173] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, с. 588.

морали. В этих условиях достижения науки и техники содействуют еще большему повышению роли субъективного фактора, росту социальной активности людей, расширению границ личной свободы.

Зрелое социалистическое общество наиболее ярко раскрывает превосходство социализма над капитализмом как в экономической и политической областях, так и в нравственной сфере, в действительном освобождении и разностороннем развитии человека. Оно представляет собою новый шаг из царства необходимости в царство свободы, следовательно, и в нравственный прогресс общества, потому что оно создает условия для реализации сущностной стороны морали — свободного, сознательного и добровольного служения интересам общества и других людей, всестороннего совершенствования человека. Развитое социалистическое общество вырабатывает новый тип взаимоотношений между людьми, утверждает у каждого члена общества сознание приоритета общественных интересов, коллективизма, взаимопомощи и товарищеского сотрудничества, превращает богатство человеческой природы в условие и мерило социального прогресса.

Вторая часть

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МОРАЛИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХИКИ В МОТИВАЦИИ И РЕГУЛЯЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Общественное сознание, рассматриваемое в качестве многофункциональной управляющей системы, в которую органично включены мораль и социальная психика, характеризуется прежде всего способностью воздействовать определенным образом на человеческое поведение. Вообще воздействие — первый и незаменимый признак всякого управления. Отдельные, относительно самостоятельные подсистемы общественного сознания являются носителями специфической социальной информации, воздействующей на поведение. Характер и удельный вес этого воздействия различны у конкретных форм общественного сознания, а также и на различных этапах развития человечества.

В каком соотношении находятся мораль и социальная психика как духовные регуляторы поведения? Включена ли мораль в сферу социальной психики как часть целого, или же это соотношение имеет характер частичного включения одного в другое? Как понимать более конкретно «присутствие» социальной психики в морали — в качестве временного гостя на «нижнем этаже» или в качестве постоянных социально-психических компонентов, сопутствующих моральному регулированию?

В духе традиционного отождествления социальной психики с обыденным сознанием обычно различают две стороны морали — идеологическую и социально-психологическую. К идеологическому уровню морали относят систематизированные нравственные идеалы, взгляды,

принципы, а к ее социально-психологическому уровню относят нравственное обыденное сознание (традиции, обычаи, чувства, эмоции и настроения). «Социально-психологический уровень нравственного сознания и поведения,— пишут братья Ермолины,— имеет ряд групп элементов. Это 1) эмпирический характер потребностей, интересов и целей; 2) нравственные чувства, страсти, настроения и т. д.; 3) нравственные привычки, обычаи, традиции; 4) нравственное подражание, внушение, пример поведения и т. д.; 5) нравственная активность, инициативность и т. д.» [1].

Более внимательное ознакомление с концепцией этих авторов показывает, что они смешивают «систематизированный» уровень морального сознания с этикой, изучающей это сознание. На наш взгляд, неправильно отождествлять моральные принципы, нормы и оценки с формами и средствами научно-этического познания, с помощью которых они изучаются в качестве объекта анализа. Идеологическая сторона морального сознания охватывает систему идей, которые теоретически обосновывают нравственные ценности определенного класса или общества. Что касается социально-психических компонентов морали, то они существуют не только на уровне эмпирического нравственного сознания, а пронизывают все стороны морального сознания и моральных отношений.

Сам по себе эмпирический характер потребностей, интересов и целей еще не раскрывает связи морали с социальной психикой. Кроме того, нравственные чувства и нравственную активность едва ли правильно относить только к социально-психическому уровню морали, поскольку без них вообще немыслимо нравственное поведение. Социально-психический компонент не совпадает полностью и с нравственными привычками, обычаями и традициями. Он возникает и функционирует при «употреблении» этих обычаев и традиций, при их соблюдении группой общающихся людей.

Социальная психика — необходимый компонент в процессе реализации моральных норм, где именно проявляются ее специфические функции. Рассмотрение

---

[1] В. В. Ермолин, Д. В. Ермолин. Коммунистическая нравственность, Иваново, 1972, с. 26—27.

социальной психики только как «уровня нравственных целей», как «несистематизированного предчувствия результатов действия»[2] не позволяет объяснить сложную функциональную зависимость между моралью и социальной психикой. Законы социальной психики активно воздействуют на все стороны нравственных взаимоотношений, усиливают или ослабляют императивную силу моральных норм.

Значительно более плодотворный и правильный подход к решению поставленного вопроса наметил известный советский этик Л. М. Архангельский. Рассматривая существенные зависимости между моральным сознанием и элементами социальной психики, он пришел к выводу, что «мораль органически включена в социальную психологию; моральные нормы, взгляды, идеалы принимают в ней устойчивые формы своего бытия, сливаются с установками масс на определенные виды деятельности и, следовательно, с воспроизводством определенных, соответствующих этим установкам нравственных отношений»[3]. При этом автор подчеркивает, что включение морали в сферу социальной психики отличается от включения в нее других форм общественного сознания.

Социально-психическая общность тех или иных социальных групп, а следовательно, их религиозные, политические, эстетические и т. п. установки, стереотипы, вкусы и т. д. всегда опосредствованы системой определенных моральных норм, преломляющихся в типичные черты группового сознания, в специфические типы общения и поведения. Имеется особая социально-психическая форма актуализации моральных норм как необходимое условие их утверждения в практической жизни.

Мы не можем согласиться с тем, как Архангельский объясняет включение морали в социальную психику. Последняя рассматривается им как некое «убежище», которое наряду с моралью вмещает в себя и другие формы общественного сознания. Мораль «включена» в сферу духовной жизни общества, а не в социальную психику, несмотря на то что она неразрывно связана с нею.

---

[2] В. В. Ермолин, Д. В. Ермолин. Коммунистическая нравственность, Иваново, 1972, с. 27.

[3] Л. М. Архангельский. Лекции по марксистской этике, ч. I, Свердловск, 1969, с. 81.

Отношения между моралью и социальной психикой — это не отношения между частью и целым, а отношения определенной функциональной зависимости. По отношению к морали социальной психика представляет собой один из факторов реализации норм, одно из важнейших средств актуализации механизма нравственного регулирования. А по отношению к социальной психике мораль можно определить как своеобразную нормативно-оценочную «матрицу», которая кладет свой отпечаток на динамичное социально-психическое «поле».

I. Личность и моральная регуляция

Регулирующая и мотивирующая роль нравственных норм, адресующих свои требования должного ко всем индивидам данной общности в течение определенного исторического периода, немыслима, если нет общения, взаимодействия и коммуникации между людьми. Нормы функционируют в процессе общения, при взаимодействии множества действующих личностей. Именно поэтому особенности нравственного сознания органично связаны со всей общественной психикой. И самая элементарная коммуникация предполагает определенную степень согласия с «условностями» моральных норм. Они осуществляют «нормативную ориентацию», вносят элемент «порядка» в реальную ситуацию благодаря «опоре», которую встречают в общественной психике.

Социальная психика участвует в саморегуляции поступков, служит в качестве «опоры» или «отрицания» моральных требований, но сама по себе, в отрыве от нравственного сознания она не указывает, «как следует поступать». Оценочная и регулирующая роль общественного мнения, настроения, подражания и пр. осуществляется на основе моральных норм.

Различные социально-психические образования могут усиливать нравственное поведение или же отклонять его от действительных нравственных ценностей. Не случайно достижения социальной психологии как науки используются по-разному — в ущерб человеку или для блага человека. Достаточно указать на практику систематического психоманипулирования массовым сознанием в капиталистических странах посредством

коммерческой рекламы или политической пропаганды. Реклама, например, умело используя законы массовидной психики, внедряет в сознание народных масс капиталистических стран миф о равных возможностях для всех, насаждает культ денег, формирует «удовлетворенное сознание» и «ценности индивидуализма».

Социально-психическое воздействие означает «поступай, как другие», тогда как моральная норма подразумевает «поступай как следует», то есть должное. Социальная психика не всегда обеспечивает моральный тип регуляции. Под влиянием социально-психологического общения личность может воспринять, например, обычай одеваться или здороваться определенным образом, но при этом ее мораль не затрагивается. Кроме того, различные социально-психологические явления могут функционировать относительно самостоятельно и не обладать моральным характером. Совесть есть проявление индивидуального нравственного сознания, но стыд как социально-психологический феномен может иметь различное содержание. Я могу стыдиться того, что плохо одет, что некрасив, но это не затронет моральную сферу.

Те или иные социально-психические образования возникают при любой совместной деятельности людей, при любом контактном общении «лицом к лицу». При этом эти образования весьма различны в банде воров, в студенческой группе, в производственной бригаде или в данной научной группе. Если социальная психика отражает более непосредственно особенности межличностных отношений, то источник и основа морали всегда находятся на уровне класса (макроструктуры). «Социально-классовое добро» независимо от тех или иных личных мнений о нем. Оно обусловлено конкретно-исторически. Мораль не может выводиться непосредственно ни из индивидуальной, ни из социальной психики; она может выводиться из общественно-исторического бытия класса. Поэтому и социальная психика не есть ни основа, ни мерило нравственных ценностей.

Социальная психология как позитивная наука имеет важное значение в исследовании человеческого поведения, но из-за особенностей своего предмета она,

как справедливо указывает советский философ и этик О. Г. Дробницкий, «способна объяснить лишь ближайшие причины массово-средних, обычных и «отклоняющихся» (в ту или другую сторону) поведенческих акций человека и указать методы направленного воздействия на сознание и чувства людей. Однако она не может указать, как же именно человеку должно поступать не просто в плане приспособления к наличным социальным условиям, а в плане сознательного творчества этих условий, преобразования самих предпосылок массово-закономерных действий»[4].

Социальная психика воздействует на поведение через внешнее влияние, которое оказывают коллективные чувства, мнения, подражание, заражение и т. п. Основное в нравственном регулировании — это мотив, убеждение, осознанное отношение к нормативным требованиям. Моральная необходимость — это не только внешняя власть над личностью, но и внутренний мотив и убеждение. Благодаря этому элемент внешней зависимости, доминирующий при социально-психических явлениях, в нравственном поведении переживается как зависимость от собственных влечений, желаний, интересов и находит выражение в специфических внутренних механизмах — совести, чувстве долга и ответственности, нравственных убеждениях и т. п.

Следовательно, как мораль, так и социальная психика оказывают духовное воздействие на человека, но они существенно различаются как по форме, так и по содержанию. Мораль всегда воздействует от имени общества (класса), тогда как социально-психическое воздействие зависит более непосредственно от характера микросреды. Моральное регулирование предполагает осознание нравственных ценностей, вследствие чего при нем доминирует внутренний мотив поведения, а не просто сила конформизма. Нравственное воздействие в отличие от социально-психического направлено на вопросы: «Во имя чего живет человек?», «Какие цели он осуществляет?» и т. п. Кроме того, оно распространяется на всех людей данной общности, и его «обязательная» сила не зависит от профессиональных, демографиче-

---

[4] О. Г. Дробницкий. Научная истина и моральное добро. — Сб. «Наука и нравственность» М., 1971, с. 288.

ских, национальных и других особенностей социальной группы.

Социальная психика воздействует на личность, поскольку она участвует как «соавтор» ее многообразных проявлений в данном контактном коллективе. Вне группы человек не может испытать воздействие группового настроения или подражания в определенный конкретный период, в определенной конкретной ситуации, но мораль воздействует на него и тогда, когда он «наедине с самим собой». В этом смысле социально-психическое воздействие ситуативно, подвижно, динамично. Оно имеет подчеркнуто адаптивную функцию— избегать поведения, отклоняющегося от принятой практики, поддерживать традицию, тогда как моральное воздействие никогда не «забывает» о том, каким должен быть человек согласно требованиям идеала. Поэтому функция конформности не является основной для морали, которая стремится прежде всего обеспечить мотивационное подкрепление поступков в соответствии с нормами и принципами.

В качестве формы социального контроля социальная психика действует спонтанно, «неорганизованно». В ряде случаев она играет дезинтегративную роль — паника, слухи и т. д. могут модифицировать поведение, отклонить личность от нравственных требований. Поэтому нужно различать социально-психическую и моральную детерминацию поведения. Например, общественное мнение очень тесно взаимодействует с нравственным сознанием, но оно имеет специфические особенности, из-за чего не всегда совпадает с ним. В качестве индивидуального или коллективного оценочного суждения мнение имеет своим объектом многообразные явления, затрагивает различные стороны экономики, политики, искусства и т. п. Оно может воздействовать независимо от морали и вопреки морали. Оно может изменить поведение личности, не затрагивая ее моральные взгляды. Один и тот же поступок может получить различные оценки со стороны общественного мнения.

Всякое мнение — это принятие личной или коллективной точки зрения по данному вопросу, затрагивающему интересы субъекта этого мнения. Оно имплицитно содержит в себе «по-моему» или «по-нашему», кото-

рые могут рассматриваться как проявление нравственного сознания только тогда, когда они выражают определенные моральные требования. Нравственное содержание общественного мнения проявляется тогда, когда оцениваются поступки, а не чисто технические операции (например, умение парикмахера) и когда эта оценка исходит из определенных моральных норм. Общественное мнение не может быть единственным критерием моральной ценности, так как этот критерий находится вне сферы общественного мнения, настроения и т. п., а именно в объективных общественных закономерностях.

Правильно говорить не о тождестве морали и социальной психики, а о социально-психической форме или способе существования моральных представлений и оценок и о воздействии социальной психики на нравственные взаимоотношения между людьми. Она усиливает или замедляет императивную силу моральной нормы. Важная задача этики — исследование социально-психических аспектов морали, а с другой стороны, социальная психология, изучая законы коллективных психических явлений, неизбежно затрагивает и проблемы развития нравственного сознания, проявляющегося в процессе социально-психического общения.

1. Личность как субъект нравственного поведения

Основная структурная единица этического и социально-психологического анализа — человеческое поведение, которое детерминируется и регулируется многими факторами — экономическими, политическими, нравственными и т. п. Именно поэтому термин «поведение» фигурирует не только в этике и социальной психологии, но и в социологии, кибернетике, теории систем и других науках. Кибернетика, например, определяет поведение как множество последовательных изменений в состоянии динамичной саморегулирующейся системы, вызванных внешними воздействиями. Этика и социальная психология используют это понятие в его социальном содержании для характеристики отношения личности к другим людям (классу, обществу), для выражения социально-классового и нравственного содержания человеческой деятельности.

В качестве нравственно-психологического явления поведение предполагает сознательно-волевой выбор личности, ее способность ставить перед собой социально значимые цели, выбирать средства их осуществления и чувствовать свою ответственность за результаты деятельности. Машина-автомат может осуществить даже лучше человека определенную конкретную цель, может решить гораздо быстрее человека какую-то сложную задачу, но ее поведение соответствует заложенной человеком программе. Она не ставит перед собой и не преследует никакой собственной цели; последовательность ее поведения соответствует нашим целям. Поэтому, когда мы наблюдаем операции какого-то сложного кибернетического устройства, мы можем сравнивать их с заданной программой, оценивать их по тому, насколько они соответствуют установленным параметрам или отклоняются от них, но мы не можем сказать: «устройство поступает нечестно, несправедливо, непартийно». Это характеристики человеческого поведения, проистекающие из особенностей нормативно-оценочного взаимодействия между людьми. На каждом этапе своего развития общество формулирует определенные идеалы, цели и принципы и на их основе создает нормы поведения, различные формы социального контроля за их реализацией.

Сущность человеческого поведения, формы и средства его регулирования и оценки носят конкретно-исторический характер. Маркс видит специфичность поведения в том, что человек в отличие от животного *относится* к миру сознательно, творчески преобразуя его. В трудовом процессе человек практически производит новую социальную действительность, в которой он конкретизирует свою родовую жизнь и «относится к роду как к своей собственной сущности или к самому себе — как родовой сущности».

Марксизм по-новому отвечает на вопросы, которые волнуют этическую мысль: «Какова природа исторической реальности? Дана ли она „an sich" («в себе») в силу какой-то внешней необходимости, как считает Гегель, или порождается человеческой деятельностью? Если существует внутренняя закономерность, то какова ее сущность? Каково место человека в историческом процессе — фигурант он или творец, субъект или

только объект внешней необходимости, яркая индивидуальность или только носитель определенной «общности»? Именно ответы на эти фундаментальные вопросы кладут начало целостной, гуманистической, творческой и революционной теории человека.

Маркс и Энгельс разорвали порочный круг философской традиции: «общество как субстанция» — и «человек как самосознание». Они раскрыли полную несостоятельность идеализма, который рассматривает человеческое «я» как другое наименование нематериальной и непознаваемой «души» или в духе крайнего солипсизма. В отличие от тогдашних антропологических концепций, которые ограничивались анализом отдельных сторон человеческого бытия, марксизм обосновывает общественную сущность человека. «Фейербах сводит религиозную сущность к *человеческой* сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [5].

Для марксизма человеческая личность является не механическим продуктом общественных отношений, а активным субъектом, необходимой общественной предпосылкой развития. Действительное историческое движение — это «деятельность *массы* человеческих индивидуумов» [6]. «*История* не делает *ничего*, «она не обладает *никаким* необъятным богатством», она «не сражается *ни в каких* битвах!». Не «история», а именно *человек*, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. История не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей. История — *не что иное,* как деятельность преследующего свои цели человека» [7].

Взаимодействие между личностью и обществом двупланово — с одной стороны, личность есть индивидуализированный результат развития конкретно-исторических отношений, а с другой — она есть творческое начало, которое не только перерабатывает «внешнее», «социальное» в «личное», но и вносит нечто «от себя

---

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 3.
[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 93
[7] Там же, с. 102.

самого» в социальное. В «Нищете философии» Маркс высмеивает и критикует Прудона именно за то, что он рассматривает общество как нечто самоудовлетворяющееся по отношению к составляющим его индивидам, как «общество-лицо», «социальный гений» и т. п. «...Г-н Прудон, — пишет Маркс, — персонифицирует общество; он делает из него *общество-лицо*, общество, которое представляет собой далеко не то же самое, что общество, состоящее из лиц, потому что у него есть свои особые законы, не имеющие никакого отношения к составляющим общество лицам, и свой «собственный разум» — не обыкновенный человеческий разум, а разум, лишенный здравого смысла» [8]. Маркс всегда воевал против двух в корне ошибочных подходов: а) «выводить» реальные общественные отношения из индивида, из его априорной сущности и б) рассматривать общественное отношение вне реальных действующих личностей.

Общественные отношения, существуя объективно, вне и независимо от сознания, в то же время являются и собственными отношениями отдельной личности. Однако они не моделируют механически личностные качества — всякий «буржуа» есть только экземпляр рода «буржуа», всякий рабочий — копия рода «пролетарий». Тут связь сложна, закономерность статична. Общественные отношения, образующие основу личности, не просто существуют одно до другого, а находятся в сложном и противоречивом единстве, в сложной совокупности, которая характеризуется определенными внутренними отношениями и взаимосвязями. Эти отношения находятся в сложном *иерархическом соподчинении*. Одни из них — главные, ведущие, другие — подчиненные. У различных людей совокупность их реальных отношений может быть примерно одинаково широкой или, наоборот, одинаково узкой, но характеристика их личности будет различна в зависимости от того, какие отношения занимают у данного человека главное место, а какие — подчиненное [9].

---

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 118, см. также с. 119—122.

[9] А. Н. Леонтьев. Некоторые психологические вопросы воздействия на личность. — Сб. «Проблемы научного коммунизма», вып. 2, М., 1968, с. 31.

Личность—это сложная динамичная система, поведение которой детерминируется множеством объективных и субъективных факторов. Неправильно было бы выводить ее сущность только из сферы «непосредственной коммуникации», то есть из межличностных отношений в семье, группе и т. д. Любая попытка преувеличивать, абсолютизировать один из факторов формирования человека, искать причины его поведения только в одной, отдельно взятой ситуации и т. п. противоречит Марксовой формуле, что сущность человека есть совокупность всех общественных отношений. Только на основе этого фундаментального определения можно раскрыть сложную диалектическую природу личности. Оно побуждает исследователя к конкретному анализу (в форме соответствующих частнонаучных социологических, этических, социально-психических и других понятий) путей, форм и средств, которые формируют личность, обусловливают ее социальное поведение.

В проведении проявляется диалектическая связь между субъективным и объективным. В то же время оно есть единственный способ раскрытия человеческой сущности, выявления общественной и индивидуальной природы человека. По словам Гёте, поведение представляет собой зеркало, в котором каждый показывает свой лик. Сознание регулирует поведение, отражая мир и его законы, переводя материальное в идеальное. Посредством действия идеи, замыслы, духовные ценности переходят в действительность, воплощаются в ней, получают материальную форму существования. Но практически действующий человек изменяет мир *по-человечески*, то есть не только согласно объективным закономерностям материальных процессов, но и сообразно своим потребностям, целям, намерениям, сообразно своей ценностной ориентации.

Сознание и психика — это внутренняя характеристика деятельности, а свойство деятельности протекать в форме внешне наблюдаемого поведения можно рассматривать как характеристику самой психики. Психика — это не отдельное самостоятельное явление, а сторона или нераздельная интегральная часть деятельности. Деятельность оказывается именно той системой, внутри которой функционирует психика. Поэтому современная марксистская психология рассматривает

деятельность, действие как единицу реального взаимодействия между личностью и окружающим миром, как основную «клетку», в которой представлены зачатки всех элементов или сторон психики.

Человеческая личность — это не пассивный носитель «внутренних условий», которые «преломляют» внешние воздействия. Часто встречающаяся формулировка: «внешние воздействия преломляются через внутренние условия» — неточна и упрощенна. Она обедняет процесс взаимодействия между субъектом и объектом. «Преломление» — это не просто ответ, реакция субъекта на воздействие извне, а *ответ-действие*. Деятельность-ответ есть целенаправленное преобразование мира, дополнение «внешних воздействий» как в постановке целей, средств, так и в результате. Всякий результат деятельности человека есть какое-то дополнение, изменение, которое выходит за рамки окружающих условий, преодолевает их, перерабатывает их. Согласно этому принципу (многое сделали для его обоснования советские психологи С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев, А. А. Смирнов и др.), сознание, психика — это не нечто пассивное, созерцательное, рецептивное, а процесс, деятельность реальной личности. Человеческая деятельность не может быть сведена к совокупности слепых реакций, не может быть объяснена посредством бихевиористских терминов «стимул» и «реакция», подобно тому как и сознание людей, включенное в эту деятельность, не может быть понято как замкнутый внутренний мир. «Строение сознания человека закономерно связано со строением его деятельности», а «деятельность человека может иметь только то строение, которое создается данными объективными условиями и порожденными ими отношениями между людьми» [10].

Марксистская психология рассматривает психическое как процесс, как деятельность. Этот подход включает и изучение сознания как процесса осознавания мира. В свете этого понимания всегда речь идет о деятельности человека, субъекта, личности, а не просто о деятельности какого-то органа (хотя бы и такого, как мозг). В идеалистической психологии субъект, дея-

[10] А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики, М., 1965, с. 295.

тель — это не сам человек, а его сознание. «Я» — это не сознание, а человек, субъект как сознательный деятель»,— пишет С. Л. Рубинштейн [11]. «Мыслит не мышление, а человек, и человек, а не само его мышление — субъект мыслительной деятельности» [12].

Поведение есть процесс активного взаимодействия между личностью и социальной средой, которое осуществляется путем различных действий. В него включаются только те действия, которые имеют сознательную цель и вызывают определенные изменения в поведении, ориентации или стремлениях другого лица или социальной общности. В структурно-функциональном аспекте поведение представляет определенную систему, в которой могут быть «выделены» следующие элементы: а) действующее лицо, б) предмет действия или другое лицо, на которое воздействуют, в) средства или орудия действия, г) метод действия или способ использования средств для действия, д) результат действия или реакция лица (общности), на которое воздействуют.

Любая развернутая деятельность состоит из отдельных действий, которые подчинены конкретным целям, преследуемым субъектом в ходе этой деятельности. Другая «единица» деятельности — это «операции», характеризующие способ выполнения действия. Они образуют «техническую» сторону действия и в отличие от него отвечают условиям, а не целям действия. Поэтому одни и те же операции могут реализовать различные действия. Машины выполняют именно операции, то есть «технизированные» действия, лишенные мотива, осознанной цели и смысла.

В реальной жизни человека деятельность, действия и операции суть не отдельные, абсолютно независимые компоненты, а единое функциональное образование, отвечающее его потребностям (мотивам). Но когда этика анализирует деятельность личности, она разграничивает в ней главные ее «единицы», а это прежде всего образующие ее *действия*, то есть процессы, подчиненные сознательным целям.

---

[11] С. Л. Рубинштейн. Человек и мир. — В: «Методологические проблемы психологии», М., 1969, с. 365.

[12] С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии, М., 1959, с. 39.

В этической литературе по праву полагают, что не все, что совершает человек, может быть квалифицировано с точки зрения морали. Принято делать различие между *действием-операцией* и *действием-поступком*. Операция характеризует «техническую сторону» деятельности: скорость, интенсивность, ловкость, профессиональные умения и т. д., тогда как поступок выражает главным образом нравственное содержание деятельности, социально-классовую характеристику личности. Вне действия (внешнего или внутреннего) не может быть человеческого поступка, одно и то же действие может воплощать в себе противоположные типы поступков. Действие как сознательный акт деятельности превращается в поступок в той степени, в какой человек не только выражает определенное отношение к окружающим его предметам внешнего мира, но и осознает и проявляет себя как общественный человек. Основное в поступке (поведении) — отношение человека к другим людям [13].

Цепь поступков образует линию поведения личности. Поэтому о морально-психологическом облике человека надо судить по его поступкам, а не по его действию-операции. Операционные действия характеризуют практические усилия личности с точки зрения механического движения тела. Предположим, что молодой человек гуляет в парке. Само по себе действие, названное «прогулка», еще ничего не говорит о поступке — он может ожидать решающей встречи с любимой или же скрываться после совершенного преступления. Или же возьмем в качестве примера операцию колки дров. Сам по себе процесс колки дров не есть еще поступок, так как он ничего не говорит о моральных намерениях занятого этим делом человека. Но если известно, что этот человек колет дрова, чтобы помочь своему больному соседу, или что он колет чужие, нечестно присвоенные дрова, тогда налицо имеются уже два совершенно различных поступка, один из которых заслуживает осуждения.

Именно поступки, а не действия-операции, занима-

---

[13] См.: Н. И. Мокроусов. Проблема нравственной оценки поступков (поведения). — «Вопросы философии», № 9, 1965; А. Ф. Шишкин. О предмете этики как науки. — «Вопросы философии», № 1, 1964.

ют этику, психологию, социологию, когда они исследуют общественную природу и социально-классовое содержание личности. Действия приобретают значение поступков: а) благодаря мотиву, который они реализуют, и б) когда выражают отношение к другим людям, когда объективизируют нравственные ценности. Поступок — это мотивированное действие, которое имеет внешнюю, операционную, сторону и субъективную сторону — они могут не совпадать.

Из сказанного выше следует, что специфическая сфера морального регулирования — поступки людей, а необходимое условие его осуществления — осознание нравственных ценностей, принятие должного в качестве самообязанности внутреннего мотива действия. Отличительная черта морали среди других средств регулирования общественных отношений состоит в том, что она выполняет свою функцию только тогда, когда ее нормы становятся личным достоянием человека, частью иерархической структуры мотивов.

Если социально-психическое воздействие может иметь ситуативный характер, который не затрагивает постоянные и доминирующие мотивы, то моральное саморегулирование немыслимо без интериоризации норм, без включения их в систему мотивов, стремлений и ценностных ориентаций личности. Нравственный выбор поведения предполагает превращение требований норм в убеждение человека, но, поскольку он осуществляется в многообразных областях общественной деятельности, при самых различных объективных обстоятельствах, на выбор поведения воздействуют и другие факторы — политические, эстетические, социально-психические и др. Реализация нравственно мотивированного намерения зависит от воздействия микросреды, от коллективного одобрения или осуждения. Чтобы понять механизм и взаимодействие морального и социально-психического регулирования, необходимо исследовать мотивационную сферу человека, которая наиболее полно раскрывает, насколько нравственные императивы и оценки, взгляды группы, ее санкции и стереотипы превращаются во внутреннее побуждение поведения, как они преломляются через «внутренние условия».

2. Потребности, интересы и мотивы

Действительная нравственная ценность функционирует в обществе прежде всего в форме особого мотива поведения, который реально влияет на поступки людей. Постановка и реализация одного и того же действия может быть результатом различных мотивов, а потому и обладать различной моральной характеристикой. Рабочий допустил брак... Ученик убежал из класса... Директор нагрубил секретарше и т. п. Когда требуется нравственно оценить эти способы поведения, мы неизбежно приходим к мотивам, которыми руководствовались люди в том или ином случае. Но и такие поступки, которые внешне выглядят высоконравственными, например спасение тонущего человека с риском для собственной жизни, могут оказаться имеющими различное моральное содержание. Если спасающий бросается в воду потому, что он — штатный спасатель, если он хочет получить награду, произвести впечатление на окружающих людей и т. п., ясно, что его поступок — результат служебной обязанности или корыстного побуждения. Предположим также, что проводится профсоюзное собрание. Товарищ Х вносит предложение по обсуждаемому вопросу. Объективное значение предложения — правильно и своевременно. В гносеологическом отношении, так сказать, оно — истина. Но каков нравственный смысл этого предложения, высказанной истины? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны знать, каков мотив этого предложения. Почему оно высказывается Х? Допустим, что в годовом отчете упомянули о его пассивности на собраниях, и он решил показать свою активность. В действительности, может, именно в этом состоит субъективный смысл высказывания, а объективное его значение не является в данном случае главным. В. И. Ленин подчеркивал, что важно знать не только предложение, но и тот мотив, по которому оно внесено.

Мотив означает сознательное и глубоко личностное «почему» данного действия. Он раскрывает соотношение между внутренним и внешним, между потребностями и их объектами. Он является субъективной детерминацией действия. «Через свою мотивацию чело-

век включен в контекст действительности»[14]. *Как идеальные побудительные силы мотивы формируются на основе потребностей, но если потребности раскрывают общую направленность деятельности, мотивы непосредственно регулируют поведение, конкретизируют цель и ожидаемый результат, которого человек стремится достигнуть в процессе удовлетворения возникших потребностей.*

Исходным пунктом и движущим фактором человеческой деятельности оказываются потребности. Однако они вовсе не являются первично данной, биологически унаследованной причиной, а в свою очередь детерминированы общественными отношениями, в которых люди осуществляют производство материальных и духовных благ[15].

Чтобы удовлетворить свои потребности в пище, жилище, одежде и т. п., человек должен ставить целью своих действий удовлетворение определенных общественных потребностей. Он не может существовать, если не включается в коллективный труд, если общественные мотивы не становятся и его личными мотивами. Еще на самых ранних стадиях первобытного общества возникло разделение между отдельными участниками производства — один поддерживал огонь, обрабатывал пищу, другой участвовал в охоте и т. д. Продукты этого процесса в целом, удовлетворяющие потребности коллектива, приводят и к удовлетворению индивидуальных потребностей, несмотря

---

[14] С. Л. Рубинштейн. Человек и мир. — В: «Методологические и теоретические проблемы психологии», М., 1969, с. 370.

[15] Вопрос о побудительных силах человеческого поведения — объект острой научной и идеологической борьбы между идеализмом и материализмом. Не только Фрейд, но и многие другие представители психологии и социологии отрицают социальное происхождение мотивов и потребностей. В 1908 г. Уильям Мак-Дaугалл создал теорию, согласно которой в основе социального поведения лежат биологически унаследованные *инстинкты*. Всякий инстинкт сопровождается специфическими эмоциями. Автор объясняет инстинктами даже происхождение общественных учреждений. Например, половой и родительский инстинкты лежат в основе семьи, врожденная агрессивность человека ведет к войнам и т. п. Согласно Лестеру Фрэнку Уорду, основным психологическим мотивом, приводящим в движение человеческое общество, являются *желания*, особенно *голод* и *жажда*, связанные с поддержанием жизни индивида, и *сексуальные стремления*, обеспечивающие продолжение человеческого рода. Желания интерпретируются абстрактно, внеисторически, как всеобщие черты всех людей независимо от времени и класса.

на то что отдельно взятый индивид не осуществляет все операции, приводящие к созданию предмета данной потребности.

В процессе деятельности индивид психически отражает и осмысливает отношение между мотивом действия и его предметом. Вместе с рождением действия — этой главной «единицы» человеческой деятельности, возникает и основная, общественная по своей природе, психологическая «единица» — осознавание человеком смысла, значения своей активности и своих действий. Например, чтобы человек мог принять на себя обязанность пугать животных во время коллективной охоты, нужно, чтобы это действие было в соотношении, в связи с конечным результатом коллективной деятельности, нужно, чтобы это соотношение было субъективно отражено данным лицом, чтобы оно осознало его смысл. Именно осознание смысла действия принимает форму сознательной цели [16]. Конкретно-психологически этот сознательный смысл создается отражающимся в голове человека объективным отношением между тем, что его побуждает действовать, и тем, на что его действие непосредственно направлено. Сознательный смысл выражает отношение между мотивом и целью.

Термин «мотив» означает то объективное, в интерпретации А. А. Леонтьева, в котором эта потребность конкретизируется в данных условиях и на которое направлена деятельность как на стимулирующее ее. «Реальный мотив — это объект, который отвечает той или иной потребности и который в той или иной форме отражается субъектом и направляет его деятельность» [17]. Субъективно осознанная цель деятельности («субъективный мотив») — это отражение реального мотива, но это отражение не всегда является прямым, а во многих случаях цель не совпадает с истинным мотивом действия. Например, поясняет свою мысль Леонтьев, ученик читает заданную ему научную литературу. Это — сознательный, целенаправленный процесс. Его сознательная цель — усвоение содержания этой литературы. Однако каков личностный смысл этой деятельности? Он зави-

[16] А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики, с. 272—273.
[17] А. Н. Леонтьев. Потребности, мотивы и сознание. Доклад на XVIII Международном психологическом конгрессе, Симпозиум 13, М., 1966, с. 5.

сит от того, какой мотив побуждает деятельность учащегося, осуществляющуюся действием чтению. Если этот мотив — стремление хорошо подготовиться к будущей профессии, то чтение будет иметь для него один смысл. Но если мотив его занятия заключается в том, чтобы формально выдержать экзамен, закончить семестр, то это чтение имеет совсем другой — личностный — смысл. Поэтому личностный смысл деятельности определяет мотив, а не просто чтение.

Если мотивы позволяют понять, почему человек в определенной ситуации поступает определенным образом, то потребности и интересы раскрывают источники побуждений, основу избирательности и направленности деятельности. Еще Гельвеций подчеркнул, что реки не текут вспять, а люди не идут против основного течения их интересов. «Потребность, — говорит он, — есть источник деятельности и счастья людей» [18].

Потребности индивида или социальной группы возникают в процессе предметно-практической деятельности. Они связаны с механизмом саморегулирования. Многие авторы определяют удовлетворение потребностей как цель саморегуляционной деятельности человека. «Потребность, — пишет А. В. Маргулис, — это категория, выражающая необходимые и существенные требования определенной биологической или общественной системы, удовлетворение которых обеспечивает нормальное функционирование и развитие данной системы» [19].

Потребность есть состояние субъекта (личности, коллектива, класса, общества в целом), которое выражает его зависимость от объективного содержания условий жизни и деятельности. Это состояние зависимости обусловлено тем фактом, что субъект нуждается для своего существования и развития в употреблении определенных предметов. В самом общем виде потребность, как выражается С. Л. Рубинштейн, «это испытываемая человеком нужда в чем-то, лежащем вне его; в ней проявляется связь человека с окружающим миром и его зависимость от мира» [20].

---

[18] К. Гельвеций. О человеке, М., 1938, с. 355.

[19] А. В. Маргулис. Потребности и духовная активность человека. — Материалы конференции, Курск, 1968, с. 81.

[20] С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии, М., 1946, с. 623.

Информация об испытываемой субъектом нужде мобилизует активность на устранение возникшего «дефицита». Маркс подчеркивал, что человек ничего не делает, если он не побуждается к действиям своими потребностями. Они являются первичной формой выражения и существования субъективного. Однако понятие «потребности» охватывает как состояние субъекта, переживание нужды, влечение, так и предмет потребности (материальный или идеальный). Предмет, как указывает Маркс, есть не предмет вообще, а определенный предмет, который должен быть потреблен определенным способом. Поэтому предмет влияет на потребность и способы ее удовлетворения, а потребность избирательна, всегда направлена на свой объект.

Потребность — это форма отношения между субъектом и объектом, особая субъективно-объективная связь: человек — носитель потребности, ее «творец», но она не есть нечто замкнутое в себе самой, а по содержанию предметна. Именно предмет удовлетворяет потребность, «снимает» ее в данных условиях. Потребность отражает определенное внутреннее состояние организма в его жизненно необходимом отношении к объекту. Следовательно, она является отражением не только предмета потребления, но и отношения субъекта к этому предмету.

Переживание потребности выражается в стремлении индивида как субъекта потребности практически снять внутренний конфликт, уменьшить напряжение, получить удовлетворение и относительное спокойствие. Потребность и деятельность по ее удовлетворению — две стороны активно-преобразовательного отношения субъекта к объекту. В человеческом обществе предметы потребности не даны в готовом виде; они производятся, а благодаря этому, как показали Маркс и Энгельс, потребности тоже производятся.

Источники человеческой мотивации заключаются именно в противоречии между потребностями и предметами, которое решается и снова порождается в процессе предметно-преобразующей деятельности. Диалектика этой деятельности такова, что удовлетворение потребностей оказывается процессом их порождения, а создание нового предметного содержания — средством разви-

тия человеческих потребностей и мотивов[21]. Поэтому основание потребностей лежит как в самом человеке, так и в объективных условиях, при которых протекает его жизнедеятельность.

На основе определенной совокупности потребностей возникают и развиваются интересы, являющиеся следующим звеном в побуждениях к деятельности. Интерес — это проявление потребностей, но по сравнению с ними он обладает рядом специфических особенностей. Гегель первым связывает интересы с потребностями, но не отождествляет их. Интерес действует «через естественную необходимость и произвол потребностей».

В отличие от потребностей как непосредственного отношения к предмету потребления интерес — это опосредованное отношение к последнему. В этом смысле предмет потребности и предмет интереса не тождественны. Интерес, как указал еще Кант, принадлежит только человеку, а не животному миру. Он предполагает целеобразование, волю, чувства. Предметное содержание интереса — это не предмет потребности, а средства его достижения[22]. Интерес — это отношение, притом активное отношение, субъекта к выбору наиболее оптимальных возможностей реализации его цели. «Потребность только тогда порождает интерес, когда ее удовлетворение встречает затруднения в силу каких-либо субъективных или объективных факторов. Беспрепятственное удовлетворение потребности не порождает интереса[23]. Интересы выражают противоречия между потребностями и условиями их удовлетворения. Когда потребность порождает интерес, неизбежно появляется цель деятельности. Понятия «цель» и «интерес» — однопорядковые. Следовательно, потребности приобретают сознательную, «смыслообразующую» силу через интерес, то есть через полное понимание сущности потребности и способов ее удовлетворения, в результате чего мотивационный процесс принимает ясную и определенную направлен-

---

[21] См.: Г. В. Мокроносов, А. М. Мосоров, В. Е. Кемеров. Общественные отношения, интересы, мотивы, Свердловск, 1971, с. 56.

[22] Г. К. Черкасов. Объективные и субъективные факторы детерминации человеческой деятельности. — «Вестник МГУ», 1972, № 4, с. 21.

[23] Д. А. Кикнадзе. Потребности, поведение, воспитание, М., 968, с. 61.

ность. Через интерес осуществляется своеобразный переход от объективного к субъективному[24]. Поэтому и Гегель отмечает, что интерес преодолевает «произвол потребностей». Он представляет потребность, проходит стадию мотивации, принявшую форму сознательной направленности человека на удовлетворение неудовлетворенной потребности[25]. Мотив — это поступок индивида в возможности, в качестве идеальной «модели» предпринимаемого и осуществляемого действия. Мотивы и целеполагание как отличительная черта человеческой деятельности нераздельно связаны[26].

Факторы, воздействующие на поведение, осознаются человеком и приобретают функцию мотива, побуждения. Но в историческом развитии происходит не только осознание биологических потребностей и средств их удовлетворения. Происходят глубокие качественные изменения в характере потребностей, в их структуре и развитии. Общественная жизнь, ценности материальной и духовной культуры формируют новые «побудительные силы» поведения. Врожденный «репертуар поведения» преобразуется под влиянием социальной среды. «Сама удовлетворенная первая потребность, — говорит Маркс, — действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим актом»[27]; Маркс раскрывает исторический характер

---

[24] Категория «интерес» объективна в двух основных аспектах: *во-первых*, как продукт или результат объективных потребностей людей и, *во-вторых*, как необходимое свойство социальной сущности личности, которая с объективной необходимостью связывает ее с другими членами общества.

[25] Д. А. Кикнадзе. Цит. произв., с. 10.

[26] Согласно польскому психологу К. Обуховскому, регулирующая роль мотива основывается на определенных целях действия и предназначенной для этого программе, благодаря которой становится возможным принятие решения о действии. Регуляция деятельности начинается с того, что индивид, выясняя для себя (а следовательно, формируя, вербализуя) цель действия, определяет (формулирует) программу действия. Когда этот процесс завершается и индивид создает себе мотив, одобренный им, он начинает действовать, то есть приступает к реализации программы, содержащейся в мотиве. Исходя из этого, автор определяет мотив как «вербализацию цели и программы, дающую возможность лицу начать определенную деятельность» (К. Обуховский. Психология влечений человека, М., 1971, с. 19).

[27] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 27.

человеческих потребностей. Личность производит даже и тогда, когда она освобождена от физической потребности. Более того, она производит в подлинном смысле слова лишь тогда, когда она освобождена от физической потребности. Благодаря этому она способна творить по «законам красоты»[28].

Человеческое поведение нельзя объяснить какими-то вечными влечениями, инстинктами, заложенными в человеке природой. Все попытки в этом отношении претерпели неудачу, потому что основные биологические потребности, которые буквально можно перечислить по пальцам, далеко не раскрывают необозримое богатство мотивов и побуждений человека. Над врожденным репертуаром поведения под воздействием общественных отношений и культуры надстраиваются вторичные, социальные, влечения и потребности, число которых теоретически бесконечно, так как процесс приобретения знаний и опыта беспределен.

Конечно, биологическая активность тоже входит в структуру побудительных мотивов человеческого поведения, но ее роль ограничена, особенно в отношении содержания действия, его целей и средств. Правильное «социальное реагирование» человека на изменения среды возможно не только и не столько путем осознания ценностей, накопленного социального опыта. Потребности людей удовлетворяются материальными и духовными продуктами, прошедшими предварительную социальную обработку. Благодаря трудовой деятельности качественно изменяются предметы потребления, а следовательно, и «программа» потребления. Характерная черта этих потребностей состоит в том, что они отражают объективные социальные требования функционирования и саморазвития общества как целостного организма, его коллективной трудовой деятельности.

3. Нравственная и социально-психическая мотивация поведения

В системе исторически обусловленных потребностей выделяются в качестве особой группы социальных потребностей те, которые отражают объективно необхо-

---

[28] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, с. 566.

димые условия и требования саморазвивающегося социального организма. И среди них одной из ведущих является нравственная потребность, которая формируется как внутренняя побудительная сила для подчинения воли индивида определенным нормам и ценностям [29]. В этой потребности находит непосредственное отражение единство содержания объективных социальных требований и субъективного отношения к ним.

Животное удовлетворяет свои потребности, не сообразуясь со стремлениями других животных и часто лишая последних возможности удовлетворить свои потребности. Для него не существуют никакие другие потребности, кроме собственных. По своей природе, по самой своей сущности животное — «индивидуалист» несмотря на то, что и в зоологических объединениях существует «взаимосогласованность» при удовлетворении инстинктов. У человека наличествуют новые потребности, возникающие из характера социального взаимодействия [30]. В непосредственной связи с его целесообразной деятельностью, с дифференцированием и обособлением индивидуального сознания у человека возникают новые психологические образования — чувство ответственности, потребность в общественном одобрении и признании, чувство вины за несоциальную деятельность, стыд за последствия определенных действий и т. п. Именно эти личностные механизмы, возникающие вместе с появлением социальных норм и должного способа действий, становятся внутренней опорой нравственных требований.

---

[29] Вопрос об особенностях нравственной потребности (мотива), о ее роли в «этическом саморазвитии» индивида не раз занимал представителей этической мысли. «Мотивы, — пишет Вундт, — относящиеся к таким целям, которые безразличны для общей воли, остаются нравственно безразличными. Безнравственным считается тот помысел, который отклоняет индивидуальную волю от общей воли. Поэтому источником безнравственности всегда остается эгоизм. К нему в конечном итоге сводятся все остальные мотивы, противоречащие общей воле: ненависть, месть, равнодушие к общим интересам, леность и т. п.». Согласно автору, главным источником морального зла являются два вида мотива — страсть к наслаждению и зависть. Действие без размышления — главный признак нравственной зрелости (см.: Вильгельм Вундт. Этика, Исследование фактов и законов нравственной жизни, СП., 1888, с. 68—69, 83, 96).

[30] См.: С. С. Батенин. Социализация в антропогенезисе. — Сб. «Социальная психология и философия», Л., 1971.

«Для того, чтобы заставить человека действовать в интересах общества, подчинить его общественным интересам, мораль использует две субъективные сущностные человеческие силы: зависимость личности от общества, ее заинтересованность в общественной поддержке и одобрении, находящую эмоциональное выражение в чувстве и муках совести, и ее (личности) свободу как возможность индивидуального выбора той или иной «линии поведения» в пределах объективно детерминированного «спектра возможностей». Поскольку же свобода действий порождает ответственность личности, она становится той силой, которая заставляет человека искать помощи общества в своем моральном выборе и в своих нравственных решениях»[31].

Зависимость личности от общества, потребность человека в общественном одобрении, признании и пр. находят нравственно-психологическое отражение в таких сложных компонентах сознания, как долг, совесть, нравственные чувства и т. п.

Соблюдая общественные требования, личность приобретает уважение, доверие, поддержку и т. д. со стороны общественного мнения.

Основное в нравственной потребности — это осознавание зависимости от социального целого, добровольное подчинение его воле как необходимое условие собственного развития.

Она формируется в результате оценочного взаимодействия с другими людьми и проявляется как стремление человека соотносить и соизмерять свое поведение с признанными обществом (классом) моральными нормами и оценками. Личность руководится в своих действиях определенными нравственными ценностями и сообразно им оценивает свое поведение и поведение других участников социального общения.

Потребность в положительной моральной оценке становится внутренним стимулятором и регулятором поступков. Индивид начинает нуждаться в одобрении и уважении других людей не меньше, чем в удовлетворении биологических потребностей своего организма. В процессе оценочного взаимодействия вырабатываются *само-*

---

[31] А. Г. Харчев, Б. Д. Яковлев. Очерки истории марксистско-ленинской этики в СССР. Л., 1972, с. 178.

оценка и *самоуважение* как необходимые компоненты нравственной потребности. Личность сама нуждается в моральном самоуважении, стремится избирать такие формы поведения, которые соответствовали бы не только требованиям других людей, но и ее собственным моральным представлениям, требованиям поддержания ее должного самочувствия. Поэтому самооценка выполняет свою регулятивную функцию по отношению к поведению и вне ситуаций непосредственного взаимоотношения с другими людьми. Нравственная потребность — важная составная часть структуры ориентировочных потребностей [32], которые по своим функциональным и динамическим свойствам стоят в одном ряду с другими жизненными потребностями.

Мотивационная сфера личности — это сложное образование, включающее как непосредственно действующие мотивы, так и сознательно принятые намерения, исходящие из определенных моральных норм, принципов, идеалов. Входящие в нее мотивы различаются как по содержанию, по степени осознанности, так и по своему месту и значению в иерархической структуре. Одни мотивы имеют случайный, ситуативный характер, а другие оказываются устойчивыми, постоянно действующими. Постоянные и доминирующие мотивы определяют основную линию поведения, обусловливают направленность личности. Они возглавляют иерархию мотивационной структуры и доминируют над случайными, ситуационными мотивами.

Устойчиво доминирующие нравственные мотивы приобретают относительную самостоятельность и действуют непосредственно, непроизвольно. Психологические исследования показывают, что они — вторичны, то есть прежде всего строятся на сознательном уровне, становятся глубоким убеждением человека, а затем проявляются как непосредственный мотив. Автоматическое поведение

---

[32] К. Обуховский указывает на три такие потребности, соответствующие трем уровням, на которых протекают специфические человеческие виды ориентировочной деятельности: 1) стремление индивида к познанию непонятных явлений, 2) регулирование своих действий не только в соответствии с действительностью, но и в зависимости от эмоциональных установок других людей и 3) стремление соизмерять ценности личности с другими общественно признанными ценностями (см.: К. Обуховский. Психология влечений человека, М., 1971, с. 121).

есть не что иное, как многократно повторяемое проблемное поведение.

Моральная зрелость и направленность личности — результат построения устойчивой мотивационной структуры и показатель наличия в ней ведущих, доминирующих мотивов. Понятие направленности личности характеризует систему устойчивых побуждений, определяющих избирательное отношение и различные степени активности человека в разнообразных видах деятельности. У человека постепенно формируются ведущие, основные мотивы деятельности, охватывающие его личные и общественные интересы и подчиняющие себе все иные мотивы. Именно эти ведущие мотивы образуют автономию личности, делают человека устойчивым и независимым от чужих взглядов и воздействия среды. Центром личностной структуры, основой всех психических процессов, функций и качеств является «мотивационная сфера, в которой имеются устойчивые доминирующие мотивы, определяющие иерархическое строение этой сферы» [33].

Для нравственной характеристики и развития личности важнейшее значение имеет ее направленность с точки зрения отношения к обществу, к другим людям и к самому себе. В связи с этим следует делать различие между моральной направленностью личности и направленностью ее интересов по содержанию. «Люди, имеющие интерес к музыке и к биологии, к математике и живописи, могут иметь одинаковую направленность личности, в то же время два человека, интересующиеся одним предметом или одной областью, то есть имеющие одинаковую направленность в смысле содержания интересов, могут иметь совершенно различную направленность личности. Это возможно потому, что для характеристики личности в целом наиболее существенное значение имеет ее отношение к себе, к обществу (другим людям, коллективу) и выполняемой деятельности (к самому процессу деятельности и к ее результату). Отсюда вытекает три основных вида направленности личности: коллективистическая (общественная или альтруистическая), личная (престижная и эгоистическая) и деловая (бескорыстный интерес к делу, который не определяется ни личными, ни

---

[33] Л. И. Божович. Личность и ее формирование в детском возрасте, М., 1968, с. 4.

коллективистическими интересами). Преобладание какой-либо группы мотивов не означает отсутствия иных видов мотивации на других этапах иерархической лестницы. Оно показывает только, какие мотивы возглавляют иерархию»[34].

Нравственные мотивы не просто сосуществуют наряду с другими мотивами, а пронизывают все мотивы, переживания, убеждения, определяют направленность психических процессов. Исследования советского психолога Л. Божович показывают, что волевое поведение человека, ставящего своей целью достижение личного благополучия, включает в себя другие психологические компоненты и опирается на другое соотношение конкретных психологических процессов в сравнении с волевым поведением человека, направленным на осуществление коллективных целей. В первом случае для осуществления волевого акта необходимо наличие сильно развитых эгоистических потребностей, их значительная устойчивость и напряжение. Этот человек должен уметь игнорировать интересы других людей, не замечать их нужды, не обращать внимания на тот ущерб, который он им наносит, и т. д. А у второго человека для осуществления волевого акта, как раз наоборот, необходимо противоположное сочетание психологических компонентов: собственные эгоистические потребности должны быть выражены достаточно слабо, чтобы их удовлетворение не стало актуальным для этого субъекта и не определило его поведение и деятельность; у него должно быть воспитано умение замечать потребности других людей, их нужды, умение сообразовываться с их интересами[35].

Формирование нравственных мотивов — сложный и трудный процесс, который осуществляется под влиянием социальной среды и организованной воспитательной деятельности. В зависимости от степени усвоения нравственных требований, от их включения в мотивационную структуру различаются *два типа нравственного поведения.*

Первый — когда нравственный поступок является результатом борьбы нравственного мотива с другими по-

---

[34] М. С. Неймарк. О психологии воспитания. — «Советская педагогика», 1972, № 7, с. 95.

[35] См.: Л. И. Божович. Личность и ее формирование в детском возрасте, М., 1968, с. 13—14.

буждениями, когда победа этого мотива осуществляется через волевое усилие, через сознательную организацию поведения в соответствии с предварительно принятой программой. Личность поступает определенным, общественно требуемым образом, вступая в конфликт с некоторыми собственными желаниями, предпочтениями, стремлениями. Это высокоположительное поведение, но в моральном отношении оно является еще незавершенным, так как нравственные мотивы не имеют достаточной непосредственной силы. Второй — высшая форма морального поведения — характеризуется тем, что поступок однозначно и непосредственно побуждается нравственными мотивами, которые стали внутренней потребностью личности. Нравственные требования усвоены настолько глубоко, непосредственно и органично, что они принимают видимость инстинктивного побуждения, независимого от сознания и даже противостоящего ему. Они не допускают других аффективных тенденций, которые противоречат глубоко и органично усвоенным нравственным принципам[36].

Вопрос о формировании мотивов — это вопрос о превращении внешнего воздействия во внутреннее. Мотив поведения раскрывает, каким образом аккумулировано, усвоено внешнее воздействие и насколько оно превратилось во внутренний, субъективный детерминатор поступка. Усвоение нравственных норм поведения без соответствующих нравственных мотивов ведет к формированию своеобразного нравственного формализма, который состоит в том, что определенные формы поведения усваиваются только как умения и остаются таковыми, не превращаясь в потребности. Нравственно воспитанный — это не тот,

---

[36] В. Г. Короленко описывает и анализирует случаи, при которых «рука не поднимается», чтобы совершить проступок, который человек считает правильным и необходимым, но который противоречит глубоко усвоенному нравственному опыту. «Мне часто приходило в голову, — пишет он по этому поводу, — что очень многое было бы у нас иначе, если бы было больше той бессознательной, нелогичной, но глубоко вкорененной нравственной культуры, которая не позволяет некоторым чувствам слишком легко, почти без сопротивления следовать за «раскольниковскими» формулами» (В. Г. Короленко. История моего современника. Книга первая и вторая, М., 1948, с. 390).

кто может поступать нравственно, а тот, кто не может поступить иначе[37].

Устойчивость личности — это не результат ее умения, даже ее активности в определенной области, а результат системы ее мотивов и потребностей. Она есть следствие определенного уровня самоорганизации, характеризующегося способностью человека регулировать свое поведение исходя из принятых и превращенных во внутреннюю потребность нравственных норм и принципов[38].

Детерминирующая роль общей моральной системы реализуется через активную деятельность самого человека и опосредствуется его субъективной (внутренней) позицией по отношению к нормам, принципам, идеалам. В этом смысле исключительно важную роль играет отношение личности к своему собственному нравственному формированию. Необходимость в моральном самосовершенствовании осознается личностью как потребность и становится источником активности и нравственного развития. Ощущение собственного нравственного роста порождает чувство удовлетворения, радости и воодушевления. Более того, без переживания радости от нравственного поступка, без внутреннего удовлетворения, что поступил так, как следует, нельзя объяснить стремление к нравственному возвышению.

Еще в конце прошлого века русский этик П. Нежданов разграничивал «удовлетворение» и «возвышение», рассматривая последнее как такое состояние, когда человек, следуя определенным побуждениям, становится выше в своих собственных глазах. «Отличительная черта

---

[37] М. С. Неймарк. О психологии воспитания. — «Советская педагогика», 1972, № 7, с. 94—95 и 103.

[38] «Устойчивость организма во многом определяется генетическими данными, выработанными на предыдущих этапах эволюции. Устойчивость личности — результат ее формирования. Появившись на свет, ребенок не имеет никаких готовых, генетически выработанных механизмов, осуществляющих самоорганизацию его поведения в социальном плане. Родившись как «саморегулирующийся организм», ребенок еще не является личностью, процесс его самоорганизации развертывается фактически от «нуля». Механизмы такой самоорганизации должны быть сформированы почти целиком в процессе воспитания, что является особо трудной задачей в силу того, что социальная среда несравненно более сложна, многозначна и изменчива, чем среда биологическая» (Л. И. Божович, В. Э. Чудновский. Задачи психологии воспитания в свете решения XXIV съезда КПСС. — «Вопросы психологии», 1971, № 6, с. 9).

нравственности — выделение известных побуждений в качестве высших и противопоставление им других, низших. Фундаментом этого противопоставления являются противоположные чувства возвышения и принижения, которые возникают у человека в зависимости от того, станет ли он в борьбе с побуждениями на сторону высших или же низших побуждений»[39].

Мораль и социальная психика органично связаны при построении мотивационной сферы личности. Однако между ними существует не только взаимосвязь, но и различие, которое проявляется в способе регулирования конкретного поведения. Моральное регулирование имеет основной личностный аспект мотивации, который предполагает интериоризацию определенных норм, принципов и идеалов. Личностный аспект — это, в сущности, относительная самостоятельность нравственных мотивов, их активность в момент выбора решения. Он опосредствует взаимосвязь между внешними стимулами и индивидуальными поведенческими актами.

Наряду с личностным аспектом мотивации существуют и групповые «механизмы» регулирования поведения, имеющие ситуативный характер или же создающие стойкий стимул для ориентирования поведения в том или ином направлении. Социальная психика — это прежде всего «групповой механизм» мотивации. Она воздействует через контекст конкретной «социальной ситуации», когда окружающая среда, поручения коллектива, ожидания и санкции общающихся между собой людей побуждают человека к определенным действиям.

Поведение личности никогда не определяется только одним мотивом, а имеет причиной совокупность мотивов, связь мотивов. При этом оно зависит не только от лично усвоенных норм, побуждений и вкусов, но и от особенностей групп, с которыми человек взаимодействует (традиции, этнические стереотипы, предрассудки и др.).

Наряду с мотивами, порожденными нравственными потребностями личности, ее убеждениями, определенные действия и поступки могут быть мотивированы и «лавиной» коллективных чувств (страх, гнев, ярость, жалость и т. п.), привычками и традициями, бытующими в

[39] П. Нежданов. Нравственность, М., 1898, с. 47.

данной среде, подражанием, примером (другие убежали, и он убежал). Вообще мотивация приобретает разнообразные формы в зависимости от: а) осознанности и «производительности» мотивов, их места и роли в устойчивой иерархической структуре мотивов; б) сущности мотивов, приводящих к той или иной деятельности (лично-партикулярных или нравственно-значимых); в) длительности деятельности (кратковременна ли она, эпизодична или протекает долгое время) [40].

Участие человека в той или иной социальной группе (профессиональной, культурной, национальной и др.) существенно влияет на мотивацию поведения, особенно в обстоятельствах, затрагивающих его роль при реализации групповых норм, ожиданий, ценностей. Поэтому и рассмотрение мотивации поведения в аспекте социальной психологии имеет особо важное значение. Оно помогает нам видеть те новые моменты в мотивации, которые начинают определять поведение человека как члена того или иного коллектива. Реальная жизнь человека в обществе предполагает непрерывное взаимодействие с людьми в самых различных ситуациях. А это означает не только, что проявление потребностей предполагает известный социальный фон, но и что ход и развитие потребностей осуществляются в коллективе людей, в котором возникают свои системы взаимоотношений [41].

Социально-психологический аспект мотивации включает два момента: а) как особенности общения в той или иной группе, ее формальная и неформальная структуры, характер совместной деятельности, единство целей,

---

[40] «Если исследовать, — пишет Л. И. Анциферова, — строение деятельности и определяемое ею строение психики человека, живущего в современном обществе, то выявляется сложнейшая картина. Выделяется прежде всего иерархическая структура мотивационной сферы человека, включающая в себя целые ансамбли соподчиненных мотивов. С точки зрения диахронической различные цели, располагаясь во временной перспективе, уходят в далекое будущее. Если же рассматривать цели человека в синхроническом аспекте, то мы увидим, что важнейшее место среди них занимают те, которые он сам ставит себе. Собственные цели тоже социально обусловлены, но достигаются они иначе, чем цели, навязанные извне, когда человек действует по обязанности (Л. И. Анциферова. К проблеме изучения исторического развития психики. — В: «История и психология», М., 1971, с. 76).

[41] См.: П. М. Якобсон. Психологические проблемы мотивации поведения человека, М., 1969, с. 73.

стремлений и т. п. воздействуют на мотивацию поведения; б) как личность приобщается к коллективным формам поведения, какие изменения наступают в ее психической жизни от пребывания в определенной группе людей, от совместного участия в какой-либо деятельности и т. д.

Социальная психология интересуется тем, как и насколько ситуация «совместности» влияет на мотивацию поведения. Многочисленные исследования убедительно показывают, что отношения между людьми в группе становятся психологическим фактором, который мотивирует те или иные формы деятельности. Поэтому нравственное воздействие не оторвано от социально-психического воздействия микросреды, а проявляется в нем и через него. Но они различаются как по своей природе, так и по функции. Социальная психика действует как внешний стимул и этим влияет на мотивацию поведения. Она является одним из средств передачи регулятивной моральной информации от общественного сознания к индивидуальному, одним из средств обеспечения реализации этой информации в поведении индивида.

Нравственные требования к поведению адресуются к отдельному индивиду не по строго определенным каналам, а через все пути и средства социализации личности. Они переходят в «личностную сферу» под воздействием всей совокупности социально-психических и идеологических факторов. Однако реализация моральной нормы в поступке — не следствие однократного воздействия общественного мнения, того или иного группового настроения, а результат всего предшествующего развития индивида, в ходе которого сформировались мотивы и внутренние психологические качества, характеризующие его как субъект нравственных отношений.

Социальная психика — внешний регулятор поведения, и в этом смысле понятие «мотив» в его личностном аспекте неприменимо к ней. Когда ее определяют как мотивационный фактор, то, в сущности, речь идет о совокупности специфических духовных явлений, процессов и состояний, которые играют роль стимула или ориентирующего внеличностного фона поведения. Термин «мотивация поведения» включает как мотивы в узком смысле этого слова, так и систему стимулов. С точки зрения личности, рассматриваемой как «самоуправляющаяся

микросистема», понятия «мотив» и «стимул» означают различные вещи, и их не следует отождествлять[42].

Стимул (материальный или духовный) выражает данное объективное явление или отношение как внешнюю причину поведения. Мотив по своему происхождению есть субъективное явление, опосредствующее взаимосвязь между стимулом и актами поведения. Поэтому и правомерное с социологической точки зрения деление интересов, потребностей и стимулов на материальные и духовные неприменимо к психологии мотивов. Нет материальных мотивов. Они всегда компоненты индивидуального сознания.

Необходимое и достаточное условие социально-психической мотивации — внешнее регулирование поведения в соответствии с требованиями, традициями, стандартами группы, тогда как, наоборот, мораль только тогда достигает своих целей, когда предписанные ею нормы претворяются во внутреннее убеждение личности, в мотивы поступков. Нравственные нормы выполняют свою регулятивную функцию только тогда, когда превращаются в компонент индивидуального самосознания. Субъективное отношение личности к моральному требованию, то есть ее мотив, — органичная часть акта реализации нормы. Если социально-психические факторы суть опосредствующие звенья в моральном управлении, то нравственные мотивы личности суть его сущностная черта.

Нравственные нормы имеют своим непосредственным объектом личностное сознание индивида. «Действительная реализация нравственной нормы возможна лишь в том случае, когда выражаемая ею общественная потребность предстает для человека как потребность его собственного существа, как требование его сокровенного «я»[43]. Мотивы личности — это не средства «сообразования» поведения с нормами, а сердцевина всего нравственного развития личности, ядро ее самосознания. Это определяет специфику нравственного регулирования, которая не может быть объяснена с помощью только социального воздействия в форме общественного мнения,

---

[42] См.: С. В. Морозов. Интерес и поведение личности. — «Вопросы социологии и общественной психологии», вып. 1, Изд. МГУ, 1970, с. 113—114.

[43] К. С. Сарингулян. Моральное управление и личность.— В: «Моральная регуляция и личность», Изд. МГУ, 1972, с. 86.

подражания, стереотипов и т. д. Социально-психическая мотивация комплексна, а поскольку она имеет нравственно обеспечивающее воздействие, ее эффективность зависит от ее «опоры» в индивидуальном сознании, от активизации собственной «нравственной работы» личности.

Указанные особенности морального регулирования не отрывают его от социально-психических явлений и закономерностей, не противопоставляют их друг другу. Нравственные мотивы, прежде чем взять в «собственные руки» самоуправление личности, прошли сложный путь от общественного к индивидуальному сознанию. История их формирования неразрывно связана с интегративными, коррелятивными и побудительными функциями социальной психики, с особенностями межличностных отношений в различных социальных группах. Кроме того, «производительность» этих мотивов всегда зависит в той или иной степени от социально-психического климата в группе.

Многочисленные исследования убедительно показывают, что нравственные требования превращаются в убеждение и мотив поведения в зависимости от социально-психического климата коллектива, в котором протекает жизнедеятельность человека. Более того, внутриколлективные отношения затрагивают не только внешние черты поведения, но и психологическое своеобразие участвующих в них личностей. Например, подлинные коллективные отношения или же отношения порочной взаимозависимости, беспринципной семейственности, либерализма и др. — действенный «воспитатель» соответствующих мотивов, переживаний, которые незаметно переходят в личностную сферу. Развертывание духовного богатства личности, ее интеллектуальных, эмоциональных и нравственных возможностей зависит в большей степени от социально-психических особенностей общения. Воспитательная практика знает огромную силу социально-психической детонации, когда гнев коллектива в отношении нарушителя нравственных норм вызывает «взрыв» не только у него, но и множество «местных взрывов» в сознании других членов коллектива.

Воздействие группы на поведение личности объясняется некоторыми авторами (Л. Фестингером, Т. Ньюкомом и др.) так называемым когнитивным диссонансом. Теория когнитивного диссонанса считает, что особенностью психической жизни человека является стремление

к соответствию всех элементов поведения, к определенному балансу между взглядами, знаниями, мнениями, побуждениями. Нарушение баланса между компонентами порождает напряжение, которое ведет к действиям по устранению несоответствия.

Когда взаимодействие с группой (новая информация, новые данные об отношениях между людьми, об их оценке и т. п.) вызывает несоответствие между компонентами психической жизни («диссонанс», по терминологии Фестингера), тогда возникает психический процесс, направленный на ослабление или ликвидацию диссонанса. Таким образом, диссонанс, вызванный новой информацией, становится источником активности. Он неприятен для личности, создает состояние «несогласия» (дискомфорта) и превращается в мотивирующее направление поведения. «Наличие диссонанса, — пишет Л. Фестингер, — ведет к действиям, которые его уменьшают или устраняют, подобно тому как, например, наличие голода ведет к действиям по уменьшению голода»[44]. Активность, вызванная диссонансом, направлена на изменение поведения, на перестройку взглядов, оценок, отношения к другим людям. Состояние диссонанса вызывается различными поводами: несовпадающими мнениями по данному вопросу, различиями в отношении к данному явлению и в оценке его и т. п. Эта теория, бесспорно, фиксирует и объясняет некоторые важные моменты взаимодействия между группой и поведением личности. Более конкретно она раскрывает одну из форм влияния — появление новой информации об особенностях отношений между членами группы, о том или ином вопросе социальной жизни. Однако теория когнитивного диссонанса не объясняет специфического нравственного воздействия социальной психики.

Как носитель особого вида информации о коллективном доверии — недоверии социальная психика наиболее активно и непосредственно воздействует на волю, веру и эмоции человека. Чтобы понять ее роль в процессе нравственного регулирования, необходимо учитывать значение веры в человеческом поведении. Нравственное саморазвитие и самоутверждение личности предполагают не только знания, не только нормы, но и веру как абсо-

---

[44] Цит. по. П. М. Якобсон. Психологические проблемы мотивации поведения человека, М., 1969, с. 194.

лютно необходимое средство и условие адекватного и результативного действия. Вера является необходимым компонентом любой человеческой творчески-преобразовательной деятельности, но особенно сильна ее мобилизующая роль в моральной области.

Вера способствует реализации норм, выполнению таких действий, какие требуются идеалом, в который личность глубоко верит. Знания, в том числе и моральные знания о добре и зле, о правильном и неправильном, о справедливом и несправедливом, воспринимаются или блокируются в зависимости от того, насколько они связаны с основными верованиями человека. Поэтому вера — необходимый элемент морального сознания и моральных отношений.

В современной социально-психологической литературе вера рассматривается как «целостное психологическое явление, включенное в структуру личности или наиболее тесно связанное с ней, концентрирующее в одно все стороны психики человека: и интеллектуальную и эмоциональную, и волевую. Вера включает в себя в той или иной степени информацию об объекте, выраженную в целях или образах, эмоциях и уверенности, она сопровождается моментами спокойствия, ожидания, надежды, а также гаммой разнообразных чувств и является мотивом, побудительным стимулом, установкой и ориентиром деятельности человека»[45]. В структуру веры входят *уверенность* (эмоциональный компонент), *верование* (социально-психический феномен) и *убеждение* — содержательная сторона веры, рациональный компонент, который не может быть отчужден от индивида. «Если верование есть элемент структуры общественного сознания, то убеждение есть достояние отдельной личности»[46].

Социальная психика — это особый механизм приведения в движение воли человека[47], наполнения его уверенностью и решимостью действовать в соответствии с требованиями моральных норм. *Если моральная систе-*

---

[45] А. К. Козырева. Вера и знания. — В: «Социальная психология и философия», Л., 1971, с. 183.

[46] Там же.

[47] «В то время как интеллект — пишет Гегель, — старается лишь брать мир, каков он *есть*, воля, напротив, стремится к тому, чтобы теперь только сделать мир тем, чем он *должен* быть» (Гегель. Соч., т. I, М. — Л., 1929, с. 338).

ма — это конденсированная и нормативно-структурированная воля общества (класса), которая стремится сделать мир таким, каким он должен быть согласно идеалу, то социальная психика — особый общественный агрегат, который поддерживает пламя веры, социальных чувств и эмоций, играет роль промежуточного звена между нормами и их практической реализацией субъективным фактором. Она является своеобразным «основанием» нравственной деятельности людей благодаря придаваемой им уверенности.

При выборе нравственного поведения неразрывно взаимодействуют осознанные мотивы, доводы разума и вера. Знания, нормы и вера различаются как по характеру отражения, по происхождению и степени достоверности, так и по выполняемым ими функциям в самоуправлении и самодвижении социальных систем [48]. Коллективные эмоциональные состояния, групповые переживания, степень авторитетности и пр. — мощный фактор мобилизации (или, наоборот, торможения) личной уверенности, морального духа и стремления человека.

Нормы становятся «атмосферой» данной общности и через нее входят в сферу индивидуальных потребностей. Коллективное доверие, признание и одобрение — основные механизмы построения нравственной самооценки, самотребований, которые человек сам себе предъявляет. В процессе общения развиваются такие эмоциональные установки (настройки) на определенные явления, которые приобретают силу «органической» потребности. Исследования показывают, например, что к некоторым видам пищи, на которые в свое время был наложен коллективный запрет (табу), развивается сильное эмоциональное отвращение, которое постепенно входит в «плоть и кровь», врастает в биологическую структуру человека (случайно проглоченная пища, на которую наложено табу, вызывает рвоту, боли в желудке и т. п.).

Психологические исследования по усвоению моральных норм показывают, что выполнение норм первоначально воспринимается детьми как какое-то обязательное условие получения одобрения окружающих их взрослых и таким образом сохранения отношений с теми, в ком дети испытывают огромную непосредственную нуж-

---

[48] См. подробнее: А. К. Козырева. Природа веры, «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 365, 1968.

ду. Одобрение действий при соблюдении норм, коллективные оценки добра и зла становятся детерминирующим фактором потребности в определенном поведении.

Рассматривая механизм построения нравственных мотивов в детском возрасте, Л. И. Божович указывает, что на этом первом этапе овладения моральными нормами поведения, мотивом, побуждающим к такому поведению, является одобрение взрослых. В процессе развития ребенка выполнение норм благодаря постоянной связи этого выполнения с положительными эмоциональными переживаниями начинает восприниматься ребенком как нечто само по себе положительное. Стремление следовать требованиям взрослых, а также усвоенные правила и нормы начинают представляться ребенку в форме обобщенной категории, которую можно обозначить словом «надо». Это есть и та первая моральная мотивационная инстанция, которая начинает руководить поведением и которая для ребенка выражается не только в соответствующих знаниях (надо поступать так-то и так-то), но и в непосредственном переживании необходимости поступать именно так, а не иначе. В этом переживании представлено первоначальное чувство долга, которое является основным мотивом, уже непосредственно побуждающим поведение ребенка[49].

Формирование нравственной потребности неотделимо от выработки эмоционального отношения личности к предписываемым нормами действиям, от непосредственного переживания необходимости поступать сообразно с ними. Стимулирующая роль морали состоит в том, что основанное на ней действие вызывает чувство радости и удовлетворения. Нравственная потребность — это не только интеллектуальный процесс, а своеобразная эмоциональная направленность, субъективное положительное переживание норм и оценок.

4. Потребность в смысле жизни

Нравственная потребность как субъективное отношение к моральным ценностям общества или класса находит выражение в целях, которые человек ставит

[49] Л. И. Божович. Личность и ее формирование в детском возрасте, М., 1968, с. 243—244.

перед собой и которые он преследует. Необходимость удовлетворить эти специфические социальные потребности порождает цели жизни, а стремление к достижению определенных жизненных целей определяет смысл жизни. Поэтому нравственные мотивы зависят от целей, которые человек ставит перед собой, а познание целей, стоящих перед человеком и определяющих его желания и стремления, есть средство выяснения движущих сил мотивации.

Целеполагание и формирование цели — отличительная черта социальной детерминации. Еще Кант обратил внимание на то обстоятельство, что «причинность по законам природы есть не единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность» [50], то есть целевую детерминацию. Человек преобразует мир сообразно своим целям, которые действуют как идеальные причины, как идеальные модели его будущей деятельности. С помощью своих целей человек ставит себя перед существующей действительностью и посредством своего практического действия поднимает эту действительность, изменяет ее в желанном направлении.

Цель выражает творческое преобразовательное отношение к миру, активное отношение человека к желанному будущему. Она есть направленное на будущее острие человеческого разума, в котором конкретизируются выводы познавательной деятельности общества [51]. Но цель — это не только результат познавательной деятельности. В ней находят выражения особенности ценностных отношений, моральной системы. Ценностный подход к явлениям непосредственно участвует в формировании целей, которые, как закон, направляют деятельность по преобразованию мира [52].

---

[50] Э. Кант. Соч., т. 3, с. 418.

[51] См.: А. М. Гендин. Предвидение и цель в развитии общества, Красноярск, 1970, с. 77

[52] «Несмотря на то, что цель базируется на истине как познание действительности и ее возможностей, она существенно отличается от познания и истины тем, что истина как исключительно гносеологическая (познавательная) категория «присваивает» природу (Маркс) только как понятие и субъективно, оставляя ее в данном состоянии и форме, тогда как цель их познавательной категории превращается в категорию человеческой воли, которая, базируясь

Осознание нравственных ценностей, превращение их в элемент индивидуального сознания означает, что они принимают форму моральной цели, а цель становится источником активности через «критику» собственного поведения, через противоречия между субъективным поведением и требованиями морали, через противоречия между субъективно желанным и объективно существующим. Моральная цель есть представление о каком-то желанном нравственном качестве или состоянии, которое в действительности еще не существует, но должно быть осуществлено. Будучи обусловленной реальным бытием субъекта, она отражает необходимость его изменения, стремление человека преобразовать действительность. Таким образом, будущее, существующее как цель субъекта, детерминирует деятельность в настоящем, обусловливает ее мотивы.

Целеполагание (а не просто целесообразность, которая существует и у животных) предполагает выбор, борьбу мотивов, зависящих как от познания, так и от ценностного отношения. Вместо непосредственного выражения потребностей в действии, как это имеет место у животных, у человека имеется налицо идеальный образ «желанного будущего», который опосредствует борьбу за удовлетворение потребностей. Этот идеальный образ строится не только из продуктов «интеллектуальной деятельности», познания, но и из усвоенных моральных ценностей. Оценить нечто как добро означает, что ты его желаешь, а желание порождает цель.

С моральной целью связана потребность в смысле жизни, без которой нельзя объяснить силу моральной мотивации и регулирования. Путь человека к целевому (целеполагающему) мышлению сложен. С развитием и обогащением общественной практики, с усложнением социальных отношений вопрос «зачем» все больше выходит за узкие границы отдельных действий

на познании и истине, исходя из них, переходит в практическую деятельность и связывается с категорией практики. В этой связи цель изменяет природу и подчиняет предметы человеческих потребностей, овеществляется в самой действительности, но измененной сообразно целям. Истина «самопознает» природу, не изменяя ее. Цель не только ее «познает», но путем общественной практики очень часто вместе с тем «преобразует природу» (Л. Живкович. Диалектика социального процесса, Партиздат, 1971, с. 24—25).

и поступков и относится к деятельности человека в целом. Мыслительные формы и логические структуры человеческих целей обусловлены особенностями его деятельности. Некоторые авторы объясняют цепь исторически связанных форм целеполагания объективно обусловленной последовательностью вопросов, с которыми человек сталкивался: «что?», «как?», «зачем?», «с какой целью?»[53]. Стремление познать предмет (что есть это?), вероятно, самый старый из всех вопросов, но в нем еще нет особого человеческого отношения к миру. Второй «исторический» вопрос есть вопрос «как?» — он связан с предметно-практическим изменением действительности: человек не ограничивается нахождением готовых условий существования, а начинает производить их с помощью орудий. «Зачем?», «С какой целью?» — это уже чисто человеческие вопросы. В них человек проявляется как активный субъект. Все, к чему он адресует этот вопрос, рассматривается как объект, который оценивается человеком. С появлением этого гордого вопроса человек как будто бы сразу же мысленно становится «в центр мира, даже вне мира», как говорит Ленин в «Философских тетрадях»[54].

«Так или иначе жизнь поставила перед человеком вопрос „зачем"»? Но поначалу он [этот вопрос] был и «прост» и «скромен», то есть он имел ограниченный характер и ставился в связи с весьма конкретными делами. Но он «рос», «расширял» свои претензии, свою власть. От отдельных поступков и действий людей он переходил к их деятельности в целом. И, «осмелев» совсем, вдруг он [вопрос о целях] стал во весь рост перед самим своим творцом и создателем и дерзко спросил: «А ты сам зачем? Зачем ты живешь, человек? Ты знаешь, зачем сеешь хлеб, может быть, знаешь, зачем шепчешь любовные признания? Но какой смысл имеет все твое существование?»[55].

Смысл жизни возникает из наличия определенных нравственных целей. Категория «смысл жизни» обусловлена наличием нереализованных потребностей и

---

[53] О. Я. Стечкин. Развитие представления о цели и смысле жизни в домарксистской этике, Тула, 1971, с. 26—30.
[54] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 171.
[55] О. Я. Стечкин. Цит. произв., с. 31.

возможностью их удовлетворения [56]. В психологическом аспекте они означают: 1) превращение определенных социально-психических ценностей в относительно постоянную цель собственной деятельности и 2) переживание своей активности с точки зрения реализации этих ценностей.

Вопрос о смысле жизни выражает соотношение между личной деятельностью и требованиями общественного идеала. Он предполагает известный «вакуум» между деятельностью и идеалом, между тем, что есть, и тем, что должно быть. Когда человек полностью удовлетворен существующим, он не спрашивает о смысле своей жизни. Но этот «вакуум» присущ только человеку, который никогда полностью не растворяется в своей деятельности. Благодаря дистанции между целью и реальностью существует свобода, творчество, стремление преобразовать, изменить мир.

«Деятельность цели направлена не на себя самое... а на то, чтобы посредством уничтожения определенных (сторон, черт, явлений) внешнего мира *дать себе реальность в форме внешней действительности»* [57].

Потребность в смысле жизни — источник активности и творчества для реализации данных ценностей. Устойчивость личности и ее моральная зрелость немыслимы без ясной ориентации в смысле жизни: «Как свойством птицы является потребность летать (т. е. она устроена таким образом, что, только летая, может полностью использовать свои способности саморегуляции), так свойством взрослого человека является потребность найти смысл жизни. Будучи вполне зрелым умственно, живя в обществе и удовлетворяя с его помощью свои материальные интересы, он должен в интересах своих и этого общества найти такой смысл жизни, который служил бы направлением его действий и способствовал использованию его возможностей» [58].

Потребность в «смысле жизни» может иметь различное моральное содержание. Она зависит от

[56] Б. Н. Попов. О соотношении категории смысла жизни и счастья. — В: «Проблемы и категории марксистско-ленинской этики». Новосибирск, 1969, с. 145.

[57] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 205—206.

[58] К. Обуховский. Психология влечений человека, М., 1971, с. 184.

совокупности общественных отношений, непосредственно влиявших или влияющих на человека, от господствующих моральных норм и принципов, под воздействием которых формируются ценностные представления, склонности, установки и т. д. Но и в рамках одной и той же моральной системы смысл жизни для различных людей может быть диаметрально противоположным. У одних он может быть правильным, нравственно значимым, истинным, а у других — превратным, незначимым. Однако это различие обусловливается не только противоположными нравственными принципами, навязанными объективным социальным положением человека, но и особенностями личности.

От вопроса о смысле жизни, о ее цели и назначении в личностном аспекте зависит, будет ли человек счастлив или несчастлив, то есть этот вопрос затрагивает субъективный мир человека. Моральное удовольствие, личное счастье или уровень «душевного комфорта», как удачно выразился Н. Амосов, возникают при реализации собственных целей, при сравнении результатов своих поступков с добром и должным.

Нравственное удовольствие — это нечто субъективное, так как оно относится к переживанию отдельного человека, но в нем всегда присутствует радость от приближения идеала, от собственного вклада в реализацию цели, которую человек сам себе поставил. В отличие от чисто «природных удовольствий» тут имеется новый неизвестный для животных момент эмоционального переживания соответствия между внешним и внутренним, между объективными требованиями и субъективными намерениями. *Именно соответствие внешнего и внутреннего и есть, согласно Гегелю, удовольствие*. Оно есть нечто вторичное, нечто, сопутствующее делу [59]. Если мы осуществляем нечто субстанциональное, говорит Гегель, то удовольствие присоединяется к нему постольку, поскольку в произведении мы узнаем также и нашу субъективность.

Моральное удовольствие возникает при следующих ситуациях: а) когда субъект сам «создает» моральное бытие, когда он переживает свое «соавторство» и б) когда субъект встречает «наличное моральное бы-

---

[59] См.: Гегель. Работы разных лет, т. 2, с. 57.

тие», которое, так сказать, «готово» и без его участия, то есть когда он встречает нравственные поступки, соответствующие его моральным целям.

Марксистско-ленинская философия и этика формулируют объективный критерий оценки человеческой жизни и деятельности с точки зрения общественных интересов. Социальная ценность человека определяется тем, насколько его деятельность способствует прогрессу общества. Воспроизводство действительных ценностей общественной жизни и социальный прогресс зависят от людей, имеющих сознание о подлинном смысле своей жизни. Но этот самый общий ответ имеет характер мировоззренческого представления, и из него нельзя логически вывести норму индивидуального поведения, нельзя объяснить конкретную мотивацию поведения.

«Задавая вопрос о смысле жизни, человек думает не столько о содержании общественного развития как такового, сколько о конкретном содержании собственной жизни. Осмысливая собственную жизнь, человек ищет ответа не только на вопрос об объективном, общественном значении своей деятельности, но и о ее субъективном смысле, о том, что значит эта деятельность для него самого, насколько соответствует она его индивидуальности»[60]. Поэтому мотивирующая функция смысла жизни проявляется тогда, когда нравственные ценности становятся внутренним достоянием личности, когда общественные требования становятся ее собственной целью и переживаются как условие расцвета индивидуальности.

Нравственная потребность в смысле жизни — сложное интегральное образование, которое показывает, как личность воспринимает и оценивает себя как субъекта моральных отношений в свете своих собственных нравственных целей и перспектив. Она включает переживание неудовлетворенности достигнутым, стремление возвысить свой внутренний мир, свой моральный облик, черты характера до «лучшего „я“», указанного идеалом. Смысл жизни как особая

---

[60] И. С. Кон. Социально-психологические основы воспитания молодежи. — В: Научные основы политической работы в массах, Л., 1972, с. 189—190.

внутренняя позиция человека вырабатывается на основе предшествующего опыта, ранее возникших потребностей и проявляется как активное критическое отношение к собственному поведению, как стремление возвыситься над непосредственно «данными» условиями, идентифицировать себя с добровольно и сознательно воспринятыми ценностями. Выработка этой потребности предполагает нравственное «недовольство» собой, способность ощущать радость от завтрашних планов, преодолевать различные препятствия на пути к цели. По этому поводу видный русский педагог К. Д. Ушинский пишет: «Удовлетворите все желания человека, но отымите у него *цель в жизни* и посмотрите, каким несчастным и ничтожным существом явится он. Следовательно, не удовлетворение желаний — то, что обыкновенно называют счастьем, а *цель в жизни* является сердцевиной человеческого достоинства и человеческого счастья» [61].

Потребность в смысле жизни находит актуальное и действенно-практическое проявление в ценностной ориентации личности. Она означает индивидуально аккумулированные ценности, внутренне присущую индивиду иерархию целей и интересов, обусловливает предпочтания в стремлениях и желаниях. Сформированная под влиянием социальной среды и морального сознания общества, она становится относительно самостоятельной системой знаний, убеждений, чувств и привычек, регулирующих поведение. Ценностная ориентация раскрывает причину не отдельного поступка, а последовательной совокупности поступков. В этом смысле она есть не обычная последовательность мыслей, чувств и поступков, а их система, организация, которая направляет наше восприятие (что именно мы замечаем в определенных условиях, на что обращаем внимание, что именно мы особо предпочитаем и т. д.), создает русло для хода всех наших соображений и размышлений, определяет выбор средств деятельности, мобилизует восстановление прошлого опыта. Словом, ценностная ориентация играет роль «рабочей концепции» мира.

---

[61] К. Д. Ушинский. Избранные педагогические произведения, Соч., т. 1, М., 1953, с. 300.

Ценностная ориентация характеризует степень усвоения человеком соответствующей системы моральных ценностей. Она выражает представления о добре и зле, сформировавшиеся у субъекта деятельности, показывает, насколько личность превратила «социально-классовое добро» в личное убеждение и принцип поведения.

Ценностная ориентация предлагает человеку выбор между добром и злом, который он совершает не в силу неизбежной необходимости, а в силу своего собственного понимания этой необходимости. Она есть субъективное осознание личностью добра, своего долга и ответственности.

Посредством системы «моральных ориентиров» человек не только судит о своих прежних поступках, но и избирает вариант действия. Действенная функция ценностной ориентации больше всего проявляется в выборе будущего поведения. Когда человек называет нечто добром, он не только подтверждает определенный факт, но выражает желание, чтобы это явление было, если оно отсутствует, или чтобы оно было и впредь, если оно уже есть. Понятие добра призывает к чему-то, требует, чтобы это что-то было осуществлено. Поэтому ценностная ориентация имеет телеологический характер, то есть она является указанием для будущего, указывает на требование желаемого поведения, воспринятого как личная цель.

Ценностная ориентация — относительно устойчивое, избирательное отношение человека к окружающим его материальным или духовным благам и идеалам. Она выполняет функцию внутреннего регулятора или ориентира поведения, но этот ориентир — внутренний по своей форме, по своему индивидуально-психологическому механизму, а его источник — внешний, общественный. Личность не является независимым автором своих социальных ориентиров, понятий о добре, зле, чести, достоинстве и т. п. Эти понятия — продукт конкретных исторических условий общественной жизни. Они имеют ярко выраженный классовый характер. Личность ассимилирует представления, нормы и принципы, функционирующие в данном обществе, в данной микросреде.

Как человек ориентирован по отношению к различным объектам, это зависит от общественной среды, в

которой он участвует. Классы и общественные группы со своими интересами и потребностями — исторический субъект ценностей. «Социально-классовое добро» нельзя смешивать с личными оценками его. По отношению к данной эпохе, обществу, классу оно полностью определено, несмотря на то что личные суждения о нем могут быть весьма различными. Каждый класс имеет свои нравственные ценности, то есть поступки, которые объективно соответствуют его интересам. «Дело, — пишет Маркс, — не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *чтó такое пролетариат на самом деле* и чтó он, сообразно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет сделать»[62]. Говоря о физическом, умственном и нравственном калечении рабочих при капитализме, Маркс подчеркивает, что «в общем и целом это и не зависит от доброй или злой воли отдельного капиталиста. При свободной конкуренции имманентные законы капиталистического производства действуют в отношении отдельного капиталиста как внешний принудительный закон»[63].

Современная капиталистическая действительность закономерно порождает специфические для нее «ориентации» в сознании и чувствах многих людей — пессимизм, аморальность, бездушие, настроение «атомного апокалипсиса» и т. п. Жестокий автоматизм, отчуждение личности, культ потребления, расизм и шовинизм, склонность к насилию и террор выражают глубокий кризис буржуазного общества и органически присущи самой атмосфере этого общества.

Современная буржуазная цивилизация, заявил в одной из своих речей французский писатель и государственный деятель Андре Мальро, «оставляет человека одиноким перед его судьбой и перед смыслом его жизни». Удивительно точно — одиноким по судьбе и по смыслу! Поразительно образно выразил ту же мысль и американский драматург Артур Миллер: «С одной стороны громадной каменной стены стоит индивид, а с другой — все остальные люди, общество. Время от времени индивид ударяет кулаком по этой стене, пы-

---

[62] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 40.
[63] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 280.

тается ее разрушить, но безуспешно». Пессимистическое умонастроение многих людей в современном буржуазном обществе обосновывается как единственно правомерное явление, потому что, как утверждает Хайдеггер, цель человеческого существования — «ничто». Согласно К. Ясперсу, жизнь — это «движение из мрака, в котором я не существовал, к мраку, в котором я не буду существовать».

Буржуазная идеология в условиях общего кризиса империализма, по признанию многих видных социологов (В. Буш, С. Миллс и др.), «постепенно идет к законченной философии пессимизма». Оптимистический взгляд на мир, вера в идеалы и социальные ценности уступают место трагическому мироощущению. В его основе лежит сознание общественно-исторической бесперспективности и страх перед непредвиденными последствиями технократизма. Индустриальное общество, рассуждают некоторые авторы, подчиняется только научным законам развития, а темпы этого развития превышают возможности осмысления его объективных последствий. Отсутствие идеалов, бессмысленность индивидуального существования порождают цинизм, который еще Оскар Уайльд определил как способность знать цену всему и не придавать ценность ничему. Некоторые социологи уточняют и дополняют эту формулу: цинизм присущ тому, кто не способен надеяться и верить, а потому не способен даже и к разочарованию; циники появляются там, где царит «ничто».

В социалистическом обществе в результате глубоких социально-классовых изменений и коммунистического воспитания трудящихся постепенно формируется новая ценностная ориентация личности. Прежде всего возникают и все больше утверждаются в индивидуальном сознании каждого человека новые оценочно-нормативные критерии социального поведения (своего и других людей). Благодаря общественной собственности на средства производства, ликвидации эксплуатации и классовых антагонизмов у всех социальных групп формируются некоторые общие черты в ценностных ориентациях, отражающих уровень морально-политического единства общества.

Коллективизм все больше становится формой отношений между людьми в самых различных областях

социальной жизни, в масштабах всего общества. В основе ценностной ориентации личностей лежит мотив сохранения и умножения общественного достояния, осуществления общественного блага. Коммунистически воспитанный человек служит обществу не потому, что подчиняется чьей-то воле, а добровольно, сознательно, на основе собственного понимания интересов общества и остальных людей, то есть сознательно и свободно. При социализме действует общая тенденция объединения интересов общества, социальных групп, коллективов и личностей. С одной стороны, общество делает предметом своей первостепенной заботы потребности каждой личности, а с другой — осознание единства общественных и личных интересов дает человеку возможность в определенных случаях, когда возникает необходимость в этом, отказываться добровольно, сознательно от своих собственных интересов в пользу общественных.

То обстоятельство, что в социалистическом обществе нет антагонистических противоречий между интересами людей и что основные их цели общие, содействует развитию отношений дружбы, взаимопомощи, честности и искренности, доверия и уважения между людьми. Ценностная ориентация личности отражает человеческий характер социалистических отношений и самым тесным образом связана с гуманизмом коммунистической морали. Ее характерной чертой является оптимизм. Он существует не только как вывод из нашего учения о нравственном и социально-экономическом прогрессе, но и как общественное настроение, отражающее непосредственные взаимоотношения между людьми, их уверенность в завтрашнем дне. Вера в лучшее будущее содействует развитию самых лучших творческих способностей личности, способствует формированию у нее положительных нравственных качеств.

Благодаря коммунистическому мировоззрению личность видит не только историческую перспективу, но и свое место в ее осуществлении. Конкретизируя жизненную перспективу человека на основе мировоззрения, ценностная ориентация становится не только регулятором, но и стимулятором поведения. «Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость. В педагогической технике эта завтрашняя радость

является одним из важнейших объектов работы... Воспитать человека — значит воспитать у него перспективные пути. Методика этой работы заключается в организации новых перспектив, в использовании уже имеющихся, в постепенной постановке более ценных»[64]. Воспитание близкой, средней и далекой перспективы у человека возможно только на основе научного мировоззрения.

Динамика и логика современного социального развития остро ставят вопрос о роли и значении того важного структурного элемента в системе ценностной операции, каким является проблема жизненных планов, «перспективных линий», связанных с осознанием широких исторических перспектив, с принятием общесоциальных планов, ориентированных на будущее общества. Общественное содержание «перспективных линий», социальная значимость «завтрашней радости» — мощный генератор внутренней духовной энергии и творческой инициативы каждого человека, порождает чувство ответственности за развитие общества, чувство собственного достоинства в связи с хорошо исполненным долгом.

В наши дни особенно модна буржуазная теория «деидеологизации», острие которой направлено против марксистско-ленинской идеологии как программы, ориентирующей человека в настоящем и будущем. Многие буржуазные философы и социологи в США, как А. Шлезингер, Д. Белл, С. Липсет и др., считают, что в современном обществе личность должна быть ориентирована исходя только из конкретной ситуации нынешнего дня. Отдельный член общества и общество в целом должны решать злободневные задачи, непосредственные проблемы, возникающие в нынешней практике, не выходя за рамки действующего общественно-политического строя. По их мнению, именно в этом заключается и проблема «научной» ориентации личности. Она является средством приспособления человека к настоящему, инструментом его приобщения к условиям коммунистической социальной системы. Однако, как свидетельствуют данные социологических и социально-психологических исследований, проведенных в США, ФРГ и других развитых капиталистических

---

[64] А. С. Макаренко. Соч., т. 5, с. 74.

странах, личность впадает в глубокий моральный кризис, если она замыкается в узкопрагматических ориентациях, если она не понимает исторической перспективы, если она лишена позитивной социальной программы для будущего. Отсутствие идеалов — общественных и личных — порождает болезненное ощущение бессмысленности индивидуального существования, чувства малоценности и незначимости, трагическое ощущение случайности человеческой жизни и т. п.

Человек, который не видит исторических перспектив будущего и вместе с тем наблюдает растущие темпы социального динамизма, легко теряет уверенность в завтрашнем дне, переживает пессимизм и страх, даже если его индивидуальное бытие ныне более или менее благополучно. Один из крупных американских социологов, Д. Рисмен, объясняет эти явления буржуазной психики особенностями так называемой «личности, ориентированной вовне», то есть личности, не имеющей внутренних, социально значимых идеалов и жизненных целей. Отсутствие мобилизующих нравственных идеалов, общесоциальных программ изменения общественной системы становится основой психологии цинизма, равнодушия и оппортунистического примирения с деспотизмом и насилием.

Марксистско-ленинское мировоззрение—научно обоснованная программа и прогноз будущего. Коммунистическая партия, опираясь на глубокий анализ реальных общественных процессов, изучая социальные отношения, намечает перспективы будущего и мобилизует людей на их реализацию. Благодаря этому коммунистический идеал становится связующим звеном между личными жизненными планами и общей логикой социального развития. Если в ценностной ориентации личности отсутствует это «звено», она не может указать прочную и общественно ценную перспективу. Тогда создается простор для индивидуализма, эгоизма, потребительского отношения к жизни и т. д. Создаются предпосылки для насаждения пессимизма, равнодушия, теряется личная ответственность перед обществом. В современных условиях особое значение приобретают те жизненные ожидания, перспективы и планы личности, которые опираются на прогрессивные социальные идеалы, на глубокую уверенность в торжестве коммунизма.

II. Чувства и поведение

То обстоятельство, что мораль управляет поведением личности через «ее собственные руки», то есть через систему ее внутренних потребностей, мотивов и убеждений, придает особое значение роли нравственных чувств. Кроме того, вопрос о природе и функциях общественных эмоций, настроений и чувств имеет самое непосредственное отношение к взаимодействию морали и социальной психики в регуляции человеческого поведения.

Усвоение моральных требований и их включение в мотивационную структуру зависит не только и не столько от рационального осознания норм и принципов, но и от их глубоко эмоционального переживания, от их превращения в элемент эмоциональной культуры. Более того, чувства — это не только побуждение или тонизатор деятельности, а форма, в которой моральные знания, убеждения и качества личности находят свое подлинное бытие. Еще великий русский педагог Ушинский обратил внимание на одну из самых характерных черт человеческого поведения: «Ничто, ни слова, ни мысли, ни даже поступки не выражают так ясно, так верно нас самих и наше отношение к миру, как наши чувствования. В них слышен характер не отдельной мысли, не отдельного решения, а всего содержания души и ее строя» [65].

Связь между чувствами и личностью в целом — с ее убеждениями, идеалами и направленностью — особенно тесна и непосредственна. Эта связь неоднозначна связи между личностью и ее интеллектуальной сферой. «В том, как человек чувствует, какие переживания он испытывает, куда он направлен в своих переживаниях, он выражает себя как личность много полнее, чем когда он мыслит» [66].

Если мы хотим непрерывного повышения активности и ответственности человека, роста его идейной убежденности и воинствующей партийности, то необходимо, чтобы идеологическая и воспитательная работа еще более эффективно, пропорционально и гармонично воздействовала на основные компоненты социалистической сознатель-

---

[65] К. Д. Ушинский. Полн. собр. соч., т. 9, с. 117—118.
[66] П. Якобсон. Психология чувств, 1956, с. 32.

ности — марксистско-ленинские знания и нравственные чувства, чтобы они формировались в нераздельном единстве познавательного, ценностного и должного отношения человека к миру и к себе самому.

1. Эмоции и чувства как атрибут нравственного сознания

Основной и наиболее существенный признак человеческой жизни — сознательная предметная деятельность, преобразующая мир. Человек активно воздействует на окружающие его вещи, явления и процессы, изменяет их форму и свойства.

Всякая практическая деятельность, преобразующая данное состояние действительности, предполагает идеальную модель желаемого будущего. А такое моделирование немыслимо без познания объективных закономерностей, без правильного отражения существующего, которое человек хочет изменить.

Но человек познает и изменяет мир не как равнодушный логический автомат, а с чувством удовольствия или неудовольствия, восхищения или негодования, ненависти или сострадания и т. п. Сознание — это не отвлеченное знание, не нейтральный, беспристрастный калькулятор различных возможностей, открывающихся перед человеком в данный конкретный момент. Оно направляет деятельность человека на использование тех возможностей, которые совпадают с его потребностями и интересами. Сознание делает выбор между различными альтернативами, оно имеет свои вкусы и предпочтения среди многообразного спектра возможностей. Поэтому сознание — это не только *знание,* но и *переживание* того, что отражается.

Переживание — неотделимый атрибут сознания, который выражает значимость отражаемых явлений для деятельности человека, для реализации его потребностей, интересов и целей. Если восприятия, представления и понятия суть отражения предметного мира, свойств и качеств явлений, то эмоции и чувства, отражая действительность в форме переживаний, не содержат образа отражаемого, а выражают его ценность для субъекта. В отличие от познавательных процессов эмоции и чувства нередко проявляются и во внешнем поведении: в выра-

зительном движении лица (мимике), тела (пантомиме), в жестах, интонациях и тембре голоса.

Характерно в данном случае то, что отношение к предметам и явлениям проявляется в форме удовольствия или неудовольствия (страдания), возбуждения или успокоения, радости или гнева и т. п. Переживание органически связано с познавательной деятельностью сознания, но не совпадает полностью с ней. Отражение может быть одинаково полным, одинаково верным, а переживание — различным как по содержанию, так и по глубине чувства. Отсюда следует, что личностная и общественная значимость (оценка) испытываемых человеком переживаний могут при определенных условиях не совпадать.

Когда человек возмущается конкретным проявлением карьеризма, подхалимства или бездушия, когда данный поступок вызывает его негодование, он не просто рассудочно отражает эти явления, а выражает глубоко интимное, личностное отношение к ним. Те же явления могли бы не хуже анализироваться другим человеком, не вызывая при этом у него адекватной эмоциональной реакции. Всякое переживание носит личностный «почерк» индивидуального опыта, ценностной ориентации личности. Согласно С. Л. Рубинштейну, переживание человека — «субъективная сторона его реальной жизни, субъективный аспект жизненного пути личности. Таким образом, понятие переживания выражает особый специфический аспект сознания; он может быть в нем больше или меньше выражен, но он всегда наличен в каждом реальном, конкретном психическом явлении; он всегда дан во взаимопроникновении и единстве с другим моментом — *знания,* особенно существенного для сознания» [67].

Все эмоциональные переживания составляют динамичную систему, которая непрерывно испытывает воздействие окружающей среды, общения с другими людьми, в зависимости от него отдельные переживания принимают различную форму и степень интенсивности. Эмоции и чувства характеризуются большой полярностью и пластичностью. Каждой эмоции или каждому чувству противостоит противоположное переживание; между ними существует множество переходов. Радости противостоит

---

[67] С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии, М., 1946, с. 7.

страдание, любви — ненависть, коллективизму — эгоизм и т. п.

Эмоциональная сфера личности включает разнообразные элементы: 1) элементарные переживания, связанные с биологическими потребностями организма (голод, жажда, усталость и др.); 2) аффекты и страсти (ярость, ужас, отчаяние и др.); 3) чувства, которые бывают ситуационными (радость, восторг, обида, нетерпение и т. п.) и устойчивыми (любовь к родине, к профессии, товарищество, коллективизм и др.); 4) различные эмоциональные состояния (настроение) — подъем или упадок духа, веселое или же подавленное эмоциональное самочувствие.

Отдельные элементы этой сложной динамичной системы взаимосвязаны. Если человек испытывает, например, чувство любви, он переживает в зависимости от ситуации, в которой находится объект любви, нежность, страх, тревогу, гнев, печаль, радость и т. п. Эмоциональная реакция имеет интегральный характер, означающий, что человек реагирует как целостная личность — не просто отдельными операциями своего восприятия, мышления и памяти, а он вовлечен в реакцию со всеми своими симпатиями и антипатиями, стремлениями и склонностями. При этом преобладающий характер переживаний выражает не только преобладающий тип эмоций или настроения, но прежде всего *преобладающий тип ценностного отношения к действительности.*

Человек особенно чувствителен к тем явлениям, которые ценны или нет с точки зрения его потребностей, интересов и целей. Поэтому эмоциональная сфера — это не просто средоточие разнообразных переживаний, а показатель понимания и оценки явлений. Если личность не проявляет соответствующей эмоциональной реакции на определенное нарушение моральных норм, мы можем безошибочно сделать вывод, что она или не поняла обстановки, или же данный поступок не противоречит ее ценностным критериям.

Эмоции, чувства и аффекты человека всегда связаны с результатами деятельности, со степенью ее результативности. Многообразные положительные эмоции и чувства (удовольствие, радость и т. п.) возникают при удовлетворении потребности человека, и, наобо-

рот, отрицательные эмоции возникают при неудовлетворении определенных потребностей. Если предметы и явления не связаны с целями субъекта, то они не вызывают эмоционального отношения. *Удовольствие и неудовольствие, наслаждение и отвращение, радость и негодование возникают в процессе реализации целей, которые человек себе поставил. Они являются механизмом обратной связи между действием и его эффектом и в то же время важным стимулом для новых, еще более адекватных целей деятельности.* «Любое практическое отношение человека к миру имеет свое начало в возникающем в нем самом несоответствии того, чем он должен быть, и того, чем он является в данный момент. Это несоответствие всегда вызывает возникновение эмоций и чувств. С этого момента и начинается деятельность личности»[68].

Переживания — это особая субъективная реакция на отклонение действительных состояний от наших ожиданий, результат несоответствия между ожидаемым и действительным значением вещей. «Это превосходит все ожидания», говорим мы с радостным «возбуждением», когда успешно реализовали данную цель. А когда мы говорим «это не оправдывает наших ожиданий», мы выражаем досаду, разочарование и т. п.

Положительное эмоциональное состояние (удовлетворение) возникает только в тех случаях, когда обратная информация о результатах производственного действия совпадает с ожиданиями, *с предвидениями, и, наоборот, отрицательные эмоции (беспокойство, неудовлетворенность) возникают тогда, когда цели действия не совпадают с результатами.* Какова реакция ребенка, с которым мы проделали невинную шутку: показываем ему конфетку или шоколадку, он радуется и спешит развернуть обертку, но находит кусочек хлеба или что-то другое? Наступает разочарование, гнев или плач. Новый сигнал не совпадает с ожиданиями. Но на личность действуют еще более сложные модели, выработанные в ее социальном развитии. Она не только разграничивает шоколад и хлеб, но и делает различие

---

[68] Г. Х. Шингарев. Эмоции и чувства как форма отражения действительности, М., 1971, с. 105.

между справедливым и несправедливым, между достойным и недостойным, между добром и злом.

Поскольку цели человеческой деятельности реализуются в общении с другими людьми и поскольку другие люди участвуют в оценке ее результативности, переживания отражают состояние удовлетворенности (неудовлетворенности) субъекта его взаимоотношением с окружающей его общественной средой. Они играют роль барометра, показывающего, в каком отношении со средой находится субъект. Эмоции, чувства и настроения «осведомляют» о реакциях других людей и в соответствии с этим ориентируют поведение, побуждают к действиям, которые его уравновешивают с требованиями среды. В этом смысле можно сказать, что всякое переживание человека имеет две стороны — «я» и «другие». Кроме переживающего субъекта, оно предполагает наличие другого (других), в отношении которых он реагирует и переживает. Более того, по своей глубокой сущности переживания — *интериоризованные социальные отношения*. Их состав, генетическая структура, способ действия — словом, вся их природа — социальна.

Если элементарные эмоции (голод, жажда и т. п.) отражают объективные отношения предметов и явлений внешнего мира к биологическим нуждам организма (хотя у человека и эти нужды социально обусловлены), то *чувства* всегда являются исторически выработанным отражением объектов, всегда опосредствованы определенными политическими, эстетическими, этическими знаниями об общественной действительности. Высшие социальные чувства (патриотизм, товарищество, коллективизм и пр.) возникают как отражение общественных отношений и регулируют взаимоотношения человека со средой не как организма, а как личности, как члена общества[69] В этом смысле понятия «эмоции» и «чувства» употребляются для характеристики различных степеней в развитии эмоциональной формы отражения действительности, подобно тому как чувственное и абстрактно-логическое познание образуют две ступени в развитии познавательной стороны человеческого сознания.

---

[69] См.: К. К. Платонов. О системе психологии, М., 1972, с. 54,

Характер чувств зависит от структуры и содержания предметно-преобразующей деятельности, общественных отношений, социальных установок и идеалов личности. Изменения в общественных условиях жизни, в содержании потребностей и интересов не только отражаются в человеческом сознании, но порождают и новые чувства, а эти чувства мотивируют и новое ценностное отношение к миру.

Маркс подчеркивает, что как обыкновенные пять чувств, так и высшие духовные качества (любовь, воля и т. п.) возникают благодаря очеловеченной природе. Окружающий нас мир, который формирует чувства, наполнен человеческим содержанием, это «открытая книга» человеческой психологии. Накопленные в ходе исторического развития психические функции и способности передаются от поколения к поколению. В этом процессе эмоциональная сфера изменяется качественно, содержательно в зависимости от господствующих общественных отношений. «Частная собственность, — пишет Маркс, — сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является *нашим* лишь тогда, когда мы им обладаем, т. е. когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим его на своем теле, живем в нем и т. д., — одним словом, когда мы его *потребляем*... Поэтому на место *всех* физических и духовных чувств стало простое отчуждение *всех* этих чувств — чувство *обладания»* [70].

В то время как условия труда и быта в современном капиталистическом обществе все больше усиливают овеществление человеческих отношений, калечат и дегуманизируют эмоциональную сферу личности, социалистический строй создает экономическую и идейно-нравственную основу для гармоничного сочетания материальных и духовных потребностей, для обогащения и облагораживания эмоциональной жизни.

Социальная обусловленность переживаний наиболее ярко проявляется в сфере морально-политических чувств. До возникновения марксизма этическая мысль не раз обращалась к проблеме *характера и сущности*

---

[70] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, М., 1956, с. 592.

нравственных чувств, но независимо от богатства идей, мнений и гипотез она не могла научно объяснить эмоционально-психологические стимулы человеческого поведения, их связь с моральными нормами и принципами. Среди многообразных взглядов и подходов четко очерчиваются две концепции природы нравственных чувств:

1. Они рассматриваются как продукт биологической эволюции, как врожденные и передаваемые по наследству. Согласно Г. Спенсеру, этический опыт формируется на основе определенных биологических предпосылок и несет в себе черты врожденности. Нравственные чувства не отличаются от физиологических ощущений. Еще более категорично эта концепция выражена французским психологом Т. Рибо, который пишет, что нравственное чувство «не возникает из идеи или суждения; оно инстинктивно, и в этом его сила. Оно врожденно, подобно голоду, жажде и другим органическим потребностям»[71]. Подобный взгляд разделяет и Каутский в своей «Этике». Он пишет: «Животный инстинкт и ничто другое — вот наш нравственный закон. Этим объясняется его таинственная природа. Этот голос внутри нас не связан с каким-то внешним давлением, с какими-то видимыми интересами»[72].

2. Другая интеллектуальная концепция представлена Иммануилом Кантом. Согласно этой концепции, нравственные чувства имеют рациональное начало в категорическом императиве или рассудочной деятельности. Нравственный долг не унаследован, не навязан человеку извне; он должен быть результатом деятельности свободной и автономной воли. Кант приходит к выводу об абсолютной независимости морали от условий материальной жизни общества, о ее априорном происхождении. Любые влияния, идущие извне, бессильны создать нравственность. Мораль может быть результатом только независимой и свободной воли субъекта. Что касается нравственных чувств, то они обусловлены осознанием нравственного долга. Заслуга этой концепции заключается в том, что она устанавливает зависимость чувств от морального сознания, но

---

[71] Т. Рибо. Психология чувства, Житомир, 1912, с. 201.
[72] К. Каутский. Этика, Спб., 1906, с. 64.

она абсолютизирует рациональное начало и не раскрывает взаимосвязь между рассудком и чувствами в моральной мотивации поведения. Кант противопоставляет мыслительно-понятийный и эмоциональный аспекты: «Рассудок ничего не может почувствовать, а чувства ничего не могут мыслить»[73].

Нравственные чувства относятся к группе высших социальных чувств. Их специфическая природа проистекает из особенностей отражаемого ими объекта и из их роли в регулятивном комплексе поведения. Если эмоции и аффекты присущи и психике животных, то моральные чувства — исключительная «привилегия» человека, достояние общественной истории. Они представляют собой существенную сторону индивидуального нравственного сознания, показатель моральных позиций личности. Чувства не просто «пронизывают» все элементы нравственного сознания, а выражают актуально действующие нравственные потребности, динамическую сущность должного и ценностное отношение к миру.

Нравственные чувства — отражение социальных потребностей и интересов, требований моральной системы, а это означает, что они приобретаются не в силу биологической наследственности, а являются общественным продуктом. Они возникают вместе с формированием и развитием морали как социального института для регулирования человеческих взаимоотношений. По своему характеру моральные чувства предполагают существование определенных норм, регулирующих взаимоотношения между людьми, а также и наличие общественно выработанных представлений о добре и зле, о достойном и недостойном, об ответственности и безответственности и т. п. Императивность морального сознания («мой, твой, его долг поступить так-то и так-то») находит специфическое эмоциональное выражение в переживании приоритета общественных интересов над интересами личности (чувство долга и ответственности), а также в эмоциональной оценке результатов деятельности с точки зрения нравственного идеала (моральная удовлетворенность, чувство вины, совесть и т. п.).

---

[73] И. Кант. Соч., т. 3, М., 1964, с. 155.

Нравственные чувства — продукт нормативно-оценочного взаимодействия между людьми. Их специфический объект, отличающий их от обычных эмоций и аффектов, — нравственные отношения, то есть цепь конкретных поведенческих актов, в которых и через которые реализуются требования моральных норм. Это обстоятельство еще раз характеризует их как социальный продукт, но не только в том смысле, что они возникают исторически по мере формирования морального сознания общества, но и потому, что у каждого отдельного человека они каждый раз вырабатываются социально, «по-человечески», то есть в процессе социализации и воспитания, в процессе личного участия в моральных отношениях.

По своему основному содержанию нравственные чувства не отличаются от нравственных убеждений, хотя в психологическом и логическом плане они не вполне тождественны. Чувства придают действенность и целостность убеждениям, служат объединяющим звеном между знаниями и практическими действиями. По существу, *знание становится убеждением только тогда, когда оно оплодотворено силой переживания, а со своей стороны эмоция становится нравственным чувством тогда, когда она апробирует требования моральных норм, когда переживание опосредствовано и «интеллектуализовано» моральным знанием.* Никакие моральные нормы, принципы и идеи не могут утвердиться в сознании человека, если он сам остается эмоционально непричастным к ним. «Без моральных чувств, вносящих живое начало в восприятие норм общественной морали человека, эти нормы остаются чуждыми для него» [74].

Всякое моральное чувство — синтезированное обобщение различных эмоций и идей. Моральные нормы и принципы являются рациональным основанием нравственных чувств, благодаря чему они получают специфическую направленность и специфическую побудительную силу. Поляризация эмоциональных переживаний вокруг удовольствия и неудовольствия, наслаждения и отвращения получает моральное содержание, то есть она происходит не на инстинктивно-рефлектор-

---

[74] П. Я. Якобсон. Психология чувств, изд. 2-е, М., 1958, с. 210.

ной основе, а на эмоциональном переживании определенных социальных норм. Поэтому и гнев человека качественно отличен от реакций ярости животных, потому что наш гнев, как и другие чувства, — отражение общественных условий, норм, правил и т. д.

Если эмоции, настроения могут быть слабо осознанными или даже неосознанными, то нравственные чувства предполагают сознательное усвоение определенных требований. Разумеется, это не означает, что разум всегда и обязательно контролирует нравственные чувства, что всякое переживание признательности, восхищения, жалости, презрения и т. п. проходит через цензуру морального знания. Здесь речь идет о генезисе этих чувств, об их формировании, что предполагает наличие интеллектуальной основы.

В нравственных чувствах нет ничего такого, чего до этого не было бы в нравственном сознании. Даже такая эмоция, как страх, присущая всем представителям животного царства, у человека имеет нравственное содержание — страх перед оценкой общественного мнения, перед реакцией коллектива.

Нравственные нормы определяют не только содержание чувств, но они способны и модифицировать их психофизиологический механизм проявления в обществе. Еще в раннем детстве врожденные аффекты начинают социализироваться — выясняется, какие жесты желательны, а какие — нет. Ребенок узнает, что оценивается позитивно, а что — нет, когда нужно подавлять гнев, почему мальчик не должен плакать и т. п Маленький японец, например, узнает, что надо подавлять все эмоциональные реакции и вместо них проявлять стереотипную приветливость. Установлено, что у многих воинствующих племен, обитающих на островах южной части Тихого океана, существует требование самым тщательным образом подавлять и скрывать такие аффекты, как боль, страх, а, наоборот, агрессивные аффекты (гнев, ярость) следует проявлять демонстративно. Следовательно, даже внешнее проявление жестов не зависит от чисто физиологических механизмов, а обусловлено социально выработавшимися представлениями, ценностями, идеалами.

В зависимости от степени их осознанности нравственные чувства бывают: 1) ситуационными (восхищение,

негодование, радость, гнев), которые имеют характер непосредственной эмоциональной реакции в условиях изменяющейся обстановки. Это относительно элементарные, подвижные, изменчивые чувства, которые не всегда носят в себе сознание определенной моральной нормы, например, восхищение, радость, любовь, ненависть не всегда имеют очерченный, «нормативный» характер. Обычно эти чувства группируются вокруг какого-то «ядра», более или менее осознанной нравственной идеи, принципа и таким образом становятся элементами более сложного эмоционального образования; 2) устойчивыми психическими состояниями, которые соответствуют определенным моральным принципам и нормам (чувство совести, долга, чести, коллективизма, патриотизма, достоинства и т. д.).

Вокруг устойчивых нравственных чувств, присущих отдельному человеку, а также группам (коллективам), фокусируются в виде «психологического созвездия» все другие эмоциональные переживания. Так, например, чувство долга характеризует моральную ответственность человека за свое поведение перед обществом, перед своим классом и включает в зависимости от характера поступка целый комплекс переживаний — удовлетворение, радость, самоуважение или стыд, негодование, самообвинение и др. Рассматриваемое с этой точки зрения чувство патриотизма, по словам В. И. Ленина, — одно из самых глубоких чувств, сформированных тысячелетней историей народа. Оно представляет собою комплекс чувств любви, гордости, уважения, нежности, преданности, сгруппированных вокруг идеи родины, своего народа, а также и чувство покорности перед требованиями родины, опасения за ее судьбу в тяжелые минуты, чувство ненависти к ее врагам. При реализации этих устойчивых моральных чувств обычно актуализируется одно или несколько эмоциональных переживаний — «созвездий», отражая непосредственное воздействие действительности, затрагивающее в той или иной степени сложную цепь отношений.

Многообразные нравственные чувства являются показателем того, что те или иные моральные нормы органически слились с самосознанием личности, стали компонентом ее морального отношения к миру. В этом

случае любое устойчивое моральное чувство представляет собой оценочное отношение личности к окружающим ее явлениям, которое побуждает к определенной, устойчивой линии поведения по отношению к оцениваемому объекту.

Нравственные чувства являются двусторонним процессом: и переживанием побуждений к моральному действию, и эмоциональной оценкой его результатов. «Ни обыденная жизнь, ни история народов не представляют ни единого случая, где одна холодная, безличная воля могла бы совершить какой-нибудь нравственный подвиг. Рядом с ней *всегда стоит,* определяя ее, какой-нибудь нравственный мотив в форме ли страстной мысли или чувства»[75], — пишет И. М. Сеченов. Нравственные мотивы основываются на осознании человеком его обязанностей и задач, которые перед ним ставит общественная жизнь. Они раскрывают, насколько моральные ценности стали самообязанностью личности, частью ее внутренней природы.

Нравственные чувства не просто сосуществуют наряду с рациональным элементом мотивов (идеальной моделью должного и осуществляемого действия), но являются их структурно-определяющим компонентом. Мотивы в отличие от внешних стимулов деятельности — субъективное явление, акт индивидуального сознания, протекающий не только как мыслительная операция, но и как переживание. То, что направляет и побуждает нравственное действие, переживается как желанное и нужное для человека.

Чувства — это активная мотивационная сила для избрания таких форм поведения, которые должны соответствовать требованиям норм и поддерживать эмоциональное самоуважение личности. Они раскрывают отношение человека к его собственному нравственному развитию. Необходимость в моральном самосовершенствовании переживается как потребность и становится источником активности. Ощущение собственного нравственного роста порождает чувство удовлетворения, радости и воодушевления. Более того, *без переживания радости от нравственного поступка, без внутреннего удовлетворения, что ты поступил так, как*

[75] И. М. Сеченов. Избр. произв., М., 1953, с. 260.

следует, невозможно объяснить стремление к нравственному возвышению. Поэтому и формирование нравственной потребности неотделимо от создания эмоционального отношения личности к предписываемым нормами действиям, от непосредственного переживания необходимости поступать сообразно этим нормам.

Важная особенность нравственного мотива состоит в том, что основанное на нем действие вызывает чувства радости и довольства. Моральная потребность — это не только интеллектуальный процесс, а своеобразная эмоциональная направленность, субъективно-положительное переживание норм и оценок. В этом смысле можно принять и старую этическую максиму, что *движение вперед соответствует тому, что было прочувствовано, а не только тому, что было понято.*

2. Особенности коллективных (групповых) настроений и состояний

Коллективные эмоции и чувства возникают в процессе социально-психического общения между людьми. Переживания одного человека посредством содержания речи, тембра голоса, мимики и т. п. быстро передаются другому человеку и всему коллективу. В результате непосредственного контакта возникает взаимное возбуждение, которое, *во-первых,* может распространяться и иррадиировать, охватывать новые лица и, *во-вторых,* усиливать или ослаблять индивидуальные переживания, изменять в зависимости от своего характера анализ и оценку событий отдельной личностью.

Индивидуальные и общественные эмоции по своему основному содержанию, по своей предметной направленности совпадают, но они значительно различаются по интенсивности и динамике.

Коллективные переживания радости, гнева, печали, беспокойства и т. п. имеют новые качественные особенности, которые невозможно объяснить единичными ощущениями, эмоциями, чувствами или даже их суммой. Под влиянием социально-психического возбуждения эмоции перерастают в массовые аффекты, в кратковременные, но очень сильные эмоциональные «взрывы». Так, например, радость в коллективе может перерасти в ликование, гнев — в ярость, а страх — в панику.

«Кто переживал вместе с другими панику, — пишет Бехтерев, — тот знает, что это не есть простая трусость, которую можно побороть в себе сознанием долга и с которой можно бороться убеждением. Нет, это есть нечто такое, что охватывает, подобно острейшей заразе, почти внезапно целую массу лиц чувством неминуемой опасности, против которой совершенно бессильно убеждение, и которое получает объяснение только во внушении этой идеи путем ли неожиданных зрительных впечатлений (внезапное появление пожара, неприятельских войск и пр.) или путем слова, злонамеренно или случайно брошенного в толпу» [76].

В своей книге «Внушение и его роль в общественной жизни» В. М. Бехтерев приводит интересный случай массовой паники среди населения города Свищов во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Поводом послужило то обстоятельство, что к городу подходили 800 пленных турок, сопровождаемых русским конвоем. Увидя издалека красные фески на пленных турках и не заметив конвоировавших их русских солдат, кто-то из жителей города воскликнул: «Турки идут!» Этот крик, передаваемый из уст в уста, быстро охватил весь город и вызвал страшную панику. Началось массовое бегство в сторону единственного понтонного моста через Дунай. Даже раненых русских солдат вывели из казарм. На мосту образовалось подлинное столпотворение. Это вызвало жертвы, но, к счастью, вскоре показалась колонна русского отряда, конвоировавшего пленных турков, и эпидемия быстро прекратилась.

Важное место в многообразном спектре общественных эмоций занимает групповое или коллективное *настроение*. Оно представляет собой частный случай совместных переживаний, охвативших за определенное время всю общность и каждого ее члена. Настроение относится к эмоциональным состояниям личности или группы (коллектива).

Настроение — это исключительно сложное многостороннее и значимое социально-психологическое образование, оказывающее сильное и многообразное влияние на личность; оно парализует волю, энергию, сковывает воз-

[76] В. М. Бехтерев. Внушение и его роль в общественной жизни, Спб., 1903, с. 121.

можности сознательной деятельности и служит вместе с тем мощным источником активности. Как и эмоции, настроение может быть положительным и отрицательным. В первом случае мы говорим об оптимистичном, жизнерадостном настроении, а во втором — о депрессивном, тягостном или пессимистичном настроении. К отрицательному настроению относится тревожно-мнительное состояние, когда индивид или группа ожидает чего-то плохого, неприятного, а это ведет к чрезмерной раздражительности, суетливости, подозрительности и т. п.

Настроение качественно отличается от других компонентов эмоциональной сферы. Его нельзя определить только как «затухающее» чувство. Психическая основа настроения включает в себя не только элементарные психологические процессы, но и более сложные духовные образования (чувство, волю, сознание). Поэтому настроение определяется как своеобразный продукт борьбы и взаимодействия всех по-разному окрашенных ощущений и эмоций в группе. Настроение характеризуется повышенной устойчивостью и сложностью своей структуры, обладает своими специфическими законами изменения и развития. Оно обладает не только свойством устойчивости, но и в еще большей степени свойством динамичности. В него своеобразным способом включаются осознанное и неосознанное, эмоциональное и рациональное, отчетливые мысли и смутные влечения. «Хотя коллективное настроение и складывается из настроений отдельных людей, но оно не представляет собой простой механической суммы индивидуальных настроений. Групповое настроение в отличие от настроений составляющих его индивидов обладает целым рядом новых свойств, например способностью к многократному увеличению энергии составляющих группу индивидов» [77].

К основным свойствам группового (коллективного) настроения относятся:

1) *Сильно подчеркнутая детерминация особенностями коллективного бытия,* социальными факторами в группе. Эти факторы включают взаимоотношения в труде и в быту, условия отдыха, состояние воспитательной работы и другие конкретные социальные обстоятельства, которые иногда трудно поддаются учету.

---

[77] Б. Д. Парыгин. Общественное настроение, М., 1966, с. 71.

2) *Особая заразительность.* Возникая у одних людей или групп, настроение быстро распространяется, охватывая целый коллектив. Заразительность общественного настроения определяется самим процессом социально-психологического взаимовлияния людей в коллективе. Тут особенно сильно действует социально-психический *закон подражания.* Однако механизм психологической индукции сам по себе нейтрален в моральном отношении. Он может действовать «бесстрастно» как в положительном нравственном направлении, так и в отрицательном. В результате этого в коллективе могут с одинаковой быстротой наряду с хорошими начинаниями и образцами, с положительным примером распространяться и плохая мода, и нездоровые увлечения, и отрицательные явления.

3) *Большая побудительная сила.* Хорошее настроение в группе порождает дополнительные источники воодушевления, энтузиазма, трудового подъема. Как свидетельствуют исследования советских и западных ученых, настроение коллектива заметно влияет на результаты его деятельности. При этом оказывается, что плохое настроение часто вызывает более сильное отклонение от средних показателей, чем хорошее. По данным пенсильванского психолога Джерсея, работоспособность изучаемых им рабочих при хорошем настроении была на 0,8—4,2% выше, а при плохом настроении — на 2,5—18% ниже средней. Нездоровые настроения, возникающие иногда в коллективе, порождают отрицательно направленную активность, побуждают членов коллектива на аморальные поступки, превращаются в силу, питающую пережитки и отрицательные явления.

4) *Особый динамизм группового настроения*, проявляющийся в том, что настроение: а) быстро переходит из одной формы в другую — из неосознанного в отчетливо осознанное, из скрытого, латентного в открытое; б) быстро перерастает в действие и в) сильно поддается колебаниям: за короткое время, а иногда почти мгновенно оно перестраивается в противоположном направлении.

Коллективное настроение, как и чувства вообще, отражает благоприятные или неблагоприятные условия и результаты человеческой деятельности. Там, где работа людей организована хорошо, где имеются хорошие производственные достижения, где труд каждого оценивается справедливо, царит бодрое, мажорное на-

строение. Неудачи в работе, конфликтные ситуации, общественное порицание группы и т. п. обычно приводят к отрицательному настроению, неудовлетворенности, подавленности, раздражительности и т. д. Положительное настроение в коллективе возникает тогда, когда он ясно видит свою перспективу, ощущает «внутреннюю радость», когда он чувствует себя частицей всего общества, когда он переживает радость от своего труда на благо всей страны.

Факторы, влияющие на групповое или коллективное настроение, многообразны. К ним относятся организация труда, условия повышения квалификации, степень вовлечения рабочих в управление производством и т. п.

Большое влияние оказывают взаимоотношения внутри коллектива, соответствие или несоответствие официальных и неофициальных отношений, то есть как распределены «силы» в коллективе, кто их возглавляет, действительно ли избранный актив облечен доверием и пользуется симпатиями, как сложились отношения между руководителями и подчиненными. Словом, положительное настроение — результат гуманных взаимоотношений людей в коллективе, доброжелательного и справедливого отношения руководителей к личности каждого члена коллектива.

Однако каким бы капризным, динамичным и изменчивым ни было общественное настроение, им можно управлять. Самая большая роль в «усмирении» и даже в полном затормаживании отрицательных групповых эмоций, в возбуждении положительных переживаний принадлежит стилю и методам руководства. Своевременная информация о событиях, особенно о тех, которые непосредственно затрагивают коллективные интересы, личный пример выдержки и самообладания, высокая принципиальность, моральное стимулирование, умение переключать внимание на другие вопросы и виды деятельности и т. п. — все эти средства могут быть использованы в борьбе против негативных общественных эмоций.

Когда мы говорим об особенностях коллективных эмоций и состояний, не следует забывать, что их взаимодействие — не только *ситуационно,* но и личностно. Настроение, например, нельзя объяснить только как следствие социальной ситуации в группе. По мнению С. Л. Рубинштейна, настроение — это не ситуационное

психическое явление, а личностное. Что это означает? Настроение — это результат целой сложной гаммы эмоций и переживаний личности, зачастую неосознанных и отражающих ее отношение ко всему потоку впечатлений, к собственным действиям и жизненным обстоятельствам, значимым для данного человека. Существенным для настроения оказывается не сам по себе ход событий, а прежде всего оценка и отношение человека к ним, его отношение к тому, что произошло и происходит, к товарищам [78].

В конечном счете характер и воздействие коллективных (групповых) настроений и состояний зависят от реальных общественных отношений личности. Поскольку всякая деятельность реализуется в общении и поскольку другие участвуют в оценке ее результативности, переживания имеют своим источником мнения, оценки, отношение других людей. Например, радость от успеха зависит не только от объективной значимости результатов, но и от реакций группы, от уровня стремлений, от высоты целей, которые группа ставит перед своими членами.

Когда работа в коллективе организована четко, когда он живет задачами всего общества, когда в нем господствует принципиальность, взыскательность и справедливость, когда каждый получает объективную оценку своего труда и чувствует поддержку своих товарищей, психологический климат формирует бодрое настроение, чувство уверенности и личное достоинство, укрепляет личную уверенность в правоте наших идеалов, стимулирует деятельность, заставляет человека всегда идти в ногу с требованиями общества.

Через групповое настроение, через ожидания и связанные с ними санкции коллектив самым непосредственным образом воздействует на эмоциональное состояние удовлетворенности или неудовлетворенности, становится «соавтором» чувств.

Исследования Г. Бочкаревой [79] раскрывают наличие глубокой внутренней связи между характером переживания, его содержанием и силой и системой внутриколлективных отношений.

---

[78] См.: С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии, с. 422.

[79] Г. Г. Бочкарева. Психологическое изучение личности преступника в целях предупреждения рецидива. — Сб.: «Из опыта работы работников колоний». Изд. МООП, 1965.

Например, имеются дети, которые очень легко совершают кражи, без каких бы то ни было отрицательных эмоций. Они присваивают чужие деньги, покупают на них сладости, ходят в кино и т. п., не испытывая при этом ни угрызения совести, ни страха перед тем, что будут разоблачены. Анализ подобных случаев показывает наличие достаточно сильных мотивов непосредственно утилитарного характера и отсутствие моральных принципов, внутренних запретов, которые возникают у детей именно под влиянием непосредственной среды и препятствуют совершению аморальных поступков. Беззаботное настроение этих детей свидетельствует об отсутствии у них нравственных тенденций, способных конкурировать с непосредственными потребностями, толкающими их на правонарушения. Установлено также, что у таких детей отсутствовал опыт в сфере микросреды, который формировал бы непосредственный нравственный протест против аморальных побуждений. Подобные аморальные поступки не встречали осуждения со стороны семьи или близкого дружеского окружения, а, наоборот, часто поощрялись. Именно здесь сказывается огромная роль непосредственной социальной среды в утверждении тех или иных мотивов и «эталонов» поведения.

Многие нарушения сопровождаются «приятными» эмоциями — аморальное поведение не вызывает стыда, угрызения совести и т. п., а переживается как доблесть, как особое превосходство над другими, которые в своих поступках придерживаются общепринятых нравственных норм. В этих случаях действуют не только непосредственные побуждения, а ложно понятые мужество, ловкость, геройство — словом, «аморальное мировоззрение». Но эти побуждения опять же являются результатом реальных взаимоотношений в опеределенной среде, прошлого жизненного опыта. Прежде чем стать «доблестью» для правонарушителя, эти его поступки были так оценены, поощряемы референтной группой и после этого стали «эталоном».

Следовательно, нравственное воздействие на чувства личности зависит от системы реальных моральных отношений в коллективе. Моральные отношения — это цепь поведенческих актов, мотивированных моральным сознанием и реализующих его нормативные требования. Они охватывают сферу индивидуального поведения и прояв-

ляются во всех областях совместной деятельности. Особое значение для воспитания чувств имеют: 1) отношения взаимной ответственности; 2) отношения взаимной требовательности; 3) отношения сотрудничества и взаимного интереса; 4) отношения взаимопомощи, доброжелательности и взаимного интереса; 5) отношения соревнования; 6) отношения взаимной озабоченности и внимательности. Эти отношения обусловливают в конечном счете нравственное здоровье каждого коллектива, которое является важным источником и его активности.

Моральная зрелость первичных коллективов (производственных, учебных, научных и т. п.) проявляется тогда, когда они не только правильно рассуждают по поводу того или иного нарушения, но повседневно проявляют требовательность ко всем и к каждому, оказывая постоянное «сопротивление» отрицательным явлениям. Поэтому работа по формированию нравственных чувств нераздельно связана с функционированием «оптимальных» внутриколлективных отношений, являющихся не только посредником моральных требований, но и активным фактором в их реализации в поведении каждого человека.

3. О гармоничном единстве познавательного и ценностного отношения к действительности

Превращение марксистско-ленинских знаний в убеждение, в главный мотив поведения, формирование веры в наши идеалы как необходимое условие мобилизации воли, развертывания социальной активности человека немыслимо без воспитания чувств, без их развития и обогащения. Социалистическая сознательность предполагает не только углубленные научные знания о природе и обществе, высокую идеологическую подготовку и твердые мировоззренческие убеждения, но и содержательное изменение в эмоциональной сфере личности, в системе ее внутренних потребностей и интересов, формирование устойчивых и доминирующих чувств коллективизма, патриотизма и интернационализма, общественной ответственности.

В поступках, продиктованных моральными убеждениями и чувствами, наиболее сильно проявляется идейная

зрелость социалистического труженика, его связь с обществом, его классовые позиции. Маркс подчеркивает, что идеи вообще *ничего* не могут *осуществить*[80]. Для осуществления идей нужны люди, которые должны употребить практическую силу, а побуждения, размах и социальная направленность этой силы зависят от воспитания реальных «помыслов и чувств» реальных личностей[81].

Мировоззрение и мораль, не воплощенные в поступки, в жизненную позицию, не имеют практического значения для общества. Поэтому Программа Болгарской коммунистической партии требует, чтобы в поведении каждого члена общества, и особенно каждого коммуниста, в деятельности каждого трудового коллектива идейная убежденность и преданность органически сочетались с общественно полезными делами, с практическими действиями по реализации коммунистического идеала. Именно чувства придают действенность и целостность убеждениям, служат объединяющим звеном между знаниями и практическим действием. Действенность знаний, политических и моральных принципов зависит от того, насколько они оплодотворены силой переживания, эмоциональной готовностью претворяться в жизнь.

Основной закон и высшая цель социалистического общества — многостороннее и гармоничное развитие человеческой личности, создание материальных и духовных предпосылок безграничного проявления всего положительного и ценного, заложенного в человеке.

Богатство человеческой природы, которое Маркс рассматривает как основной принцип всякой более высокой общественно-экономической формации, требует, «с одной стороны, *очеловечить чувства* человека, а с другой стороны, создать *человеческое чувство*»[82]. Это означает, что социалистическое переустройство общества постепенно освобождает личность от мерзостей старого, облагораживает его чувства и в то же время создает истинные человеческие чувства, формирует новые

---

[80] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 132.
[81] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 424.
[82] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, с. 594.

потребности, нужды и желания. «*Богатый* человек — это в то же время человек, *нуждающийся* во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как *нужда*»[83].

Нравственные чувства придают социальную направленность деятельности, служат мощным стимулом самоутверждения, роста и развития человека. Без человеческих эмоций, подчеркивает В. И. Ленин, никогда не было, нет и не может быть человеческого поиска истины, следовательно, нет и не может быть подлинно морального поведения, стремления к совместному творческому общению с другими людьми, внутренней потребности служить обществу.

Духовный облик социалистического труженика немыслим без формирования беззаветной преданности делу коммунизма, без чувства пламенного пролетарского интернационализма и социалистического патриотизма, без развития и все более полного утверждения чувства коллективизма, гуманизма и общественной ответственности.

В современных условиях вопрос о воспитании чувств приобретает особую актуальность и из-за изменений, которые происходят в различных областях жизни под воздействием научно-технической революции и все усиливающейся идеологической борьбы. Головокружительные достижения научно-технического прогресса, информационный «взрыв», сопровождающий развитие современного научного познания, доминирующая роль средств массовой информации и многие другие факторы все больше обостряют проблему гармоничного единства рационального и эмоционального начала, познавательного, ценностного и должного отношения человека к миру и к самому себе.

Многие западные социологи с тревогой констатируют рост «интеллектуального кретинизма» в капиталистических странах, оскудения человеческих чувств, извращение и эмоциональное обеднение потребностей и вкусов. Конечно, это объясняется не просто достиже-

---

[83] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, с. 596.

ниями научно-технической революции, а превратным миром капиталистических общественных отношений, которые все больше овеществляют человеческую природу, вовлекают человека в механический ритм непрерывного отчуждения, порождают стремления и к иллюзорным ценностям за счет подлинных ценностей. «Эра всеобщего благоденствия» в этом капиталистическом мире оказывается эрой духовной нищеты, уродливых потребностей, утилизации человеческих чувств, разжигания порочных наклонностей. Эмоции и чувства формируются под натиском рекламы, страха за престиж, торговли эротикой и т. д.

В условиях буржуазного общества господство вещных отношений и стирание индивидуальности получает свои крайние, универсальные формы. Личная мощь индивида, как подчеркивает Маркс, превращается в его вещную мощь. Тут полное проявление внутренней сущности человека принимает форму полного опустошения, всеобщего овеществления. Критерий для сравнения личностей — внешний по отношению к их действительной природе; он принимает уродливую форму обладания, которое убивает богатство человеческих чувств.

В системе капиталистических общественных отношений «индивид представляет собой лишь индивидуализацию денег»[84], которые стали универсальным масштабом для сравнения личностей друг с другом. Господствующий и доминирующий фактор в поведении и чувствах личности — личный интерес, разъединяющий людей. Каждый человек—преграда для другого; он есть функция или капитала, или рабочей силы, а как человек проявляется только при исполнении своих животных функций — во время еды, питья, в половом акте или, в лучшем случае, когда он находится в свое жилище. Всеобщий интерес — это обмен эгоистических интересов, а это обстоятельство модифицирует чувства, непрерывно воспроизводит индивидуализм, отчуждение и самоотчуждение. Поэтому Маркс называет буржуазное общество мнимой общностью или суррогатом общности, которая создает «нечеловеческий образ жизни» как для представителей эксплуатируемого класса, так-

[84] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, часть I, с. 194.

и для индивидов из господствующего класса[85]. Чувства, дарования, способности, талант, то есть все проявления «субстанциальной деятельности человека», имеют лишь второстепенное независимо от классового положения значение. Объединяя людей в процессе производства, капитализм в то же время их разъединяет и самоотчуждает.

Социалистическое общество уничтожает не только эксплуатацию человека человеком и экономические факторы отчуждения труда, но и постепенно освобождает чувства человека от наслоений старого, открывает широкий простор для проявления творческих потенций и знаний, для расцвета индивидуальных способностей и качеств, превращает богатство человеческой природы в условие и мерило социального прогресса. Коммунизм, говорится в отчетном докладе ЦК БКП X съезду партии, есть отрицание буржуазного индивидуализма, а не индивидуальности.

При построении развитого социалистического общества качественно изменяются социальные факторы формирования чувств. Единство общенародных, коллективных и личных интересов, дальнейшее сближение социальных групп, укрепление идейно-политического единства ведут к постепенному «наследованию» добродетелей, которыми обладает рабочий класс как наиболее прогрессивная социальная группа из всех трудящихся. «*Главное звено во всей системе общественных отношений при социализме,* — говорит Тодор Живков,— *их наиболее существенная характеристика — это отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи равноправных производителей, объединенных общественным характером собственности и общей целью производства — все более полным удовлетворением непрерывно растущих материальных и культурных потребностей трудящихся*»[86].

Товарищеское сотрудничество, которое пронизывает все клетки нашего общественного организма, приводит к глубоким изменениям и в эмоциональной сфере людей. Успешно преодолеваются такие унаследован-

---

[85] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 433.

[86] Т. Живков. За последователно изпълнение решенията на Десетия конгрес на БКП за повишаване жизненото равнище на народа, 1972, с. 128.

ные от прошлого переживания, как неуверенность в завтрашнем дне, униженность и необеспеченность личности, недоверие к другому человеку, пессимизм и т. п. В моральном облике социалистического труженика все больше утверждается чувство коллективизма, взаимопомощи, уверенности в будущем, ответственности перед коллективом. Развиваются взаимная требовательность, чувство доброжелательности и уважения, озабоченности и внимательности. Культурная деятельность и художественное творчество, отчужденное от трудящихся в классовом антагонистическом обществе, теперь не только возвращаются к ним, но превращаются в такую социальную сферу, в которой все полнее будет реализоваться творческая сущность нового человека, его стремление к прекрасному и возвышенному.

Но и в условиях нашей действительности существуют объективные предпосылки для релятивистских взглядов, скептицизма, потребительского отношения к жизни, которые требуют упорной и целенаправленной работы по формированию правильного избирательного общения с продуктами материальной и духовной культуры современности, ясных классовых позиций, твердых мировоззренческих убеждений и чувств.

Не следует забывать о том обстоятельстве, что созревание двух основных компонентов социалистической сознательности — рационального и эмоционального, знаний и чувств, познавательного и ценностного отношения к миру и к людям — не совершается одновременно, в виде прямой проекции одного на другое. Кроме того, новые черты в нравственно-эмоциональном облике людей не могут формироваться стихийно, сами собой, как механический продукт общественных изменений. Они создаются постепенно как результат повышенной социалистической сознательности в процессе активного участия в трудовой и общественной деятельности. Диалектика духовного построения человека такова, что эмоциональная сфера труднее изменяется: она относительно более консервативна, так что не все, что интеллектуально усваивается, сразу же эмоционально переживается

Социалистическое общество преодолевает экономические и социальные факторы отчуждения труда, создает условия для ликвидации вещной зависимости ме-

жду людьми. Труд превращается в единственный источник и мерило благосостояния человека, его содержательного утверждения и саморазличения. Однако вместе с тем, как указал Тодор Живков в своем докладе на Декабрьском пленуме ЦК БКП, в индивидуальной психике и сознании рабочих и служащих все еще существуют остатки и черты, присущие ликвидированной уже системе отчуждения. «Многие работники смотрят на труд как на наемный труд, а на предприятие, где работают, как на чужую собственность»[87]. Чаще всего эти люди «смотрят» так именно через призму своих чувств. Не случайно различные нарушения правил социалистического общежития, законов и моральных норм объясняются не столько незнанием того, как следует поступить в той или иной ситуации, сколько факторами, выходящими за рамки обычного знания и затрагивающими чувства, убеждения, совесть, то есть теми факторами, от которых зависит саморегуляция поведения.

Корни так называемой «малой правды» труднее всего ликвидировать в области эмоционально-ценностного отношения к миру. Правило мещанина: «Возьми как можно больше от общества, а дай ему как можно меньше» или «Теперь все зависит от связей» — никогда не декларируется открыто; более того, оно может быть вербально «осуждено», но сохранит свою значимость для индивидуального поведения, раз оно не осуждено и чувствами. Снобизм, нигилистическое отношение к национальным традициям, потребительское отношение к жизни, податливость к чуждым влияниям и т. п. бытуют наиболее прочно в сфере чувства даже тогда, когда они рационально «отвергнуты» личностью.

Не всегда оценивают вред и опасность противоречия между высокими специальными знаниями и «эмоциональной неграмотностью», которая напоминает о себе поведением, стремлениями, вкусами и предпочтениями некоторых людей. Рассказывают, что на одном уроке по литературе, когда приглашенный, бывший командир партизанского отряда, делился воспоминаниями о героических партизанских днях и взволнованно

[87] Т Живков. За последователно изпълнение решенията на Десетия конгрес на БКП за повишаване жизненото равнище на народа, 1972, с. 129—130.

рассказывал о том, как целыми неделями партизаны отряда получали паек только по 100 граммов хлеба в день, одна из отличниц воскликнула: «Чудесно! Это как раз моя диета для похудения!» Ясно, что из такого факта не следует делать обобщающие выводы, но все же он говорит не только о том, что описываемые события отделяет большой промежуток времени от нынешнего бытия некоторых молодых людей, но и об известной эмоциональной недостаточности, которая зачастую сосуществует с высокими знаниями, с большой информированностью. Задача воспитания состоит не только в том, чтобы привести знание в соответствие с общественными требованиями, но и в том, чтобы поведение личности привести в соответствие с этими требованиями, что предполагает изменения в мотивах, потребностях и чувствах. Усвоение нравственных норм без соответствующих чувств приводит к моральному формализму, к так называемой двойной бухгалтерии в поведении, к фарисейскому принципу: цени человека не по тому, что он делает, а по тому, что он говорит.

Все это требует прилагать особые усилия к созданию гармоничного единства между познавательным и ценностным отношением к миру, к воспитанию чувств в полном соответствии с общественными требованиями. Разумеется, переживание как специфический аспект сознания, как субъективная сторона реальной жизни человека имеется во всяком конкретном, реальном психологическом явлении, но здесь речь идет о его сознательном, целенаправленном формировании и обогащении и его взаимном проникновении и единстве со знаниями.

4. Идеологическая работа и воспитание чувств

Чувства коллективизма, патриотизма, интернационализма обусловлены связью нравственного сознания с политическим сознанием, с идеологией, вследствие чего они называются морально-политическими чувствами. Еще Чернышевский подчеркивал, что моральной честности недостаточно, чтобы быть правым и полезным. Нужна прежде всего *последовательность в идеях.* Научное марксистско-ленинское мировоззрение — идейная основа правильного воспитания чувств. Только овла-

дев этим мировоззрением, личность переходит от понимания своих текущих потребностей и непосредственных задач к осознанию главных интересов и исторических перспектив. Только на основе этого мировоззрения моральное переживание приобретает целенаправленность и богатое социальное содержание.

«Идеологическая обработка» эмоциональных переживаний повышает степень их устойчивости, усиливает их воздействие на поведение. Более того, аналогичные эмоционально-психические реакции и переживания могут различным образом «перерабатываться» идеологически и в зависимости от этого получать различную направленность. Поэтому эмоции не следует рассматривать как некую независимую сферу человеческой психики, не терпящую влияния «извне». Анализ формирования пролетарского классового сознания убедительно показывает, что стихийно формирующиеся эмоциональные переживания развиваются и обогащаются, становятся компонентом нового духовного облика класса под влиянием научной идеологии.

Исследуя деморализующее воздействие жизненной среды на английских рабочих, Энгельс указал на те положительные черты в их нравственном и интеллектуальном облике, на основе которых развивается пролетарское сознание. Это гуманизм, коллективизм, свобода от буржуазного благоговения перед деньгами как самостоятельной ценностью, способность возвыситься над личными интересами, относительная независимость в суждениях и реализм в мышлении. Энгельс показал также, как под влиянием опыта классовой борьбы постепенно преодолевается конкуренция между рабочими и развиваются самые лучшие черты пролетарской психики. Но Маркс и Энгельс ясно понимали, что новые черты в психике — возмущение капиталистическими отношениями, чувство солидарности, готовность к самопожертвованию и пр. — требуют адекватного идеологического осознания исторических целей рабочего класса, что такое осознание предполагает не только определенные экономические предпосылки, но и определенный уровень политического развития пролетариата.

Осознание целей, превращение пролетариата в «класс для себя» глубоко изменяют эмоциональные

переживания, приводят к ясному пониманию потребностей и целей, к перерастанию стихийного протеста против капитализма в сознательную революционность. Зрелость классового сознания постепенно изменяет характер революционных настроений, порывов, чувств.

Совесть или чувства сами по себе, без научного мировоззрения не могут быть единственным и непогрешимым ориентиром поведения. Известно, например, что Маркс, оценивая борьбу парижских коммунаров, указал как на одну из причин их поражения на излишнее «великодушие», упущение момента для решительной расправы с противником из-за «совестливости». Следовательно, нравственное воспитание немыслимо без правильных политических взглядов. Чем глубже осознаны общественные интересы, гражданский долг, тем острее развита и гражданская совесть.

Выполнение комплексной программы повышения жизненного уровня, утвержденной Декабрьским пленумом ЦК БКП, требует, с одной стороны, создания большего количества материальных и духовных ценностей, а с другой — такого воспитания человека, которое превращает общественные интересы в его эмоциональное достояние, в личную ответственность и мерило поступков. Исключительно важное значение приобретает теперь борьба против эгоизма, карьеризма, потребительского отношения к жизни, глубоко эмоциональное усвоение принципов, лежащих в основе нашего общества. Карьеризм — это особое проявление эгоизма, характеризующееся стремлением любой ценой занять хорошее служебное положение, не выбирая средства, в том числе и за счет интересов других людей. Единственным мотивом карьериста служат исключительно личные интересы, во имя которых он часто отказывается от общественного долга.

Актуальная задача идеологического процесса — построение правильного соотношения между личной ценностной ориентацией каждого человека и общественной перспективой, конкретное «проецирование» общественного на индивидуальное. Эта задача предъявляет важные требования к пропагандистской работе. Воздействие на нравственные чувства личности, сложность и противоречивость их изменений предполагают научное познание основных закономерностей как познаватель-

ных, так и эмоционально-волевых процессов. Наряду с этим требуются умелый подход, тонкий педагогический такт и умение.

Не следует забывать, что формирование эмоциональной сферы не имеет характера «накопления» некоторых новых чувств, добавления их к прежним, подобно овладению новыми знаниями. Все эмоции и чувства у людей разделяются на приятные и неприятные, на чувства удовольствия или неудовольствия. На первый взгляд представляется, что это деление дано природой и является общим для животных и для человека. Но его невозможно объяснить только биологическими факторами. У человека эти «плюсы и минусы» проистекают не из каких-либо противоположных биологических, вегетативных или эндокринных состояний, как это чаще всего объясняют буржуазные психологические теории. В действительности удовольствие и неудовольствие, приятное и неприятное — это не только физиологические понятия. У человека они имеют сложное идейно-нравственное происхождение и сложную основу. Они суть следствие осуществления или нарушения наших целей, идеалов, желаний. По своему содержанию и социальной значимости они глубоко связаны с осуществлением стремлений личности, с ее убеждениями, идеалами, мечтами о будущем. Именно эта социальная природа чувств дает возможность активно влиять на них в процессе воспитания. Этот процесс, по существу, есть *изменение* в той или иной степени прежних чувств, обогащение *переживаний* новым моральным содержанием.

В результате системного и целенаправленного идеологического воздействия возникают новые эмоциональные состояния и исчезают те, которые с точки зрения социалистических требований являются вредными, ненужными, неценными. Партийная пропаганда активно содействует воспитанию положительного эмоционального отношения к социалистическому обществу, развивает чувство патриотизма и интернационализма, коллективизма и трудолюбия, ответственности и взыскательности, создает оптимизм и глубокую веру в будущее. Однако при всех обстоятельствах речь идет не о формировании отдельных изолированных чувств, а о воспитании целостной эмоциональной сферы человека,

которая приводит и к изменению его нравственного облика.

Чувства существуют в сознании человека в двух формах. Во-первых, они могут не быть полностью осознанными и тогда проявляются как непроизвольная «симпатия» (антипатия) или направленность на объект. Это соответственно проявляется и в особенностях поведения. Например, неосознанная привязанность к коллективу, к работе и т. п. Во-вторых, наряду с этим чувство может существовать в ясно осознанной форме как избирательное отношение к данному объекту[88]. Факт осознавания чувства сопровождается в ряде случаев изменением в поведении человека.

Из этих особенностей чувств вытекает возможность осуществлять в процессе воспитательной работы осознание их направленности и содержания. Нравственные чувства как сложный и своеобразный отклик воздействия социальной действительности формируются на основе определенных моральных представлений человека, строятся на основе понимания и осознания принципов коммунистической морали. Только тогда нравственное отношение личности реализуется как единство сознательного действия и переживания и как единство суждений, поступка и оценки.

«Условие возникновения любого нравственного переживания — наличие ориентировки у человека в жизненной ситуации, притом ориентировки социальной, связанной с воспринимаемым явлением в свете нравственных категорий и оценок, исходя из них. Этим определяется и направление, в котором проявляется чувство в его содержательной стороне (моральное негодование или удовлетворение, уважение или презрение и т. д.)»[89].

Наряду с убедительным разъяснением норм и принципов коммунистической морали, требований сознательной дисциплины, товарищества, взаимопомощи и самопожертвования во имя общества марксистско-ленинское обучение может быть «школой чувств» только тогда, если оно вызывает глубокие гражданские переживания, если оно формирует бодрое, оптимистичное отношение к социалистической действительности, ра-

[88] П. Якобсон. Изучение чувств, М., 1961, с. 21.
[89] Там же, с. 17.

дость от успехов в нашей жизни, стремление к самоотверженному труду на благо народа. В процессе обучения следует обращать особое внимание на осуждение тех чувств, которые все еще питают «малую правду» в нашей жизни, — лицемерие, злобу, зависть, карьеризм, зазнайство, нерадивость при выполнении общественных обязанностей и т. п. Еще сильнее надо воевать против снобизма, низкопоклонства перед иностранщиной, потребительского отношения к жизни, против современных модификаций мещанства.

Наиболее существенное в идеологической работе — это достижение *действенного* характера нравственных переживаний. Партийная пропаганда имеет целью формирование ценных нравственных чувств не просто в качестве факта внутренних переживаний, а с тем, чтобы они стали порывом, стимулом к действию. Поэтому критерий воспитания нравственных чувств заключается в том, насколько они действенны, насколько они проявляются на практике.

Воспитание чувств требует от пропагандиста *личной убежденности.* Он должен быть примером гражданского отношения к явлениям общественной жизни, непринужденным и искренним; формировать эмоциональное отношение к новому, любовь к успехам, радость от настоящего, веру в будущее. *Убеждения могут воспитываться только убежденными.* Плохо, когда слушатели усомнятся в знаниях пропагандиста, но еще хуже, если в них закрадывается хотя бы капля сомнения в искренности его чувств. Даже самая хорошая теоретическая подготовка не может компенсировать отсутствие собственных чувств и убеждений.

Поэтому необходимое условие преодоления объективизма в идеологическом процессе — личное эмоциональное отношение, глубокое непосредственное воздействие на аудиторию. Оно проявляется тогда, когда пропагандист открыто и убедительно выражает свои симпатии и антипатии к рассматриваемым событиям, свою любовь или ненависть, свой оптимизм или свое равнодушие.

Воспитание нравственных чувств осуществляется не только под воздействием общественного сознания и специально проводимой идеологической и воспитательной деятельности, но и под влиянием конкретной

социальной микросреды. Если моральная система в целом формируется под воздействием общественного бытия, если для ее основных норм и принципов «несущественны» особенности развития отдельных индивидов, то индивидуальное моральное сознание в большей степени зависит от своеобразия жизненного пути человека. Важную роль в этом отношении играет нравственно-психологический климат в малых социальных группах и коллективах, который создает особый духовный фильтр для восприятия и переживания нравственных ценностей. Непосредственное бытие человека (семья, различные первичные группы, дружеские круги и т. п.) не всегда находится в гармонии с социалистическим общественным бытием, а следовательно, и его влияние не всегда совпадает с общим воздействием социализма как системы.

Если отдельный трудовой коллектив оказывается средоточием отрицательных явлений, буржуазного явления или же если он является носителем несоциалистических по своей природе мнений, оценок и эталонов («Работа никуда не убежит», «Ищи прежде всего свою выгоду» и т. п.), то его воздействие — это не проявление социалистического общественного сознания, а отклонение от него, которое тормозит и дисгармонизирует утверждение коммунистических нравственных норм. Социально-психологический климат в малых социальных группах может активно содействовать воспитанию нравственных чувств или, наоборот, создавать такую «моральную атмосферу», которая будет отклонять от правильного поведения.

В этом отношении самое важное значение имеет образцовая организация труда, крепкая дисциплина, участие в социалистическом соревновании, справедливая оценка результатов работы. «При недостатках в организации производства и труда не может быть здорового коллектива, а только напряжение и недовольство, которое отрицательно отражается на психологических отношениях между людьми и на всем коллективе» [90].

Чрезвычайно большой вред нравственному здоровью коллектива наносят конфликтные ситуации, возникающие в результате субъективизма и беспринципности со

---

[90] Т. Живков. Цит. доклад, с. 164.

стороны руководства, при наличии враждующих неформальных групп, при терпимости к отстающим или подмазывающимся к руководству членам коллектива и т. д.

Укрепление идейно-политического единства народа, усиление социально-классовой однородности общества и расцвет духовной культуры создают качественно новые условия для воспитания чувств. Если нравственное воспитание на всех досоциалистических этапах общественного развития имело стихийный, классово ограниченный характер, то характерная особенность социалистической системы — *целенаправленность, научность и всеобщность* формирования нового человека, его морального облика. Воспитательное воздействие при учете определяющей роли социальной среды, общественного бытия исходит из научно обоснованных норм и принципов коммунистической морали.

Важное требование к личности зрелого социалистического общества — это *принципиальность,* то есть сознательное подчинение коммунистическим идеям, превращение их в незыблемый закон поведения. Принципиальность предполагает не только формальное усвоение социалистических принципов, но и превращение их в критерий собственного поведения. Она связана со *взыскательностью* к самому себе, с самоконтролем и настойчивостью в осуществлении задач. Беспринципность — это не что иное, как отсутствие устойчивой и ясной ориентации или же декларирование определенных принципов, готовность защищать их на словах тогда, когда они не стали внутренним достоянием человека.

Если принципиальность выражает устойчивую организующую и направляющую функцию целей, то *деловитость* подчеркивает волевую направленность. Сильная и целеустремленная воля — необходимое условие выполнения любой сознательной цели. Она помогает человеку приводить в действие свою моральную ориентацию. Воля — это именно та сторона психической деятельности, которая отражает общественные потребности и находит выражение в целеустремленности, в решимости и готовности достичь поставленных целей Волевое усилие необходимо не только для достижения целей, но и для того, чтобы задержать или затормозить

ненужное действие, отклонить то, что противоречит моральным нормам и принципам. Если моральное сознание в целом раскрывает социальную направленность деятельности, то деловитость выражает единство сознания и практики и потому самым тесным образом связана с волей и чувствами.

Как воспитание высокой принципиальности, так и деловитость социалистической личности связаны с построением ее мотивационной структуры, с формированием устойчивых, доминирующих мотивов и убеждений, с воспитанием воли и чувств.

III. Социально-психические факторы реализации моральных норм

Категория нравственных отношений имеет важное значение для раскрытия действенно-практической стороны морали и ее взаимодействия с социалистической психикой. Сведение морали только к «совокупности принципов, правил, норм, которыми люди руководствуются в своем поведении»[91], не дает возможности видеть его функциональную связь с социальной психикой. Исследование нравственных отношений содействует более полному раскрытию структурных элементов морали, способствует правильной постановке и решению вопроса о месте и роли социально-психических факторов в реализации моральных норм. Оно ближе всего связано и с выяснением путей и средств повышения эффективности нравственного регулирования в конкретных условиях трудовых коллективов.

1. Специфика нравственных отношений

В настоящее время почти общепринятой считается точка зрения, что нравственные отношения играют относительно самостоятельную роль в моральной системе, что мораль как одна из форм общественного сознания в то же время есть и существенная сторона общественной действительности, форма социальной деятельности. Однако при конкретном анализе нравственных отношений

---

[91] «Философская энциклопедия», т. 3, М., 1964, с. 499.

вырисовываются два вопроса, по которым нет единого мнения: в каком отношении находится это понятие к понятиям «общественное бытие» и «общественное сознание» и как оно связано с понятиями «моральное сознание» и «поведение».

Возражая против традиционного отнесения всех элементов морали к общественному сознанию, некоторые авторы (В. Г. Иванов, Н. В. Рыбакова) рассматривают нравственные отношения как элемент общественного бытия. Наиболее ярко это выражено В. П. Тугариновым, согласно которому мораль есть не только форма общественного сознания, но и форма общественного бытия, практическое поведение людей, их практическая нравственность.

Другие авторы рассматривают нравственные отношения как особое общественное явление, которое сочетает материальные и идеальные черты, представляет собой «единство материального (практического) и идеального (сознания), объективного (общественного поведения) и индивидуального (личного поведения)»[92]. Согласно В. М. Коренкову, они объективно-субъективны по своей природе и имеют две стороны: объективную (реальные и нравственные действия) и субъективную, психологическую (нравственное сознание, чувство, убеждение, стремления и т. д.)[93].

Существует и третье воззрение, согласно которому вне сознания нельзя говорить о нравственных отношениях. Они признаются только в качестве одного из элементов общественного сознания, как субъективные оценочные отношения. «Мораль есть форма общественного сознания, — пишет В. Н. Шердаков, — которая содержит в себе нормы, регулирующие поведение, но отнюдь не само поведение... Тот факт, что поступки, в которых выражается моральное решение, принадлежат к общественному бытию, не подлежит сомнению. Но это не дает основания причислять сами поступки к нравственности, ибо материальные поступки не содержат в себе нравственности. Вещества нравственности нет. Никогда

---

[92] Л. М. Архангельский. Лекции по марксистской этике, ч. I, с. 4.

[93] См.: «Нравственные отношения и механизм морального регулирования». — В: «Вопросы марксистско-ленинской этики и коммунистического воспитания», Свердловск, 1970, с. 25.

моралист или хирург не найдут разницы между раной, нанесенной хулиганом, и раной, причиненной производственной травмой. Мораль всецело принадлежит к сфере общественного сознания, хотя, бесспорно, оказывает влияние на общественное бытие»[94].

Верно, что нравственность не есть вещество, которое может быть обнаружено в ране или в оружии, которым она нанесена. Нравственность содержится в мотивах и последствиях реальных действий. В одних случаях рана «нравственна», а в других — нет. Но можно ли на основе этого отрицать реальность нравственных отношений?

В обществе, как известно, нет вещества «стоимость», но есть отношения стоимостей, имеющие объективный, материальный характер. Согласно Марксу, стоимость товаров тем отличается от вдовицы Куикли, что не знаешь, как за нее взяться. В прямую противоположность чувственно грубой предметности товарных тел, в стоимость не входит ни одного атома вещества природы. Она есть определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами[95].

Сравнение между стоимостями и нравственными отношениями предохраняет нас от примитивного вещественно-субстанционного толкования этих отношений, но оно еще не раскрывает специфики нравственных отношений. *Нравственные отношения — это идеологические отношения и, как таковые, отличаются от материальных, в том числе и от стоимостных отношений.* Для раскрытия их сущности и функциональной природы огромное значение имеет ленинское разграничение всех общественных отношений на два вида — материальные и идеологические. Если материальные отношения формируются как «объективно необходимая цепь событий»[96] независимо от общественного сознания, то специфический признак идеологических отношений состоит в том, что прежде, чем им сформироваться, они проходят через сознание людей.

---

[94] В. Н. Шердаков. Аксеология и этика. — В: «Актуальные проблемы марксистской этики», Тбилиси, 1967, с. 318—319.
[95] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 56 и 82.
[96] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 346.

Как разновидность идеологических отношений нравственные отношения проходят через моральное сознание, которое отражает определенную сторону социальной действительности, а именно взаимосвязь между личными и общественными интересами. Оно функционирует как система принципов, норм и оценок поведения. Нравственные отношения выражают регулирующую функцию морального сознания в действии, в цепи конкретных поведенческих актов. Они являются объективированным нравственным сознанием людей. Неправильно отождествлять нравственные отношения с экономическими отношениями или же растворять их в общественном сознании. Как все другие идеологические отношения, они производны, зависят от материальных отношений, формируются под воздействием экономических и других общественных отношений. Их идеологический характер определяется тем, что они осознаются людьми.

Иногда взаимодействие между нравственным сознанием и соответствующими ему отношениями истолковывают упрощенно: экономические отношения отражаются в нравственных, а последние определяют специфику нравственного сознания. Согласно Уледову, нравственные нормы производны от нравственных отношений, то есть сначала возникают реальные нравственные отношения, затем они осознаются. Говоря о первых этапах развития морали, Уледов подчеркивает, что «моральные отношения — это и есть нормы поведения людей», что они «прежде всего существуют в реальности как отношения»[97]. «Моральные отношения, на наш взгляд, — говорит он, — ни частично, ни полностью не относятся к сфере сознания. Они существуют вне сознания как реальные практические отношения между людьми. Конечно, нравственное сознание, как и любое другое, есть отражение и отношение к действительности»[98].

Мы считаем, что нравственное сознание и нравственные отношения формируются одновременно на

---

[97] А. К. Уледов. Структура общественного сознания, с. 82.

[98] А. К. Уледов. Моральные отношения как социологическая этическая категория. Проблемы и категории марксистско-ленинской этики, Новосибирск, 1969, с. 88.

основе определенных производственных отношений. Тезис, что сначала появляются нравственные действия и из них начинается абстрагирование моральных норм и понятий, то есть возникает моральное сознание, содержит непреодолимые внутренние противоречия.

Во-первых, нравственные действия не являются отдельной, материально обособленной сферой человеческой деятельности, которая отличается от «ненравственных» действий. Моральное поведение не может быть отделено эмпирически как факт, непосредственно отличающийся от других социальных фактов. «Мораль — это не обособленная *сфера* деятельности человека, его поведения, а специфический способ его регуляции»[99].

Во-вторых, если принять, что первоначально возникают нравственные действия, не становится ясным, в чем состоит их «моральность», то есть на основе чего они определяются как нравственные. На основе каких критериев одни действия будут определяться как нравственные, а другие — нет? Или им предшествует нечто «нравственное», или же вместе с ними возникает тот специфический «моральный язык», благодаря которому люди начинают регулировать свои действия и оценивать их как хорошие, плохие, справедливые, недостойные и т. п.?

Моральные отношения не могут быть оторваны от моральных представлений, понятий и определений. Они предполагают исторически выработанные представления о добре и зле и их усвоение личностью как субъектом нравственных отношений. «Чтобы поступок имел моральную ценность, необходимо *понимание* того, справедлив ли он или несправедлив, является он хорошим или дурным. То, что называют *невинностью* детей или нецивилизованных народов, не есть еще моральность. Дети или такие народы не совершают многих дурных поступков, потому что не имеют о них еще никакого представления, потому что вообще нет еще налицо тех условий, при которых только и становятся возможными таковые. Подобное несовершение дурных поступков не имеет и никакой моральной ценности. Но и совершают-то они поступки, которые, согласуясь с моралью,

---

[99] О. Г. Дробницкий. Природа морального сознания. — «Вопросы философии», 1968, № 2, с. 27.

моральными тем не менее вовсе не являются, поскольку они еще не понимают природы поступков, не знают, является он хорошим или дурным» [100].

Нравственные отношения являются производными от установок морального сознания. *Отдельные поступки человека приобретают нравственную сторону в той степени, в какой начинают реализовывать требования морального сознания.* В нем содержатся представления, понятия, модели определенного типа поведения, соблюдение которых образует так называемые нравственные отношения. Но то обстоятельство, что эти отношения формируются, строятся, проходят через сознание, вовсе не означает, что они идеальны, что они остаются элементом только сознания.

Нравственные отношения — это не «идеальный порядок». Необходимо делать различие между «идеальным» и «идеологическим». *Идеальное — это элемент сознания, а идеологическое выражает специфическую обусловленность моральных отношений моральным сознанием, их принадлежность к сфере надстроечных отношений.* «Прохождение» нравственных отношений через сознание означает идеальное, мысленное моделирование этих отношений, которое содержит предписание (вариант) действия, его самостоятельный выбор и оценку (самооценку) ожидаемых результатов действия. По своей сущности нравственные отношения — это субъективированные реальные взаимоотношения между людьми на основе мотивирующей, регулирующей и оценочной функции морального сознания.

Между моральными нормами и нравственными отношениями существует постоянное взаимодействие. С одной стороны, норма порождает определенные нравственные отношения, а с другой — сформированные и постоянно изменяющиеся нравственные отношения оказывают влияние на эволюцию норм. Однако отождествление моральной нормы с нравственными отношениями неправильно, потому что стирает различие между моральным сознанием как нормативно-оценочным отражением общественного бытия и практической человеческой деятельностью, мотивированной этим сознанием и объективированной его требованиями.

---

[100] Гегель. Работы разных лет, т. 2, с. 32—33.

Нормы, принципы, идеалы как явления морального сознания выражают с различной степенью императивности нравственное требование к поведению человека. Они являются результатом продолжительной работы общественного сознания. Бесспорно, моральная норма отражает определенные стороны общественного бытия, определенные социальные потребности, лежащие в основе морального сознания и моральных отношений. Она закрепляет в общественной памяти необходимость (или недопустимость) определенных действий, выражает их оптимальный вариант в вербальной формуле, которая передается из поколения в поколение и внедряется в сознание каждого индивида.

Нравственное отношение двукратно детерминировано как общественным бытием, всей совокупностью общественных отношений, так и формами морального сознания. «Как явление сознания норма — это «застывшая мысль», могущая быть записанной (хотя возникает она еще в дописьменный период истории) и воспроизводимая мысленно или словесно всякий раз, когда создается ситуация, требующая совершения действия или воздержания от него» [101]. Но сама она есть не только форма сознания. Возникнув как отражение социально значимой потребности, она диктует людям определенное действие, становится механизмом волепринуждения, средством воспроизведения определенных отношений в поведении людей. Именно в этом смысле (как сознательное воспроизведение определенного действия) норма становится «нравственным отношением». «Нормативный способ мышления (представление о чем-то как должном) в данном случае лишь идеально выражает эту социальную механику отношений и массовой деятельности» [102].

Норма фиксирует определенную сторону общественной практики (экономическую, политическую и т. п.), порождает соответствующие ее требованиям нравственные отношения и в этом состоит ее социальное предназначение. Для участвующих в социальном взаимодействии норма есть нечто объективное, с чем они должны

---

[101] О. Г. Дробницкий. Моральное сознание и его структура. — «Вопросы философии», 1972, № 2, с. 36.
[102] Там же, с. 36—37.

сообразовываться. Но постепенно развивающаяся общественно-историческая практика людей «корригирует» нормы, изменяет их, а через новые нормативные требования общественного сознания изменяются и нравственные отношения. Однако последние не являются механическим следствием изменения норм.

Возникшие на основе нормативного морального сознания, нравственные отношения сами активно воздействуют на моральные нормы, оказывая на них обратное влияние. Диалектика взаимозависимости в данном случае такова, что «общественные отношения, в которые в процессе труда включается человек, определяют его нравственное сознание; с другой стороны, его нравственное сознание обусловливало те отношения к людям, в которые он вступает. Нравственное сознание производно от общественного бытия, и вместе с тем оно играет активную роль в его развитии» [103].

Воздействие экономических отношений на нравственные отношения не является прямым, а опосредствованно нормативно-оценочным моральным сознанием, основная клетка которого — нравственная норма. Без этого нельзя выяснить активную роль морального сознания в общественной жизни, в развитии экономики, нельзя понять относительную самостоятельность нравственных отношений как явления идеологического характера.

Моральные отношения — это цепь поведенческих актов, мотивированных моральным сознанием и реализующих его нормативные требования. Специфика моральных отношений заключается, во-первых, в том, что они охватывают сферу индивидуального поведения и функционируют вместе со всеми другими идеологическими отношениями, проявляются во всех областях общественной жизни. Всякое общественное отношение может быть нравственным, если его субъект, носитель реализует требования морального сознания. Во-вторых, нравственные отношения объективируют, «опредмечивают» в себе моральные ценности, существующие как в теоретическом, так и в обыденном сознании. В-третьих, нравственные отношения реализуют требования моральных норм без принуждения со стороны особых

---

[103] А. Спиркин. Происхождение сознания, М., 1960, с. 216.

«материальных учреждений», как воля всего общества, независимо от силы власти и существующей правовой идеологии [104].

Из сказанного выше следует, что субъект нравственных отношений — это личности или социальные коллективы, которые способны осознавать нравственный смысл своих действий и нести за них моральную ответственность. Объект этих отношений — не вещи, не материальные предметы, а реализация нравственных норм. Более конкретно система нравственных отношений включает: а) субъект действия; б) реализацию определенного морального требования в качестве объекта действия; в) средства и способы морального действия; г) результат действия, имеющий характер нравственного воздействия на другое лицо или социальную группу.

Сфера нравственных отношений — взаимный «обмен» поступками, то есть такие действия, которые приобретают нравственное качество благодаря своему мотиву и тому, что они объективируют моральные требования. Поступок как отношение к другому человеку в отличие от отношения к предметам имеет взаимный характер. Это не обычное отношение субъекта к объекту, а взаимоотношение. А там, где имеется «обмен» поступками, взаимное общение и взаимное влияние человека на человека, наряду с моральными нормами действуют и социально-психологические феномены.

Нравственные отношения представляют систему поступков, в которых реализуются факты нравственного сознания (мотивы, намерения, ценностные ориентации, идеалы и др.). Однако процесс этой реализации протекает в конкретной социально-психической ситуации, которая модифицирует поведение. Поступки человека организованы по принципу обратной связи и в зависимости от «потребления» специфической социально-психологической информации приобретают многозначность, большую вариативность, то или иное отклонение от моральных нормативов. Реализация общественных закономерностей, в том числе и моральных, имеет сложный статистико-вероятный характер. Относительная самостоятельность социально-психических закономерностей,

---

[104] С. М. Пласкин. Нравственные отношения и нравственная потребность. — «Философские науки», 1972, № 5, с 151—152.

и особенно их прямая обусловленность микросредой, приводит во многих случаях к расхождению поведения с требованиями моральных норм. Кроме того, «воспроизведение» нормативного требования в жизни зависит от принуждающей силы массового примера и подражания, от действий и волевых санкций группы, от социально-психических установок, стереотипов, коллективной реакции и оценки в форме одобрения, иронии, насмешки и т. д.

2. Моральные нормы, подражание и внушение

Социально-психическое «вмешательство» в процесс реализации норм, то есть в динамику нравственных отношений, включает: а) воздействие группового сознания на цели поступка (положительное или отрицательное с точки зрения всеобщности и «внесубъективности» морального императива); б) воздействие на выбор средств, которые следует приложить в конкретной ситуации; в) воздействие на характер мотивации; г) усиление или ослабление эмоционально-волевой настойчивости при реализации целей (в зависимости от групповых ожиданий, от коллективного желания или нежелания достичь данные цели); д) создание особого вида внешних условий (социально-психического климата, атмосферы), способствующих реализации целей или задерживающих ее; е) социально-психическое воздействие, которое затрагивает и оценку результатов морального действия.

Социально-психическое общение связывает моральные качества личности с качествами другого человека. Поэтому оно играет важную роль в обеспечении мобильности нравственной системы, в ее способности охватить конкретные условия и потребности коллектива. Социальная психика — действенное средство повышения эффективности и надежности нравственных требований. Кроме того, переживание собственных моральных действий, удовлетворенность или неудовлетворенность нравственным поведением самым непосредственным образом зависят от психологического климата в группе, от гармонии между моральными и социально-психическими требованиями к личности.

Известно, что, когда групповое сознание оказывается средоточием негативных социально-психических состояний, оно не только не развертывает активность человека, но подавляет или парализует его инициативу. Как субъект нравственного поведения личность сильно переживает положительное или отрицательное отношение к ней со стороны окружающих ее людей.

Как отмечает Дж. Локк, «никто... не может жить в обществе под гнетом постоянного нерасположения и дурного мнения своих близких и тех, с кем он общается»[105]. Социальная психика способна формировать состояние «морального вакуума» или же, наоборот, тонизировать и активизировать нравственное поведение. Все это придает особое значение проблеме социально-психического воздействия при реализации нравственных требований.

При содержательном изучении функций социальной психики в процессе межличностного общения устанавливается единство двух противоположных тенденций: с одной стороны, она укрепляет сотрудничество, усиливает интеграцию, а с другой — ведет к дифференциации, к борьбе и противопоставлению. Идея двунаправленности социально-психического воздействия — предмет долголетнего изучения в научной литературе. Многие авторы разделяют все виды социальных действий в зависимости от эффекта взаимодействия на две общие категории: приспособление и оппозиция. К первой относятся действия, вызывающие желательное поведение индивидов или групп без угрозы санкций или других принудительных мер. Ко второй, напротив, относятся все действия, связанные с угрозами и репрессиями. Американский социальный психолог Бейлс указывает на двенадцать видов социально-психических воздействий, которые варьируют от эмоционально-положительного проявления солидарности и одобрения до эмоционально-негативных способов поведения — оппозиции и агрессии.

Конечно, все виды социально-психических воздействий вряд ли можно свести только к приспособлению или оппозиции. Творческое сотрудничество не может быть исчерпано приспособлением индивидов друг к

---

[105] Дж. Локк. Избр. философ. произв., т. I, М., 1960, с. 358.

Виды социально-психических воздействий

Характер отношений	Форма проявления отношений
Эмоционально-положительные	1. Солидарность. 2. Ослабление напряжения. 3. Одобрение.
Деловые, относящиеся к определенной задаче	4. Предложение. 5. Мнение. 6. Информация. 7. Просьба об информации. 8. Просьба о мнении. 9. Просьба об обращении.
Эмоционально-негативные	10. Отклонение. 11. Напряжение. 12. Антагонизм.

другу. В рамках сотрудничества действуют самые различные механизмы групповой интеграции, которые не могут быть отнесены ни к одностороннему, ни к взаимному приспособлению. Как борьба, так и сотрудничество предполагают единство обеих тенденций — интеграции и дифференциации групповой деятельности[106].

Особый научный и практический интерес при рассмотрении взаимодействия между моралью и социальной психикой представляют механизмы групповой интеграции, которые непосредственно относятся к согласованию индивидуального поведения с действующими в группе моральными нормами. Важную роль в этом отношении играет социально-психическое заражение в его двух формах — подражания и внушения, общественное мнение и настроение, добровольное подчинение чужой воле (авторитету), стыд, установки и стереотипы.

Механизмы социально-психического заражения относятся не только к тому, кто как «чихает и кашляет» под влиянием определенной ситуации, как обычно это объясняют в научно-популярной литературе, а затрагивают многообразные стороны человеческого поведения. Психическое заражение может быть обнаружено как в заразительных ритуальных танцах первобытной общины, в массовых психозах, охватывавших большие группы людей в определенный исторический период, так и в сознательном избирательном отношении к оп-

[106] См.: Б. Д. Парыгин. Основы социально-психологической теории, с. 252—255.

ределенной моде, в мотивированном подражании определенным поступкам. Несмотря на то что почти все представители социальной психологии видят в заражении один из ее главных объектов изучения, вопрос о соотношении между заражением, подражанием и внушением спорен.

Некоторые исследователи рассматривают психическое заражение как разновидность подражания, а другие, наоборот, видят в подражании только частный случай психического заражения. Согласно Б. Ф. Поршневу, психическое заражение в коллективе включает два различных явления — подражание и внушение[107].

Рассматривая функции психического заражения в области нравственных отношений, мы ограничиваемся этими двумя основными формами, которые, разумеется, не исчерпывают полностью природы этого социально-психического явления. Еще меньше следует допускать, что сложный механизм морального регулирования можно объяснить только подражанием или внушением. В данном случае они выполняют вспомогательную функцию, которая облегчает или затрудняет аккумулирование нравственной информации, овладение конкретными образцами морального поведения. Моральное регулирование основывается на осознанном убеждении, на критическом отношении к поступающей извне информации (согласно внутренним критериям добра и зла), на рациональной и эмоциональной самооценке поступков.

Моральная зависимость — это не внешняя, принудительная зависимость, а «в действительности только зависимость от моего собственного существа, от моих собственных влечений, желаний и интересов»[108]. Это обстоятельство значительно ограничивает сферу социально-психического заражения в нравственной области (в смысле несознательного, некритичного подражания), но ни в коем случае не следует недооценивать его роль и значение.

Нравственные формы поведения передаются из поколения в поколение при помощи подражания, внуше-

---

[107] Б. Ф. Поршнев. Социальная психология и история, с. 137.

[108] Л. Фейербах. Избр. философ. произв., т. II, М., 1955, с. 578.

ния и идентификации. Ребенок, например, усваивает определенные эталоны поведения путем подражания. Если подражание связано с усвоением внешних форм поведения, то при внушении передается внутреннее эмоциональное состояние личности, от которого в значительной степени зависят восприятие и оценка явлений действительности.

Макаренко подчеркивает, что подлинная моральная норма становится действительной только тогда, когда ее «сознательный» период переходит в период массового опыта, традиций и привычек, когда эта норма начинает действовать быстро, непроизвольно, будучи поддерживаемой общественным мнением и общественным вкусом[109]. С этой точки зрения психическое подражание — важное средство «массовизации» нормы, перерастания ее в традицию и привычку. Вот почему без изучения и сознательного использования форм и способов социально-психического заражения немыслимо повышение эффективности нравственного воспитания.

Как показывают многие исследования, подражание, внушение, конформизм и прочие компоненты социально-психического общения самым тесным образом взаимодействуют с целенаправленным педагогическим воздействием по внедрению определенных правил и образцов поведения. По данным Т. В. Драгуновой, подростки усваивают образцы поведения взрослых как путем прямого подражания (мода, курение, лексикон), так и путем самовоспитания индивидуальных нравственных и физических качеств[110]. Исследования условий формирования различных нравственных качеств раскрывают роль подражания как фактора воспроизведения данного образца или примера, который постепенно превращается во внутреннее достояние личности.

Социально-психическое подражание, его роль и функции в жизни человека привлекают внимание исследователей еще с самой глубокой древности. Аристотель рассматривает подражание как исключительно

---

[109] См.: А. С. Макаренко. О воспитании молодежи, М., 1951, с. 111—112.

[110] См.: Т. В. Драгунова. Общение в подростковом возрасте. Изучение хода психологического развития ребенка, XVIII Международный психологический конгресс. Симпозиум 29, М., 1966, с. 19—21.

важный фактор в жизни общества, как необходимое условие приобретения человеком знаний. Люди, отмечает он, «тем отличаются от прочих животных, что наиболее способны к подражанию, благодаря которому приобретают и первые знания»[111].

В истории научной мысли подражание чаще всего связывают с формированием личности, с построением ее индивидуального и общественного поведения. Гегель рассматривает стремление ребенка к подражанию как средство достижения идеала, к которому ребенок стремится и который ему представлен не в форме всеобщности, а как нечто данное, динамичное, как некий авторитет[112]. Социологические и психологические аспекты подражания становятся предметом специального исследования в работах Г. Тарда и Л. Г. Лебона.

В своей книге «Законы подражания» Г. Тард рассматривает подражание как «узел всех социальных отношений». «Социальный организм, — пишет он, — по существу своему подражательный, а подражание играет в обществах роль, аналогичную с наследственностью в физиологических организмах или с волнообразным колебанием в мертвых телах»[113]. В интерпретации Тарда подражание не есть только механизм взаимовлияния в непосредственном общении, а универсальный закон, объясняющий все социальные процессы. Прогресс общества зависит от великих личностей (полководцев, вождей, мыслителей), изобретения и открытия которых через подражание толпы становятся всеобщим достоянием. Распространение обычаев, взглядов и нравов среди новых поколений объясняется исключительно действием подражания. Последнее имеет различные формы: 1) логическое и нелогическое; 2) внутреннее и внешнее (по последовательности и механизму распространения); 3) подражание — мода и подражание — обычай (в зависимости от его устойчивости); 4) подражание внутри класса и подражание одного класса другому классу (применительно к его социальной природе)[114].

---

[111] Аристотель. Поэтика, М., 1957, с. 48.
[112] См.: Гегель. Соч., т. III, М., 1956, с. 91—92.
[113] Г. Тард. Законы подражания, Спб., 1892, с. 11.
[114] См.: Г. Тард. Законы подражания, с. 11.

В психологическом плане подражание рассматривается как гипнотическое действие одного лица на другое, как таинственная способность одного человека подчинять своей воле и своим желаниям действия другого. Описывая «магнетизирующее» воздействие вождя древнего племени на всех членов общности, Тард отмечает, что на его стороне — сила и власть, но все же решающим для его огромного воздействия являются некоторые традиционные моменты, в частности необыкновенная сила обаяния. «Он обаятелен — и все», — говорит Тард. Следует подчеркнуть, что концепция Тарда порочна не только в общесоциологическом отношении, но что она не раскрывает и конкретных психологических особенностей этого явления. Необходимо проводить различие между субъективно-идеалистическим толкованием подражания и действительной значимостью проблемы объяснения человеческого поведения.

Подражание играет существенную роль не только при формировании обыкновенных навыков и привычек, но и при овладевании моральными ценностями. «Что подражание играло очень большую роль в истории всех наших идей, вкусов, моды и обычаев, — говорит Г. В. Плеханов, — это не подлежит ни малейшему сомнению. На его огромное значение указывали еще материалисты прошлого века: «человек весь состоит из подражания»,[115] говорил Гельвеций. Советский педагог и психолог П. П. Блонский пишет, что «подражательность — одно из главных явлений социального единства»[116]. *Подражание есть одно из средств трансляции нравственного опыта.* Именно через подражание социальная психика лучше всего выполняет свою интегративную обучающую функцию. *Подражание и внушение обеспечивают включение личности в социальную жизнь общества.* Как подчеркивает известный польский логик Т. Котарбиньский, «нет обучения без подражания; достаточно представить себе это, чтобы понять огромное значение подражания для прогресса»[117].

---

[115] Г. В. Плеханов. Избр. философ. произв., т. V, М., 1958, с. 295.

[116] П. П. Блонский. Избр. психолог. произв., М., 1964, с. 75—76.

[117] Т. Котарбиньский. Избр. произв., М., 1963, с. 874.

Нравственное подражание есть непосредственное воспроизведение данного образца или пример поведения, которое зависит от прошлого опыта личности и от характера социальной ситуации. Объект подражания — носитель тех моральных качеств, которые соответствуют желаниям и стремлениям подражающего, вызывают у него восхищение. Это сложное социально-психическое явление нельзя объяснить «имитационными актами» животных, предысторией стадных инстинктов, а такие попытки делались в социальной психологии, или же свести только к слепому, бессознательному копированию действий и поступков. Нравственное подражание основывается на качественно новых побуждениях даже тогда, когда осуществляется непроизвольно.

Подражание определенным действиям, поступкам, мимике, манере одеваться и пр. — средство самоопределения личности. Сравнительное изучение подражания у животных и детей (Н. А. Тих) раскрывает не только его многообразие и высокую степень развития у человека, но и действие новых, социально выработанных побуждений к подражанию. Оно выражает активное отношение ребенка к людям и к предметам человеческой деятельности, переходит через различные стадии — от слепого копирования до мотивированного избирательного подражания [118]. Но если подражательная деятельность у ребенка протекает незаметно для него, то у уже оформившейся личности этот процесс осознается и переживается.

Характерная черта нравственного подражания состоит в том, что оно охватывает не только внешнюю сторону поведения, но прежде всего внутренние качества и характерологические особенности другого человека, что предполагает осознание и переживание этих качеств как желанных, необходимых для субъекта подражания. Нравственное подражание связано с активностью субъекта на основе уже сформированных пред-

---

[118] См. подробнее о качественных изменениях подражания на различных этапах развития ребенка: А. З. Ковалев. Курс лекций по социальной психологии, с. 69—77; «О стадиях подражательной деятельности ребенка». — «Вопросы психологии личности», Л., 1960; М. Н. Волокина. Очерки психологии школьников первого класса, М., 1951 и др.

ставлений о добре или зле, а это становится возможным на определенном этапе развития индивида.

Подражательная деятельность при овладевании моральными нормами развивается и изменяется в процессе формирования личности. Ее относительная доля и ее роль различны на различных стадиях социализации [119]. Вначале она является основным способом формирования духовной жизни ребенка, введения его в мир «добра и зла», а затем сужается и затрагивает только некоторые стороны поведения зрелой личности. Существенно изменяется содержание подражания и участие личностной мотивационной сферы в нем. От слепого копирования отдельных действий оно переходит в сознательное принятие определенных норм и ценностей. Важная особенность процесса подражания состоит в том, что эти нормы и ценности в отличие от обучения воспринимаются через образ конкретного носителя (действие, поступок, мимика, одежда), который опредметил какую-то ценность, и она в зависимости от личного опыта и ситуации становится желанной, нужной для подражающего.

В отличие от подражания идентификация — более сложный процесс, при котором личность воспринимает другого человека как целостность, усваивает основные черты его психологической структуры, а не только отдельные способы поведения, чувства, настроения или идеи.

Взрослый человек может идентифицировать себя с героями литературных произведений, с людьми, которые пользуются уважением и симпатиями общества. В результате этого усваиваются некоторые общие нормы, ценности, способы восприятия и оценки. Путем *интроекции* (перевоплощения в личность другого человека)

---

[119] В литературе указывается на четыре стадии социализации: 1) ранняя или первичная социализация (от рождения до поступления в школу); 2) обучение (от поступления в школу до завершения общего и профессионального образования); 3) социальная зрелость; 4) завершение жизненного цикла (с момента прекращения постоянной трудовой деятельности в рамках официальной организации). Эти четыре стадии в общих линиях соответствуют принятому возрастному делению на детство, юношество, зрелость и старость. (См.: Я. И. Гилинский. Стадии социализации индивида. — В: Человек и общество, IX, ЛГУ, 1971, с. 48.)

усваиваются многие общие черты, присущие данному обществу, передаются новые способы ви́дения и оценивания. Путем *проекции* (переноса черт своей личности на окружающих) человек узнает очень много о себе и о других людях, осознает общие оценки. Идентификация связана с любовью, авторитетом. Ребенок идентифицирует себя с теми, кого он любит, кто в его глазах пользуется большим авторитетом [120].

Доминирующий элемент в нравственном подражании — личный пример. Это обусловливает как его связь с характером межличностных отношений в группе (коллективе), так и его силу, потому что, как еще подчеркивал Белинский, «сфера нравственности есть по преимуществу сфера практическая, а практическая сфера образуется преимущественно из взаимных отношений людей друг к другу» [121] и в этой сфере «примат нравственного или безнравственного» заключается не в том, как человек рассуждает о нравственности, а в том, какой системы, какого учения или нравственных категорий он придерживается. Решающее тут — *личный пример, конкретное действие.*

В детском возрасте благодаря высокой подвижности и гибкости нервной системы подражание личному примеру родителей, окружающих ребенка близких людей играет решающую роль в формировании эмоциональных и нравственных характеристик индивида. Но и на этом этапе воздействие личного примера органически связано с постепенным осознаванием социальных требований, норм и санкций, которые идут со стороны общественных институтов. Человек начинает подражать не только тому, что есть, но и тому, что должно быть. И чем более он отдаляется от детского возраста, тем больше в его подражательную деятельность начинают вмешиваться два фактора: а) корректирующая роль специфических социализирующих институтов (учебные заведения, производственные, политические и другие организации) и б) собственная система ценностей, установок, идеалов и т. п.

---

[120] См.: Б. А. Ерунов. О социальной психологии познания и оценок. — В: «Социальная психология и философия», с. 93.

[121] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 7, с. 392.

По мере развития личности спонтанно-подражательный момент все больше вытесняется сознательной творческой активностью, внутренне мотивированными вариантами действий, но интериоризация моральных ценностей имеет некоторые особенности, которые сохраняют действие социально-психического подражания на всех фазах развития человека. Нравственное воспитание органически вплетено в повседневную деятельность и общение людей. Его результаты не фиксируются документально. Кроме того, усвоение моральных норм, формирование представлений о добре и зле, о чести и справедливости, о долге и ответственности осуществляются без детально регламентированных программ.

Несмотря на огромную роль специально предназначенных для этого социальных институтов — детских учреждений, школ, средств массовой информации и др., — которые воспитывают людей в соответствии с принципами моральной системы, конкретный процесс нравственного воспитания и самовоспитания всегда протекает по схеме: мотив действия — реализация мотива через определенное действие — результат этого действия — оценка окружающих (одобрение, порицание). Поскольку участниками этой «схемы» являются живые люди, то подражательный момент нельзя игнорировать. Исследования Долларда и Миллера показывают, что имеются четыре группы людей, вызывающих особо сильное стремление к подражанию; 1) лица более старшего возраста (что особенно относится к детям); 2) лица, имеющие превосходство по социальному рангу, 3) лица с подчеркнутым интеллектуальным превосходством и 4) лица с превосходством в практических умениях в данной области.

Особое влияние на реализацию моральных требований оказывает *коллективная подражательность,* которая проявляется в трех формах: индивид подражает коллективу, коллектив подражает индивиду или же коллектив подражает коллективу. В буржуазной социальной психологии (Г. Тард, Г. Лебон, Н. К. Михайловский) масса рассматривается как слепая и инертная сила, которая движется полностью по законам подражания. Ее деятельность объясняется подражанием героям и вождям. «Толпой мы называем массу, способную

увлечься примером»[122]. Один из основных механизмов сбщения и взаимодействия — подражание масс герою и взаимоподражание в толпе. Подражание — это стремление и способность человека соответствовать окружающим его. Михайловский различает: а) автоматическое (неосознанное) и б) осознанное подражание. Неосознанное подражание более характерно для массового поведения. Склонность массы к автоматическому подражанию объясняется ее более легкой внушаемостью и силой (авторитетом) героя. Герой — это центр, аккумулирующий умственную и нравственную энергию толпы, ее мозг. Бессознательное подражание есть лишь необходимое дополнение к сознательной деятельности людей.

Марксистская социальная психология считает, что подражанием между личностью и коллективом, а также межколлективным подражанием нельзя объяснить сущность социального взаимодействия. Его роль в нравственных отношениях зависит от зрелости коллектива, от его места в жизни личности.

Социально-психическое подражание действует через убеждение и через внушение. Если убеждение затрагивает осознание моральных требований, превращение их в мотивационный фактор поведения, то внушение выражается в непосредственном и не всегда осознанном восприятии идей, чувств, эмоций и других психофизических состояний. «Внушение, — пишет В. М. Бехтерев, — сводится к непосредственному восприятию определенных психических состояний одним лицом от другого лица, которое совершается без участия воли (внимания) воспринимающего лица и нередко даже без ясного сознания с его стороны»[123].

Внушение — это особое психическое заражение, которое проявляется особенно сильно при отсутствии сопротивления со стороны личностной сферы или при пассивном, некритическом отношении человека к предмету внушения. *Чем выше самоопределение личности, чем прочнее у нее сформированы нравственные уста-*

---

[122] Н. К. Михайловский. Герои и толпа, Полн. собр. соч., т. 2, Спб., 1914, с. 97.

[123] В. М. Бехтерев. Внушение и его роль в общественной жизни, Спб., 1908, с. 13.

новки и принципы поведения, тем самостоятельнее она относится к воздействующим на нее факторам. Поэтому реализация моральных норм опирается на убеждение, а не на автоматическое заражение и внушение. Оно содержит различной степени осознанность. *Нравственное самоопределение личности осуществляется путем сложного взаимодействия убеждения, примера-подражания и внушения.*

В процессе общения осуществляются не только постоянное взаимное связывание поступков с позициями и ценностными ориентациями группы, но и акты внушающего воздействия.

Определенные эталоны поведения, конкретные личностные качества, групповые оценки и т. п. проникают в психику человека не только через «парадный вход», а непосредственно и через «черный ход» как непроизвольное принятие тех или иных связанных с ними психических состояний. В свете современных психологических взглядов выражение «парадный вход» означает прочную мотивационную сферу человека и связанную с нею логическую переработку внешних воздействий.

Убеждение предполагает логическое мышление, активное внимание, участие эмоционально-волевой деятельности, а внушение как непосредственное воздействие проникает незаметно, мимоходом, при слабом участии внимания. Но это непосредственно внушающее воздействие не оторвано от иерархии мотивов и убеждений. Напротив, его охват, глубина и способ действия зависят от прочной мотивационной структуры, которая как раз и регулирует течение ассоциаций, определяет активность восприятия. *Эффект внушающего нравственного воздействия зависит от участия «личной сферы» психики.* Только то, что воспринимается через активное внимание, что перерабатывается эмоционально и рационально человеком, может стать достоянием его нравственной культуры.

В отличие от подражания внушение осуществляется посредством воздействия речи. Язык — основное внушающее средство. Нравственные отношения — это своеобразное взаимодействие между моральными нормами (синтезированным нравственным опытом), их языковым выражением и поведением личности (коллектива). При этом взаимодействии язык есть не постороннее, нейтральное «присутствие», а активно воздействующая сила.

Человеческое поведение детерминируется социальным опытом, синтезированным и интегрированным в языке посредством мышления. Нравственный опыт находит свое оценочное выражение в нормах поведения, которые высказываются посредством изречений о должном («Не кради!», «Будь честен!», «Люби свою родину!» и т. д.). Это обстоятельство определяет относительное различие между подражанием и внушением и особую роль последнего в вербальном нравственном воздействии на поведение.

«Внушение, — пишет Б. Ф. Поршнев, — осуществляется почти только через речь, то есть его механизмом является слово. Напротив, подражание в общем является подражанием действию, поступку, мимике и пантомиме, одежде и лишь в качестве частного подражательного акта выступает речеподражание — будь то совсем непроизвольное (эхолация), будь то под контролем сознания. Иначе говоря, внушение специфически человечно, подражание восходит к физиологическому явлению, общему для всех высших животных, хотя и может принимать специфически человеческое направление» [124].

Словесное внушение приобретает действенность и широкий охват в условиях полного и безоговорочного доверия, когда существуют сплоченность коллектива (группы), взаимопонимание, совместимость и симпатии между общающимися лицами. Невнушаемость означает, в сущности, недоверие. *Чем выше моральный авторитет группы, тем сильнее его внушающее воздействие.*

Доверие возможно, когда 1) существует единство убеждений внушающего и внушаемого (чем объясняется и относительное ослабление критичности к воздействию); 2) налицо имеется единство между словами и делами, между внушенными представлениями и действиями. Если внушаемые представления расходятся с конкретными действиями внушаемого лица или если они противоречат побуждениям внушаемого лица, то возникают сопротивление и защитная реакция, которая блокирует спонтанное действие этого социально-психического явления.

Как подражание, так и внушение — не проявления врожденных «имитационных инстинктов»; они включены в сложный процесс «наследования» нравственного опыта,

---

[124] Б. Ф. Поршнев. Социальная психология и история, с. 137.

который опредмечен в конкретной практической деятельности людей. Социальная наследственность — основной фактор формирования человечества. Основные социальные черты человека, его «человечность», коллективизм, его понимание добра и зла, правды и лжи, чувство красоты и пр., все это — продукт исторического развития, все это передается с помощью социальной наследственности.

«Духовное развитие не записывается в генах. Оно фиксируется в социальной программе. Социальная программа передается путем воспитания, она усложняется и развивается с каждым новым поколением. Материальными носителями биологической наследственности являются гены, лежащие в молекулах нуклеиновых кислот. Носителем социальной наследственности является человек с его сознанием, вернее, духовное богатство человека, которое только путем воспитания может быть передано следующему поколению» [125].

Социальное наследование включает как сознательные, так и несознательные формы и средства. Современная психологическая наука признает наличие ряда действий (в том числе не только ограниченных производственно-технических навыков, но и сложных моральных действий), которые объясняются неосознанными психическими процессами. В реализации моральных норм участвуют и неосознанные формы подражания и внушения, которые играют особенно большую роль в выработке привычных форм поведения. *Привычка — это такое действие, элементы которого при систематическом повторении остаются одними и теми же и воспроизводятся в однотипных ситуациях.* Привычка есть необходимое условие включения индивида и его деятельности в систему общественных связей и отношений. Овладение определенной социальной ролью означает использование утвердившихся уже шаблонов действия, способа жизни и т. п.

Нравственное поведение — это сочетание привычек и сознания, стереотипности и творчества. Нравственные привычки могут сформироваться как сознательно, так и спонтанно, незаметно для самого субъекта, через

---

[125] Н. П. Дубинин. Социальное и биологическое в современной проблеме человека. — «Вопросы философии», 1972, № 10, с. 51—52.

подражание часто повторяющимся ситуациям. Осознание всякого поступка включает различные моменты, более важными из которых являются: 1) осознание мотива; 2) осознание предмета действия; 3) осознание средств или орудий действия; 4) осознание последствий действия. В зависимости от того, что именно в поступке не осознано, в психологической литературе говорят о различных степенях осознания поступков [126].

Неосознанные формы подражания также социально обусловлены и также протекают под контролем сознания. Неосознанность означает, что мотив подражания предварительно не осознан, что однотипная, привычная ситуация не требует нравственных «размышлений», принимается спонтанно из-за ее соответствия уже созданной субъектом подражания ценностной ориентации. Вмешательство сознания происходит в тех случаях, когда объект подражания вызывает сомнение, например при неодобрительной реакции со стороны окружающих, при повышенной потребности в самоанализе, при неясных, непривычных ситуациях, в которых воздействующий образец поведения оказывается неудачным и т. д. Словом, *неосознанное подражание действует тогда, когда человек не принужден учитывать мотивы подражательной деятельности и когда он уверен в ее адекватности ситуации.*

Потребность в осознании мотива или средства деятельности возникает только тогда, когда стереотип поведения вызывает какое-то «недоразумение» (расхождение) с функционирующими в группе моральными нормами. Положительная роль неосознанного подражания заключается в том, что оно освобождает сознание от решения более сложных нравственных проблем.

Спонтанное принятие привычных форм морального поведения показывает, что эти привычки согласуются с сознательными установками субъекта, не противоречат его ценностной ориентации. Следовательно, неосознанное подражание находится в единстве с прочно осознанными моральными принципами поведения. Оно действует в тех

---

[126] См.: В. Ф. Бассин. Проблема «бессознательного», М., 1968, с. 363.

случаях, когда не требуется профилактическое вмешательство морального самоанализа.

«Неосознаваемые формы нравственной деятельности обладают относительной самостоятельностью. Основное внешнее отличие этих форм поведения от осознаваемых заключается в том, что если осознанная регуляция поведения связана с определенным условием, мыслительным напряжением, то неосознаваемая нравственная регуляция осуществляется непроизвольно, как бы сама собой. И в этом смысле ее можно назвать саморегуляцией» [127].

Подражание и внушение могут быть средством конформизма, то есть автоматического, слепого следования за поведением большинства, а также средством самоутверждения личности. Это зависит как от воздействия группы, так и от «критической функции» собственного сознания человека, от его «внутренних условий», через которые преломляется воздействие.

Как субъект нравственных отношений личность характеризуется избирательным отношением к коллективному опыту и сознанию, критическим отношением к поступкам других людей и ориентацией на наилучшие из них. Морально развитая личность не приспосабливается к среде, к ожиданиям других, а действует в согласии со своими внутренними принципами. Поэтому и реализация норм не может основываться только на спонтанном примере, на «следящих глазах» группы, а требует «внутренней работы» со стороны субъекта. Мораль, опираясь на такие механизмы, как подражание и внушение, формирует нравственный облик человека «его собственными руками», а не через внешнее воздействие, то есть мораль предполагает, что нормативные требования стали такими требованиями, которые личность сама предъявляет к себе.

Следовательно, воздействие на нравственное поведение зависит от того, насколько подражание, внушение и другие формы социально-психического «натиска» имеют своим союзником собственную нравственную деятельность человека. Многие исследования убедительно по-

---

[127] Б. О. Николайчев. О неосознаваемой нравственной регуляции поведения личности. — В: Моральная регуляция и личность, МГУ, 1972, с. 184.

казывают, что в зависимости от характера внутриколлективных отношений и от степени их личностного осознания и самооценки значительно варьируют способы и эффективность социально-психического воздействия.

В исследованиях В. Ф. Сафина, выполненных с помощью модифицированных методик С. Аша и Р. Кратчфилда, выясняется, как изменяется система оценок личности (самооценка и оценка окружающих) под воздействием группового мнения. Динамика самооценок и «взаимооценок», обусловленная характером группового мнения, опосредствуется таким личностным качеством, как градация «внушаемости — устойчивости». Исследуя динамику оценок как в несущественных для личности ситуациях, не сопровождающихся самоутверждением через систему ценностей, так и в значимых ситуациях, требующих оценки и самооценки морально-волевых черт личности, В. Ф. Сафин сопоставлял степень внушаемости, проявленную при обоих положениях одними и теми же лицами, и установил наличие корреляции между ними. При этом асуггестивные в большинстве случаев не принимают мнение группы и действуют самостоятельно. Асуггестивные, полностью принявшие позиции и оценки группы, продолжают и впредь придерживаться их даже и в тех случаях, когда всякое воздействие группы уже отпало. Занимающие промежуточное положение (большинство исследованных лиц) принимают оценки группы, но возвращаются к своим прежним оценкам, как только отпадает групповое влияние.

Личностная градация «внушаемости — устойчивости» является своеобразным механизмом, который опосредствует внутригрупповое воздействие. От нее зависит характер и уровень самоопределения личности в группе, то есть активная позиция человека по отношению к общности, в которой он реализует себя как личность и которая является для него как бы социальным зеркалом его личностных качеств[128].

Не всякое следование групповому мнению можно рассматривать как проявление внушаемости или конформизма. То обстоятельство, что два индивида действуют в

---

[128] См.: А. В. Петровский. К проблеме самоопределения личности в группе. Тезисы докладов к XX Международному психологическому конгрессу, М., 1972, с. 152.

согласии с коллективом, еще ничего не говорит о психологической природе этого согласия. Как показывают исследования И. А. Оботурова, в одном случае согласие есть продукт осознанного конформистского намерения избегать конфликтов с коллективом, в другом случае оно есть несознательно сформировавшаяся установка принимать позицию группы (внушаемость), а в третьем — согласие есть результат совпадения мотивов личности с целями и ценностными ориентациями коллектива. Как показывает конкретный эксперимент, фатальное для конформистской личности давления группы вовсе не является решающим обстоятельством для поведения многих людей, если это воздействие совпадает с теми ценностными ориентациями группы, которые усвоены и одобрены данной личностью. Коллективизм как нравственное качество предполагает такое самоопределение личности по отношению к коллективу, которое построено на глубоком осознании и внутреннем принятии ценностей, норм и идеалов этого коллектива.

Самоопределение личности в группе возникает в результате осознания межличностных отношений и зависит от соотношения «стихийная группа — сформировавшийся коллектив». В диссертации и экспериментальных работах В. А. Бакеева, где исследуются психологические механизмы внушаемости, раскрыты условия, способствующие или препятствующие самоопределению личности. Они показывают повышенную внушаемость у исследованных лиц под влиянием мнений неорганизованных групп, а также то, что индивид имеет пониженную внушаемость к мнению уже сформировавшегося коллектива, в котором ему легче осуществить самоопределение. Зная очень хорошо всех членов коллектива, он сознательно и избирательно реагирует на мнение каждого, ориентируется в отношениях, создавшихся в ходе совместной деятельности. Наряду с этим В. А. Бакеев раскрывает роль волевых механизмов у личности в деле сознательного саморегулирования поведения. Если на неосознанном уровне поведения мы имеем дело с градациями «внушаемость — устойчивость», «подчиненность — автономия» по отношению к группе, то при подлинном самоопределении человека в коллективе действует сознательная саморегуляция деятельности. Волевой акт — это сознательный выбор, не

имеющий ничего общего с конформистскими реакциями [129].

Различные формы социально-психического воздействия имеют своей основой авторитетность, которую можно рассматривать как синтез или интегральное проявление основных функций социальной психики. *Авторитетность — это не что иное, как взаимовлияние человека на человека, основанное на полном и абсолютном доверии, на добровольном подчинении чужой воле.* Авторитетность как социально-психический феномен означает: а) специфический способ регулирования и направления поведения людей посредством ненасильственного (непринудительного) влияния, которое оказывают на них отдельные лица, социальные группы или общественные институты; б) отношения между субъектом — носителем авторитета и признающими его людьми.

В зависимости от сферы общественной жизни, в которой проявляется авторитет, и от способа, которым осуществляется влияние, можно различать экономический, правовой, моральный, профессиональный, научный и другие виды авторитета. Но во всех случаях явление авторитетности следует отличать от других видов зависимостей — власти, авторитарности, административно-служебной зависимости и т. п. Иногда неправильно отождествляют авторитет и авторитарность, которые являются различными вещами. Главное различие между авторитетом и властью можно выразить так: чужая воля — доверие — подчиненность — авторитет; чужая воля — принуждение — подчинение — власть!

Основное в авторитетном отношении — добровольное переживание зависимости от чужой воли, особая настроенность между носителем авторитета и признающим его лицом. Авторитарность означает право приказывать и право исполнять приказанное. Между субъектом, который приказывает, и тем, кто исполняет, нет отношения добровольного подчинения. Чужая воля навязывается, но не принимается. Приказывающий не интересуется ничем иным, кроме как подчинением, а подчиняющийся не интересуется тем, почему отдаются именно такие приказы. *При авторитарности доминируют запрещение и*

---

[129] См.: Тезисы докладов к XX Международному психологическому конгрессу (13—19 августа, Токио), М., 1972, с. 152—153.

приказ (интердиктивная и императивная функция), не связанные между собой механизмом взаимного доверия.

Огромную роль в жизни общества играет моральный авторитет. Моральное регулирование в отличие от правового или экономического не имеет особых «материальных учреждений», которые его обеспечивают. Оно опирается на добровольное «подчинение», то есть на авторитет, на духовную власть, на моральные ценности человеческого сознания.

Однако моральный авторитет следует отличать не только от авторитарности, но и от социально-психического явления авторитетности.

Любое авторитетное отношение между людьми есть социально-психическое, но не всегда нравственное отношение. Социально-психический элемент относится к механизму взаимовлияния и взаимоподчинения, к особому отношению между «чужой волей» и теми, кто добровольно ей подчиняется. Нравственность касается содержательной стороны взаимовлияния. Сама по себе социально-психическая авторитетность может утверждать различные ценности (религиозно-сектантский фанатизм, расовое мракобесие или высокие нравственные добродетели). Авторитет может усиливать и закреплять в принципе любые побуждения и действия, следовательно, как полезные, так и вредные для общества. Он может передавать качественно противоречивую регулятивную информацию от общности к индивидуальному сознанию — моральный авторитет есть духовная власть прежде всего нравственного идеала, который конкретизируется в нормах и принципах.

Отсутствие специальных каналов для передачи нравственной информации, отсутствие специальных институтов, кодифицирующих моральные нормы и осуществляющих контроль за их соблюдением, придает особое монопольное положение авторитету в нравственной области. Тут он действует в своем «чистом» виде.

Моральное регулирование не имеет иного союзника, кроме социально-психических и идеологических факторов *Если административные нормы и правила могут воздействовать путем принуждения со стороны госу-*

дарства и его органов, то моральные нормы черпают свою принудительную силу исключительно в авторитете содержащихся в них ценностей. Различие между социально-психическим и моральным авторитетом обусловливается как содержанием моральных норм, так и особым способом их функционирования. Если в сфере социальной психики авторитет персонифицирован, то есть действует в форме конкретного личного примера или как авторитет определенной социальной группы, то моральный авторитет может быть и безличным. Сила и власть моральной нормы заложены в ней самой. Ее авторитет имеет «идеальный» характер, который суммарно выражает интересы определенного класса или всего общества как добровольную самообязанность личности.

3. Стыд, совесть и общественное мнение

Мораль и общественная психика — носители своеобразной санкционирующей информации, которая осуществляет *социальный контроль* за поведением личности. Все еще в сознании многих людей понятие «социальный контроль» ассоциируется с особыми, «видимыми» формами контроля, осуществляемого специальными государственными или общественными органами (правовыми институтами, административными органами, комиссиями государственного контроля и т. п.). Однако как общественное явление социальный контроль имеет значительно более широкую сферу действия, гораздо более сложные нравственные и социально-психические компоненты.

Социальный контроль — это исторически сформированная или специально установленная система санкций общества (класса), посредством которой поведение индивидов или групп подчиняется социальной общности, приводится в соответствие с интересами социального целого. Любая система социального контроля предполагает, *во-первых,* наличие определенных общественно значимых стимулов деятельности (цели, идеалы, ценности) и, *во-вторых*, определенную систему социальных норм, регулирующих отношение людей друг к другу, к государству и к существующим классам (со-

циальным группам). Если нормы формулируют определенный тип должного поведения и очерчивают границы допустимых его вариантов, то социальный контроль обеспечивает соблюдение этих норм членами общества. Основная функция контроля — стабилизация системы, сохранение ее качественной определенности, содействие ее совершенствованию и достижению того или иного полезного эффекта.

Характерный признак любой сознательной деятельности (индивидуальной или групповой) — осуществление определенной программы, служащей моделью будущих действий. Поведение личности всегда содержит три основных элемента: а) фиксацию определенной социальной программы в сознании; б) реализацию программы и в) контроль за реализацией. Эти компоненты взаимосвязаны, но определяющее значение имеет характер программы, поскольку ее структура содержит и конкретные способы регуляции и контроля. *Социальный контроль — это своеобразная корректировка индивидуальных действий сообразно типу действующих в данной социальной системе программ.* Он охраняет ту «свободную зону» для варьирования поведения, вне которой нарушается оптимальное функционирование системы.

Социальный контроль проистекает из того обстоятельства, что любая человеческая деятельность имеет совместный, кооперативный характер, требующий объединения усилий многих людей для достижения определенных социально значимых целей. Но эти цели могут осуществляться только при соответствующей организации и координации как в пределах отдельной личности, так и в масштабах всего общества. Коллективный труд — это, по существу, совместно включенные подпрограммы, носителями которых являются отдельные члены этого коллектива. Весь коллектив реализует соответствующую общую (сборную) программу, которая в свою очередь определяется задачами общества или класса. Чем точнее отдельный член коллектива выполняет свою задачу (подпрограмму), тем лучше выполняется совокупная программа, тем лучше результаты труда коллектива. Вот почему любая область совместной человеческой деятельности, в которой возникает потребность в организации для решения опре-

деленных задач, неизбежно порождает процедуры контроля, посредством которых отклоняющееся поведение приводится в соответствие с требованиями. Социальный контроль выражает потребность в поддержании самой социальной системы в качестве координированного, интегрированного целого.

«Исходные и фундаментальные проблемы, с которыми сталкивается любое человеческое общество,— пишет советский социолог Э. С. Маркарян,— можно выделить в две основные группы: группа проблем, выражающих непосредственные потребности людей, и группа проблем, выражающих потребности поддержания самой социальной системы в качестве координированно функционирующего, интегрированного целого. И если под этим углом зрения проанализировать человеческую деятельность в целом, то мы убедимся, что заложенная в ней основная программа соответствует выше данному делению, т. е. все основные виды человеческой деятельности так или иначе направлены на решение, с одной стороны, проблем, выражающих удовлетворение непосредственных потребностей людей, а с другой,— проблем, выражающих потребность поддержания самой социальной системы»[130].

Все формы социального контроля имеют своим объектом отношение личности (группы) к интересам и судьбе других людей. Чем больше поведение затрагивает группу, коллектив или социальную общность в целом, чем больше угрожает их нормальному функционированию или чем больше какие-то действия необходимы для общности, тем сильнее контроль со стороны целого[131]. Формы социального контроля соизмеряют поступки с общественными нуждами и задачами. Субъект контроля — отдельная личность, коллектив, институт или общественная организация — исходит из некой идеальной «модели» человека (идеалов, норм, ценностей), из того, каким его желает видеть общность и сообразно этому оценивает, как он реализует общественные требования в своем поведении.

---

[130] Э. С. Маркарян. Очерки теории культуры, Ереван, 1969, с. 139.

[131] См.: Ян Щепаньский. Элементарные понятия социологии, М., 1969, с. 103.

Возникновение и дифференцирование различных форм социального контроля, в том числе и морали как регулятивной системы, связано с возрастанием вариантности человеческого поведения, с развитием способности к самостоятельному выбору решения при альтернативных возможностях поступить так или иначе. Контроль предполагает такие формы человеческого поведения, которые могут быть изменены путем сознательно-волевых усилий человека и поэтому в определенных границах зависят от него. В. И. Ленин подчеркивает, что «идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»[132].

Тот факт, что социальный контроль возникает и существует как способ преодоления противоречий между личностью и обществом, не означает, что он является однонаправленным воздействием, что личность не заинтересована в нем. Маркс, рассматривая в чисто теоретическом аспекте роль закона, пишет, что «юридически признанная свобода существует в государстве в форме *закона*. Законы не являются репрессивными мерами против свободы, подобно тому как закон тяжести не есть репрессивная мера против движения: если в качестве закона тяготения он управляет вечными движениями мировых лет, то в качестве закона падения он убивает меня, когда я его нарушаю и пытаюсь плясать в воздухе. Напротив, законы — это положительные, ясные, всеобщие нормы, в которых свобода приобретает безличное, теоретическое, независимое от произвола отдельного индивида существование. Свод законов есть библия свободы народа»[133].

Свобода действий заставляет человека искать помощи общества для своего морального выбора и для своих нравственных решений. Эта особенность очень хорошо выражена Паскалем словами: «Чем бы человек не обладал на земле, прекрасным здоровьем и лю-

---

[132] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 159.
[133] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 62—63.

быми благами жизни, он все-таки недоволен, если он не пользуется почетом у людей. Он настолько уважает разум человека, что, имея все возможные преимущества, он чувствует себя неудовлетворенным, если он не занимает выгодного места в умах людей. Вот такое-то место влечет его больше всего на свете, и ничто не может отклонить его от этой цели; таково самое неизгладимое свойство человеческого сердца»[134].

Основной «клеткой» в системе социального контроля является санкция, которая означает меры или действия, предпринимаемые обществом (классом) для принуждения или поощрения индивида (группы) к исполнению социальных норм. Чтобы обеспечить такое состояние, при котором все люди выполняют предписанные им требования, общество принимает самые различные виды санкций — экономические (материальное вознаграждение или штраф), правовые (уголовная ответственность), разнообразные формы административного принуждения и общественного воздействия.

Санкция включает не только предписания и запреты, меры принуждения и нажим, но и целую систему для выражения признания, отличия, почестей; благодаря санкциям поведение индивидов или групп приводится в соответствие с принятыми образцами деятельности. В широком смысле слова санкция есть реакция общества или группы на поведение индивида в социально значимых ситуациях. Санкция поощряет или предотвращает то или иное поведение в соответствии с определенными требованиями. Санкции могут быть положительными (похвала, поощрение, награда) или отрицательными (презрение, насмешка, наказание), формальными или неформальными, скрытыми или открытыми. Во всех своих формах и разновидностях они связаны с обеспечением поведения в рамках норм или социальных экспектаций (ожиданий).

Существование определенных норм (общих или групповых) обусловливает и наличие ожиданий исполнения этих норм, определяет характер социальных экспектаций. Ожидания связаны с социальной позицией и ролью личности в обществе. Любая позиция —

[134] Цит. по: «Социология в СССР», т. 2, М., 1965, с. 414.

учителя, врача, директора предприятия, председателя профкома и т. п. — связана с определенными правами и обязанностями, на которых строятся социальные ожидания. Общество ожидает от каждого человека поведения, соответствующего его позиции. Оно санкционирует выполнение соответствующей социальной роли, то есть оценивает, как личность сообразуется с совокупностью требований, норм, образцов поведения. Занимая определенную роль, человек находится в центре какой-то системы социальных ожиданий, относящейся к нему (архитектор должен проектировать, ночной сторож должен бодрствовать на своем посту, студент должен готовиться к упражнениям, отец должен заботиться о семье и т. п. и т. п.). В основе этих ожиданий лежат нормы поведения, фиксирующие меру должного и регулирующие взаимоотношения между людьми. Понятие «социальные экспектации» означает именно ожидания выполнения тех норм, которые установлены в обществе или группе.

По способу существования и проявления санкций социальный контроль может быть формальным (институционализированным) и неформальным. В первом случае ожидания выражены в письменных правилах, инструкциях, указаниях и обеспечиваются специальными органами управления или контроля. Например, служебные функции директора или главного инженера зафиксированы в специальном положении, точно регламентирующем их права и обязанности. В то же время требования к ним как к воспитателям коллектива, к политическим деятелям существуют в неписаной форме. Они имеют более широкую социальную основу и не так точно регламентированы, как профессиональные требования.

Главная особенность неформального социального контроля за поведением человека состоит в том, что его осуществление не требует каких-либо официально утвержденных полномочий. Он основан не на должностном положении человека, а на его моральном сознании. Каждый человек, поскольку он обладает моральным сознанием, может быть субъектом социального контроля, то есть способен оценивать свои поступки и поступки окружающих. Каждый проступок, совершенный в коллективе (кража, обман и т. п.), является

субъектом неформального контроля — критики, осуждения, презрения. В зависимости от степени, в которой проступок затрагивает интересы коллектива, совершивший его может быть подвергнут одновременно и административной санкции — увольнение, служебное перемещение, судебное наказание. Однако сфера неформального контроля значительно шире. Под ее воздействие попадают не только совершенные действия, но и аморальные намерения и мотивы.

Наиболее важные «механизмы» неформального социального контроля — стыд, совесть и общественное мнение. Они определяют эффективность любого внешнего воздействия на личность. В них и через них наиболее ярко выражается взаимодействие морали и социальной психики как духовных регуляторов поведения.

Нормативно-оценочное воздействие опирается на особые психические явления у человека, которые выражают потребность в общественных санкциях поступков. Бесспорно, одно из важнейших и, к сожалению, наиболее слабо изученных явлений — это стыд. Во время стыда личность негативно переживает сознание своего неправильного поведения, оценивая его глазами других, то есть как к нему относятся или отнеслись бы окружающие его. «Стыд, — говорит Маркс, — это своего рода гнев, только обращенный вовнутрь» [135].

При состоянии стыда появляется реакция внутреннего гнева, вызываемая мнимым или действительным несоответствием поступков (своих и чужих) социальным ожиданиям других людей. Проявления стыда многообразны по форме и содержанию (от чувства стеснительности в обстановке незнакомой среды, от того, что тебя считают плохо одетым, до «сгорания от стыда» по поводу неуместного поступка или же вследствие необоснованного «ложного стыда»).

Однако при всех проявлениях стыда в основе его лежит опасение или сознание неприемлемости данной мысли, слова, факта действительности и т. п. для данных людей и больше всего для данного «мы», с которыми человек непосредственно и прочно связан.

---

[135] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 371.

Стыд характеризует не просто опасение за физическое самосохранение человека, но прежде всего опасение за его общественный престиж. Еще Платон различал два вида страха: 1) когда мы боимся какого-то угрожающего нам несчастья и 2) когда мы боимся плохой молвы о нас, то есть когда мы боимся сделать или сказать что-то нелепое. Именно второе есть то, что называется стыдом. Аристотель определяет стыд как страх бесчестия, как неприятное чувство, относящееся к такому злу, которое по нашим представлениям ведет к дурной славе. Согласно Гегелю, стыд содержит в себе реакцию на противоречие между моим собственным проявлением и тем, каким я должен и хочу быть, следовательно, это защита моего внутреннего существа против его неподобающего проявления наружу [136].

Чувство стыда — это социально обусловленное свойство личности. Оно отличается от совести тем, что имеет больше внешний характер — человек оценивает самого себя по критериям окружающих его людей. *Страх, стыд, совесть — это взаимосвязанные проявления прогрессирующей способности человека оценивать самого себя с точки зрения общества.* Они выражают способность человека быть субъектом и объектом самооценки, реализовать в самом себе общественное осуждение и одобрение. Через них общество воздействует на индивида.

Стыд — один из наиболее сложных аппаратов, регулирующих поступки людей в общественной среде. «Стыд, — пишет Б. Ф. Поршнев, — отнимает у личности ее социальный авторитет, направлен на ее негативизм, ставит ее в известной степени за рамки данной общности. Этические нормы коммунистического общества только тогда станут полностью психологией советского человека, когда их нарушение будет вызывать непосредственную, прямую реакцию стыда, когда подозрение в нарушении этих норм вызовет реакцию стыда, когда подозрение в нарушении этих норм вызовет искреннюю реакцию обиды. Недостаточно того, чтобы человек осознавал недопустимость и наказуемость кражи, а необходимо, чтобы ему было очень стыд-

---

[136] См.: Гегель. Соч., т. III, М., 1956, с. 121.

но, если его назовут вором. В свою очередь «стыдливость» есть сильное средство общественного воспитания»[137].

Стыд характеризует способность человека относиться к своим действиям так, как к ним отнеслись бы окружающие его люди. Стыд регулирует поведение человека сообразно требованиям социальной группы. Стыд — это «интериоризация» коллективных оценок тех или иных действий. Через стыд внешний надзор переходит во внутреннюю сферу человека. Как форма самооценки стыд мотивируется стремлением избежать неблагоприятных реакций окружающих людей, обеспечить «безопасность» в коллективе, получить внешнее одобрение действий. Эта человеческая способность есть исторический продукт, основа для выработки высших форм самоконтроля, необходимое условие морального регулирования. *Самооценивающая функция стыда — это своеобразное преломление в индивидуальном сознании требований, действующих в данной социальной среде.*

Сознание и чувство стыда показательно для отношения человека к мнению и оценкам группы, общества, в котором он живет. Как психологическое явление стыд ярко раскрывает зависимость и изменение индивидуальных переживаний в группе и через группу. Этот своеобразный психический механизм возникает в таком периоде развития первобытнообщинного строя, когда начинает утверждаться относительная автономия личности от коллектива, когда разрушается безличностный коллективизм и появляется самосознание человека.

Стыд предполагает определенную степень личного обособления, сознание собственного места в системе общественных отношений и на этой основе способность самооценивать свои действия, чувствовать личную ответственность за них. Исторически это становится возможным тогда, когда, *во-первых,* факт нарушения, неправильного действия, отклонения от обычая рассматривается уже не как коллективная вина и беда для племени, а начинает объясняться личной виной нару-

---

[137] Б. Ф. Поршнев. Элементы социальной психологии. — В сб.: «Проблемы общественной психологии», с. 191.

шителя; *во-вторых,* отклонение от устойчивых норм сопровождается осуждением и общественным наказанием; *в-третьих,* когда коллективное осуждение постепенно отделяется от физического воздействия и принимает на вооружение формирующиеся внутренние «стражи» человека — переживание вины, совесть — словом, «внутренние боли» за нарушение.

Изменения в общественных условиях приводят к росту индивидуально-ценностного сознания человека, к усилению личной свободы, а отсюда и к переживанию ответственности. Интересную картину этого продолжительного и сложного процесса раскрывает древнегреческий героический эпос. С постепенным исчезновением родовых связей, с усилением индивидуального выбора в действиях переживания неотвратимости судьбы сочетаются с переживаниями личной вины. Поэты и писатели все еще продолжают призывать людей терпеливо переносить несчастья и подчиняться воле богов, но они уже высказывают мнение, что при личных несчастьях уже не следует только полагаться на судьбу, а надо исходить и из внутренних свойств человека. Древнегреческие герои начинают страдать уже не только от гнева богов, но и от чувства стыда, вины и т. п. Они стыдятся себя, испытывают чувство личной вины. Этот процесс формирования самооценки у героев труден и противоречив. Они уже переживают чувство долга, свое личное призвание, осознают свою миссию и задачу перед родом и племенем, но в известном смысле они еще невменяемы, их действия неотделимы от судьбы, поскольку индивид еще не разорвал окончательно свои связи с родом.

Понятия стыда, чести, достоинства связаны с представлениями о славе и позоре, с внешним признанием заслуг или вины со стороны окружающих. Исследования германского героического эпоса также показывают, что уважение к племени и страх перед ним являются одними из самых важных стимулов индивидуальной деятельности, особенно для охотников, воинов и вождей. Позор связывается исключительно с отступлением от традиционно-племенных порядков, а слава — с проявлением воинских качеств во имя наследственно-родовой общности [138].

---

[138] См. подробнее: В. Ярхо. Эсхил, М., 1958, с. 28—32; А. Хойслер. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах, М., 1960, с. 56, 58, 75—76.

Стыд вырастает из эмоций, которые сопутствуют зависимости индивида от рода. Постепенно «внешний» стыд перерастает во внутренний. Социальное взаимодействие между людьми вместе с обособлением человека как самостоятельного субъекта этого взаимодействия формирует и индивидуальный психический механизм, через который общество воздействует на личность.

Обычно психологи рассматривают стыд как разновидность страха. Этики видят в нем одно из проявлений нравственного самосознания личности, морального чувства, в которых человек выражает осуждение своих действий, мотивов или моральных качеств. Бесспорно, стыд содержит страх перед осуждением окружающих нас людей, выражает опасение за неприятие каких-то наших действий, но он более сложное социальное образование, чем страх. Последний является кратковременной эмоцией или устойчивым чувством, которое порождается действительной или мнимой опасностью, угрожающей индивиду, страх может быть вызван несоциальными факторами (хищником, бурей), тогда как стыд всегда имеет социальный источник.

Страх проявляется как состояние беспокойства, угнетенности, мучительных переживаний, а также в стихийных или сознательных действиях, направленных на самосохранение человека. Конечно, и страх не есть чисто биологический феномен. Он социально обусловлен. Страх перед непонятными природными явлениями в первобытном обществе выражает зависимость человека от этих явлений, его неспособность контролировать их. Чувство страха имеет социальные корни — бесправие, неосознанные общественные закономерности; нависшая угроза голода, войны и т. д. В современном капиталистическом мире страх перед будущим непрерывно исходит из объективных экономических законов настоящего — безработица, страх перед разорением, расовая дискриминация и т. п. Наряду с этим страх также играл важную регулятивную функцию по отношению к социальному поведению (страх перед наказанием, перед силой власти, денег и т. п.).

Если стыд как форма социального контроля имеет больше внешний характер («Что скажут другие»), то совесть — проявление нравственного самосознания, чувства и суждения субъекта о своих собственных мотивах по-

ведения. Она относительно эмансипирована от внешнего воздействия. Совесть — это не только средство моральной интроспекции, самоанализа личности, но и важный мотивационный фактор. Глубоко выражая субъективную сторону морали, осознание и переживание нравственной ответственности, совесть служит источником активности, моральных побуждений к действию во имя общественных интересов. В ней непосредственно сочетаются оценочная и регулятивная функции индивидуального морального сознания.

Как ответственность, так и совесть немыслимы без самостоятельности нравственного выбора. В сущности, совесть — это самоосуждение мотивов и последствий поступков, когда они совершены по собственному побуждению. Это самоосуждение направлено не только на внешний результат поступков, но прежде всего на мотивы, вызывавшие их, и на те черты характера, которые оказались благоприятными для действия. Исходя из исторически выработанных представлений о добре и зле личность самооценивает собственные поступки. Поэтому Гегель рассматривает совесть как процесс внутреннего определения добра [139]. Она характеризует, насколько осознана личностью моральная ответственность и как она сама адресуется к собственным действиям. В этом смысле совесть есть глубоко субъективированная моральная норма, которая относительно автономна, эмансипирована от внешнего одобрения или неодобрения поведения.

Человеческая совесть формируется как результат осознанного отношения к добру и злу, которые социально обусловлены, и она сама есть продукт общественных отношений. Совершенно неправильно рассматривать совесть как первооснову морали или как неизменный антропологический принцип человеческой природы, как это делает Я. А. Мильнер-Иринин. На вопрос, из какого критерия следует исходить в нравственной деятельности по творческому преобразованию настоящего, автор отвечает: «Таким критерием является единственно совесть. Именно она — совесть человека и человечества — в каждом данном определенном случае подсказывает и цель и средства к ее реализации под углом

---

[139] Гегель. Соч., т. VII, М. — Л., 1934, с. 150.

зрения нравственного самосознания... Это нравственный закон, лежащий в основе всей нравственной жизни общества»[140].

Эта абсолютизация категории «совесть» ведет к противопоставлению должного и существующего и к априорному, внеисторическому объяснению функциональной роли совести в нравственном поведении. Как ответственность, так и совесть имеют социальный источник.

Совесть есть осознавание соответствия или несоответствия своего поведения объективно существующими моральными нормами, общественными требованиями. Ее специфика заключается в том, что она есть *личностная форма самоконтроля*[141]. Как самооценка и самоконтроль она формируется на основе общественно выработанных критериев и поэтому не может рассматриваться как априорный принцип нравственной жизни.

Фундаментальные понятия о добре и зле отражают определенные общественные интересы и программируют индивидуальное моральное сознание. Анализ совести как этапа развития этого индивидуального сознания показывает, что она есть закономерный результат интериоризации моральных требований, закономерного усложнения сознания и обогащения духовного мира личности. Сначала формируется чувство долга, морально ответственного отношения к обязанностям, к требованиям определенного коллектива. Эти требования выполняются под влиянием какого-то авторитета (отца, матери, учителя), под воздействием общественного мнения и т. п. Основную роль здесь играют еще не внутренние потребности, не самооценка (совесть), а внешняя оценка и внешнее воздействие. Нужен в какой-то форме (объяснение,

---

[140] Я. А. Мильнер-Иринин. Этика. Наука о должном. — В: «Актуальные проблемы марксистской этики», Тбилиси, 1967, с. 20.

[141] Эта особенность совести очень хорошо раскрыта Сомерсетом Моэмом: «В борьбе с человеческой личностью общество пускает в ход три оружия: закон, общественное мнение и совесть: закон и общественное мнение можно перехитрить (ведь только хитростью слабый одолевает более сильного); не случайно человеческая молва считает, что непойманный — не вор, но совесть — это предатель в собственном стане. Она сражается в человеческой душе на стороне общества и заставляет личность принести себя в жертву на алтарь противника».

пример, художественный образ) конкретный эталон — образец нравственного поведения.

Совесть возникает на основе накопленного нравственного опыта, уже созданных представлений о добре и зле, о справедливом и несправедливом и т. д. Первоначально самооценка возникает на основе оценок других и затем начинает сама влиять на оценочное отношение. Следовательно, совесть как самооценка нуждается в определенном уровне нравственного самосознания, в известном опыте нравственного оценивания извне и в умении прилагать его к собственным поступкам.

Прежде чем принять форму индивидуальной самоответственности (совести), нравственное требование существовало как форма (сторона) нравственных отношений, господствовавших в данном обществе и в данной микросреде. Характерная черта нравственных отношений — это нормативность и императивность, которые предъявляются субъекту прежде всего как внешнее требование, а затем это перерастает в самооценку и самоконтроль над своими поступками, действиями, мыслями и чувствами независимо от того, известны ли они другим людям, или нет [142].

Итак, совесть есть обобщенное отражение нравственного самосознания личности, сформированное в процессе ее индивидуального развития. Через нее внешние по отношению к человеку требования и нормы включаются в мотивационную сферу и становятся стимулами поведения. Долг и ответственность синтезируются в совесть, включаясь во «внутреннее устройство» личности.

Важную роль в формировании совести играют участие

---

[142] Интересные мысли в этом отношении развивает один из основателей социальной психологии У. Мак-Дауголл. Он различает четыре вида поведения или четыре последовательные стадии у каждого индивида, прежде чем он достигнет высшего уровня: 1. Стадия инстинктивного поведения, изменяющегося только под влиянием страданий и удовольствий. 2. Стадия, в течение которой действия инстинктов изменяются под влиянием поощрений и наказаний, налагаемых социальной средой. 3. Стадия, в которой поведение контролируется ожиданием похвал или порицаний со стороны общества. 4. Высшая стадия, когда действия регулируются таким идеалом поведения, при котором человек может поступать так, как он считает справедливым, независимо от похвал и порицаний со стороны окружающей его социальной среды (У. Мак-Дауголл. Основные проблемы социальной психологии, М., 1916, с. 133).

личности в определенных первичных коллективах, характер и особенности внутригрупповых отношений. Исследования показывают, что еще в раннем детстве совесть пробуждается и развивается в зависимости от взыскательности и взаимоответственности, существующих в семье. Нравственная безответственность в отношениях, как правило, порождает или же принижает самовзыскательность, развращает нравственное самосознание, притупляет совесть. Но, развиваясь под влиянием нравственных отношений в том или ином коллективе, совесть оказывает на них обратное влияние. Занимая свое место в «причинной цепи» индивидуального морального сознания, она становится не только внутренней «охраной» собственного поведения, но и средством укрепления нравственных отношений, усиливает чувство долга и ответственности.

Наиболее ярко оценочная и регулятивная функция совести проявляется в ситуациях морального конфликта, когда личность в силу сложившихся условий принуждена выбирать между различными нравственными ценностями и когда требуется жертвовать какой-то ценностью. При необходимости выбирать одну из ценностей ответственность и тяжесть падает на саму личность и тогда «заговаривает» совесть. Она или вмешивается в борьбу различных мотивов еще до совершения действия или же проявляется как ретроспективная оценка («самообсуждение») результатов действия. Во втором случае «выводы», сделанные этим внутренним судом, оказывают влияние на мотивацию последующих поступков. Но совесть сама по себе не есть «автомат для добродетелей», который действует независимо от разума и воли личности. Нравственный выбор, особенно в трудных, неправильных или конфликтных ситуациях, требует мобилизации всех духовных сил человека, его идейных убеждений, ценностных ориентаций и т. д.

Совесть, оторванная от мировоззрения, от идеологической позиции личности, может иногда оказаться плохим советчиком. Более того, некоторые побуждения совести могут вступать в противоречие с политическими и нравственными принципами общества (класса), особенно в периоды революционного переустройства, и оказывать вредное воздействие на принятие того или иного решения.

Важную роль в реализации моральных требований играет авторитет общественного мнения, которое можно определить как «законодатель» стыда и других форм самооценки. Общественное мнение возникает, формируется и функционирует как совокупность преобладающих оценочных суждений, выражающих отношение социальной группы к поведению и деятельности отдельных людей. Оно имеет характер коллективного суждения, которое зависит от господствующих в той или иной среде норм и ценностей.

Обязательный элемент любого коллективного суждения, которое претендует называться общественным мнением, — наличие положительной или отрицательной оценки данного явления. Мнение, объект которого — поведение личности, содержит: 1) оценку поступка, его мотива (намерения) или результата исходя из действующих в данной среде социальных норм; 2) предложение об изменении поведения, вариант хорошего, более целесообразного, с точки зрения группы, действия (если поведение полностью совпадает с требованиями окружающих, если оно не «дискуссионно», тогда оно не возбуждает различных «точек зрения» и не вызывает коллективного мнения-предложения); 3) эмоциональное отношение субъекта общественного мнения к поступку.

Мнение выражает не только оценку и предложение, но и убеждение, веру, знания. Именно эта противоречивая структура мнения лежит в основе его различных интерпретаций в философской и социологической литературе.

Известно, что для древнегреческой философии характерно противопоставление знания и мнения. Но еще со времени Платона пробивает себе путь и другая тенденция — рассматривать мнение как нечто среднее между знанием и верой, чьи свойства зависят от чувственной природы вещей, от их изменчивости. Мнение есть вероятностное знание, не обладающее всеобщностью и необходимостью истинного знания. В истории философии были попытки сближения мнения и веры (Д. Юм.) Социальная психология интересуется не только гносеологической природой общественного мнения, но прежде всего его практикополезной функцией в отношении человеческого поведения. Она рассматри-

вает мнение как носителя оценочных суждений и как форму активного отношения к явлениям с целью воздействовать на мысли, чувства и поведение личности. Отличительная черта оценочного суждения в отличие от фактического, при котором акцент поставлен на соответствие его содержания объективной действительности, заключается в соответствии суждения состоянию сознания субъекта, который его формулирует.

Нравственное сознание общества, класса или группы получает «видимость» актуальности и действенности в форме общественного нравственного мнения[143]. В мнении людей находит выражение их нравственное оценочное отношение к различным поступкам, к многообразным социальным явлениям. Когда эти мнения совпадают, то они взаимно укрепляются, становятся основой совместной деятельности и поведения людей.

Групповое (коллективное) мнение укрепляет стихийно формирующиеся нравственные отношения или сознательно «следит» за соблюдением общепринятых норм, приобщает к ним личность. Оно функционирует как совокупность преобладающих оценочных суждений, выражающих общее или преобладающее отношение членов группы к поведению и деятельности отдельных людей. Групповое мнение как компонент морального сознания возникает, формируется и проявляется в процессе общения, в результате повседневного обмена взглядами, убеждениями, чувствами между членами коллектива под определяющим влиянием господствующей моральной системы.

---

[143] Следует учитывать то обстоятельство, что понятие *«общественное нравственное мнение»* не совпадает полностью с понятием «нравственное сознание», хотя и тесно связано с ним. Оно отражает определенное состояние и действие общественного нравственного сознания. В этом понятии акцент поставлен не на специфической нормативно-оценочной функции нравственного сознания, а на его действенности, активности, подчеркивается его внешняя регулятивная роль. Сознание может быть и невысказанным, общественное же нравственное мнение всегда объективировано. Именно общественное нравственное мнение как актуальный феномен действует в качестве общественной силы, охраняющей, обеспечивающей нравственные нормы. «В общественном нравственном сознании норма осознается, во мнении она действует» (В. М. Коренков. Взаимосвязь этических категорий и механизм нравственного регулирования.—В: Проблемы и категории марксистско-ленинской этики, Новосибирск, 1969, с. 33).

Направляя и корригируя поступки и поведение в соответствии с требованиями окружающей социальной среды, групповое мнение способствует формированию определенных моральных качеств. Оно служит каналом для обратной связи и важным источником социально-психической и нравственной информации.

Групповое мнение воздействует на нравственное поведение: 1) отправляя моральные требования к личности; 2) фиксируя ее фактическое поведение в той или иной ситуации; 3) оценивая соответствие фактического поведения предъявляемым требованиям.

В чем кроется сила общественного мнения? Почему оно оказывает такое глубокое влияние на индивидуальное поведение?

Многие мыслители, сталкивавшиеся с этими вопросами, приходили к выводу, что стремление людей столь сильно сообразовываться с общественным мнением нельзя объяснить ни чисто «рациональными» основаниями, ни заботой о благосостоянии и материальной обеспеченности, ни страданиями или удовольствиями, которые они почувствуют в результате порицания или похвалы (гедонизма).

Воздействие общественного мнения может быть понято только через взаимосвязь общественного и индивидуального нравственного сознания. Его сила зависит от степени развития личностных (субъективных) форм моральных требований. Признанное или не признанное со стороны общественного мнения конкретное действие (мотив, намерение) затрагивает самочувствие и моральную репутацию личности. Силу общественного мнения можно объяснить посредством механизма таких нравственных явлений, как *честь* и *достоинство* человека. В понятии «честь» ценность личности связывается с конкретным положением человека в обществе, с признанием его нравственных заслуг. Ни один человек, будучи частицей общества, не может быть нейтральным по отношению к социальным оценкам его поведения. Признание, похвала или осуждение поступков окружающими влияет на самочувствие и самоуважение личности. Именно они заставляют человека быть особенно чувствительным к отношению других, сообразовываться с их мнением. *Общественное мнение связано*

с реализацией нравственной потребности человека в самоуважении.

Сила общественного мнения кроется в социальной природе личности. В нем и через него проявляются сила и авторитет определенных духовных ценностей, происходит дифференциация моральных требований применительно к конкретной ситуации. Регуляция путем одобрения или неодобрения является низшей в сравнении с мотивами «второго порядка» — совестью, потребностью в нравственном смысле действия, саморегуляцией в духе идеала и т. д. Бунт против локального общественного мнения, против ограниченных критериев «добропорядочности» показал, что личность руководствуется не только мнением окружающих людей, но стремится к идеалу, к тому, что должно быть.

При воздействии общественного мнения на поведение личности обычно проявляются два противоположных социально-психологических явления: *конформизм* и его антипод — независимость, самостоятельность личности. Под конформизмом социальная психология подразумевает приспособление, податливость личности групповому нажиму или установленному стандарту. Он проявляется там, где в случае различия между мнениями личности и группы индивид поддается, уступает групповому нажиму. «Понятие «конформизм» применимо только к определенному способу разрешения конфликта между индивидом и группой. Индивид подчиняется групповым стандартам и требованиям. Это подчинение может быть только внешним: индивид не изменяет свои взгляды, но не высказывает свое несогласие открыто, делая вид, что он принимает позиции группы (лицемерие). В таком случае, как только нажим прекратится или как только индивид освободится от контроля соответствующей группы, он начинает снова действовать согласно его личной установке. Значительно более сложна и глубока «внутренняя» конформность, когда человек под давлением группы меняет свое первоначальное мнение, усваивая мнение большинства. Причем не в силу убедительности аргументов (их может вообще не быть), а просто из боязни оказаться в изоляции»[144].

---

[144] И. С. Кон. Социология личности, М., 1970, с. 84.

Конформизм как психологическое явление надо отличать от некоторых других явлений, внешне похожих на него. Например, нарушение правил внутреннего распорядка на предприятии вовсе не является признаком независимости или самостоятельности, а тот, кто строго соблюдает эти правила, не может быть назван конформистом. Сознательное соблюдение правил социалистического общежития не означает «податливости». Чтобы дать морально-политическую оценку поведения человека, недостаточно знать, действует ли он в согласии с мнением коллектива или вразрез с ним. Решающее значение в данном случае имеет характер мнения, то есть выражает ли оно прогрессивные социальные потребности, а также общественное содержание конкретного поступка, его мотивы и последствия.

Необходимо также проводить различие между обоими видами конформизма — «внутренним», действительно выражающим согласие личности с мнением большинства, и «внешним», вербальным конформизмом, когда личность думает иначе, чем большинство, но скрывает свою истинную позицию. Последний вид конформизма связан с практикой «двойного мышления» — одно для себя, а другое для коллектива. Его предназначение состоит в том, чтобы обеспечить личности такие высказывания, которые не отделили бы ее от среды, в которой она находится. Социалистическая мораль осуждает отсутствие твердых убеждений, самостоятельных позиций, бегство от личной ответственности. Чаще всего за психологией конформиста кроется равнодушный индивидуалист, который стремится переложить ответственность за свою деятельность на кого-то другого.

Социальная психика воздействует на реализацию моральных норм и через ряд своих стандартизированных и стабилизирующих образцов или представлений о социальных объектах, которые называются социально-психическими эталонами (стереотипами). *Стереотипы аккумулируют взгляды, привычки, настроения, нормы, которые постоянно функционируют в данной социальной среде и которые усваиваются личностью непроизвольно, принимая установочный характер по отношению к ее поведению.*

Социально-психический стереотип — это прочно укоренившееся отношение группы или личности к однородным или похожим явлениям, фактам, событиям. Стереотипные понятия, оценки, закрепленные в сознании группы, являются синтезом общественного типа отражения повторяющихся свойств вещей. Они играют важную роль в нравственном поведении, облегчая ориентацию человека (имеют характер «решенной моральной задачи»). Стереотип — это единство двух взаимодействующих начал — знания и отношения, при доминирующей роли отношения. Однажды построенный как эмоциональное оценочное образование, он начинает «фильтровать» поступающую информацию, накладывать свой отпечаток на поведение. *Социально-психические эталоны и стереотипы играют в процессе общения такую же роль, какую играют алгоритмы и алгоритмические предписания в мыслительной деятельности.* «В основе социальных стереотипов находится реальный психологический феномен, представляющий один из компонентов установки восприятия, которая аккумулирует предшествующий опыт индивида в своеобразный алгоритм отношения к соответствующему объекту» [145]. Эта особенность стереотипов, возникших в процессе межличностного общения, придает им особое значение в нравственной области.

Моральный опыт общества кристаллизуется в формах различных социально-психических эталонов, стандартов, стереотипов. Благодаря этому сохраняется достигнутый уровень моральной культуры, что содействует ее воспроизведению и дальнейшему развитию. Более того, нравственные эталоны и стереотипы не только облегчают регуляцию, но и обеспечивают формирование определенного типа нравственной личности, поскольку они воспроизводят не только внешнюю сторону поведения, но и систему его ведущих мотивов. Вначале эти алгоритмы действуют как внешняя сила, основывающаяся на коллективном мнении, но в процессе их практического использования они постепенно переходят во внутреннюю структуру человека. Он инте-

---

[145] В. Ядов. Стереотип социальный. — В: Философская энциклопедия, т. V, М., 1970, с. 134.

риоризирует массовые формы поведения (нормы, эталоны, стандарты), и их соблюдение сопровождается переживанием «уравновешенности» со средой. Это становится необходимым условием эмоционального благополучия человека.

Однако нравственную норму не следует отождествлять с многообразными формами социально-психической стандартизации. Она всегда содержит образцы должного действия, содействует реализации «морального высшего» (идеала), тогда как социально-психический эталон в зависимости от особенностей среды может фиксировать и закреплять различные по содержанию оценки, взгляды, привычки и т. д. Нравственное поведение ориентируется не просто на наличный способ действия, а на требования идеала, которые могут быть различно представлены в конкретном стереотипе.

Если стереотип ослабляет критичность, вносит субъективную равнозначность в поведение, то мораль толкает на согласие не просто с существующим, но прежде всего с какой-то более высокой целью. Должное действует как предмет собственного интереса, как внутренняя потребность. Поэтому оно может восстать против стандарта, против наличных эталонов, когда они расходятся с требованиями морального сознания. Нельзя также забывать, что социально-психические стереотипы — это относительно самостоятельная форма, которая может носить в себе различное нравственное содержание. Очень часто национальные социально-психические стереотипы выражают совершенно другое нравственно-оценочное значение, чем то, с которым привыкли его связывать другие этнические группы или национальности. *Один и тот же нравственный смысл (одна и та же ценность) может получить различную социально-психическую стереотипизацию*[146].

Мораль и социальная психика — это два относи-

---

[146] Шведский путешественник Эрик Лундквист рассказывает, что однажды после богатой охоты на Новой Гвинее он обедал вместе со своим товарищем-европейцем и местными туземцами. Обгрызая кости дичи до половины, он подавал их старому туземному вождю, который с большим удовольствием доедал их до конца. Товарищ

тельно самостоятельных типа духовной регуляции человеческого поведения. Императивность морального воздействия (мой, твой, его долг поступать так-то и так-то) выражает: а) приоритет общественных интересов над интересами личности; б) стремление к реализации нравственного идеала. Императивность находит выражение в должном. Моральное воздействие на поведение, осуществляемое через нормы и оценки, рассчитывает не только на внешние социально-психические волевые санкции (наказания и награды, угрозы и духовное принуждение, благоприятные или враждебные реакции окружающих), но и на осознание моральной ценности, которую содержит «модель» того или иного действия. Его эффективность зависит от воли субъекта, от того, насколько он сам способен реализовать нравственные императивы. «Моральное сознание выражает долженствование «через себя», не отделяет свое представление о «долге» от того, как требуется поступать (данному субъекту или кому-либо еще). Кроме того, общее понятие долга присутствует здесь как *логическая форма,* деонтическая модальность мышления и как *обязующий способ* волеизъявления или мотива к действию, то есть как строй сознания и переживания морального субъекта» [147].

Иногда императивность нравственных требований рассматривают как депрессирующую силу, которая ограничивает импульсивную инстинктивную природу человека, водворяет страсти в рамки существующей «цензуры». Еще Ш. Фурье определял мораль как средство обуздания страстей. В последнее время говорят о так называемом «нормативном отчуждении» личности, которое лишает ее автономии, инициативы, которое

Лундквиста возмутился: «Ты обращаешься с ним, как с собакой!.. Швыряешь ему кости. Это же унизительно для него! А еще сам проповедуешь, что мы должны обращаться с туземцами по-человечески, так, словно они белые». Однако у папуасов не такие обычаи, как у европейцев. Поделиться своей едой считается у них высшим проявлением дружеских чувств; поэтому в том, что ему давали, как мы бы выразились, объедки, старый вождь усматривал не обиду, а знак дружеского расположения (Эрик Лундквист. Дикари живут на Западе, М., 1958, с. 340).

[147] О. Г. Дробницкий. Моральное сознание и его структура. — «Вопросы философии», 1972, № 2, с. 32.

преобразует все ее поведение в функционально-рациональное приспособление к происходящим общественным процессам. К нормативно-отчуждающим факторам некоторые авторы относят и систему моральных ценностей.

Например, югославский автор М. Живович в своей статье «Между двумя типами современной культуры» (Praxis, 1967, № 5/6) рассматривает мораль как «авторитарную культуру», являющуюся носителем гетерономных норм и ценностей, регулирующих поведение личности в рамках бюрократической структуры общества. Согласно автору, эта культура представляет собой систему ценностей, в которой человек определяется как рациональное животное, сознательно приспособляющееся к существующим условиям жизни и к существующей общественной среде. При такой культуре моральные ценности не содействуют тотальному развитию человека, а только ограничивают его свободу. Они несовместимы с человеческим счастьем.

Поскольку авторитарная культура, говорит Живович, проистекает из противоположности между личным и общественным и имеет целью сохранение этих противоположностей в рамках общественной структуры, а человек посредством этих авторитарных ценностей усмиряется, но не гуманизируется, то эта культура не приводит к гармонии между рациональным и эффективным, к гармонии между потребностями и долгом, достоинством и счастьем. «Право, мораль, социальная психика, религия и другие проявления общественных ценностей, — пишет М. Живович, — имеют ту культурную функцию, что они устанавливают баланс, уравновешивают противоположности между интересами, целями, склонностями и стремлениями личности, а также функцию определять меру в этих противоположностях, вытекающую из потребностей в сохранении макросоциальной структуры общества. Тут общественные ценности не разрешают конфликты в человеческих отношениях, они только их удерживают в состоянии относительного равновесия, усиливая дисгармонию в целях, преследуемых личностью, увеличивают пропасть в частной сфере жизни человека, его отчуждение».

Как видно, автор не интересуется качественно-содержательной стороной культурных ценностей и тем

более — специфическими особенностями морального воздействия на человека. Не вполне ясно, от каких культурных ценностей он защищает «природные импульсы» человека. Любая общественная система создает свой тип культурных ценностей, свою систему социальных норм.

Нормативно-оценочный характер социального взаимодействия проистекает из самой природы общественных отношений. Каждой общественно-политической формации присущ определенный тип социального контроля, который отражает господствующие общественные отношения и служит их поддержанию. Дело не в морали или в социальной психике вообще, а в том, чьи интересы они выражают, как содействуют всестороннему развитию личности.

Мораль — одна из сфер человеческой деятельности, в которой наиболее ярко проявляется индивидуальное богатство и своеобразная воля человека. Мораль — важная составная часть культуры, не только регулирующая, но и гуманизирующая поведение (конечно, это относится к прогрессивной, и прежде всего к коммунистической, морали, которая возвышает человека, а не к извращенной морали, основанной на индивидуализме и человеконенавистничестве). Что касается обязанностей человека перед обществом и другими людьми, зафиксированных в определенных нормах и ценностях, то они так же необходимы для него, как и его автономия.

Диалектика социального развития такова, что, чем больше возрастает обособление человека в самостоятельный объект действия и сознания, тем больше возрастают и его обязанности перед обществом, а следовательно, и моральные формы регулирования поведения. Нравственная свобода проявляется в выборе поступков, основанных на осознанной необходимости, на гармонии между индивидуальным и социальным как в пределах общества, так и у конкретной личности. Что касается отчуждения в области морали, то оно не является ее постоянной особенностью, а существует только тогда, когда имеется антагонизм между личными и общественными интересами. Именно тогда наблюдается и чисто внешнее, фиктивное приспособление к общественным требованиям, цинизм, фальшь и лицемерие классовой буржуазной морали.

С ликвидацией частной собственности и эксплуатации, с преодолением основных факторов экономического отчуждения, с утверждением и развитием социалистического общества как нового типа социальной общности качественно изменяется и зависимость личности от общества, преодолевается противоречие между индивидуальной и «родовой» сущностью человека. Социалистические общественные отношения качественно изменяют содержательную сторону морального регулирования, превращают его в необходимое условие расцвета человеческой личности.

Третья часть

КОЛЛЕКТИВ И НРАВСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Вопрос об особенностях малых социальных групп и коллективов в социалистическом обществе, о характере и динамике внутриколлективных отношений, о механизме их воздействия на нравственное поведение личности приобретает в наши дни не только первостепенное теоретическое значение, но и актуальный практический смысл. Развитие и совершенствование социалистических общественных отношений, дальнейшее развертывание социалистического демократизма, усиление морального стимулирования и регулирования поведения предъявляют новые требования к трудовым коллективам, значительно повышают их воспитательные функции.

Личность выполняет свои общественные обязанности с различной степенью социальной активности в зависимости не только от своих убеждений, мотивов, субъективных позиций, но и в зависимости от идейно-нравственных, социально-психологических и других отношений в коллективах, где протекает ее жизненная деятельность. Социально-психологический «климат» играет все большую роль в системе условий и факторов, содействующих успешному выполнению производственных задач, всестороннему развитию способностей и дарований, повышению социалистической сознательности людей. Развитие социальной однородности общества, а отсюда и уменьшение классовых различий в социальной психике, сокращение продолжительности рабочего времени и увеличение свободного времени, значительное

расширение непроизводственных видов деятельности (обслуживание, отдых, образование и др.), усиленная урбанизация (плотность общения) и ряд других факторов с особой остротой ставят проблемы взаимосвязи и взаимодействия личности с группой (коллективом).

Не случайно в докладе т. Тодора Живкова на Декабрьском пленуме ЦК БКП (1972 г.) «За последовательное выполнение решений X съезда БКП по повышению жизненного уровня народа» уделяется особое внимание тем факторам, которые связаны с формированием подходящего климата для творческого проявления человека. Вопрос о повышении роли трудового коллектива рассматривается как большой, принципиальный вопрос нашего движения вперед к коммунизму.

Наряду с производственно-трудовой функцией коллектива все большее значение приобретают его *социальные и воспитательные* функции. «Они, — говорит Тодор Живков, — должны быть направлены на совершенствование отношений в самом коллективе, на его укрепление как единой трудовой семьи, на создание психологического климата подлинной дружбы и товарищества, на воспитание человека-творца, человека с коммунистическими нравственностью и моралью»[1]. Пленум ЦК БКП указал, что дальнейшее развитие и совершенствование коллективов должно содействовать эффективному выполнению производственных задач, повышать образование и социалистическую сознательность людей, расширять сферу действия коммунистической морали, обеспечивать соответствие между уровнем научно-технического прогресса и организацией и деятельностью трудового коллектива. Для успешного выполнения этих задач и особенно для формирования такой морально-психологической атмосферы, которая максимально будет содействовать созданию коммунистического отношения к труду и людям, утверждать нравственные нормы и принципы в повседневном поведении, внедрять научное мировоззрение и т. п., необходимо, чтобы партийные, хозяйственные и административные кадры обладали соответствующими знаниями о

---

[1] Т. Живков. За последователно изпълнение решенията на Десетия конгрес на БКП за повишаване жизненото равнище на народа, с. 163.

личности и коллективе, о закономерностях, формах и средствах группового (коллективного) воздействия на духовный облик личности.

Участвуя в различных видах общественной деятельности, человек одновременно или последовательно становится членом различных групп (семья, школа, трудовой коллектив, товарищи, соседи и пр.), каждая из которых имеет свои особенности и предъявляет к нему определенные требования. Конечно, моральный облик человека, внутренние мотивы его деятельности и поведения формируются под воздействием макросреды, под влиянием общественной идеологии, но этот процесс всегда опосредствован взаимовлиянием людей в определенном коллективе. Даже влияние таких непосредственных форм общественного воздействия на личность, как идеологическое воздействие через печать, телевидение, художественную литературу, искусство, всегда в определенной степени зависит и от отношения к содержащимся в них идеям со стороны коллектива в целом или отдельных его членов, пользующихся у данной личности авторитетом [2].

В конкретной практической деятельности каждый человек сталкивается не только с регулятивной моральной системой общества в целом, но и с ее модификациями в различных группах и коллективах. «Общественный контакт», осуществляемый в группах и коллективах, порождает, с одной стороны, своеобразное возбуждение «жизненной энергии», а с другой — рельефно очерчивает и адресует моральные требования к конкретному поведению человека. Индивид воспринимает, переживает и оценивает нравственные явления в большой степени через призму групп, в которых он выполняет свои социальные функции.

1. Нравственные координаты группового сознания

Марксистско-ленинская теория исходит из научного принципа, согласно которому главным субъектом различных форм общественного сознания, в том числе и

---

[2] См.: А. Л. Шнирман. Коллектив и развитие личности школьника, ЛГУ, 1962, с. 24.

морали, являются прежде всего классы и общество как целостная социальная система. Отдельные индивиды как члены того или иного класса, коллектива, той или иной группы являются одновременно объектом и субъектом моральных отношений, которые строятся на основе исторически выработанных принципов, норм и оценок общественно-должного поведения. Но реальная жизнь человека протекает во взаимодействии с различными группами (профессиональными, культурными, национальными и т. д.), которые активно воздействуют на развитие его потребностей, на мотивацию поведения, особенно в обстоятельствах, затрагивающих личное участие в реализации групповых норм и ценностей.

Идейно-политическое и нравственное воздействие общества на личность опосредствуется структурой различных социальных групп и коллективов. Специфика группового сознания, особенности внутриколлективных отношений, неповторимое своеобразие микросреды — это реальная сила, непосредственно воздействующая на индивидуальное сознание и поведение личности. «Сознание, — пишет Маркс, — конечно, есть вначале осознание *ближайшей* чувственно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида»[3].

Многочисленные исследования убедительно показывают, что нравственные требования превращаются в убеждения и мотивы в зависимости от социально-психических особенностей коллективов, что влияние «ближайшей чувственно воспринимаемой среды» затрагивает не только внешние черты поведения, но и нравственно-психологическое своеобразие людей. Групповое сознание является «соавтором» моральных мотивов и в то же время важным условием их «производительности» в конкретных жизненных ситуациях. Но что такое групповое сознание и как оно действует в качестве мотивационного фактора поведения?

В социологической литературе обычно говорится о двух формах сознания — общественном и индивидуальном. Обе эти формы — общественный продукт, имеют один общий источник — общество. Индивидуальное и

---

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 29.

общественное сознание различаются прежде всего по их носителю. «Индивидуальное сознание, — пишет А. К. Уледов, — это сознание отдельной личности. Общественное сознание есть массовое сознание. Оно носит надындивидуальный характер, т. е. включает в себя знания, представления, взгляды, общие для многих людей» [4].

Оставляя в стороне вопрос о том, как и насколько общественное сознание носит надындивидуальный характер (мы считаем, что оно не существует вне и независимо от сознания конкретных личностей), необходимо подчеркнуть, что правомерное с общесоциологической точки зрения деление сознания на индивидуальное и общественное не позволяет в достаточной степени учитывать особенности группового сознания, являющегося специфическим объектом изучения социальной психологии. Общественная или социальная психология — это наука о природе и функциях группового сознания и об изменениях в психике личности, когда она находится в общении с группой (коллективом).

Групповое мнение и настроение, различные коллективные чувства, предпочтение, желания и пр. — это такие массовидные психические явления, которые существуют только в группе людей. Конечно, они зависят от общественного сознания (науки, морали, права, идеологии, религии, искусства), но в то же время отражают межличностные отношения, конкретное бытие группы.

Некоторые авторы рассматривают групповое сознание как специфический уровень общественного сознания и исходя из наличия теоретико-систематизированного и обыденного сознания относят групповое сознание ко второму. Однако характеристика группового сознания только как обыденного, эмпирического сознания неудачна, поскольку его структура и особенности выходят далеко за собственные границы обыденного сознания. Мы придерживаемся точки зрения советского автора Е. А. Яблоковой, что носитель группового сознания — малая социальная группа, из чего проистекают и его специфические социальные

[4] А. К. Уледов. О принципах изучения общественного сознания. — В: «Очерки методологии познания социальных явлений», М., 1970, с. 99.

функции[5]. Оно формируется на основе конкретного бытия группы, выражает ее обыденный опыт и в этом смысле носит на себе печать обыденного сознания. Но поскольку групповое сознание формируется под воздействием общественной идеологии и морали, оно воплощает в себе идеи, принципы, идеалы.

Наличие малых социальных групп и коллективов, опосредствующих взаимодействие между обществом или его основными структурными частями (классами) и личностью, обусловливает специфическую форму сознания—групповое сознание, которое по своей природе и функции нельзя полностью отождествлять ни с общественным, ни с индивидуальным сознанием. Поскольку носителем этого сознания является группа, его особенности зависят от конкретного бытия группы, от места, которое она занимает в обществе, от ее потребностей и интересов.

В социально-психологическом плане группа рассматривается как объединение определенного числа людей, которые согласованно взаимодействуют в течение относительно продолжительного времени на основе общих ценностей и которые непосредственно влияют друг на друга в конкретных условиях места и времени[6]. Независимо от многочисленности определений и классификаций, можно указать несколько основных критериев, лежащих в основе большинства попыток классификации групп, а именно: *направленность* (цели и задачи), *организационная структура* (официальная, деловая и неофициальная, межличностная), *динамика* (продолжительность, интенсивность связей и взаимоотношений).

Исходя из этих критериев в социально-психологической литературе группы типологизируют следующим образом: 1) *Номинальная* группа — случайная, без существенных личных связей, с временно совпадающими целями (аудитория публичной лекции, кратковременная экскурсия и др.). 2) *Кооперация* — группа с общей целью и деятельностью, с организационной структурой,

---

[5] См.: Е. А. Яблокова. Специфика группового сознания. — В: «Вопросы социологии и общественной психологии», вып. I, МГУ, 1970, с. 124—125.

[6] См.: Г. В. Осипов. Социология как наука. — В: «Социальные исследования», вып. 2, 1968, с. 55—56.

но с недостаточными личными связями (бригада для временной работы). 3) *Коллектив* — это группа, которая объединена временем, местом и целью совместной общественно необходимой деятельности, через которую связана с интересами других групп или обществом в целом. Коллектив характеризуется общей целью (а не только временно совпадающими индивидуальными целями), которая реализуется всеми его членами в процессе сознательно организованной совместной деятельности. Всякий коллектив — это группы личностей, но не всякая группа есть коллектив. Именно коллектив есть центральное, решающее звено в системе малых социальных групп при социализме, в котором сочетаются личные групповые и общественные интересы. 4) *Гомфотерная* группа, которая характеризуется оптимальной совместимостью и способна решать сложные задачи в период длительной оторванности от общественного целого (в космосе, океане), — устойчивая при всех неожиданных ситуациях. Иногда ее определяют как высшую форму коллектива. Отсюда следует, что не всякое групповое сознание есть коллективное сознание. Последнее, неся признаки группового сознания, наиболее полно отражает особенности социалистических общественных отношений, нормы и принципы коммунистической морали.

Общество — это не агрегат групп, а целостная социальная система, которая детерминирует основные компоненты морального сознания — представления о добре и зле, нормы и оценки поведения. Однако различные группы в зависимости от своей «биографии», степени единства, значимости задач и т. п. своеобразно преломляют общественное сознание, становятся его «соавтором» и относительно автономной воздействующей силой. Особую роль в этом отношении играют первичные или контактные коллективы, в которых, согласно Макаренко, отдельные члены находятся в постоянном деловом, бытовом и идеологическом общении. Эти коллективы имеют свои специфические потребности, интересы и ценности, свою «волю» и «способ мышления», которые в своей совокупности образуют так называемое групповое сознание.

Групповое сознание возникает как результат непосредственного общения в данной группе на основе

общих интересов и целей. Оно строится под воздействием следующих основных факторов: 1) господствующая идеологическая и моральная система общества (класса), к которому относится данная группа; 2) конкретные межличностные отношения, возникающие как отражение объективных взаимоотношений, в которые вступают люди данной группы. Поэтому «все психические явления, присущие процессу общения людей, и в частности все межличностные отношения в группе и коллективе, представляют собой явления группового сознания»[7]; 3) индивидуальное сознание типичных для данной группы личностей.

Следовательно, групповое сознание зависит как от особенностей общественного сознания, так и от совокупности наиболее ярко выраженных и наиболее типичных для группы характеров, мыслей и чувств отдельных личностей, входящих в ее состав. Однако групповое сознание — это не сумма индивидуальных сознаний, а новая духовная сила, которая имеет внутреннюю структуру, свой определенный «набор» элементов и связей. Оно создает общее направление мыслей и воль, определенный эмоциональный фон отношений, обеспечивает внутреннее единство группы на основе осознания ее целостности и обособленности. В этом смысле сознание группы имеет две стороны, которые противоположны и одновременно предполагают друг друга, — *внутреннее уподобление* (интегрирование) и *внешнее отличие* от других. В качестве сложной совокупности внутриколлективных (конвенциональных) норм и санкций сознание группы содействует интегрированию личности в группу, приобщению ее к коллективным ценностям.

В условиях социалистического трудового коллектива эта особенность группового сознания находит выражение в единстве взглядов и действий, во взаимном доверии и товарищеском сотрудничестве, в чувстве солидарности, в усилиях защитить честь коллектива.

Характерная черта группового сознания — его диффузионность и разнородность в сравнении с исторически «обработанным» и «селекционированным» общественным сознанием. Оно представляет собой сплав со-

---

[7] К. К. Платонов. О системе психологии, М., 1972, с. 105.

знательных и бессознательных, рациональных и эмоциональных элементов. В нем взаимодействуют «системные» и «несистемные» духовные образования. Первые обусловлены прочно усвоенными общественными идеями, нормами и оценками, а также порожденными конкретным бытием группы внутренними нормами, ценностями, ролями и санкциями. Это прежде всего устойчивые психологические черты коллектива (группы), коллективные требования, оценки, привычки, традиции, установки и др. «Несистемные» или групповые динамичные компоненты сознания (эмоциональные настроения, симпатии и антипатии) имеют ситуативный характер или привносятся в группу ее взаимодействием с другими группами, личностями и явлениями. Однако независимо от разнокачественной и многослойной структуры группового сознания в нем можно выделить некоторые доминирующие компоненты. *Во-первых,* это потребности и интересы группы (коллектива), *во-вторых,* функционирующие конвенциональные нормы, ценности, ориентации и установки, *в-третьих*, коллективные взгляды, оценки, претензии, требования, суммированные в групповом общественном мнении.

В своем конкретном практическом проявлении нравственные потребности существуют не как непосредственная связь *индивид — все общество,* а как связь опосредствованная — *индивид — другой индивид* (индивид, группа, коллектив) — *общество.* Они проявляются в межличностных отношениях. Поэтому формирование нравственных потребностей происходит под непосредственным воздействием групп. От них в большей степени зависит понимание и одобрение наших действий, отбор и стимулирование тех действий, которые составляют «нравственное ядро» поведения. Каждая группа создает критерии и оценки различных социальных ролей, свои представления о коллективной чести, достоинстве («честь шахтера», «миссия учителя») и др. Оценки коллективом значения определенных действий активно влияют на построение собственной концепции личности о смысле жизни. Нравственные ценности проникают в сферу индивидуального сознания через атмосферу микросреды.

Воспитательная сила группы (коллектива) зависит от уровня нравственных отношений, взаимной взыска-

тельности, взаимопомощи и товарищеского сотрудничества, моральной ответственности по отношению к каждому и ко всем. Не случайно Макаренко связывает этапы в построении коллектива, его зрелость с ответственностью. Именно ответственность человека перед человеком есть то моральное качество, которое превращает группу в коллектив. *Чем лучше коллектив (группа) организован для решения общих задач, чем больше он чувствует себя ответственным за реализацию общенародных интересов, чем сильнее его связь с социальным целым (классом, обществом), тем более эффективно и адекватно соответствующей моральной системе его воздействие на поведение личности.* Там, где имеется взаимная ответственность, поведение каждого учитывается и оценивается всеми, а нарушения вызывают нравственный отклик во всем коллективе и переживаются с точки зрения коллективных интересов.

Исключительно важная задача партийных органов и организаций во всяком трудовом коллективе — создание хорошо организованной и постоянно действующей системы моральных требований к работе и поведению каждого человека. Очень часто те или иные моральные требования предъявляются только тогда, когда в коллективе произошли грубые нарушения — кража, обман, пренебрежительное отношение к социалистической собственности и т. п. «Язык морали» обычно звучит в ситуациях наказаний или наград. Разумеется, словесное злоупотребление моральными принципами — дело ненужное и вредное. Здесь речь идет о создании такой обстановки, в которой каждый член коллектива реально ощущал бы и переживал воздействие моральных норм, чувствовал бы их «присутствие» в повседневных межличностных отношениях.

Нравственные требования пронизывают все стороны жизни коллектива, поэтому они не могут передаваться и реализовываться в отрыве от производственной, научной, образовательной и другой деятельности. Политическое осмысление совместной деятельности, осознания связи между общенародными, групповыми и личными интересами, образцовая организация работы, справедливая оценка ее результатов — все это важнейшие факторы поддержания правильных морально-психологических связей в коллективе. Необходимо также

создавать побудительные стимулы нравственного поведения, сообразованные с личностными особенностями. Моральное удовлетворение от труда, хорошее настроение, товарищеская помощь, оптимизм, гордость за свой коллектив создают благоприятные условия не только для решения производственных задач, но и для нравственного здоровья группы, дальнейшего укрепления правильных личных взаимоотношений, преодоления всякого рода эгоистических, антиколлективистских чувств или настроений. *Чем выше нравственное сознание людей, тем сильнее развиты отношения товарищества и дружбы, взаимной взыскательности и уважения.*

Степень взаимного нравственного влияния зависит в конечном счете от качеств отдельных личностей. Не случайно понятие «коллективизм» фиксирует два различных явления — и свойство личности, и сплоченность группы. Оно предполагает такие сплоченность, единодействие и ответственность, которые опираются на соответствующие личностные качества. Коллектив в социалистическом обществе — это не безликая масса. Он существует и воздействует как богатство индивидуальностей. В этом смысле групповое сознание — это не какая-то обезличивающая сила, подавляющая индивидуальность и лишающая ее собственных идей, мнений, инициатив. Воспитательная функция группового сознания заключается не в его способности насаждать конформизм, а в развертывании собственных сил, в активизации собственной нравственной работы каждого члена коллектива.

«Если воспитатель надеется, — пишет известный советский педагог В. Д. Сухомлинский, — что воспитывающая сила коллектива прежде всего в организационных зависимостях, в подчинении и руководстве, его надежды не оправдаются. Воспитывающая сила коллектива начинается с того, что есть в каждом отдельном человеке, какие духовные богатства имеет каждый человек, что он приносит в коллектив, что дает другим, что от него берут люди. Но богатство каждой личности — это только основа полноценной, содержательной жизни коллектива. Коллектив становится воспитывающей силой при наличии такой совместной деятельности, в которой раскрывается высокая идейная одухо-

творенность труда благородными моральными целями»[8]. Следовательно, чем выше моральная культура отдельных личностей, тем значительнее жизнь коллектива, тем сильнее степень морально-политической сплоченности, единодействия, заинтересованности. Но и зависимость группового сознания от морально-политического облика отдельных личностей вовсе не умаляет его активной обратной роли и относительной самостоятельности. Она в такой же степени своеобразна и индивидуальна, как индивидуальна история каждой группы (коллектива). Кроме того, групповое сознание обладает специфическими закономерностями развития и воздействия на нравственное поведение. Работа по повышению социалистической сознательности, по формированию высоких моральных качеств у членов коллектива требует умелого использования этих закономерностей, изучения социально-психических явлений и процессов и управления их воздействием на личность.

Нормы и принципы моральной системы воздействуют в реальной жизни коллектива через образ конкретного носителя (действие, поступок), который «определил» их ценность. В зависимости от личного опыта и ситуации в группе он становится желанным, нужным для подражания.

Пример — одна из важнейших форм взаимодействия в процессе общения, при котором качества или действия данного лица (группы, коллектива) становятся образцом для подражания. Всякий пример олицетворяет некую коллективную ценность. Он психически индуцирован особенностями группы. *Чтобы действие стало примером, образцом, оно должно получить необходимое признание членов группы: оно должно быть не только оценено, но и ценимо, должно пройти через фильтр коллективного доверия.* Только тогда оно станет частью социально-психической атмосферы, получит в ней относительно самостоятельное «бытие».

Как конкретное поведение, образ или черта характера, пример органически сочетает требование, ожидания с эталонами и оценками. Он выражает в концентрированной форме существующие в группе нравствен-

---

[8] В. Д. Сухомлинский. Рождение гражданина, М., 1974, с. 215.

ные нормы и принципы (как положительные, так и отрицательные).

Социально-психическое воздействие примера обладает рядом особенностей: а) носитель примера не только побуждает следовать ему, но предлагает готовую форму поведения, которая быстро распространяется в группе; б) формулирует критерии оценки поведения в определенной ситуации (следование примеру вызывает одобрение); в) содействует сплочению группы, успешному взаимодействию ее членов; г) отклонение от примера или же неправильное его восприятие и толкование становится источником конфликтов, напряжения в группе. Все это определяет исключительную роль индивидуального или коллективного примера в нравственной области.

Чтобы получить значение примера, положительный нравственный поступок должен быть оценен мнением группы, стать объектом восхищения и подражания. Но и этого недостаточно, чтобы этот поступок сознательно «воспроизводился» в нравственных отношениях. Необходимо к силе подражания прибавить свободный выбор и сознательную волю субъекта, который для себя оценил и выяснил моральное значение образца для подражания.

Содержательная сторона примера, а также и характер его распространения зависят не только от психических особенностей группы. Они определяются господствующими общественными отношениями, системой морального сознания общества. В условиях частной собственности на средства производства и классовых антагонистических отношений формируется и навязывается как образец такой пример, который синтезирует существующие социальные нормы [9]. При этих условиях

---

[9] «...Доминирующая в определенном обществе и культуре форма поведения (например, кооперативно-солидарная или конкурентная форма) объясняется исходя из отношений, в которые люди независимо от их воли вступают в процессе производства, и именно в соответствии с уровнем развития производительных сил и обусловленными им производственными отношениями (например, формами собственности). Закономерно вытекающая из этого типичная для формации или класса форма поведения (например, типичная для капиталистического общества конкуренция) переносится затем в область, лежащую вне непосредственного производства. Последнее с его социальными связями является, так сказать, *моделью* форм человеческого поведения вообще. Конечно, здесь следует иметь в виду, что

пример может стать образцом для массового подражания только среди людей, которые находятся в одинаковом социальном положении, для которых характерна общность интересов. Если пример вступает в противоречия с собственными личными интересами (а капиталисты, согласно Марксу, образуют класс лишь постольку, поскольку они противостоят другому классу, поскольку между ними господствует конкуренция), то он тоже ограничен в своем распространении. Положение в корне изменяется только при социализме, где сила примера получает громадное значение в обществе, отменившем частную собственность[10].

С победой социалистических производственных отношений, с изменениями в социально-классовой структуре общества и утверждением социалистического общественного сознания пример, образец получает новое содержание и новую экономическую базу для массового распространения.

Социалистическое отношение к труду и общественной собственности, коллективизм, чувство общественной ответственности, сознательное соблюдение социалистических социальных норм становятся основным содержанием действий, которые общество утверждает в качестве примера для подражания. Особенно широко этот пример проявляется и распространяется в социалистическом соревновании.

Коммунистическая мораль утверждает принципы коллективизма, революционного гуманизма, товарищества и дружбы, требует честности и правдивости, простоты и скромности в общественной и личной жизни. В социалистических трудовых коллективах получают общественное одобрение и поощрение те формы поведения, которые наиболее полно синтезируют требования моральных норм — добросовестное отношение к

это справедливо лишь для *основной структуры* поведения и что возможны и другие формы, для которых надо искать иные корни (например, идеологические, ставшие относительно самостоятельными). Так, для капиталиста-предпринимателя как представителя своего класса характерна доминантно-субординационная структура поведения по отношению к другим людям. Однако он может на время заменить это поведение другой моделью, особенно там, где не затрагиваются его экономические интересы» (Г. Гибш и М. Форверг. Введение в марксистскую социальную психологию, с. 123).

[10] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 150.

труду, сотрудничество и взаимопомощь, коммунистическая принципиальность, справедливость, искренность и т. п.

Общность интересов и целей при социализме создает условия для массового подражания тем формам поведения, которые воплощают требования общественного идеала. Но при определяющей зависимости образцов для подражания от общих социальных условий их характер, содержание и способ воздействия в значительной степени детерминируются и микросредой. Всякий пример психически индуцирован особенностями группового сознания (в одной группе высоко ценят и уважают аккуратность и деловитость, а в другой иронизируют над этими качествами). Поэтому руководящие органы коллектива должны знать, кому подражать, какие, в сущности, качества и нормы вызывают групповые симпатии, насколько они гармонизируют с нравственным идеалом и т. п.

Наряду с анализом причин влиятельности существующих образцов необходимо их сопоставлять с нормами коммунистической морали, создавать такие образцы, которые содержат «портрет лучшего Я». При этом не следует забывать, что пример не создается искусственно — декретом, официальным приказом.

Нравственное воспитание органически вплетено в ткань повседневной деятельности и общения людей. Его результаты не фиксируются документально, а проявляются в отношении человека к человеку. Поэтому и организация нравственного воспитания не исчерпывается вербальными формами воздействия (собрания, лекции), а обязательно предполагает адекватную нравственную практику в коллективе.

Во всякой группе происходит психический взаимообмен чувствами, идеями, манерами, склонностями и т. п., с которым она включается в социальный по своей сущности процесс «наследования» морального опыта. Важную роль в этом процессе играют социально-психические механизмы авторитетности, доверия и недоверия. Групповой механизм доверия и недоверия — это сложное психологическое явление, которое играет исключительно важную роль в повышении эффективности идеологического воздействия, особенно при формировании таких компонентов человеческой личности, как чувства, воля и вера.

Состояния беспокойства, тревоги, озабоченности, радости, подъема, возникающие в конкретных жизненных ситуациях, становятся естественным атрибутом мотиваций. Групповая целеустремленность, переживание «завтрашней радости» от светлых перспектив коллектива, бодрое, мажорное настроение и т. д. поддерживают пламень личной уверенности, повышают индивидуальные жизненные силы. Апатия, равнодушие, унылое настроение в группе неизбежно питают формализм и безответственность в межличностных отношениях. Более того, отрицательный эмоциональный фон группового сознания создает почву для усвоения консервативных, нездоровых взглядов, привычек, суждений, которые выходят далеко за тесные рамки группы, формируют установку для восприятия и оценки других сторон жизни.

Групповая направленность сознания создает русло для восприятия и интерпретации явлений. Исследования советского психолога А. А. Бодалева[11] убедительно подтверждают огромную фильтрующую и направляющую роль групповой установки сознания. До показа одной и той же фотографии различным группам была создана различная настройка (установка) сознания. Так, например, в одной группе перед показом фотографии сказали: «Сейчас мы вам покажем портрет героя», а в другой — о той же фотографии сказали: «Сейчас мы вам покажем образ преступника». Содержательный анализ показывает, что интерпретация фотографий обусловлена установкой. Вот словесные портреты одного и того же образа: 1) Этот зверь хочет что-то понять. Смотрит умно, не отрывая глаз. Стандартная бандитская бородка, ямочки под глазами, массивная стареющая фигура с наклоном вперед» (установка — преступник). 2) «Очень волевое лицо. Смелые глаза, смотрящие исподлобья. Губы сжаты, чувствуется душевная сила и стойкость. Гордое выражение лица» (установка — герой). Ясно, что групповая установка сознания может повлиять не только при интерпретации отдельного явления, но также и на восприятие определенных идей, общественных норм и т. п. Например, одна и та же телевизионная передача может восприниматься различно в зависимости от реакции авторитет-

---

[11] А. А. Бодалев. Восприятие человека человеком, ЛГУ, 1965, с. 38—39.

ной для данного лица референтной группы (семьи, дружеской компании и т. п.). Вообще результаты воздействия тем выше, чем авторитетнее человек или группа, с которыми мы общаемся, чем выше мы ценим и уважаем их качества.

Когда коллектив отстает в своем развитии, когда его интересы начинают расходиться с интересами всего общества, когда он замыкается в себе или же довольствуется прежними заслугами и славой, то не исключены конфликты между отдельными личностями и групповым мнением, но при этих ситуациях подлинный коллективный интерес выражается уже протестующей личностью, которая может оказаться объектом осуждения за такое мнение («возмутитель спокойствия», «нежелательная персона» и т. д.). Такое нездоровое групповое мнение насаждает приспособленчество, карьеризм, угодничество и т. п. Поэтому первостепенная задача партийного и административного руководства состоит не только в изучении мнения, но и таком его формировании, чтобы оно было высокоидейным, принципиальным, вызывало потребность в сознательной самооценке, глубоко затрагивало чувства и совесть личности, порождало стремление к самосовершенствованию. Развитие коллективного мнения связано с обсуждением жизненно важных для коллектива вопросов, с систематичностью, справедливостью и гласностью оценок, с развертыванием критики и самокритики.

Оценочные и регулятивные функции группового мнения проявляются в непосредственном взаимодействии людей для решения определенных задач. *Объектом оценки чаще всего становятся те моральные качества, которые существенны для правильного и результативного решения групповых задач.* Это требует умелого сочетания общественных и административных мер воздействия, комплексного применения материальных и моральных стимулов, поощрений, наград и т. п.

Всякая социальная группа имеет свою систему относительно постоянных требований, которые необходимы для успешного протекания совместной деятельности. Она создает свою модель группового целесообразного поведения, свои рамки, которые нацеливают действия на групповые задачи. Эти продолжительно существующие требования, наложенные конкретными условиями совместной

деятельности и принятые как обязательные для реализации целей и задач группы, называются *конвенциональными* нормами. Они имеют относительный характер, потому что они относятся к формам совместного труда и общения. Моральные нормы, принципы и идеалы вплетены в ткань групповых конвенциональных норм. Чем больше последние сочетают конкретные требования групповой деятельности с моральными требованиями социалистического общества, тем действеннее их воздействие.

Моральная зрелость коллектива зависит от того, насколько он превратил нравственные требования общества в конвенциональные нормы, в актуальные требования, предъявляемые группой к каждому ее члену. С помощью всей системы неформальных санкций (похвала, товарищеская поддержка или, наоборот, насмешка, осуждение, изоляция) группа выражает одновременно свое одобрение и уважение тем, чье поведение соответствует конвенциональным нормам, и свое неодобрение тем, кто их нарушает. Характерная черта групповых неофициальных санкций, делающая их действенным регулирующим фактором в системе моральных отношений, заключается в их персональной направленности. Безличные и одинаково адресованные ко всем людям данной общности моральные нормы в первичных группах и коллективах применяются дифференцированно к каждому человеку. Эффективность «морального кодекса» группы зависит в большой степени от характера межличностных отношений. Если человек высоко ценит свою группу, если он гордится своей принадлежностью к ней, то групповые санкции переживаются глубоко, вызывают огорчение, чувство вины, служат средством самокорректирования поведения. Вот почему нравственное воздействие на личность зависит от системы реальных моральных отношений в группе (коллективе).

Большое значение как для целостного формирования личности, так и для характера ее поведения имеют так называемые *референтные (эталонные) группы*. В общественной жизни существует большое многообразие сложных групповых динамичных отношений. Социальные группы взаимосвязаны, а очень часто и взаимно пересекаются. Отдельный человек принадлежит к различным группам не только во временной последовательности, но и в одно и

то же время. Однажды он действует в соответствии с нормами одной группы, другой раз — согласно нормам другой группы (например, он ведет себя в семье иначе, чем в кругу своих коллег по работе и т. п.). Каждый человек участвует в различных социальных группах, но с одними он связан больше, а с другими меньше. Обычно в сознании человека формируется стремление к какой-то главной группе (группе соотнесения), которая играет роль судьи, невидимого арбитра его мнений и действий. Как правило, это не та группа, к которой человек принадлежит, а та, к которой он хочет принадлежать. Например, если человек рассчитывает на повышение по службе, то референтной группой для него будет та, в которую он надеется попасть, и она играет решающую роль в формировании его целей и мнений.

Социально-психологическая теория референтной группы ставит в центр внимания процессы, посредством которых люди соотносят себя с группами и сообразуют свое поведение с ценностями этих групп. В данном случае группа дает некий критерий (нормативную ориентацию), с помощью которого индивид оценивает себя и других людей. Значимая для человека «первичная» группа приписывает ему свои ценности и формирует его ценностные ориентации, причем он добровольно соглашается с ними, воспринимает их. «Другие» играют для индивида роль регулирующего фактора. Посредством их он мысленно обсуждает альтернативы своего поведения, сообразует свои поступки и высказывания с ценностями референтной группы. В своих действиях личность руководствуется ожиданиями «других», стремится заслужить их одобрение или избежать негативной оценки. Экспериментальные исследования показывают, например, что склонность человека к преступному поведению сильно зависит от того, в какой степени он идентифицирует себя с реальными или воображаемыми лицами, с точки зрения которых его преступное поведение считается нормальным и приемлемым.

Если личность поступает вразрез с ожиданиями референтной (эталонной) группы, она испытывает нравственные сомнения, чувство вины, или же другие негативные переживания. Она пытается согласовать свое поведение с моральными представлениями и нормами группы. Изучение социально-психологического воздействия

референтной группы на личность имеет огромное значение для практики коммунистического воспитания. Оно вооружает нас действенными формами и средством регулирования нравственного поведения личности. Однако воспитательное воздействие будет зависеть от того, насколько цели и нормы группы гармонируют с общими целями и нормами общества.

В социалистическом обществе общие цели и нравственные принципы оказывают руководящее влияние на малые социальные группы, их содержание и их роль в жизни личности качественно изменяются. Особое значение приобретает теперь изучение малых социальных групп как фактора формирования новых ценностных ориентаций у человека, особенностей в коммуникативном поведении при решении групповых задач, эффективности работы в группе и т. п.

Групповое сознание — это не метафизическая, надысторическая категория, а социально обусловленное духовное явление, которое непрерывно развивается и совершенствуется под определяющим воздействием общественного бытия и общественного сознания. В условиях зрелого социализма, когда все больше усиливается социально-классовая однородность общества, когда социалистическая сознательность утверждается полностью и когда повышается ее научная обоснованность в индивидуальном сознании, когда значительно повышается роль нравственности как регулятора поведения людей, групповое сознание приобретает новые черты и функции, аккумулирует в себе особенности как нового этапа развития общественного сознания, так и характерные морально-политические качества личности развитого социалистического общества.

В зрелом социалистическом обществе создаются необходимые условия для пропорционального гармоничного развития социалистического сознания — общественного, группового и индивидуального, для формирования общих черт в духовном облике отдельных социальных групп, для усиления общих политических и нравственных признаков трудящихся.

Групповое сознание все больше «наследует» черты рабочего класса, нормы и принципы коммунистической морали. На этой основе растет его роль в регулировании материальных и других социальных отношений, в воспи-

тании социалистического отношения к труду, сознательной дисциплины, коллективизма, товарищества и взаимопомощи.

2. Авторитет руководителя и социально-психический климат в коллективе

Результаты наблюдений и исследований показывают, что социально-психический климат в коллективах чаще всего нарушается при следующих ситуациях: 1) когда возникают беспринципные группировки на базе семейственности, взаимного прощения недостатков, либерализма и пр.; 2) при личных конфликтах, когда мелкие разногласия превращаются в принципиальные и становятся помехой при решении общих задач коллектива; 3) при несправедливой системе поощрений и наказаний; 4) при слабом авторитете руководителя и «неофициальной» оппозиции (неприятии) его решений со стороны коллектива, что порождает формализм, равнодушие, неприязнь. Однако наиболее важные факторы, от которых в конечном счете зависит нравственно-психологический климат, — это *стиль и методы руководства,* авторитет руководителя.

«Правильное функционирование всей системы социалистического общества, — указывает тов. Тодор Живков, — зависит в решающей степени от характера и содержания *взаимоотношений между руководителями — партией — рабочим классом — народом»* [12].

Необходимый компонент социального управления — авторитет руководителя. Энгельс подчеркивает, что «никакое совместное действие» невозможно без авторитета, без известного подчинения «единой и руководящей воле» в коллективе [13]. Он критикует ультрареволюционные фразы Бакунина, который отрицает любые авторитеты. Но будет г-н Бакунин ездить поездом, — спрашивает Энгельс, — если железные дороги будут управляться в соответствии с его принципом: «Никто не обязан быть на своем месте, никто не должен подчиняться авторитету

---

[12] Т. Живков. Отчетен доклад на ЦК на БКП пред Десетия конгрес на партията, 1971, с. 133—134.

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, с. 309.

правил»? А что произойдет с кораблем, продолжает Энгельс, если уничтожить всякий авторитет, признаваемый матросами?

Согласно Энгельсу, авторитет закономерно проистекает из характера совместной, коллективной деятельности. Он означает навязывание или сознательное принятие чужой воли как необходимое условие совместного труда. В данном случае Энгельс рассматривает авторитет как способ регулирования и направления деятельности людей посредством влияния, оказываемого на них отдельными лицами, руководителями или организациями. Авторитет — это своеобразный «социальный фермент», усиливающий процесс взаимодействия между группами и личностями.

Доверие членов коллектива к какому-то авторитету увеличивает сплоченность коллектива, его дееспособность. Авторитет — центр коллектива, социальный образец для подражания. По своему исходному психическому механизму авторитетность весьма близка к явлению внушения, понимаемому, однако, не ограниченно, не как гипноз, а в широком смысле слова, как абсолютное доверие, основанное на глубоком внутреннем убеждении[14]. Поэтому особый интерес представляет как механизм добровольного подчинения, полного доверия, так и обратный механизм, то есть то, как формируются недоверие и неподчинение. Степень доверия (как и степень недоверия) образует подвижную, динамичную, постоянно изменяющуюся психическую субстанцию во внутренней жизни каждого коллектива. Ее изучение, учитывание и измерение имеют важное значение для эффективности воспитания коллектива и управления им.

Управление каждым коллективом предполагает наличие руководящего «ядра» и «актива», которые осуществляют руководство, опираясь на свой авторитет. Авторитет руководителя — сложное социально-психологическое явление, складывающееся из многих составных частей. Однако самая важная среди них — общественное признание компетентности руководителя в наилучшей организации и решении вопросов жизни коллектива. На этой основе формируется доверие к его знаниям и опыту, доб-

---

[14] Б. Ф. Поршнев. Элементы социальной психологии. — В: «Проблемы общественной психологии», М., 1965, с. 184.

ровольная и сознательная дисциплина, желание выполнять требования руководства.

При рассмотрении авторитета надо разграничивать следующие моменты: а) авторитет коллективных ценностей, задач, норм; б) авторитет «должностей», руководящих позиций как выражение признания их необходимости для нормального функционирования коллектива и в) авторитет личностей, занимающих руководящие позиции [15]. В хорошо организованном коллективе эти элементы обычно сочетаются. Наиболее стойкий, постоянный и социально значимый характер имеет авторитет коллективных задач, норм и ценностей. Они отражают требования социалистического общества, обусловлены всей общественной системой. Однако авторитет личности — это наиболее подвижная, наиболее изменчивая, но и «наиболее наглядная» сторона во всей структуре авторитета, больше всего воздействующая на людей и персонифицирующая другие элементы.

В буржуазной социальной психологии проблема авторитета личности рассматривается как проблема «лидерства». Этой проблеме посвящены многие социологические исследования. Проблемой отбора и подготовки руководящих кадров усиленно занимаются представители капиталистических фирм. Это не случайно, так как именно от руководящих кадров в большой степени зависит получение прибыли. В США недавно сделан анализ факторов (ответственности), связанных с чрезмерным увеличением убытков на ряде предприятий в различных отраслях промышленности. Результаты оказались достаточно красноречивыми (в процентах):

Отрасль	По вине руководства	По вине рабочих	Внешние причины
Машиностроительная	81	9	10
Обувная	73	11	16
Строительная	65	21	14

Вот почему уже в продолжение полувека буржуазная социология ищет «тайну лидерства». Обычно оно

[15] Л. П. Буева. Социальная среда и сознание личности, М., 1968, с. 193.

рассматривается как особое положение одного человека или меньшинства (элиты) по отношению к большинству. Американский профессор Б. Басс определяет лидерство как «позитивное влияние» на группу. При исследовании этого явления широко используется «теория черт». Изучаются лидеры в различных, чаще всего случайных, социальных группах; определяют, какими психологическими характеристиками они обладают, составляются таблицы, лидерство объясняется как социально-психический феномен, носителем которого являются люди, обладающие совокупностью данных психологических черт. Э. Богардус перечисляет десятки качеств, которыми должен обладать лидер; в их числе и чувство юмора, и такт, и способность привлекать внимание окружающих и т. п. Лидеры оказываются не продуктом социальных отношений, а каким-то вечным типом, обладающим определенным биопсихическим комплексом. В сущности, за отношениями лидерства кроются социальные отношения «большого мира», классов и классовая борьба.

Авторитет — один из элементов в структуре коллектива. Он проистекает из развития социальных отношений и характера общественного разделения труда. Его функционирование связано с объективными потребностями производства и распределения. Лишь через особенности социальной и политической организации общества можно объяснить содержательную сторону авторитета.

Теоретическую основу для правильного решения этой проблемы дает марксистско-ленинское учение о роли народных масс, классов, партий и их руководителей в социальном процессе. Конечно, марксистско-ленинский подход при изучении авторитета ни в малейшей степени не отрицает роли психологических факторов, а только ставит их на «действительное их место»: социальные отношения определяют социально-психические. При этом марксистская социальная психология интересуется прежде всего *качественной стороной авторитета,* то есть тем, каким групповым или коллективным целям он служит, во имя чего он объединяет коллектив. Социальная ценность авторитета определяется тем, насколько он способствует прогрессу общества. Для успешного управления социалистическим кол-

лективом важно не только то, обладает ли данная личность авторитетом (влиянием, уважением, доверием и т. д.), но и то, на какой основе он построен, что именно уважают, какие качества этой личности ценят. Возможно, например, что в данной социальной группе уважают либерализм и слабую взыскательность руководителя, его всепрощающее отношение к ошибкам и т. п. Ясно, что это не может быть признаком подлинной авторитетности.

В наши дни руководителю трудно быть универсальным, во всем компетентным авторитетом по той простой причине, что он не может быть специалистом во всех областях человеческого знания и деятельности. Но независимо от этого авторитет предполагает некоторые общие требования, относящиеся к компетентному руководству коллективом и хозяйственной, общественно-политической и нравственной областью Интересны, например, результаты одной анкеты относительно личных качеств низового руководителя производства—мастера и бригадира[16]. Всем анкетированным (рабочие, мастера, бригадиры и инженеры) были указаны наиболее важные качества, которыми должен обладать такой руководитель. Различные категории по-разному оценили значение этих качеств. Так, например, на отзывчивость, такт, справедливость, вежливость и дружелюбие указали 24% анкетированных рабочих, 20% мастеров и бригадиров и 16% инженеров. По-разному были оценены и другие качества, такие, как ум, находчивость, решительность, твердый характер, сообразительность и др. Однако в числе пяти *наиболее важных качеств* все анкетированные указали политическую зрелость, деловитость (компетентность), моральную устойчивость, принципиальность, преданность партии и народу. Между прочим, эти качества больше всего приближаются к ленинским требованиям к авторитету руководителя.

В. И. Ленин, желая составить себе как можно более полное мнение о В. Г. Яковленко, пишет Ярославскому: «Прошу Вас... собрать от всех находящихся здесь ответственных и влиятельных сибирских товарищей

---

[16] Ф. Биништок. Наука управлять, М., 1967, с. 126.

отзывы о крестьянине Яковленко: ...Отзывы нужны поподробнее...

Возраст?..
Опыт?..
Уважение крестьян?..
Знание хозяйства?..
Твердость?..
Ум?..
Преданность советской власти» [17].

Полученные сведения убедили Ленина в возможности назначить В. Г. Яковленко на пост наркомзема. Этот исторический факт ярко раскрывает критерии авторитета, требования к руководителю.

Авторитет в социалистическом коллективе предполагает правильные, товарищеские, принципиальные отношения между руководителем и членами коллектива. «Дефекты» авторитета — это в конечном счете «дефекты отношений» в коллективе. Авторитетность руководителя зависит от взаимоотношений в коллективе и особенно от такого социально-психологического свойства, как сплоченность коллектива или группы. Сплоченность выражается в организованном, обусловленном единством целей взаимодействии, в тесных товарищеских взаимоотношениях между членами коллектива, в доверии друг к другу и в готовности к взаимопомощи и ответственности.

Авторитет руководителя, с одной стороны, — продукт взаимоотношений, а с другой — в большой степени определяет характер взаимоотношений с подчиненными. Исследования в этой области показывают, что существуют три типа подчинения: первый тип, когда подчинение принимается, понимается и переживается как нечто навязанное, внешнее, как принуждение. Такое подчинение сопровождается неприятными чувствами зависимости. Второй тип — пассивное подчинение. Для него характерно чувство удовлетворения тем обстоятельством, что ты освобождаешься от необходимости мыслить, принимать собственные решения. При таком подчинении отсутствует всякая инициатива. Третий тип — осознанное, внутреннее, обоснованное подчи-

[17] Ленинский сборник, т. XXXVI, М., 1959, с. 382.

нение. Оно стимулирует творческое отношение к работе, рождает собственную инициативу. Руководитель социалистического коллектива должен воспитывать именно такое сознательное, нравственно полноценное подчинение, способствующее развитию человеческой личности Характерная черта руководства в социалистическом обществе в отличие от капитализма состоит в том, что оно опирается на убеждение, а не на принуждение.

Когда в коллективе господствует суровая, приказная обстановка обращения со стороны руководителей, когда доминирует административно-бюрократический порядок, это неизбежно затрагивает и сферу межличностных отношений, нравственно-психологическую атмосферу. В философской, социологической и юридической литературе бюрократизм все еще оценивается главным образом в административно-управленческом аспекте, при котором недостаточно раскрывается его отрицательное нравственное воздействие. Однако бюрократизм — это не только неповоротливость, отсутствие деловитости, заседательская суетня, но и источник безответственности, формализма в мыслях и действиях, бездушия и педантизма. Он воспитывает безнравственность в полном смысле этого слова — слепое подчинение, карьеризм, подхалимство. Бюрократ, как отмечает Ленин, всегда педант, а «педанты не умеют думать, они умеют запоминать, могут затвердить» [18], но не больше. Бюрократ — всегда догматик, а догматик способен дискредитировать любую новую идею тем, что под видом защиты доведет ее до абсурда или же распространит ее за пределы действительной ее применимости [19].

Исследования влияния стиля руководства при формировании психологического климата в коллективах показывают, что в условиях коллективного стиля руководства в групповом мнении все сильнее начинают утверждаться такие характеристики, как *взыскательность, конкретность, согласованность и доброжелательность*. Однако этого нельзя сказать о коллективах, где доминирует индивидуалистический («авторитетный»)

---

[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 137.
[19] См. там же, т. 41, с. 46.

стиль руководства. Для общественного мнения в таких коллективах типично наличие отвлеченных высказываний, участие одних и тех же лиц в обсуждении вопросов, пассивность (предлагаемые «свыше» варианты решений или оценки принимаются без глубокого осмысления и т. п.). При подобных исследованиях ясно устанавливается не только влияние руководства на формирование «характерологичных» особенностей группового сознания, но и способность микроклимата «провоцировать» определенный тип массового поведения.

В связи с этим следует обращать особое внимание на такие качества руководящих кадров, как такт и отзывчивость, проблемность мышления, коммуникативные способности (умение советоваться с коллективом, активизировать мнение подчиненных и сообразовываться с ним, умение общаться и понимать людей и т. п.), доброжелательность, справедливость, готовность брать на себя личную ответственность и т. д. Недостатки в стиле и методах руководства чаще всего приводят к расколу коллектива на противостоящие друг другу группировки. Отрицательно направленные микрогруппы становятся средоточием постоянного напряжения, источником слухов, выражают недовольство требованиями, берут под свою защиту недисциплинированных членов коллектива и т. п.

Современная социально-психологическая литература указывает, что способы преодоления конфликтных ситуаций в жизни коллектива зависят от характера напряжения и могут быть такими: а) связывание противостоящих друг другу группировок в коллективе через их лидеров; перемещение членов таких группировок в другие коллективы; обеспечение победы подлинно принципиальной группировки путем развертывания критики и самокритики; назначение нового, принципиального, внимательного руководителя; б) предоставление возможности руководителю исправиться в другом коллективе, а если эта мера не поможет, понизить общественный статус этого руководителя; в) руководители среднего звена должны твердо проводить принципиальную, правильную линию; г) не допускать близко к руководителю интриганов, грубых и невоздержанных людей; д) помнить, что поощрение эффективнее нака-

зания в условиях производства, что главный принцип поощрения и наказания — справедливость и адекватность[20].

В практике многих трудовых коллективов все еще не учитывается отрицательное нравственное и политическое воздействие конфликтных ситуаций, не изучаются их причины и не принимаются действенные меры для их преодоления. Значение этой проблемы выходит далеко за рамки чисто производственных задач. Она связана с воспитанием людей, с их полноценным нравственным развитием. Важная задача партийных организаций состоит в управлении психологией коллектива и ее формировании, в своевременном вмешательстве для преодоления возникающих конфликтных ситуаций в духе высокой принципиальности, идейности и справедливости.

А. С. Макаренко различает десятки разновидностей ложного авторитета, которые можно встретить и в жизни многих наших коллективов. Более важными из них являются: 1) Авторитет подавления, когда начальник всегда рычит, всегда сердит, на любой вопрос отвечает грубостью, при всяком удобном или неудобном случае наказывает и т. п. 2) Авторитет расстояния — поменьше разговаривать с подчиненными, стоять подальше от них. 3) Авторитет высокомерия. «Это особый вид авторитета расстояния, но, может быть, более вредный», — говорит Макаренко. Некоторые люди считают, что они самые заслуженные, самые важные деятели и показывают эту важность на каждом шагу. 4) Авторитет педантизма. Его философия такова: «Раз я так сказал, то так и должно быть». Интересы коллектива, жизнь людей, их волнения проходят мимо такого авторитета незамеченными. Он не видит ничего, кроме своего бюрократического начальствования. 5) Авторитет резонерства. Он рассчитывает на бесконечные поучения и назидательные разговоры. В них он видит главную педагогическую мудрость. Чаще всего служит прикрытием некомпетентности, отсутствия деловитости. 6) Авторитет доброты и либерализма. Он проявляется

[20] См.: Е. С. Кузьмин. Социально-психологические основы работы с людьми и методы их изучения. — В: «Научные основы политической работы в массах», Л., 1972.

в беспринципной уступчивости, в излишней мягкости и во всепрощении недостатков. Начальник стремится являться перед коллективом в образе «доброго ангела». Это самый глупый авторитет, говорит Макаренко. Возможны и другие виды ложного авторитета. Авторитет подкупа (самый безнравственный вид авторитета, когда «послушание» покупается обещанием помощи, поддержки и т. п.), авторитет «широкой души» и т. п.

Главная основа авторитета — это работа руководителя, его компетентность, его умение правильно решать вопросы жизни коллектива, его принципиальность, гражданский облик и поведение. «Авторитет вытекает только из *ответственности*. Если человек должен отвечать за свою работу и отвечает, то это и есть его авторитет. На этой основе он должен и построить достаточно авторитетное свое поведение»[21].

Вряд ли нужно упоминать все требования к руководителю, формирующие его авторитет. Но с точки зрения психологического механизма доверия или недоверия к руководителю очень важную роль играет то обстоятельство, на каких людей он опирается, как их оценивает, как относится к честным и критическим работникам, каково его отношение к тем, кто ему льстит и не беспокоит его излишней взыскательностью. Ни один руководитель не должен забывать золотую аксиому Стендаля: «Можешь опираться только на то, что оказывает сопротивление», то есть на самостоятельных и творческих людей, которые критически относятся к фактам и к собственной деятельности. Подхалимы и льстецы — это ненадежная опора для авторитета, напротив, они часто меняют своих «авторитетов».

Доверие к авторитету не означает освобождения от собственного мышления и инициативы. Социалистический коллектив воспитывает активных и самостоятельных личностей. Авторитет в социалистическом коллективе несовместим с буржуазным конформизмом — приспособлением, податливостью личности к какому-либо групповому нажиму вопреки ее убеждению.

---

[21] А. С. Макаренко. Избр. педагогич. произв., М., 1968, т. 2. с. 93.

Идейно-воспитательная работа партии формирует у каждого члена коллектива научное мировоззрение, сознательную дисциплину, единство личных и общественных интересов. Это является самым важным условием правильного отношения к авторитету в социалистическом коллективе.

Руководить цехом, звеном, участком, предприятием и т. п. в социалистическом обществе не означает распоряжаться только материальными и техническими средствами производства. Это означает постоянно общаться с группами людей, советоваться с ними, создавать обстановку для самого широкого проявления их творчества, формировать отношение взаимного доверия и уважения и, словом, создавать оптимальный социально-психологический климат в коллективе. «Секрет» успеха самых лучших руководителей заключается в том, что они направляют свое внимание не только и не столько на технологические проблемы, сколько на работу с людьми. Само собой разумеется, например, что директор химического завода должен знать технологию производства, но его качества руководителя, его авторитет определяются не только этим. Многочисленные социологические исследования показывают, что авторитет руководителя зависит от ряда других дополнительных качеств — самодисциплины, энергии, настойчивости, способности быстро принимать решения, смелости, умения служить примером другим, быть принципиальным и т. п. Все эти качества — не пожизненный дар, а результат сознательных усилий и упорной работы.

Каковы отличительные черты оптимального социально-психологического климата в коллективе, «воспроизводящего» нравственные отношения, мобилизующего и активизирующего людей? На этот вопрос трудно дать общезначимый ответ, но если исходить из некоторых исключительно ценных указаний крупного педагога и психолога Макаренко, то социально-психологический климат в социалистическом коллективе должен выглядеть так:

Во-первых, мажорность, «постоянная бодрость, никаких сумрачных лиц, никаких кислых выражений, постоянная готовность к действию, именно мажорное, веселое, бодрое настроение... Готовность к полезным

действиям, к действиям интересным, к действиям с содержанием». Все это есть результат комплексной воспитательной работы в коллективе, следствие правильного построения взаимоотношений между членами коллектива *Во-вторых,* чувство собственного достоинства. Это результат представления о ценности своего коллектива, радости за свой коллектив. *В-третьих,* вежливость по отношению к товарищам, доведенная до совершенства, сочетание уважения и взыскательности к личности. *В-четвертых,* способность к ориентировке. «Это значит ощущать, в каком месте коллектива ты находишься и какие твои обязанности по отношению к поведению из этого вытекают. Иными словами, чувствовать каждый момент «тона» жизни в коллективе, чувствовать, что находится вокруг тебя и какова твоя задача. Способность к ориентировке означает подходящий вариант поведения, подходящую ориентировку по отношению к каждому человеку. Это вовсе не требование беспринципного приспособления, угодничества и т. п. Подходящий вариант поведения — это не выражение бесхарактерности, а выражение высокой культуры поведения, способности к дифференцированной ориентировке. Разве каждый из нас держится и должен держаться по-разному на производственном совещании и на экскурсии, на заседании дирекции и на именинах?». *В-пятых,* чувство защищенности. «Идея защищенности должна особенно присутствовать в коллективе и украшать его стиль. Она должна быть создана там, где есть гордость коллектива, где есть требования к каждой личности, где каждая личность чувствует себя защищенной от насилия и самодурства, от издевательства». *В-шестых*, деловые отношения, соблюдение правильных норм внешнего поведения. «Установленная форма вежливости в деловых отношениях чрезвычайно полезна, она мобилизует волю, она заставляет человека чувствовать себя собранным, она подчеркивает тип деловых отношений, она учит человека различать: это дружба, это соседство, это любовь, это приятельство, а вот это — дела». Необходимо, чтобы у каждого члена коллектива выработался рефлекс деловых отношений. *В-седьмых,* эстетика поведения, то есть такое поведение, которое приобрело эстетическую форму и эта форма является признаком повышенной культуры. Эстети-

ка поведения не менее важна, чем эстетика комнаты, рабочих помещений, машин и т. п. Эти отличительные черты стиля коллектива[22] не относятся, как иногда ошибочно считают, только к детскому коллективу, а присущи каждому истинно социалистическому коллективу.

Реализация больших и ответственных задач по нравственному воспитанию трудящихся, поставленных в программе БКП, зависит: *во-первых,* от того, в какой степени в каждой группе и в каждом коллективе создаются условия, которые воспроизводят необходимые нравственные качества; *во-вторых*, от того, в какой степени люди самоосознают необходимость своего нравственного совершенствования, становятся субъектами самовоспитания; *в-третьих*, в какой степени руководители каждого предприятия, института, организации и т. п. познают особенности людей, их потребности и возможности, их достоинства и недостатки, как они работают для создания оптимальной социально-психологической и нравственной атмосферы в коллективе. В связи с этим особое значение для управления трудовыми коллективами имеют исследования социальной психологии по вопросам особенностей группового сознания и его роли в качестве мотивационного фактора поведения.

3. Нравственная оценка поведения и управление коллективом

Поскольку действия и поступки личности закономерно связаны с интересами и потребностями других людей, с решением определенных социальных задач, они всегда в той или иной степени — объект нравственной оценки. Поступки личности воспринимаются и интерпретируются в свете уже сформированных представлений о нравственном и безнравственном, о важном и неважном, о целесообразном и нецелесообразном и т. д. Разумеется, в повседневных житейских ситуациях не всегда требуется выполнение такой «оценочной работы», но при всяком управлении людьми и общественными коллективами эта деятельность занимает особо важное место. Проб-

[22] См.: А. С. Макаренко. Соч., т. V, с. 213—218.

лема «оценки поведения» наиболее тесно связана со стилем и методами руководства, с формированием правильных отношений в коллективе, с подбором и воспитанием кадров. «На нынешнем этапе, — подчеркивает Тодор Живков, — особенно необходимо, чтобы партийные органы и организации усилили борьбу с проявлениями субъективизма, односторонности и поверхностного подхода при оценке, подборе и распределении кадров»[23].

Подход к моральной оценке поведения вызывал много споров в истории этического мышления: из чего следует исходить при оценке поступка, имеет ли он объективные, общезначимые критерии (подобно времени по Гринвичу, с которым сверяют часы); что важнее для оценки — результат поступка или его мотив и т. п.? Обычно буржуазные этические школы отрывают результат поступка от его мотива и делают упор на том или другом, что приводит к односторонней интерпретации поведенческого акта. Например, Дж. Мур и прагматисты, разделяя позиции утилитарной этики, считают, что решающее значение для оценки поступка имеют результаты. По их мнению, мотивы сами по себе лишены ценности. Они важны для оценки действующего лица, но не имеют никакого значения для оценки поступка. Если неблагоприятный мотив приводит к положительному результату, то этим он приобретает и ценность. Напротив, экзистенциализм и деонтический интуитивизм обращают главное внимание на мотивы. Для экзистенциалистов единственная моральная ценность мотива состоит в свободе выбора, а для представителей деонтической этики — в чувстве долга. Каждая из этих позиций, конечно, указывает существенные факторы оценки поступков, но эти факторы рассматриваются в отрыве друг от друга, абсолютизируются и противопоставляются.

Марксистская этика исходит из единства мотива и результата, а также из тех конкретных обстоятельств, при которых совершен поступок. Мотив показывает моральное обоснование поступка, раскрывает уровень нравственного сознания и характер принципов, которыми человек руководствуется в своих отношениях с дру-

---

[23] Т. Живков. Отчетен доклад на ЦК на БКП пред Десетия конгрес на партията, София, 1971, с. 141.

гими людьми. Без анализа мотивов невозможно понять субъективную детерминацию действия, почему и во имя чего оно совершается. Но для правильной оценки поступка важны прежде всего его общественные результаты и последствия. А. В. Луначарский указывал, что при оценке поведения надо исходить из благоприятного результата действия на жизнь других людей, из того, что оставило данное действие обществу, даже если человек уже умер. Согласно Луначарскому, при оценке каждого поступка следует различать три стороны: 1) суждение о непосредственных результатах поступка; 2) суждение о результатах по отношению ко всей жизни личности (содействуют ли поступки росту человека) и 3) суждение об общественных результатах (как он влияет на других) [24].

Моральная система общества имеет свои принципы, нормы, критерии, которые используются при частной (индивидуальной) оценке поступка. Но путь трансформации общих принципов в конкретную оценку весьма сложен и очень зависит от субъекта этой оценки. Важно то, из каких норм исходит оценивающий. Карманные воры, например, также имеют свой «моральный» кодекс, согласно которому они оценивают поведение других. Кроме того, личность может руководствоваться благородными намерениями и достигать при этом вредного результата. Возможно также, что она приложит усилия, но не получит желанного результата. Подлинная моральная оценка всегда учитывает характер мотивов, соответствие между целью и средствами и, самое важное, — общественно полезный результат поступка.

Нравственная оценка интересуется прежде всего теми сторонами поведения человека, в которых проявляется его отношение к другим людям, к обществу. Поэтому и «чисто» индивидуальные действия людей не могут быть объектом оценки. Всякое человеческое действие, если оно затрагивает интересы других людей, неизбежно порождает ответную реакцию в форме одобрения или неодобрения (осуждения). Важная особенность моральной санкции состоит в том, что она

---

[24] См.: А. В. Луначарский. Мораль с марксистской точки зрения. — В: «Почему нельзя верить в бога», М., 1965, с. 160.

оценивает ответственность за выбор поведения. Перед действующим субъектом в различных социальных ситуациях возникают многообразные возможности поступить так или иначе. Именно это наличие объективных возможностей выбора создает ответственность человека за его поступки. Там, где нет выбора, нет и ответственности.

Наличие реальных возможностей выбора расширяет вариантность поведения, расширяет возможности человека для конкретной и относительной свободы действия, придает бо́льшую конкретность его социальной ответственности. Если нет возможности выбора, всякий поступок теряет свой индивидуальный, личностный характер, становится все более необходимым, и, следовательно, уменьшается возможность оценки конкретной социальной ответственности. Моральная оценка — результат сравнения множества сопоставимых поведенческих актов в процессе социального общения, результат сравнения различных ценностных стратегий людей в сходных жизненных ситуациях.

Одно и то же действие может быть по-разному оценено в зависимости от социально-классового критерия оценки. Объект оценки существует как реальный факт вне и независимо от нашего сознания, обладает или не обладает объективной ценностью, но оценка — это умственный акт, результат нашего отношения к оцениваемому явлению. Истинность оценки самым непосредственным образом зависит от ее соответствия прогрессивным социальным нормам или принципам.

Нельзя регулировать поведение людей, не устанавливая и не оценивая ответственность за поступки. Санкционирование личной ответственности было бы лишено всякого смысла, если бы оно не было порождено потребностью регулировать общественные отношения в определенном направлении, сообразно определенной цели. Нравственная оценка помогает человеку корригировать свое поведение сообразно определенной цели, сообразно объективным общественным потребностям. Исходя из определенного «нормирования социальных фактов», из определенных «оптимальных показателей» типа поведения, нравственная оценка корригирует индивидуальное поведение в определенном направлении.

Из-за своеобразия взаимодействия между общественным и индивидуальным сознанием не все, что есть в общественном сознании, содержится и в индивидуальном, и наоборот. То, что на уровне общественного сознания является социальной потребностью, может ею не быть на уровне индивидуального сознания.

Поведение человеческой личности во многих случаях оказывается неравноценным, то есть отклоняющимся от социальных норм. Причинно-следственную связь в сфере общественного сознания не следует понимать механически. «Сознание индивида формируется под воздействием общественного сознания, однако соотношение сознаний — общественного и индивидуального — всегда осуществляется не в порядке прямой проекции одного на другое. Общественное сознание, идеи, господствующие в данном обществе, приемлются или не приемлются, приемлются в том или ином преломлении данным индивидом в зависимости от особенностей его собственного жизненного пути»[25]. Социальная санкция, как и вообще любое общественное воздействие на личность, была бы абсолютно ненужной, если бы сам факт принадлежности индивида к социальной группе означал, что он фатально обречен мыслить и поступать так, как этого требует объективное положение его группы в обществе.

Моральная оценка исходит из позиций общественного сознания. В отличие от индивидуального сознания, чьей основной функцией является регулирование и самоконтроль поведения конкретной личности, общественное сознание и его формы служат или обществу в целом или определенному классу. Нравственная оценка предполагает осознание моральной необходимости, сознательный выбор социально значимого нравственно-оценочного критерия. Ее моральное содержание в социалистическом обществе проистекает из самой сущности социалистического коллективизма, который предполагает, что каждый член коллектива должен нести ответственность не только за свою работу, но и за работу своих товарищей, за их труд и за работу всего

---

[25] С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии, с. 154.

коллектива. Она является выражением ответственности коллектива за его членов, за их деятельность и поведение Социальная санкция «адресуется» общественной и нравственной необходимости в конкретной форме, в такой форме, в какой она предстает перед определенной личностью.

Истинность и моральное достоинство оценки определяются ее соответствием прогрессивным общественным интересам. Объективный критерий добра лежит в сфере общественных интересов, которые в свою очередь определяются материальными общественными отношениями. Эти интересы, способствующие общественному прогрессу и нравственному развитию личности, являются объективным критерием добра.

Конкретная нравственная оценка не «безлична». Она выражает личное, индивидуальное отношение к социальным фактам, она есть проявление сознания Ивана или Петра. Чтобы быть общественно полезной и значимой, она должна содержать элементы общественного сознания, понимание социальной ответственности человека. В этом отношении моральная оценка не имеет ничего общего с оценкой, сделанной исходя из «собственной мозоли». Маркс пишет: «...Грубый, невоспитанный человек готов считать того или иного прохожего самой скверной и самой низкой тварью на земле только потому, что тот наступил ему на мозоль. Свои мозоли он делает мерилом оценки человеческих действий. Точку своего соприкосновения с прохожим он превращает в ту единственную точку, где самая сущность этого человека соприкасается с миром. Но ведь человек может наступать мне на мозоль, не переставая от этого быть честным, более того — превосходным человеком. *Подобно тому как вы не должны оценивать людей с точки зрения ваших мозолей, вы не должны смотреть на них глазами вашего частного интереса*» [26].

При социализме действует общая тенденция к объединению и сочетанию интересов общества, социальных групп, коллективов и личностей. Однако объединение и сочетание не происходит автоматически, а

---

[26] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 132 (курсив мой.— *В. В.*).

являются результатом продолжительного процесса развития социально-экономических отношений и воспитательной работы. В системе социалистических интересов решающую роль играет общенародный интерес, так как личные и групповые интересы могут осуществляться только на основе реализации общественных интересов. Поэтому верховный критерий социальной оценки при социализме — общенародный интерес, который научно выражается в политике коммунистической партии и социалистического государства.

Проблема «оценки поведения» занимает важное место в управлении коллективом. Она самым тесным образом связана со стилем и методами руководства, с формированием правильных отношений в коллективе, с подбором и воспитанием кадров. Поэтому в свете решений X съезда Болгарской коммунистической партии особое значение приобретают требования к правильной оценке деятельности каждого члена коллектива.

Эффективность оценки зависит от ее объективности. Всякая оценка должна основываться на объективно верном суждении о факте. Она предполагает объективный анализ работы отдельного человека и свойств его личности применительно к требованиям выполняемой им работы. Не следует забывать максимум, что неспособных людей нет, а есть только люди, занимающиеся не *своей* работой. Наряду с соответствием образования, квалификации данного рабочего или служащего выполняемой им работе следует оценивать личное отношение к деятельности, ее нравственные мотивы. К сожалению, очень часто наши оценки поверхностны, шаблонны, внешни по отношению к действительным мотивам личности. В них преобладает описание операционно-технической стороны деятельности, а не поведения, то есть политического, нравственного и иного отношения к людям.

Поскольку поведение включает в себя как необходимый момент отношение к обществу (классам), отношение к другим людям и воздействие на них, самый важный вопрос при оценке поведения — это вопрос о социально-классовой, моральной и идейно-политической позиции личности. На своем историческом Апрельском пленуме Болгарская коммунистическая партия осудила

практику необоснованных и произвольных политических квалификаций и оценок кадров, восстановила ленинские нормы и принципы партийной жизни. В своей работе по подбору, воспитанию и оценке деятельности кадров и всех коммунистов партия исходит из классового принципа, из анализа их политической зрелости, моральной устойчивости, принципиальности, преданности партии и народу, деловитости и компетентности в области, в которой они работают. Чтобы оценка была общественно значимой и действенной, чтобы она служила действительным «социальным ориентиром» индивидуального поведения, она должна всегда исходить из объективных и принципиальных классово-партийных и идейно-политических критериев.

В условиях научно-технической революции управление не только экономическими процессами, но и всеми другими общественными явлениями становится все более сложным и трудным. В этих условиях нельзя обеспечивать правильное руководство социальными процессами, повышать эффективность и научный уровень управления отдельными областями жизни и обществом в целом, если руководящая деятельность не опирается на новейшие достижения науки. При оценке деятельности руководящих кадров особое значение приобретает теперь вопрос о том, как они овладевают современными достижениями науки, и особенно кибернетики, математики и математического моделирования, как они применяют эти достижения, как используют сетевые графики, достижения экономических наук, социологии и социальной психологии. От руководителя требуется умение глубоко анализировать развитие социальных процессов, предвидеть тенденции их изменения, научно разрабатывать различные модели отдельных общественных процессов и выбирать (после экспериментальной проверки) оптимальный вариант, подлежащий внедрению и распространению.

Особое значение при оценке руководящих кадров приобретает вопрос о том, как они воюют против беспринципности, создания приятельских группировок и прощения ошибок и недостатков в работе. Главное в работе с кадрами — принципиальность, высокая взыскательность, постоянный контроль. Новые задачи, поставленные Программой партии, требуют усиления

партийного, государственного и общественного контроля, повышения взыскательности и ответственности каждого коммуниста и каждого трудящегося за свою работу.

Еще больше возрастает роль партийных, хозяйственных и общественных руководителей в работе по повышению коммунистической сознательности, созданию обстановки творчества и инициативы, усилению товарищества и взаимопомощи в коллективах, улучшению психологического климата на предприятиях.

Если раньше от руководителя требовалось главным образом умение организовать людей для решения уже поставленных «сверху» задач, если средства осуществления этих задач также были в значительной степени предопределены и обеспечены, то теперь картина значительно усложняется. Теперь от руководителя все больше требуется умение формулировать задачи и определять перспективы предприятия. Повышается его ответственность за развитие предприятия, за выбор средств, с помощью которых будут достигнуты хозяйственные результаты. И чем разумнее, компетентнее решения руководителя в этой области, тем непосредственнее они будут отражаться на результатах хозяйственной деятельности и на заработной плате. Все это объективно повышает взыскательность трудового коллектива к поведению и социальной ответственности руководителя. К нему предъявляется и ряд других дополнительных требований — современная научная и профессиональная квалификация, полностью соответствующая выполняемой в работе функции, самодисциплина, энергия, настойчивость, способность принимать быстрые и правильные управленческие решения, смелость, способность служить примером другим, быть принципиальным и т. д.

В промышленной практике психологи очень часто делали попытки перечислить и охарактеризовать качества хорошего руководителя. Ввиду сложности задач эти попытки оказались несовершенными, и никакая разработанная ими схема квалификации не является общезначимой. Обычно упор делается на способы поведения и на подходы, используемые руководителем в своей деятельности. В психологической литературе перечислены очень многие требования. Чаще всего подчерки-

ваются следующие: 1) открытое и беспристрастное поведение, высокая принципиальность; 2) активный подход к новым предложениям и идеям, особенно способность быть стойким *против* часто встречающейся рутины; 3) поддержание тесного контакта с подчиненными и коллективом, способность работать с людьми; 4) правильное распределение ответственности и развитие чувства ответственности у подчиненных; 5) точное определение задач, систематический контроль за деятельностью и результатами, минимальное количество отдельных распоряжений; 6) забота о профессиональном уровне подчиненных; 7) упор на планирование и организацию работы, на решение преимущественно перспективных проблем; 8) достаточная самоуверенность при работе, так чтобы не преобладала отрицательная оценка деятельности подчиненных и т. д. Эти и многие другие требования должны быть объектом правильной оценки, когда речь идет о поведении руководителя.

Наиболее частыми ошибками руководителей, нарушающими социально-психологический климат в коллективах, являются следующие: 1) руководители не предотвращают своевременно интриги среди подчиненных; 2) не признают полезности труда своих служащих; 3) не умеют относиться с уважением к своим сотрудникам; 4) не умеют пробудить чувство уверенности у людей; 5) не предоставляют простора для деловой работы; 6) не предоставляют простора личной инициативе.

Самым большим врагом правильной оценки является субъективизм. Оценка не должна быть выражением личных, плохих чувств, не должна исходить из «собственной мозоли», как подчеркивает Маркс. Поэтому нужно обеспечивать условия для того, чтобы каждая оценка была правильной и эта правильность контролировалась коллективом с участием партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. Необходим коллективный и общественный контроль как за оцениваемыми, так и за дающими оценки.

Нельзя допускать приписывания оцениваемому тех черт и недостатков, которые свойственны лицу, дающему оценку. Это может проявиться как в «украшении» несуществующими положительными качествами, так и

в злоупотреблении отрицательными оценками. Иногда слабые руководители или просто мелочные люди, чтобы избежать ответственности или оправдать свои собственные неудачи, приписывают все недостатки другим.

Одно из существенных проявлений субъективизма при оценивании людей состоит в том, что отдельные качества, которые сами по себе не являются решающими для облика данной личности, но импонируют оценивающему, выводятся на первый план и «окрашивают» общую картину. Например, некоторым руководителям особенно приятны послушание, раболепие, и вместо осуждения эти качества получают положительную оценку как усердие, исполнительность и т. д. Данный работник может быть очень трудолюбивым, весьма принципиальным, но так как с ним не работается «гладко», он получает неправильную оценку.

Иногда и отрицательные оценки являются результатом личных огорчений, обмена резкими словами, оставившими неприятные следы в сознании. Но человек, который нам как-то нагрубил, еще не обязательно плохой человек. Поэтому любое мнение, любую оценку единичного факта надо сопоставлять с общей цепью поведения. Тургенев сказал, что нет худшей формы клеветы, чем та, которая опирается на факты. Именно исходя из единичных, изолированных фактов клеветник может построить «убедительную» оценку, исказить действительный образ человека. Поэтому оценка не должна основываться на случайных, видимых чертах поведения. Ведь дружелюбие может быть ширмой для самых недружелюбных намерений, а усердие может быть прикрытием неспособности и отсутствия активности. Поэтому первые впечатления, как бы точно они ни «предупреждали» о некоторых особенностях человека, не должны быть единственной основой оценки.

Особенность нашего времени — наличие сложных характеров, духовно богатых личностей, которые трудно вместить в шаблонные и стереотипные оценки. Социальная психология характеризует сложность и значимость оценивания трудных, конфликтных личностей весьма «обескураживающим» законом: *чем труднее данный человек, тем больше его требование быть по-*

нятым. И чем меньше бывает понят человек, обладающий трудным характером, тем труднее он становится. Такие люди очень часто жалуются с глазу на глаз: «Никто меня не понимает». А руководитель, как известно, не работает со специально подобранными людьми; он на каждом шагу сталкивается со сложными ситуациями и характерами и обязан вникать в запутанные межличностные отношения. Это требует тонкого педагогического такта, умения и обязательно наличия чувства справедливости и человеколюбия.

Очень важно обладать умением «освобождаться» от предварительно сложившихся мнений и предубеждений об оцениваемом лице. Иногда проявляются преклонение и страх перед письменно документированными оценками. Человек исправил свои недостатки, на деле освободился от «темных пятен» в своей автобиографии, но при его оценке все еще тяготеют наслоения письменных документов — руководителю бывает неудобно открыто указать, что этот человек уже ликвидировал недостатки, о которых говорится в предыдущих характеристиках. Но ведь целью воспитания и самовоспитания является исправление личности, преодоление недостатков, непрерывное совершенствование человека! Почему же тогда мы боимся «удостоверить» происшедшие изменения, показать эффективность воспитательного воздействия, если оно действительно наличествует? Кроме того, положительная оценка, даже и с некоторым авансом, стимулирует личность, мобилизует ее внутренние усилия на большее совершенство. Известно, что Макаренко сжигал одежду беспризорных правонарушителей. Таким образом он символически сжигал прежние прегрешения, выражая свой педагогический оптимизм.

Вопрос об общественной гласности оценки надо решать конкретно в зависимости от характера личности и зрелости и традиции коллектива. Исключительно большой вред наносят необоснованные хвалебные оценки, утвердившиеся в некоторых наших коллективах в качестве средства «безболезненного» освобождения от работы. Всякая оценка должна быть «толчком» к более активной деятельности, а это требует того, чтобы она содержала целесообразные рекомендации, указания по дальнейшей работе человека, быть «программой

включения личности в общественную практику, в изменение условий, сообразованной с ее индивидуальными особенностями.

Критерий оценки должен всегда соответствовать прогрессивным общественным потребностям и интересам, нравственным требованиям. В хорошо организованном социалистическом коллективе оптимальность политических, трудовых, нравственных и т. п. требований — постоянна и всеохватывающа. «Ответственность каждого перед коллективом,— указывает Л. И. Брежнев,— и ответственность коллектива за каждого работника — вот неотъемлемая черта нашего образа жизни» [27].

Оценка извне должна перерастать в активную самооценку. Ее эффективность проявляется полностью тогда, когда она затрагивает внутренние, индивидуальные регулятивные механизмы личности — убеждения, чувства, волю, совесть и пр. Оценка, как и всякое общественное воздействие, изменяет поведение личности, изменив ее «внутреннюю модель» для явлений и людей, то есть изменив ее внутренние взгляды и убеждения. Поэтому социальная санкция должна обладать воспитательной функцией, воздействовать на мировоззрение и убеждения личности. Оценка извне должна побуждать к сознательной и самокритичной самооценке.

Самокритичность — необходимый компонент самовоспитания, один из источников развития личности. Стимул самовоспитания лежит в осознании противоречий, возникающих между общественными требованиями и реальным поведением личности. Оценка — это одно из социальных средств разрешения противоречий между реальным и должным поведением, дальнейшего подъема индивидуального поведения личности до уровня общественных требований, отраженных в моральных нормах и принципах.

«Высокая коммунистическая идейность, принципиальность при решении малых и больших вопросов, образцовое выполнение задач, моральная чистота, скромность, высокие культура и знания, инициатива, актив-

---

[27] Л. И. Брежнев. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, М., 1971, с. 80.

ность, чувство ответственности и самоотверженное служение народу — вот те качества, которые должны вырабатываться у каждого деятеля нашей воспитательной работы среди людей» [28]. Это, в сущности, и основные требования при оценке поведения каждого трудового коллектива, если мы желаем, чтобы оценка была действенным средством воспитания и самовоспитания, раскрытия и преодоления недостатков и недочетов, повышения социальной активности строителей развитого социалистического общества.

---

[28] Т. Живков. Отчетен доклад на ЦК на БКП пред Десетия конгрес на партията, с. 141—142.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Мораль и социальная психика — это своеобразные механизмы управления поведением. Наряду с правовыми нормами, законами, организационными уставами и правилами распорядка в обществе существуют моральные требования к людям, которые обеспечиваются не путем административного или экономического принуждения, а средствами духовного воздействия, осознанием долга и ответственности, путем оценки и самооценки поступков. Мораль осуществляет управление поведением посредством общих для данного коллектива (класса, общества) фундаментальных представлений о добре и зле, о правильном и неправильном, о достойном и недостойном, то есть посредством системы нравственных ценностей.

2. Различные нравственные принципы, нормы и оценки при своем практическом «употреблении» нераздельно связаны с социально-психическими явлениями, которые также активно и непосредственно воздействуют на поведение личности. Теперь никто не отрицает существования особых психических феноменов, которые присущи только социальной группе и человеку, находящемуся в общении с группой. Однако по вопросу о природе и характере этих феноменов, об их связи с моралью и другими формами общественного сознания нет единого мнения.

3. Чаще всего отождествляют социальную психику с обыденным сознанием. Ее рассматривают как самый нижний «этаж» общественного сознания, который вклю-

чает комплекс непосредственных впечатлений и представлений, полученных от воздействия социальной среды, то есть социальную психику считают обыденным сознанием классов. В этом смысле социальная психика есть синоним ограниченности, метафизического способа мышления, привязанности к устарелым взглядам, суевериям и предрассудкам. Не случайно, когда речь идет о таких пережитках и отрицательных явлениях при социализме, как тунеядство, потребительские настроения, частнособственнические и националистические предрассудки, многие авторы склонны их относить исключительно к такому «убежищу», как социальная психика.

4. Общественная психика — необходимый компонент всех форм общественного сознания и всех его образований, в том числе и обыденного сознания и теоретического сознания. Когда идеологию и социальную психику сопоставляют только по степени познания действительности и на этой основе относят последнюю к низшей, чувственно-эмоциональной степени общественного сознания, то критерий сравнения неудачен, так как не познание является специфической собственной функцией социальной психики. Разумеется, она содержит богатый спектр ощущений, восприятий, эмоций и чувств, мыслей и идей, но она не есть их механическая сумма, их первая, донаучная фаза или проявление: она — качественно новое явление. Социальная психика — это такое взаимодействие этих компонентов, в результате которого возникают специфические духовные образования — общественное настроение и мнение, подражание и психическое заражение, конформизм и авторитет и т. п. Она возникает как результат непосредственного взаимодействия между людьми в различных областях материального и духовного производства. Сильное влияние на характер социальной психики оказывает идеология в качестве систематизированного и теоретически обобщенного классового сознания. Но социальная психика более многообразна по содержанию и шире по объему, чем идеология. Она отличается от нее наличием разнородных элементов, более низким уровнем внутренней организации и согласованности, большей динамичностью и подвижностью составляющих ее элементов.

5. Предметом социально-психических исследований духовной жизни человека является не то, с помощью

каких процессов человек мыслит и познает мир, а содержание и закономерности воздействия, оказываемого общественной средой на сознание и поведение человека. Специфический аспект социальной психологии — это способность коллектива, человеческой среды оказывать усиливающее или ослабляющее влияние на различные чувства и действия людей.

Основа и источник всех социально-психических явлений — процесс общения, рассматриваемый как непосредственное взаимодействие между людьми и как взаимный обмен информацией в целях благоприятного протекания совместной деятельности по выполнению определенных задач.

6. Общественная психика — это отражение микросреды, то есть того специфического проявления общей социальной среды, с которым личность непосредственно взаимодействует в процессе своей практической деятельности. Однако, когда мы говорим, что социально-психические явления и состояния — результат непосредственного общения в микросреде (семья, школа, улица и т. п.), то это вовсе не означает, что мы недооцениваем определяющую роль макросреды в формировании целостного облика человека. Микросреда не является и не может быть определяющим фактором в формировании личности, но тут речь идет не о социальном формировании человека, а лишь о социально-психических явлениях, которые далеко не исчерпывают его социальную и нравственно-политическую сущность. Это также не означает, что социальная психика «независима» от макросреды, то есть от господствующей системы материальных и идеологических отношений в обществе. Напротив, характер микросреды, а следовательно, и особенности ее отражения в социальной психике зависят в конечном счете от общих социальных отношений. «...Личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимоотношение в качестве индивидов создало и ежедневно воспроизводит существующие отношения» (Маркс).

7. Если социальная психика затрагивает главным образом и прежде всего эффективно-внешний и чувственно-гнотический аспект общения (формы и характер контактов, активность взаимоотношений, восприятие и интерпретация информации, изменения в поведении

под влиянием взаимодействия между людьми), то мораль определяет содержательный ценностный и общественно должный потенциал общения.

В структуре моральной системы (нравственного сознания и нравственного поведения) находят специфическое выражение противоречивые связи между интересами отдельного человека и интересами группы, класса, общества. Как одна из важнейших форм общественного сознания мораль характеризуется как спецификой отражаемой стороны общественного бытия, так и спецификой самого отражения. Она является нормативно-оценочным отражением взаимосвязи между личными и общественными интересами людей. Во все периоды общественного развития основной функцией морали было регулирование индивидуального поведения людей в согласии с теми нормами и принципами, в которых выражены интересы определенных классов, групп или общества в целом.

8. Различные социально-психические образования могут усиливать нравственное поведение или же отклонять его от действительных нравственных ценностей. Не случайно достижения социальной психологии как науки используют по-разному — в ущерб человеку или для его блага. Достаточно указать на практику систематического психоманипулирования массовым сознанием в капиталистических странах посредством коммерческой рекламы или политической пропаганды. Реклама, например, используя умело законы массовой психики, внедряет в сознание народных масс капиталистических стран миф о равных возможностях для всех, насаждает культ денег, формирует «довольное сознание» и «ценности индивидуализма». Вообще различные социально-психологические явления могут функционировать относительно самостоятельно, не имея четко выраженного морального характера. Совесть есть проявление индивидуального нравственного сознания, но стыд как социально-психологический феномен может иметь различное содержание. Я могу стыдиться того, что плохо одет, что некрасив, но это не затрагивает моральную сферу.

9. Нравственные нормы суть своеобразные «контейнеры», которые сохраняют результаты обработки более широкой по объему и содержанию социальной инфор-

мации и при этом через призму определенных классовых интересов. Мораль в этом смысле есть более обобщенное, более глубокое социально-причинное отражение взаимосвязи между личными и общественными интересами, результат продолжительной исторической селекции социальных ценностей. Поэтому мораль является носителем информации о смысле жизни, о целях и предназначении человека, о его идеалах и борьбе. Мораль учит не только тому, как должен поступать человек, но и тому, каким он должен быть, как ему стать лучше. В отличие от социальной психики моральное сознание всегда содержит в себе портрет «лучшего Я». Нравственное воздействие в отличие от социально-психического направлено на вопросы: «Во имя чего живет человек?», «Какие цели он осуществляет?» и пр. Кроме того, оно распространяется на всех людей данной общности, и его «обязывающая» сила не зависит от профессиональных, демографических и других особенностей социальных групп.

10. Мораль и социальная психика социалистического общества имеют свои отличительные черты, которые проявляются как в их содержании, так и в способе возникновения, развития и функционирования. Их своеобразие определяется: а) своеобразием общественного бытия, глубокими изменениями в социально-классовой структуре и общественных отношениях; б) особенностями социального управления и развитием социалистического демократизма; в) характером всей системы воспитания, под воздействием которой организованно и целенаправленно формируются моральное сознание и психика народных масс. Благодаря этим факторам устанавливается специфическое взаимодействие между моралью и социальной психикой, при котором все большую роль в духовной регуляции поведения играют принципы, нормы и оценки коммунистической нравственности. С одной стороны, социальная психика получает новые общественные «эталоны», которые лежат в основе общественного мнения, психического заражения и т. п., а с другой — она является действенным механизмом воспроизведения нравственного опыта, перенесения его от общества (группы) к индивиду.

11. Так как главная функция морали всегда связана со взаимоотношениями между личными и общественными (классовыми) интересами, то основу все возрастающей роли нравственного регулирования в развитом социалистическом обществе надо искать прежде всего в качественных изменениях, происходящих в сфере интересов. Общенародный интерес выражает не только зависимость между индивидами и социальными группами, проистекающую из разделения труда (это существует и при капитализме), но и зависимость (это есть качественно новое) благосостояния и свободы каждого и всех от достигнутого уровня экономики и культуры.

Новые взаимоотношения между личными и общественными интересами изменяют содержательную сторону социальной психики в трудовых коллективах. Она развивает социальную активность людей, утверждает чувство общественного долга и ответственности, популяризирует хороший опыт, осуждает нарушения социалистической дисциплины и т. п. Общественное мнение «судит» о поступках через новые «образцы», в которых доминирует ведущая роль коллективных и общественных интересов.

12. Единство личных и общественных интересов и повышение социалистической сознательности обусловливают принципиально новое толкование нравственной стороны человеческой деятельности, изменяют содержание нравственного долга. Отдельный человек служит обществу, не подавляя свою собственную индивидуальную природу, а, напротив, утверждая свое истинное человеческое предназначение. «Многообразие индивидуального развития — необходимое условие социального прогресса», — говорится в отчетном докладе ЦК БКП X съезду партии. С другой стороны, нравственный долг переживается не как исполнение чужих интересов, а как собственное повеление, так как забота об общих интересах есть забота о личных интересах. Когда общество требует, чтобы человек был более активным, более организованным и дисциплинированным, добивался высоких производственных показателей, то это не есть «жертва» личного во имя абстрактного общественного блага. Все это соответствует и его личным интересам. Осознание этой новой взаимосвязи между личным и общественным приводит к постепенному превращению общественно полезной

деятельности, общественных требований во внутреннюю потребность, в мотив поведения. Мораль все больше опирается на социалистическую сознательность людей, на взаимную взыскательность, сотрудничество и взаимопомощь.

13. Формирование индивидуального нравственного сознания происходит не только под воздействием общественного сознания, но и под влиянием конкретной социальной микросреды. Если общественное моральное сознание вырабатывается под воздействием общественного бытия, если для него «несущественны» особенности развития отдельных индивидов, то индивидуальное моральное сознание в большой степени зависит от своеобразия жизненного пути человека. Важную роль в этом отношении играет социальная психика, которая создает особый духовный фильтр для восприятия нравственных ценностей. Если социальная психика оказывается средоточием отрицательных явлений, буржуазного влияния или же она становится носителем несоциалистических по своей природе мнений, оценок и эталонов («Все зависит от связей», «Заботься прежде всего о самом себе» и т. п.), то ее воздействие будет не проявлением социалистического общественного сознания, а отклонением от него, замедляющим и дисгармонирующим утверждение коммунистических нравственных норм. Социально-психический климат в малых социальных группах может активно воздействовать на реализицию нравственных норм или, наоборот, создавать «моральный вакуум», отклонять от правильного поведения.

14. Социально-психологическая теория референтной группы ставит в центре внимания процессы, посредством которых люди соотносят себя с группами и сообразуют свое поведение с ценностями данных групп. В данном случае группа дает некий критерий (нормативную ориентацию), с помощью которого индивид оценивает себя и других людей. Значимая для человека «первичная» группа приписывает ему свои ценности и формирует его ценностные ориентации, причем так, что он добровольно соглашается с ними, воспринимает их. Экспериментальные исследования показывают, например, что степень, в которой человек склонен к преступному поведению, сильно зависит от того, насколько он идентифицирует себя с реальными или воображаемыми лицами, с точки зрения

которых его преступное поведение считается нормальным и приемлемым.

15. Установка X съезда БКП о повышении воспитательного воздействия непосредственной социальной среды требует непрерывного совершенствования нравственных взаимоотношений между людьми в отдельных коллективах — производственных, учебных, научно-творческих и т. п., утверждения в них социалистического отношения к труду, коллективизма, товарищества и взаимопомощи, соблюдения норм социалистического общежития. Важная задача управления воспитательным процессом — учет характера и динамики нравственной регуляции в неразрывной связи с изменениями в социальной психике, формирование на этой основе в каждом коллективе такого социально-психического климата, который активно содействует нравственному воспитанию и самовоспитанию нового человека, утверждению норм коммунистической морали в повседневном поведении, превращению их в привычки.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Последние десятилетия в истории развития общественных наук в Советском Союзе, как и в других странах социалистического содружества, отмечены настойчивым поиском социально-психологического знания. Этот поиск продиктован насущными задачами коммунистического и социалистического строительства — и отнюдь не только в сугубо гуманитарной сфере. Проблемы экономики и политики оказываются тесно связанными с обширной совокупностью социально-психологических факторов, поскольку эффективность любой области целесообразной деятельности в конечном счете зависит от человека-деятеля и степени кооперации с другими участниками совместных действий. Действуя таким образом, человек творил и продолжает творить историю и самого себя, и эта закономерность особенно четко прослеживается в современную эпоху революционных преобразований общества и человеческой личности.

Г. В. Плеханов писал, что «для Маркса проблема истории в известном смысле была также *психологической проблемой*»[1]. История современности убедительно подтверждает справедливость этого суждения: условия социалистического бытия привели к невиданным ранее сдвигам в общественном сознании — сдвигам, которые аккумулировали в себе интегрированные способности и раскрывшиеся в совместном практическом действии таланты миллионов людей, принципиально новые интересы и волеизъявления, направили их разум и энергию на реализацию высших ценностей человечества. Вместе с тем эти сдвиги не есть нечто возникающее стихийно. Они так же, как и все остальное в человеческой истории, требуют внимания и осмысления, регулирования и поддержки тогда и там, когда и где это диктуется интересами общественного развития. Так, например, увеличение свободного времени и возможностей потребления культуры, бурный рост систем массовой информации и потребностей в общении, задачи воспитания нового человека и повышение его требований к себе и окружающим — все это лишь немногие из великого множества очевидных феноменов, где приложение социальной психологии к жизни человека в условиях развитого социалистического общества стало настоятельной необходимостью. Прикладная полезность социально-психологического знания в современных условиях ни у кого не вызывает сомнений, хотя в свое время они и высказывались вместе с сомнениями о праве этой отрасли психологии на существование.

Как показала история марксистской социальной психологии, ее развитие не ограничилось рамками проблематики, возникшей из отношений человека к человеку или одних групп людей к другим в процессах совместной деятельности. Дальнейший анализ показал, что многие актуальнейшие проблемы общественного развития, возникающие в связи с действием экономических и правовых, демографических и экологических, политических, моральных и идеологиче-

---

[1] Г. В. Плеханов. Избр. философ. произв., т. II, с. 170—171.

ских факторов на пути к своему решению, настоятельно требуют глубокой теоретической разработки обширного круга социально-психологических вопросов, так или иначе связанных с оптимизацией совместной деятельности значительных групп людей, с их поведением внутри и вне этих групп.

Исследователи, представляющие различные области знания, заняты выявлением закономерностей, согласно которым осуществляется влияние объективных факторов на процессы субъективного отражения действительности людьми, влияние на результаты этих процессов и характер получаемого в итоге совокупного психического продукта, каким является общественное сознание. Многофакторный анализ логически приводит исследователей к мысли о необходимости дальнейшего расчленения сложной, разветвленной и многогранной совокупности отраженного, теоретического проникновения в глубины человеческой психики. Такое расчленение осуществляется по законам исторического материализма, составляющего методологическую основу марксистской социальной психологии. Утверждение историческим материализмом различения форм общественного сознания и признание связей и взаимодействия между ними, как и между уровнями отражения — эмпирическим и теоретическим, — ориентирует современного социального психолога-марксиста на поиск достоверного знания о характере этих связей, о механизмах их осуществления в реальном общественном сознании, о способах целенаправленного влияния на их функционирование.

В решении обширного круга теоретических задач, вытекающих из стратегии коммунистического и социалистического строительства, активное участие принимают болгарские обществоведы. На современном этапе они руководствуются установками X съезда БКП о растущей роли непосредственной социальной сферы в формировании личности нового типа и о необходимости еще глубже изучать социально-психическое и нравственное воздействие среды на личность. В духе этих установок написана предложенная советскому читателю монографическая работа Васила Вичева «Мораль и социальная психика», являющаяся заметным событием в поступательном развитии марксистской философской и социально-психологической мысли.

В лице Васила Вичева социалистическая Болгария имеет одного из весьма плодотворно работающих социальных психологов-марксистов, исходящих в своем научном творчестве из основополагающей мысли о том, что психология в современных условиях выполняет идеологическую функцию и все больше служит классовым интересам. Данной своей работой Васил Вичев еще раз подтвердил плодотворность научного поиска, выполненного на основе междисциплинарного подхода и направленного на психологическое изучение сущности и специфических регуляторных функций морали, которая вместе с идеологией — но своими, присущими ей средствами — влияет на поведение и деятельность людей формулированием требований безличностного долженствования, подкрепляемых силой массового примера, обычаями, традициями, общественным мнением.

Активная классовая и партийная позиция автора, которая стала очевидной читателю после знакомства с первыми же страницами книги, закономерна. Она объясняется прежде всего особенностями формирования Васила Вичева как ученого и практического партийного работника одновременно, всю свою сознательную жизнь находившегося и продолжающего быть на переднем крае идеологической

борьбы. Он принадлежит к поколению исследователей, которое пришло в общественные науки в 50-х годах, то есть в период, когда в Болгарии широким фронтом развернулось социалистическое «строительство, потребовавшее теоретического решения бесчисленного множества практических вопросов, выдвигавшихся самой жизнью. Идеологическая функция психологии для этого поколения исследователей стала краеугольным камнем их научного творчества, наполненного сознанием гражданской ответственности и политической значимости. Вместе с другими болгарскими обществоведами Васил Вичев внес свой весомый вклад в арсенал достоверно познанного в марксистской социальной психологии, утверждавшей себя как классовая и политическая наука, как инструмент в борьбе пролетариата за достижение своих исторических целей и как средство в отстаивании определенных политических взглядов, концепций, институтов, которые помогают активно воздействовать на жизнь общества в интересах трудящегося большинства.

Утверждение социалистического способа производства и возникновение принципиально новых производственных отношений, происходившее в этот период в Болгарии, отнюдь не влекло за собой — так же как и в других странах, осуществлявших переход к новой общественно-экономической формации, — автоматических изменений в содержании общественного сознания, в реальном соотношении его различных форм и в социальной значимости каждой из них. Генетическая зависимость духовных представлений от своей первоосновы — общественного бытия и степени развития материальной жизни общества — бесспорна, и признание этой связи составляет альфу и омегу марксистского анализа проблем общественного сознания. Вместе с тем эта зависимость не исключает влияния на процессы становления и функционирования общественного сознания со стороны сложной совокупности ранее накопленного материала — философских, этических, эстетических и иных идей, владевших умами людей в течение веков. Столь же очевидно влияние на эти процессы коллективных чувств и проявлений воли, общественных настроений и мнений, усвоенных привычек и давних традиций, то есть образований, относящихся к отражению социальной действительности на эмпирическом уровне.

Следует учесть, что реальный процесс обновления общественного сознания осложняется отражением борьбы противоречивых тенденций, которая закономерно сопровождает изменения в общественном бытии. Старое сдает свои позиции новому, сопротивляясь, а новое неизбежно утверждает себя доказательством своей эффективности и жизнеспособности в изменившихся социальных условиях через отрицание отживших структурных элементов общественного сознания.

Этот процесс — с учетом специфики страны — закономерно повторился и в Болгарии. Здесь так же, как сначала в СССР, а потом и в других странах, избравших путь социалистического строительства, производство материальных благ и производственные отношения людей не сразу могли освободиться от способов и форм, утвердившихся в рамках предшествующей общественно-экономической формации. Точно так же и производство новых идей, появление новых представлений и форм мышления сдерживалось инерцией привычки, традициями соблюдения некоторых норм, истоки которых теряются в патриархальной старине. В этой связи одной из актуаль-

нейших задач обществоведов Болгарии на протяжении 50-х годов была разработка вопросов, связанных с оптимизацией путей обновления общественного сознания через активную борьбу с пережитками, которые находились в особенно вопиющем противоречии с тенденциями объективного исторического процесса. Это была борьба с нормами буржуазной и религиозной морали, с привычками эгоистического анархизма, порожденного анархией капиталистических отношений в экономике, с традициями недоверия и подозрительности к политической власти, которая до социалистической революции всегда представляла интересы лишь эксплуататорских классов.

Одновременно это была и борьба за то, чтобы наполнить новым содержанием некоторые старые традиции, которые, не выступая в качестве отрицания революционным преобразованиям бытия и сознания, тем не менее ассоциировались со старой властью или с ее идеологической деятельностью. Примером такого рода успешной трансформации старой традиции может служить превращение церковного праздника святых Кирилла и Мефодия в национальное торжество культуры — День славянской письменности. Аналогичным образом идеи традиционной дружбы русского и болгарского народов были освобождены от мифологической шелухи монархического содержания, от наслоений, преднамеренно созданных во имя династических интересов двух царствующих домов, ушедших с исторической арены отнюдь не по своей воле.

На протяжении 60-х и 70-х годов борьба *против* пережитков в общественном сознании дополнилась борьбой *за* внедрение новых норм морали, в которой была уже четко выраженная общественная необходимость регуляции поведения людей в условиях социалистических отношений, господствовали представления, соответствующие интересам рабочего класса и кооперированного крестьянства. Эта борьба требовала идейного обоснования процессов выработки представлений о том, как человек нового, социалистического общества должен жить и работать во взаимодействии с другими людьми, как ему подобает поступать в социально значимых ситуациях, какими должны быть усвоенные им ценности, в соответствии с которыми он может судить о моральном значении происходящего вокруг него.

Решение подобного рода задач облегчалось опытом, накопленным в ходе социалистического строительства в СССР и других странах социализма, где возникли принципиально новые совокупности жизненных принципов и нравственных норм, соответствующих идеалам научного социализма, вобравшим в себя основы общечеловеческой морали, которые были выработаны тысячелетиями борьбы за социальную эмансипацию угнетенных. Революционная мораль рабочего класса, возникшая и утвердившаяся в борьбе против буржуазной морали, противопоставила последней такие нравственные нормы, как коллективизм и дисциплина, классовая солидарность и интернационализм. Понятия нравственности, долга, ответственности, достоинства, совести в условиях развитого социализма наполнились большим гуманистическим содержанием, превратившись в действительные нормы моральных отношений. Были развиты понятия морального сознания в конкретных представлениях о добре и зле, о справедливости и несправедливости, — понятия, которые стали эталонами для оценок поведения людей нового, социалистического общества, для оценок политических, юридических и других действий индивидов и социальных групп в иных обществах. Этот опыт, как

известно, всегда опирался на факты реального сознания значительных масс людей, на результаты их отражательной деятельности — как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Этот опыт всегда сочетал в себе изучение феноменов психической деятельности людей в группах и в массе с практическим воздействием по внесению политического, идеологического и морального сознания в стихию чувств и стереотипов, конкретных социальных установок и привычек, достающихся людям в результате функционирования механизма «социальной наследственности».

Васил Вичев в какой-то мере персонифицировал в себе отмеченные тенденции. Свою активную научную работу он успешно сочетает с весьма важной практической деятельностью в качестве заместителя ответственного редактора главного теоретического органа ЦК Болгарской коммунистической партии — журнала «Ново време». Личное научное творчество Васила Вичева органично входит в работу руководимого им сектора социализации и воспитания личности в Центре по теории и управлению идеологическим процессом Академии общественных наук и социального управления при ЦК БКП. В списке трудов доктора философских наук Васила Вичева такие заметные публикации, как «Критика и мораль» (1972), «Я и другие. Поведение и ценностная ориентация личности» (1972), предлагаемая читателю в русском переводе «Мораль и социальная психика», опубликованная в Болгарии в 1974 году, «Коллективизм и индивидуальность» (1976), «Рациональное и эмоциональное в нравственном развитии личности» (1977).

Неудивительно, что работы Васила Вичева были замечены научной критикой в Болгарии, СССР и других социалистических странах и единодушно получили высокую оценку как за смелость в постановке проблем, представляющих большую актуальность для дела строительства социализма, так и за глубину, с которой эти проблемы освещаются. В рецензии на книгу «Мораль и социальная психика» советский журнал «Вопросы философии» (1975, № 8) с более чем достаточными основаниями писал: «Характерной чертой монографии является тесная связь анализируемых теоретических вопросов с актуальными проблемами современности, с социально-нравственными проблемами социалистического общества». Со столь же достаточными основаниями рецензенты отмечали, что содержащиеся в книге Васила Вичева размышления, выводы и рекомендации представляют несомненный практический интерес, поскольку трудно переоценить, например, значимость вопросов создания оптимального социально-психологического климата в коллективах в условиях производственной деятельности или генезиса нравственных оценок поведения членов коллектива в процессе их взаимодействия между собой.

Читатель обнаружил в книге Васила Вичева много несомненных достоинств, связанных со смелостью в постановке ряда неразработанных проблем, с логикой их изложения, с доказательностью выводов, вытекающих из тщательного анализа системообразующих факторов. Так, например, автор поставил перед собой весьма нелегкую задачу — осуществить социально-психологический анализ нравственного сознания, взяв за исходный пункт своего исследования убедительно доказанное им положение о том, что традиционная индивидуально-психологическая интерпретация нравственных отношений не может до конца объяснить специфику морального регули-

рования поведения и деятельности. Одновременно он предлагает свою собственную интерпретацию диалектики нравственных и социально-психологических образований в мотивации поведения человека, в сознательно-волевом выборе личностью возможных вариантов поведения во взаимодействии с другими людьми, в развитии способности ставить перед собой социально значимые цели и вырабатывать нормативно-нравственные оценки поступков, как своих собственных, так и других людей.

Советский читатель, бесспорно, согласится с выводом Васила Вичева о том, что в условиях развитого социалистического общества непрерывно возрастает роль коммунистической морали как духовного регулятора человеческого поведения. «В личностном плане,— пишет автор, — это означает выработку таких нравственных потребностей у каждого человека, которые непосредственно побуждали бы его действовать в духе моральных норм и идеалов. Ясно, что такое поведение не может стать следствием только усвоения нравственных понятий этических знаний, а что оно предполагает органическое включение моральных требований во внутреннюю мотивационную сферу личности» (с. 22—23).

Васил Вичев не ограничивается подобными выводами. На основе анализа он формулирует закономерности целесообразной организации социально-психических факторов для практической реализации моральных норм, выявляет конкретные механизмы включения этих норм в мотивационную структуру личности через их превращение в элемент эмоциональной культуры, в чувственный атрибут нравственного сознания. Глава «Чувства и поведение», составляющая важный раздел II части исследования, раскрывающей конкретику взаимодействия нравственных и социально-психологических образований, относится к числу лучших во всей работе. Автор не просто декларирует — он тщательно аргументирует положения о генезисе и способах удовлетворения моральных потребностей, которые суть не только интеллектуальный процесс, но и своеобразная эмоциональная направленность, субъективно-положительное переживание норм и оценок.

Важный, убедительно изложенный материал содержится и в главе, посвященной анализу действия тех факторов, которые на социально-психологическом уровне действуют совокупно, реализуя моральные нормы. Автор внимательно прослеживает историческую перспективу становления индивидуально-ценностного сознания человека, выявляет социально-психологическую сущность таких нравственных понятий, как стыд, совесть, честь, достоинство, раскрывает их роль и значимость в зависимости от ценностей господствующей идеологии.

Не менее интересна и авторская трактовка феномена общественного мнения как информационной связи содержания сознания с реализацией нравственной потребности человека в самоуважении в конкретных ситуациях. Автор показывает, сколь велики и как мало пока еще используются значительные резервы воздействия общественного мнения на поведение личности, как много можно сделать с помощью этого социально-психологического феномена в области совершенствования воспитательной работы в условиях развитого социалистического общества.

В книге Васила Вичева читатель, знакомый с историей развития социально-психологической мысли, несомненно, обнаружил четкое

отражение былых и порой бурных дискуссий о предмете, целях, границах и методах марксистской социальной психологии, — дискуссий, которые в свое время развернулись на страницах научных журналов социалистических стран. Как известно, эти споры о предмете и структуре социально-психологической теории велись до начала 60-х годов, когда было преодолено негативное отношение части исследователей к социальной психологии, возникшее как результат более ранних и неудачных попыток эклектического соединения фрейдизма с марксизмом или разработки социально-психологических теорий с чуждых марксизму методологических позиций вульгарно-механистического материализма, социального биологизма и т. д.

На протяжении последующего десятилетия эти споры сменились активным научным творчеством, непрерывно раздвигающим рамки знаний о предмете этой науки и обогащающим структуру ее теории. Исследование В. Вичева, проложившего еще одну борозду в целине непознанного, — лучшее тому доказательство. Но это, разумеется, не значит, что поиск уже закончен и что марксистская социальная психология не будет больше возвращаться к рассмотрению и уточнению своего предмета. Увеличение арсенала социально-психологических знаний, укрепление связей с практикой социалистического и коммунистического строительства закономерно потребует подробного возвращения, как это не раз случалось, например, с политической экономией по мере ее собственного развития и усложнения объекта ее исследования — реальных экономических отношений, появления новых задач, связей и опосредствований в ходе возникновения и развития новой человеческой цивилизации — коммунизма.

Разумеется, можно спорить с Василом Вичевым относительно того, что «социальная психология все еще находится на стадии дискуссий о том, является ли она самостоятельной наукой» (с. 11). Эти дискуссии уже давно закончились, и полемический задор их участников сменился усилиями, направленными на поиск достоверного знания о закономерностях возникновения определенных психических свойств и состояний, протекания процессов, которые характеризуют отдельную личность, социальную группу и общество в целом. Вряд ли сейчас можно считать дискуссионными и попытки отдельных западных авторов, справедливо критикующих буржуазные социально-психологические школы за их апологетичность по отношению к правящему классу или методологическую несостоятельность, рассматривать социальную психологию вообще как некую гибридную дисциплину. Столь же недискуссионны сейчас и требования отказать ей в праве на существование на основе софизмов вроде того, которыми некогда оперировал Джозеф Фурст в его известной книге «Невротик — его среда и внутренний мир». Неправомерность провозглашения «социальной» психологии абсурдом лишь потому, что индивидуальная человеческая психика социальна, убедительно доказывается самим Василом Вичевым, как и ранее это делалось его предшественниками по исследованию обширной проблематики, разрабатываемой в марксистской социальной психологии.

Можно спорить с автором — отнюдь не отрицая его право на самостоятельное терминологическое творчество — по поводу объема ряда понятий, которыми он оперирует в ходе изложения материала, и способа их обозначения. Это, в частности, касается и ключевого термина «социальная психика», которым Васил Вичев (как и некоторые советские авторы) обозначает чрезвычайно емкое понятие —

совокупный психический продукт, возникающий в ходе совместной актуальной и отражательной деятельности людей в группах и в массе, и которым автор характеризует природу и функции духовных явлений, являющихся объектом науки «социальная психология» (см. сноску 1 на стр. 8). Такие споры будут продолжаться и далее, свидетельствуя об углубленной работе социально-психологической мысли, о поисках наиболее адекватных способов обозначения весьма сложных явлений, процессов, состояний сознания.

Факт создания Василом Вичевым книги, во многом обобщающей опыт многолетней разработки социально-психологической проблематики, связанной с практическими задачами утверждения социалистической морали, примечателен во многих отношениях. Книга подводит определенный итог теоретическим исследованиям, осуществленным в этой области многочисленным отрядом ученых социалистических стран. Этот факт представляет собой еще одно убедительное свидетельство растущей и крепнущей интеграции творческих усилий единомышленников — обществоведов-марксистов.

Итогом подобной интеграции является непрерывное наращивание теоретического потенциала, столь необходимого для борьбы с многочисленными наукообразными потугами наших идеологических противников дискредитировать реальный социализм и оболгать его гуманистическую сущность, извратить логику объективного исторического процесса, подменив ее системой субъективистских, классово-эгоистических и уже поэтому аморальных оценок действительности. Книга Васила Вичева вооружает практических бойцов идеологического фронта новыми аргументами для доказательства несостоятельности апологетических концепций и теорий защиты буржуазной нравственности, рожденных в рамках экзистенциализма и деонтического интуитивизма и разрывающих единство мотивов и результатов человеческих поступков, абсолютизирующих факторы, которые детерминируют психическую деятельность людей.

Книга Васила Вичева — это наш общий успех на пути решения великого множества теоретических задач, выдвигаемых практическими нуждами утверждения идеалов коммунизма и противодействия тлетворному влиянию буржуазной мысли.

Ю. А. Шерковин

СОДЕРЖАНИЕ

Васил Вичев

МОРАЛЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХИКА

ИБ-3429

Редактор *О И. Попов*
Художественный редактор *А. Д. Суима*
Технический редактор *Г. В. Лазарева*
Корректор *А. П. Иванова*

Сдано в набор 05.07.77. Подписано в печать 23.11.77. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 18,9. Уч.-изд. л. 19,75. Тираж 16 000 экз. Заказ № 666 Цена 1 р. 50 к. Изд. № 25371

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119021, Зубовский бульвар, 21.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.

1р.50 к.

ВАСИЛ ВИЧЕВ • МОРАЛЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХИКА